

К982154

С.И.КОЧКУРКИНА

ДРЕВНЯЯ КОРЕЛА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

С. И. КОЧКУРКИНА

ДРЕВНЯЯ КОРЕЛА

Л Е Н И Н Г Р А Д

«НАУКА»

Ленинградское отделение

1982

В книге на надежной источниковедческой базе с использованием последних достижений гуманитарных и естественнонаучных дисциплин впервые освещаются важные вопросы истории племени и народности корела в период раннего средневековья.

Ответственный редактор

В. В. СЕДОВ

Светлана Ивановна Кочкурина

ДРЕВНЯЯ КОРЕЛА

Утверждено к печати
Институтом языка, литературы и истории
Карельского филиала Академии наук СССР

Редактор издательства В. Т. Бочевер

Художник Г. В. Смирнов

Технический редактор Р. А. Кондратьева

Корректоры Л. Б. Наместникова

и Е. В. Шестакова

ИБ № 20475

Сдано в набор 23.12.81. Подписано к печати 30.11.82. М-41239. Формат 70×90 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 18 1/2. Усл. печ. л. 15.79. Усл. кр.-отт. 16.38. Уч.-изд. л. 16.73. Тираж 1650. Изд. № 8080. Тип. зак. № 1048. Цена 2 р. 70 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука», 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

К 0503000000-578
042(02)-82 133-82, кн. 1

© Издательство «Наука», 1982 г.

ВВЕДЕНИЕ

Этническая история и материальная культура древнего населения Севера европейской части СССР, проживавшего на территории Карелии и смежных областей, представляются наименее изученными вопросами финно-угорской археологии. Несмотря на длительный интерес к различным аспектам истории северных народов, археологические материалы, служащие фундаментом исследования, пока немногочисленны; к тому же неравномерная изученность огромного региона обусловила различную степень объективности наших знаний.

Выбор региона исследования, включающего Северо-Западное Приладожье и Юго-Восточную Финляндию (район Миккельских озер), обусловлен наличием в нем археологических памятников корелы, хотя в действительности древние карелы, видимо, проживали на значительно большей территории.

В настоящей работе исследуется период становления и формирования корелы от племенного объединения до раннефеодальной народности, освещаются важнейшие стороны ее хозяйства и культуры, религиозные воззрения на базе археологических, этнографических, фольклорных и лингвистических источников. Для характеристики внешнеполитической и внутренней жизни корелы, для выяснения ее роли в исторических процессах Древней Руси используются сведения русских летописей и документов, скандинавских саг и берестяных грамот.

Комплексный подход к проблеме позволил заключить, что народность корела сформировалась в атмосфере новгородского влияния, политических, экономических, культурных и торговых контактов. Корела проявила себя как самостоятельная этническая общность, выработавшая присущие только ей специфические формы материально-духовной культуры.

В предлагаемом исследовании не все положения удалось достаточным образом аргументировать. По-прежнему спорным представляется вопрос о происхождении племен, объединенных этнонимом «корела», и причина этого — недостаточная обеспеченность материалами. В работе «Археологические памятники корелы» [53] автором была предпринята попытка собрать воедино все когда-либо исследованные древнекарельские памятники, но именно ранние этапы этногенеза корелы оказались менее освещенными. В наиболее выгодном положении находится период расцвета

древнекарельской культуры (XII—XV вв.), имеющий солидную археологическую базу, созданную советскими и финляндскими археологами. Значительным достижением советской археологии являются исследования древнекарельских городищ, базирующиеся на использовании методов естественнонаучных дисциплин.

Сопровождающие книгу приложения содержат результаты микроструктурного исследования кузнечных изделий, характеристику медных сплавов, видовой состав остеологического материала с памятников летописной короли — городищ Тиверск и Паасо. На наш взгляд, целесообразным представляется введение особого раздела, раскрывающего топонимическую ситуацию на территории расселения древнекарельской народности, которая свидетельствует о многоаспектности и многообразии этнических взаимовлияний.

Введение в научный оборот данных различных дисциплин, освещающих этническую историю и материальную культуру древнекарельской народности, стало возможным лишь благодаря помощи коллег из секторов фольклора и этнографии, археологии и лингвистики Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (далее — ИЯЛИ), а также Лаборатории спектрального анализа Института геологии Карельского филиала АН СССР, Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР.

В предлагаемый «Перечень названий археологических памятников Карельского перешейка по исследованиям конца XIX—начала XX в., населенных пунктов, подвергнутых топонимическому обследованию, и их современные названия» вошли только те пункты, наименования которых менялись.

Всем исследователям знакомы неувязки с археологической терминологией, увеличивающиеся при работе с иноязычной литературой. Учитывая эти факты и стремясь как-то облегчить создавшееся положение, в конце книги дается краткий финско-русский археологический словарь, составленный сотрудником ИЯЛИ Л. В. Блюдником. Словарь создан на основе археологической терминологии, используемой в финляндских научных работах, посвященных данной проблеме. Словарный состав, характерный для эпохи каменного века, затронут далеко не в полной мере. Для многозначимых слов приводится лишь их терминологический, используемый в археологии смысл.

Иллюстративный материал к обеим книгам выполнен художником ИЯЛИ В. А. Базегским.

Автор глубоко признателен сотрудникам сектора славяно-русской археологии Института археологии АН СССР Л. А. Голубевой и В. В. Седову, сотруднику сектора археологии Института истории АН ЭССР Э. Ю. Тыниссону за высказанные ими замечания и пожелания при обсуждении работы в целом.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЛЕМЕНИ КОРЕЛА

Древнее племя корела — один из этнических компонентов, на базе которых впоследствии сложилась современная карельская народность. Процесс этот был сложным и длительным, тесно связанным не только с финно-угорским, но и в значительной степени со славянским миром. В полной мере раскрыть его можно только совместными и согласованными усилиями антропологов, археологов, историков, лингвистов и этнографов.

Современная лингвистическая карта Карелии и смежных областей в общих чертах может быть охарактеризована следующим образом. Вепсский язык представлен тремя основными диалектами: прионежским, на котором говорит около 6000 человек западного побережья Онежского озера Карельской АССР (южнее г. Петрозаводска); средним, ареал которого охватывает северо-восток Ленинградской области (южнее р. Свири) и Бабаевский район Вологодской области; южным, употребляемым главным образом в Бокситогорском районе Ленинградской области. Развитие вепсского языка тесно связано с формированием карельского языка и его диалектов: собственно-карельского (распространен в северной и центральной частях Карелии, в Калининской области, меньшее — в Валдайском районе Новгородской и в Бокситогорском районе Ленинградской области) [59, § 10, 11]; ливвиковского (восточное побережье Ладожского озера и Олонецкий перешеек); людиковского (сосредоточен на узкой полосе в Западном Прионежье). В пределах республики, согласно последней переписи, носителей карельского языка насчитывается свыше 80 000 человек.

Особенно тесно связан по своему происхождению с карельским и восточными диалектами финского языка ижорский язык. Все они (и ижорские, и восточнофинские диалекты — эуряймейсский и савокоский) происходят от общего языка-основы — так называемого древнекарельского языка [58, с. 159].

По мнению лингвистов, карельские диалекты возникли в результате сложных этнических процессов у населения Карельского и Олонецкого перешейков в начале II тыс. н. э., что нашло отражение в археологических материалах. Так, комплексное исследование погребальных памятников, представленных курганами X—XIII вв. в Юго-Восточном Приладожье и южной части Карельской АССР, позволило сделать убедительный вывод об этнической принадлежности их предкам карел-ливвиков, людиков и

вепсов. Большая работа в этом направлении проделана лингвистами и этнографами [49, с. 63—67]. Не все положения в равной степени фундаментально обоснованы, однако мнение, что главными этническими образованиями, участвовавшими в многоступенчатых и многозначных этнических процессах, выступали корела и весь, считается доказанным.

Современный людиковский диалект, как утверждает большинство советских и финляндских финноугроведов, имеет вепсскую основу. По представлению одних, вепсские элементы преобладают; по мнению других, людиковские говоры являются результатом равномерного сплава вепсских и карельских черт [8, с. 89].

Происхождение ливвиковских говоров, сочетающих в себе элементы карельского и вепсского языков, представляется наиболее спорным. По современным лингвистическим теориям, ливвиковский диалект возник в результате взаимодействия вепсской и карельской речи, причем последняя проявила наиболее активно. Таким образом, наличие вепсского субстрата в южнокарельских диалектах свидетельствует о том, что первым населением Олонецкого перешейка были предки вепсов, а процесс формирования диалектов тесным образом связан с древними этническими образованиями — корелой и весью, участие которых было далеко не равноценным [8, с. 95], — и постоянно усиливающимся древнерусским влиянием. Проникновение древних карел на Олонецкий перешеек фиксируется археологическими материалами лишь с X в., различия же между погребальными памятниками Олонецкого перешейка (с одной стороны, курганы видлицкого типа, с другой — типичные для Юго-Восточного Приладожья насыпи) начинают проявляться с XI в.

Этнические контакты корелы и вези прослежены не только на Олонецком перешейке. Лингвисты допускают мысль, что отдельные поселения вези были и в Северо-Западном Приладожье, как об этом свидетельствуют многочисленные топонимы на «весь», встречающиеся в писцовой книге Водской пятини, что можно расценивать либо как инфильтрацию древневепсского компонента в карельскую среду, либо как наличие вепсского субстрата на территории летописной корелы [84, с. 35—38].

Дальнейшее продвижение вези в глубь земель по рр. Шуе и Суне, установленное лингвистическими изысканиями, нашло подтверждение и в археологических материалах. Исследование раннесредневековых селищ в этих районах дает некоторые основания для предположения, что они оставлены населением, тесно связанным общностью материальной культуры с обитателями южной части Олонецкого перешейка и Юго-Восточного Приладожья [47, с. 136—157].

Весьма плодотворными исследованиями в области этнографического анализа вепсско-карельских связей удалось выявить до 20 культурных соответствий в курганной культуре X—XIII вв. и материально-духовной сфере позднейшей вепсской народности [83, с. 33]. Огромная работа, проведенная в 1955—1962 гг. по изучению народного жилища вепсов, ливвиков, людиков и соседнего русского населения, учет этнически значимых характеристик раскрыли сложную картину в процессе взаимовлияний и контактов, но в целом подтвердили гипотезу об участии вепсов в этногенезе южных карел [85, с. 126—136].

На протяжении длительного исторического отрезка времени корела прошла сложный путь развития, вступая в контакты с весью, лопарями (саамами) и, конечно, древнерусским населением, что нашло отражение в языке, топонимии (рис. 1), материальной и духовной культуре. Процесс этнической консолидации не означал культурной однородности, напротив, расширение территории способствовало культурно-локальной дифференциации.

Вопрос о карельско-саамских связях находится еще в стадии разработки. В свете лингвистических данных и исторических свидетельств существенная роль предков саамов в формировании и развитии древнего населения, с одной стороны, и влияние культуры корелы на саамскую [32, с. 149] — с другой, кажутся бесспорными. К сожалению, слабая изученность средневековых памятников Средней и Северной Карелии не позволяет поставить изучение этнической истории саамов на твердый источниковедческий фундамент. Совершенно очевидно, что пробелы в этой области препятствуют прояснению этнических процессов в целом. Особенно трудно из-за скудности источников воссоздать самую раннюю стадию этногенеза карел. И все же работами ряда исследователей, как отечественных, так и зарубежных, происхождение и ранний этап истории народа постепенно проясняются.

Несмотря на различие точек зрения о происхождении племен, объединенных этнонимом «корела», представителями гуманитарных наук проделана обстоятельная и кропотливая работа. Отклонены и являются собой библиографический интерес теории лингвистов и историков XIX в., согласно которым карелы первоначально обитали в районе Белого моря, в сказочной Биармии.¹

В начале XIX в. под влиянием буржуазного национализма в финляндской литературе получают распространение теории западнофинского происхождения карел, по которым древние карелы — прямые потомки западнофинского племени емь, обитавшего на Карельском перешейке в I тыс. н. э. Под сомнение брались этническая самостоятельность, язык народа и карельское происхождение эпоса «Калевала». Формированию подобных взглядов, оправдавшихся в основном на неубедительные лингвистические данные и сомнительные исторические построения, в какой-то степени способствовали археологические материалы I тыс., найденные на Карельском перешейке и считавшиеся западнофинскими по происхождению.

В последующие десятилетия исследователи, неудовлетворенные такими выводами, главное внимание стали уделять археологическим данным. Известные археологи А. М. Тальгрен, А. Европеус и К. А. Нордман считали мнение о переселении карельских племен с запада на восток необоснованным. Так, Нордман полагал, что карелы, как и их культура, сфор-

¹ Живучесть этой точки зрения объясняется недостатком фактического материала. В. Егоров, повторяя мнение В. П. Крохина, утверждал: «Карелы составляли некогда большую часть Биармийского государства, которое в течение X в. пережило кризис, ослабело и распалось. Значительная часть населения Биармии продвинулась к западу от Северной Двины и Белого моря, к Онежскому и Ладожскому озерам, к Финскому заливу» [27, с. 73].

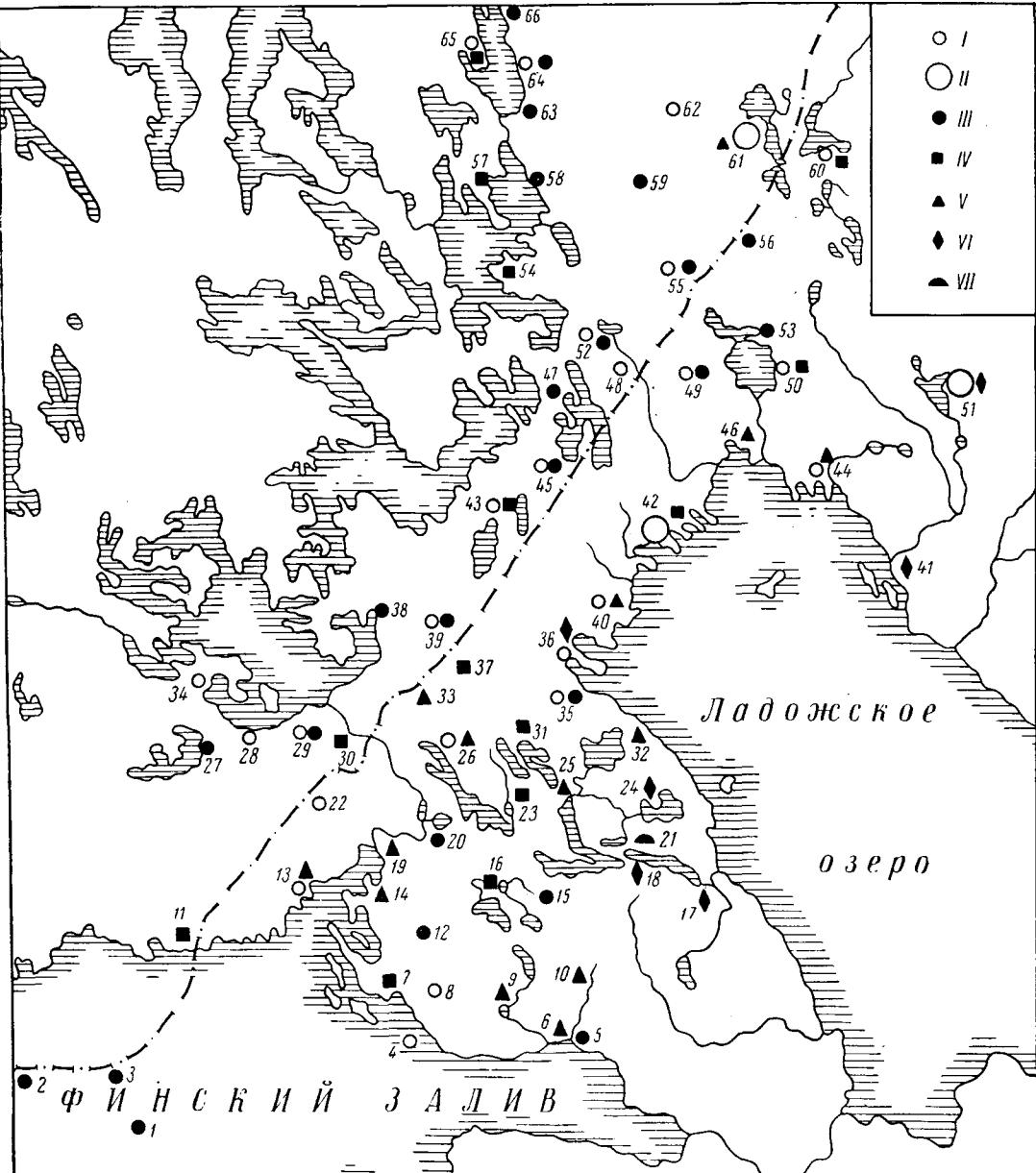

Рис. 1. Ареал саамских и славянских топонимов (по В. Ниссиля).

I, II — саамские (I — 1—2 топонима; II — 5—7); III—VII — славянские (III — 1—2 топонима; IV — 3—5; V — 6—10; VI — 12—14; VII — 28 топонимов). 1 — Тютярсари; 2 — Сурсари; 3 — Лавансари; 4 — Сейскари; 5 — Каннельярви; 6 — Терийоки; 7 — Койисто; 8 — Куолемаярви; 9 — Усикиркко; 10 — Кивеннала; 11 — Виролахти; 12 — Яуряя; 13 — Сиккилярви; 14 — Йоханнес; 15 — Валкеяярви; 16 — Муола; 17 — Метсапирти; 18 — Рауту; 19 — Выборг; 20 — Хейнъюки; 21 — Саккола; 22 — Вахиала; 23 — Вуоксранта; 24 — Пюхяярви; 25 — Рийяля; 26 — Антреа; 27 — Леми; 28 — Лаппенранта; 29 — Лумики; 30 — Нуийяма; 31 — Каукола; 32 — Кякисалми; 33 — Яаски; 34 — Савитайпале; 35 — Хийтола; 36 — Куркийоки; 37 — Кирву; 38 — Руоколахти; 39 — Раутяярви; 40 — Лумивара; 41 — Салми; 42 — Яаккима; 43 — Париккала; 44 — Импилахти; 45 — Укунизми; 46 — Сортавала; 47 — Кесялахти; 48 — Томхаларви; 49 — Рускеала; 50 — Суйстамо; 51 — Суодври; 52 — Китс; 53 — Соанлахти; 54 — Рянкияля; 55 — Пялкяярви; 56 — Вяртисиля; 57 — Липери; 58 — Кийхтолосвара; 59 — Туповара; 60 — Корписелькия; 61 — Иломанти; 62 — Эно; 63 — Контилахти; 64 — Пиэлисъярви; 65 — Юукка; 66 — Нурмес.

мировались в результате смешения восточных и западных элементов, хотя и не смог указать, какие же из них преобладали. Уже в I тыс. н. э., утверждал исследователь, культура населения Карельского перешейка отличалась от западнофинской. Он отверг бытующее среди финляндских исследователей представление, будто походы викингов явились причиной подъема и расцвета карельской культуры, и убедительно показал, что прекращение этих походов способствовало подъему Карельской земли в XII—XIV вв. Влияние Новгорода на карел Нордман справедливо считал прогрессивным, в то время как появление пиведов на Карельском перешейке и сооружение Выборга расценивал как смертельный удар для местного населения [196, с. 182—196].

Гипотеза о заселении Карельского перешейка с востока² сформулирована в 30-е гг. крупнейшим советским археологом В. И. Равдоникасом на большом материале, добытом им при раскопках курганов Олонецкого перешейка по рр. Видлице, Олонке, Тулоксе. Исследователь придерживался традиционной точки зрения о карелах как довольно позднем этническом образовании. Поскольку материальная культура Карельского перешейка в IX—XI вв. близка таковой Центральной и Западной Финляндии, то, на его взгляд, эти территории имели одно и то же население — емь. Равдоникас полагал, что корела до конца XI в. жила в Восточном Приладожье и далее к северу и северо-востоку от него, а затем в конце XI—XII в. заселила Северо-Западное Приладожье, где ей пришлось столкнуться с емью и какое-то время сосуществовать с нею [89; 90, с. 6—7, 25; 91, с. 11].

Памятники Олонецкого перешейка, несмотря на значительное сходство их с памятниками Юго-Восточного Приладожья, принадлежавшими летописной вesi, имеют своеобразные черты, которые позволили В. И. Равдоникасу выделить их в особый, так называемый видлицкий тип и рассматривать как промежуточное звено от приладожских курганов к грунтовым могильникам Карельского перешейка, т. е. к памятникам летописной корелы. В курганах Олонецкого перешейка и в древнекарельских могильниках употреблялись срубы, в которых умерших хоронили по обряду трупоположения. В тех и других погребальных сооружениях прослеживались зольно-углистые прослойки, остатки шкур животных и слои бересты. Но, как выяснилось, различия между ними все же настолько существенны (в ориентировке погребенных, в комплексах вещей и т. д.), что не позволяют согласиться с предположением Равдоникаса. Олонецко-видлицкие курганы не являются промежуточным звеном к более поздним грунтовым могильникам Карельского перешейка, а население, оставившее их, не могло в XI—XII вв. принимать участие в формировании корелы [50, с. 303—305]. Но сказанное вовсе не отрицает наличия древних корело-весских контактов, выразившихся в иных, чем предполагал Равдоникас, формах.

Финляндский археолог Э. Кивикоски, известный специалист по раннему средневековью Финляндии и Северо-Западного Приладожья, много внимания уделявшая систематизации и публикации древностей корелы,

² О заселении Карельского перешейка с юго-восточных территорий говорил в своих работах А. М. Тальгрен.

в ранней своей работе [166] высказала ошибочное предположение о западнофинском происхождении карельской культуры, от которого впоследствии отказалась.

Археологический материал I тыс. н. э., на котором строились различные теории происхождения древнекарельской культуры, довольно скучен, поскольку раскопки поселений этой поры не производились. Но и при наличии некоторых западнофинских памятников в Северо-Западном Приладожье археологический материал в целом не дает оснований для вывода о передвижении населения из Западной Финляндии на восточные территории. Кроме того, использование только археологических источников при освещении этнических процессов безусловно сужало исследовательские возможности. Ощущалась необходимость более глубокого, комплексного исследования проблемы этногенеза древних карел.

В предвоенные и первые послевоенные годы крупнейшим финноугроведом Д. В. Бубрихом разработана концепция происхождения и этнического развития карельского народа в XII—XVII вв., базирующаяся на огромном лингвистическом материале, собранном на территории расселения карел [13, 15]. По мнению исследователя, до возникновения Древнерусского государства Карельский перешеек был слабо заселен, здесь кочевали редкие саамские родо-племенные группы. Но с образованием государства на данной территории начала формироваться корела, находившаяся в тесной связи с Русью. На вопрос, откуда она появилась, Бубрих не смог дать исчерпывающего ответа. По его предположению, часть населения пришла из земель еми, часть — из мест, близких к Чудскому озеру и Новгороду.³ Допускается участие в сложении корелы древней веси.

Итак, по мнению Д. В. Бубриха, корела сформировалась на Карельском перешейке, но различные пришедшие извне этнические компоненты видоизменили ее — в IX в. она называлась «кириала» и, видимо, ее первоначальный этнический состав был иным.⁴

В последние годы в отечественной и зарубежной литературе древних карел рассматривают как качественно новое формирование, возникшее на базе местного, западнофинского и пришедшего из Юго-Восточного Приладожья населения. Расхождения наблюдаются в оценке доминирующего влияния того или иного компонента. Одни полагают, что на формирование корелы оказали воздействие в первую очередь Западная Финляндия,

³ В данном случае Д. В. Бубрих ссылался на близость речи корелы к северорусской, что выразилось, по его мнению, в усвоении северорусского цоканья. В настоящее время существует иное мнение относительно цоканья, чоканья и других вариантов неразличения аффрикат в состоянии фонологической системы древних окраинных говоров восточных славян. Подобное неразличение аффрикат, согласно Л. Н. Макаровой, в русских говорах появилось в результате контактирования с тем или иным финно-угорским говором [65, с. 98].

⁴ Ссылка Д. В. Бубриха на сагу IX в. об Эгиле, в которой упоминается древнее название корелы, спорна. В саге рассказывается, что во время поездки в 874 г. в Лапландию норвежец Торольф оказал помочь королю народа кайнула, воевавшему с разбойничими племенами кириала. На этом основании делается вывод, что уже в начале периода викингов карелы жили в приладожских районах и совершили походы в земли Похья, где конфликтовали с местным населением и норвежцами. Однако можно считать доказанным, что сага датируется XIII в., а события, изложенные в ней, — XI—XII вв. [133, с. 1—12].

Готланд и Новгород [171, с. 260—261]; другие признают тесную связь населения Карельского перешейка и Юго-Восточного Приладожья [161, с. 31—35]. Так, по мнению Х. Киркинена, взятые в совокупности археологические, лингвистические и исторические данные не позволяют считать корелу емского происхождения. Он полагает, что ориентация в политической обстановке у корелы и еми была настолько различной, что трудно предположить их единое происхождение. В письменных источниках корела выступает против еми и шведов на стороне Новгорода. Если бы древние карелы, продолжает Киркинен, появились в результате экспансии еми, то при наличии родственных связей жители Хяме были бы естественными союзниками, а Новгород — противником. В действительности же все происходило иначе.

Основное ядро населения составляли выходцы из Юго-Восточного Приладожья. В преобладающем восточном влиянии и растворился западный колонизационный элемент. Отдельные поселения в Северо-Западном Приладожье, считает Х. Киркинен, могли существовать уже в VII в., когда этот район посещали пришельцы с запада. Однако вплоть до IX в. постоянные поселения были довольно редки. Племя корела формируется одновременно с новгородским государством в результате смешения чудских, западнофинских, вепсских, а может быть, и варяжских компонентов [161, с. 31, 35].

Нетрудно заметить — все рассмотренные гипотезы сходятся в том, что корела сформировалась на Карельском перешейке из различных этнических компонентов только в XI—XII вв. В последнее время традиционное положение начинает пересматриваться. Г. А. Панкрушев, проанализировав материальную культуру Карелии и Финляндии на отрезке времени в 11 тыс. лет, сделал вывод о возникновении корелы на базе племен, издревле обитавших на юге Карелии и юго-востоке Финляндии [81, с. 148—159]. Но и эта интересная мысль об автохтонном происхождении корелы, высказывавшаяся ранее и другими исследователями, остается предположением, так как пока не удалось проследить непрерывную линию развития, генетическую преемственность материальной культуры от каменного века до бесспорных древностей корелы XII—XIV вв. Этому мешает недостаточная изученность памятников каменного, бронзового, железного веков и I тыс. н. э. на Карельском перешейке. Отсутствуют обобщающие работы, дающие целостную картину всех этапов жизни населения. Для успешного решения проблемы этногенеза крайне необходимы археологические поиски и раскопки памятников различных эпох и выявление связующих звеньев между ними.

Серьезные аргументы в пользу более раннего формирования общности корела выявляются при анализе исторических, археологических, фольклорных и лингвистических данных. Формирование общности — сложный и длительный процесс. Уже в XII в. корела выступает как самостоятельная этническая общность в истории Северной Руси. У нее оригинальная, ярко выраженная материальная культура, богатейшая фольклорно-эпическая традиция. Советскими учеными доказано, что значительная часть рун создана в период первобытнообщинного строя, поэтому можно предположить, что формирование племенного объединения корела проходило

в первой половине I тыс. н. э. [28, с. 37; 123, с. 44]. Другим доказательством служит тот факт, что на рубеже I—II тыс. племя ижора отделилось от корелы [58, с. 8—10]. Это могло произойти только в том случае, если последняя представляла собой уже сформировавшееся племенное объединение. Близость фольклорных традиций, верований, антропологического типа⁵ свидетельствует о большой древности этнической общности корела.

Важным этническим признаком племени и народности является язык, и естественно, что для освещения этногенеза данные лингвистики играют большую роль. Карельский язык, как и родственные ему финский, эстонский, ливский, вепсский, водский и ижорский, входит в прибалтийско-финскую группу финно-угорской языковой семьи, включающую, кроме того, поволжские, пермские и угорские языки. Общность древнего словарного фонда и грамматического строя названных языковых групп позволяет предполагать существование в далеком прошлом единого финно-угорского языка-основы, распространенного на территории Восточной Европы, и в частности среднего течения Волги.⁶

История финно-угорских народов прослеживается на протяжении почти четырех тысячелетий. Согласно лингвистическим, археологическим и антропологическим данным, уже в III—II тыс. до н. э. значительную часть населения лесной полосы европейской части СССР составляли финно-угры [3, с. 11]. С начала III тыс. до н. э. на территорию Карелии усилился приток переселенцев финно-угорского происхождения с верховьев Волги и Волго-Окского междуречья. Здесь они вступали в контакты с местными, видимо протосаамскими, охотниче-рыболовческими племенами. Процессы взаимодействия способствовали ассимиляции аборигенного населения, усвоению им языка верхневолжских финно-угров. В свою очередь пришельцы испытали сильное влияние местной, приспособленной к данным природным условиям культуры [3, с. 11—12; 81]. Расселение финно-угров на обширных территориях при отсутствии постоянных контактов приводило к углублению различий между племенными диалектами и к формированию новых языков.

Предки современных прибалтийско-финских народов, отделившись от волжско-финской группы, поселились на побережье Балтийского моря. Из их диалекта финно-угорского языка-основы в условиях взаимовлияний, заимствований и контактов с разноэтническими племенами сформировались прибалтийско-финские языки. По мнению одних специалистов, это произошло в I тыс. до н. э., по мнению других — в III тыс. [59, с. 6—11].

Во II тыс. до н. э. прибалтийско-финские племена соприкасаются с балтским (балтийским) населением — предками латышей и литовцев. С их влиянием связаны некоторые слова, относящиеся к скотоводству, земледелию, общественному строю и т. д., а также, вероятно, изменения в материальной культуре и антропологическом типе прибалтийских фин-

⁵ По антропологическим данным, корелы, как и прибалтийские финны, — европеоидные народы. Монголоидная примесь составляет ничтожный процент [2, с. 132—133].

⁶ Однако вопрос об ареале финно-угорского языка-основы, равным образом, как и другой, когда и откуда прибыли предки финно-угров на свою прародину, остается открытым [79, с. 21].

нов. Германские заимствования в языковом материале и археологических находках датируются I тыс. до н. э. Сравнительно рано, к концу I тыс. до н. э., в материальной культуре прибалтийско-финских племен появляются заметные различия, указывающие, по мнению лингвистов, на обособление отдельных племен, в том числе древнекарельского племени и его языка [3, с. 15, 21—22].

Несмотря на то что некоторые известные положения о происхождении прибалтийско-финских народов, равно как и о взаимоотношениях прибалтийских финнов с балтами, в настоящее время пересматриваются, для нашего исследования несомненно одно — говорить о кореле как позднем этническом образовании вряд ли правомерно. Между тем археологический материал не дает однозначного решения проблемы, поэтому необходимо тщательное сопоставление материальной культуры I тыс. н. э. и древностей корелы XII—XV вв. в ретроспективном плане, цель которого заключается в выявлении генетической преемственности памятников двух хронологических этапов и как следствие этого — этнического единства населения.

ПЛЕМЕННАЯ ОБЩНОСТЬ КОРЕЛА В I—начале II тыс.

Анализ памятников I—начала II тыс. н. э. имеет важное значение при выяснении этнической истории населения Северо-Западного Приладожья и Юго-Восточной Финляндии (область Саво). Памятники XII—XV вв., приписываемые летописной кореле, согласно традиционно сложившемуся мнению, настолько отличны по комплексу археологических признаков от древностей I тыс., что в научной среде созрело убеждение, будто материальная культура этого района, как и само население, в основном западнофинского происхождения.

В круг рассматриваемых памятников привлекаются 18 могил и мольников, в которых умершие погребены по обряду трупосожжения, семь кладов и отдельных находок монет, 52 местонахождения подъемного материала, предметы X—XI вв., извлеченные из предшествовавших Тиверску и городищу Паасо слоев [53, рис. 3]. Древности начала новой эры на северо-западных берегах Ладожского озера исследованы далеко не полностью. Упоминания о некоторых раскопках и находках рассыпаны в различных изданиях XIX—начала XX в. в довольно сжатой и скучной форме, с минимальным количеством иллюстративного материала. Однако даже случайные, найденные на большом расстоянии друг от друга находки крайне важны для освещения ряда поставленных в данном исследовании вопросов.

Самыми ранними вещами на рассматриваемой территории были каменные кресала круглой, овальной, иногда квадратной формы, датирующиеся 200—700 гг. [196, с. 94; 171, с. 136].¹ Для их изготовления использовались природные материалы: кварц, кварцит, песчаник и некоторые виды сланца. Найдены кресала в Северо-Западном Приладожье (7 экз.): Метсяпиртти, Вуоксела, район Выборга, Сяккиярви (2 экз.), Рийсяля, около г. Сортавала (№ 19, 27, 28, 30, 32, 58),² а также на Ижорском плато. В Саво

¹ В 1903 г. в Саво, в 5 км западнее г. Савонлинна, в Сяминки, как будто бы найдена римская монета начала новой эры [149, С. 98]. Однако позднее А. Хакман высказал сомнение в достоверности этой находки [150, р. 47]. В каталоге вещей, опубликованных Э. Кивикоски, она присутствует [174, С. 23].

² Здесь и далее после географического наименования в скобках приводится номер памятника по каталогу [53].

места находок каменных огнив столь же редки, как и на северо-западных берегах Ладоги. Примечательно, что эти предметы обычно не связаны с археологическими комплексами, что, естественно, не способствует уточнению их датировки.

Несколько десятилетиями ранее о каменных огнивах много писали, пытаясь очертить район их наибольшего распространения, дать хронологическую характеристику. Согласно исследованиям Х. А. Моры, древнейшие, известные к 1938 г. экземпляры, датирующиеся поздним латеном и ранним римским временем, встречены в зоне устья р. Вислы, откуда, вероятно, они попали в восточнобалтийские земли и в Россию, а с другой стороны — в Скандинавские страны и далее на Британские острова до Шотландии [188, S. 570—571].³ В обширной группе обнаруженных в Финляндии кресал (около 400) невозможно выделить местные особенности. Видимо, права Э. Кивикоски, считая, что каменные огнива, являясь собственностью кочевавших охотников, либо потеряны, либо намеренно оставлены как жертвы богам в качестве залога удачной охоты. Ареал их, по Кивикоски, свидетельствует о значительной доле лесной охоты в хозяйстве населения раннего железного века [167, s. 28; 171, s. 137].

Приведенные выкладки о распространении и датировке каменных огнив, на наш взгляд, позволяют сделать два вывода: во-первых, изделия, обнаруженные на берегах Ладожского озера, невозможно датировать каким-то ограниченным промежутком времени; во-вторых, появление их на древнекарельской территории нельзя связывать с памятниками Западной и Центральной Финляндии, как это делал К. А. Нордман [196, s. 94]. Не следует забывать, что каменные кресала сделаны из широко распространенных в природе материалов, форма их примитивна, какие-либо особые технические приемы в их изготовлении отсутствуют. Короче говоря, возникновение этого типа кресал в одной строго ограниченной области в данном конкретном случае ниоткуда не следует — они могли появиться независимо друг от друга в различных частях Северной Европы.

Связи с Прибалтикой, в частности с Эстонией, прослеживаются по находке втульчатого железного топора с узким воротничком (№ 32; рис. 2, 1). У. Сало отнес его к началу новой эры [208, S. 89]. Этим же временем датируются аналогичные экземпляры из Эстонии [188, S. 508; 124, с. 160; 126, с. 194]. В Финляндии в кладе Малмсби обнаружено восемь топоров и один — в Ярвикие (южное побережье), на остальной территории этот тип неизвестен [166, S. 4]. Сало пришел к выводу, что финляндские экземпляры до деталей сопоставимы с эстонскими и на этом основании предполагал импорт топоров из Эстонии [208, Abb. 106].

Одиночное трупосожжение под каменной кладкой в Нукутталахти, у г. Сортавала, датируется VI в. [53, № 14, табл. 3, 3, 7, 10]. По мнению Э. Кивикоски, оно является веским, но не единственным доказательством присутствия шведов в Северо-Западном Приладожье. Для подтверждения тезиса приводятся карта со шведскими находками на острове около Выборга, в Финском заливе у северного побережья Эстонии и уже упомяну-

³ Сравнительно недавнее исследование найденных в Эстонии кресал [204, s. 168] подтвердило выводы Х. А. Моры.

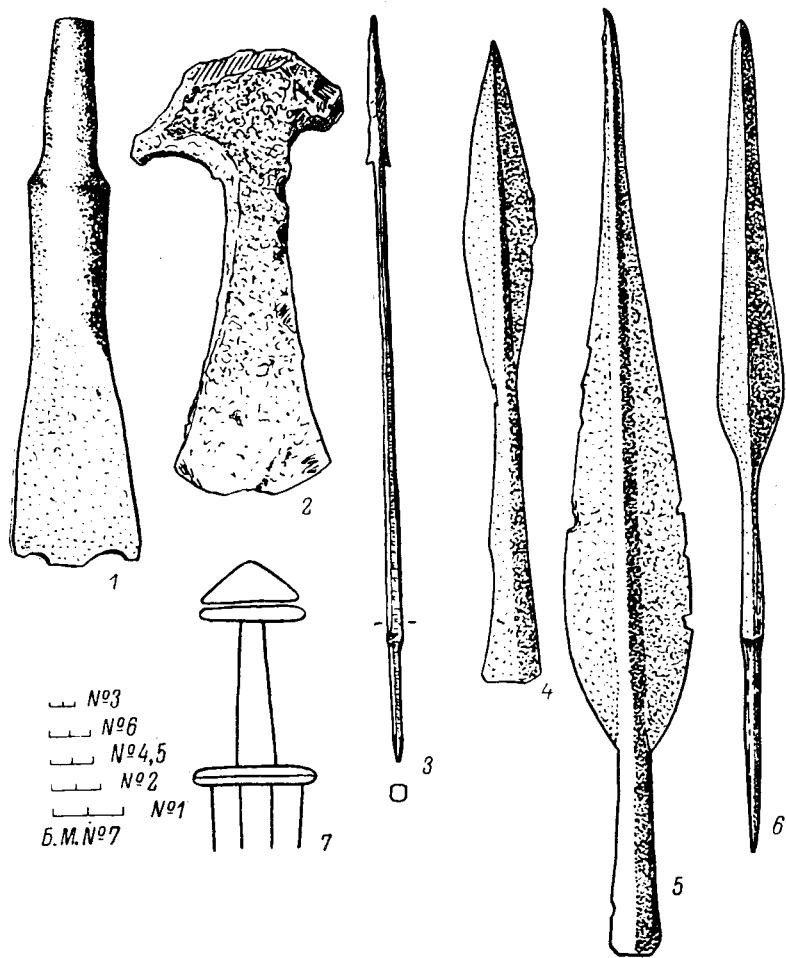

Рис. 2. Топоры, наконечники копий и меч из памятников I тыс.
1, 2 — топоры; 3—6 — наконечники копий; 7 — меч.

тое погребение на Ладожском острове около г. Сортавала, а также сведения саги о путешествии Ингвара в Эстонию примерно в VI—первой половине VII в. [164].

Тем не менее инвентарь захоронения неоднозначен и безоговорочно утверждать его скандинавскую этническую атрибуцию нельзя. Например, браслеты с утолщенным концом в конце римского железного века и в начале периода «великого переселения народов» имели широкое распространение на большой части Центральной Европы. Оттуда они ввозились в Прибалтику, где получили самостоятельное развитие [188, S. 430]. В Швеции браслеты с утолщенным концом немногочисленны, в Финляндии вообще редки. Пуговицы с крестообразной фигурой и шипом в центре

в Финляндии известны мало, в Швеции и на Готланде встречаются в достаточном количестве, поэтому последний считается центром их производства [192, S. 83]. В углублении на внешней стороне найденной в Нукуталахти застежки изображены три звериные головы с оконтуренными глазами. Появление их в Западной Финляндии (25 экз.) [167, s. 40], на Аландских островах и в Эстонии⁴ связывается со шведскими образцами. Стало быть, археологический материал позволяет говорить лишь об определенном тяготении вещей из могилы в Нукуталахти к той или иной культурной области, и скорее всего к прибалтийской, но не дает положительного ответа при попытке определения этнической принадлежности погребенного.

Наконечник копья из Китз (рис. 2, 3) датируется VI—VII вв. [150, p. 57, fig. 96].⁵ Многочисленная коллекция длинных черешковых наконечников копий типа анго собрана в Финляндии (свыше 200 экз.). За ее пределами они неизвестны, что дало основание считать их финскими. К этому же периоду относятся два проушиных топора средне- или восточно-русского типа [151, S. 97—98, Abb. 32; 171, s. 174, k. 162] из Карисалми (№ 29; рис. 2, 2) и Калмистомяки (№ 10).

На тесную связь населения Карельского перешейка и Западной Финляндии в VIII в., по мнению финляндских исследователей, указывают погребальные обряды и сопровождающие вещи могильника Лапинлахти (№ 5) [53, табл. 1; 145, s. 61—75; 196, s. 99; 166, S. 2—3; 170, s. 59; 171, s. 161]. Не останавливаясь на анализе погребального обряда, который автором раскопок охарактеризован слишком бегло и поэтому не может быть использован при сопоставлении синхронных памятников обеих территорий, рассмотрим возможности инвентаря в решении этнических вопросов.

Парные равноплечные фибулы, украшенные прочерченными линиями и кружками, имеют прототипы в Швеции, где датируются концом VI в. В VII—VIII вв. в несколько измененном виде и в большом количестве они появляются в Финляндии, где становятся принадлежностью женского западнофинского «национального» костюма (к 1973 г. их известно около 240 экз.) [174, S. 61]. Там же встречены изделия, аналогичные круглой ажурной фибуле и подковообразной, украшенной насечками. Что касается бронзовой круглой фибулы (видимо, от конской сбруи), разделенной на три части, с тремя полукруглыми выступами по внешнему краю кольца (в могильнике найден фрагмент) и подковообразной застежки с широким и плоским ободком, орнаментированным треугольниками, то подобные вещи в это же время употреблялись и в Эстонии, и в Финляндии [174, S. 87, Abb. 636].⁶

Найденные в могильнике предметы вооружения: наконечник копья типа А с нарезкой на втулке, пять наконечников копий типа Аспелин

⁴ Впервые в Эстонии в могильнике Прооза обнаружены аграф-пуговицы скандинавского происхождения, датирующиеся V—VI вв. [144, s. 78].

⁵ По сведениям А. Европеуса и Х. Салмо, на пашне в д. Муола вместе с сожжеными костями собраны три наконечника копий типа анго (утеряны).

⁶ Известен еще 1 экз. из Ягала в Северной Эстонии (Институт истории АН ЭССР, шифр 3852).

1651⁷ — бытовали в VII—VIII вв. и широко известны в Западной Финляндии, Латвии, Эстонии и на о-ве Готланд [205, S. 241—250]. К этому же времени относятся копье с удлиненным лезвием и уступом, кнутовище типа С (по А. Хакману) [151, S. 124]. Определенная связь памятников обеих территорий устанавливается по находкам железных изделий (лошкарь, скобели и т. д.).⁸

Следовательно, этническая атрибуция погребального инвентаря могильника Лапинлахти позволяет признать мнение финляндских исследователей о западнофинской принадлежности могильника в целом справедливым. Однако ничтожно малое количество погребений нельзя расценивать как следствие значительной переселенческой волны из Западной Финляндии в районы Карельского перешейка. Это хорошо видно на памятниках следующего хронологического этапа.

Места находок IX—XI вв. в Северо-Западном Приладожье многочисленнее и разнообразнее по типам, культурной характеристике и степени информации о материальной и духовной жизни населения берегов Ладоги, его реакции на внешнеполитические события того времени. В районе Выборга и Приозерска известны куфические монеты (№ 74, 75); в Хейнъюки — клад из 60 немецких денариев (№ 73 — ДЗ⁹ 1050 г.); в Рауту — 8 (12?) западноевропейских монет и 9 дирхемов (№ 71 — ДЗ XI в.), кроме того, клад из украшений и 482 монет (№ 72 — ДЗ около 1075 г.); в Куркийоики — клад, содержащий много сотен монет, из которых известно только 75 (№ 76 — ДЗ 1070 г.).¹⁰

Золотой браслет из Метсяпирти (№ 19), или, как его еще называют, платежное кольцо, — единственная находка в Северо-Западном Приладожье (рис. 6, 17), так же как и в Финляндии, где известен лишь фрагмент серебряного кольца, но на Готланде их довольно много [197, s. 182; 174, Abb. 751; 214, Abb. 7, 4; 130, 18; 156, 13 и. а.].

Началом X в. датируется захоронение мужчины и женщины (трупосожжение), этническая атрибуция которого определяется как скандинавская (Лопотти, № 12). Видимо, были и другие погребения этого же времени, но в процессе раскопок зафиксировать их не удалось [51; 53, табл. 2].

На о-ве Эссари, у Выборга (№ 9), под каменной кучей выявлено трупосожжение мужчины X в. Исследовавший погребение А. М. Тальгрен пришел к заключению, что в нем захоронен воин, возможно викинг, хотя форма каменной куши напоминает погребения прибалтийских земель. В подтверждение второй версии Тальгрен приводит легенду, согласно которой первый житель на острове появился из Эстонии [218, s. 20—24; 53, рис. 5].

⁷ Наконечники копий этого типа обнаружены в Ховписари (№ 39) и в могильнике с трупосожжениями в Наскалинимяки (№ 6; рис. 2, 6).

⁸ К этому же периоду относятся ланцетовидный наконечник копья с иволистным пером из Наскалинимяки (№ 24; рис. 2, 4) и втульчатый наконечник копья из Калмистомяки в Ряйсияя (№ 10; рис. 2, 5).

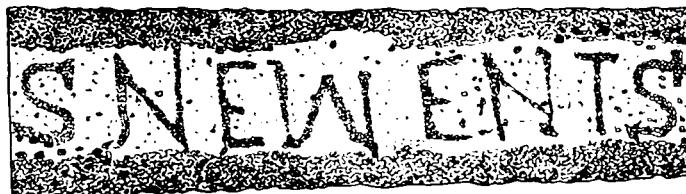
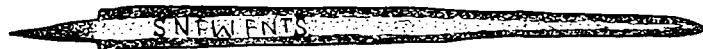
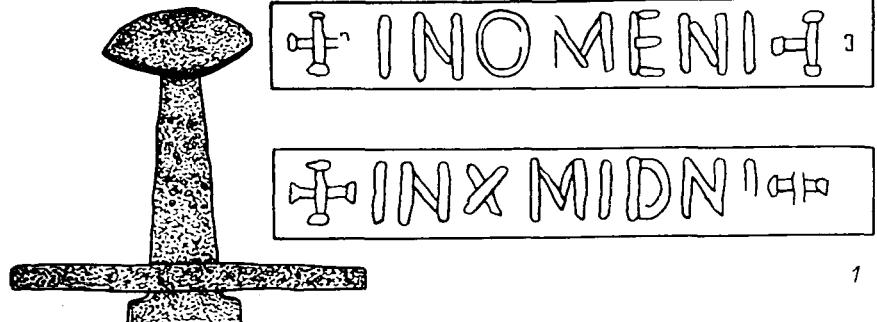
⁹ ДЗ — дата захоронения клада.

¹⁰ Для монетных коллекций Северо-Западного Приладожья характерен общий недостаток: прежде чем осесть в музеях, часть из них попала в частные коллекции, в переплавку, затерялась, поэтому сведения о них неполные.

Курганы у г. Сортавала (№ 14) привлекают к себе внимание конструктивными особенностями каменных насыпей, отличных от курганов Юго-Восточного Приладожья и Олонецкого перешейка (последние в свою очередь имеют правильную сферическую форму и сооружены из песка); в то же время состав вещей, включающий финно-угорские типы украшений, роднит каменные курганы с памятниками Юго-Восточного Приладожья [53, табл. 3, 11—14]. Наличие таких связующих и разъединяющих элементов, на наш взгляд, явление вполне закономерное и объяснимое. В районе Сортавала—Салми проходила граница между территориями, на которых, с одной стороны, проживали предки вепсов, карел-ливвиков и людиков, а с другой — летописная корела. В контактирующих зонах вообще, а у родственного населения особенно, ярко проявляются взаимовлияния, обогащающие культуру, накладывающие на нее специфический отпечаток, хорошо поставленный обмен в различных сферах человеческой деятельности. Вот почему в каменных курганах у г. Сортавала и в разрушенном могильнике Паасонвуори (№ 93) присутствуют вещи, характерные для населения юго-восточных берегов Ладоги [53, рис. 22, 11, 19, 20; табл. 9, 9, 10, 15], в погребальных памятниках видлицкого типа Олонецкого перешейка прослеживаются некоторые общие черты с древностями Северо-Западного Приладожья.

К большому сожалению современных исследователей, авторы XIX—начала XX в. опускали подробности о форме и размерах могильников, деталях погребального обряда, скрупульно подавали сведения о полевых исследованиях, на основе которых можно воссоздать весьма приблизительную картину. Могильники, не говоря уже об одиночных погребениях, небольшие, содержащие не больше 10 захоронений (точное число установить нельзя), располагались на краю древних террас, на возвышенных местах. Некоторые из них соседствовали с обрабатываемыми еще в древности участками. Из 18 могил и могильников (о пяти известно лишь, что в них умершие погребены по обряду трупосожжения) четыре имели разновременные трупосожжения и трупоположения: Коукунниэми (№ 2), Наскалинмяки (№ 6), Калмистомяки (№ 10), Кушала (№ 13). Как можно судить по фрагментарным данным, в I—начале II тыс. существовал единый обряд погребения — трупосожжение под невысокими каменными холмами (Лапинлахти, № 5; Эссари, № 9; Кийсанлахти, № 11; Хелюля, № 15) и под каменной, прослеживающейся на поверхности кладкой (Нукутталахти, № 14). В остальных могилах, кроме перечисленных, наружные кладки отсутствовали (возможно, позднее они были уничтожены сельскохозяйственными работами), но само захоронение часто сопровождалось камнями, а иногда перекрывалось кладкой.

В недавно исследованном грунтовом могильнике на о-ве Мантсисари (№ 17) вскрыта одна могила, в которой трупосожжение, совершенное на месте, сопровождалось фрагментами лепной керамики. Остальные захоронения, залегавшие близко к поверхности, исчезли; от них остались лишь западания с углистым слоем и обожженными камнями, по которым, однако, прослеживается определенная ритмичность в размещении. 10 захоронений через интервалы 1—4 м располагались

— №2
— №1
— №3

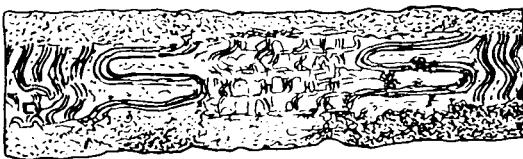

Рис. 3. Мечи X—XI вв.

1 — Саккола—Наскалинмяки; 2 — Куркийоки—Купала; 3 — Сортавала—Лийкола.

по пять двумя рядами, расстояние между которыми 4—6 м. Все они ориентированы в направлении СВ—ЮЗ и, как правило, примыкали к большим валунам.

Погребальные памятники I—начала II тыс. по своим параметрам (как по погребальным обрядам, так и по сопровождающему инвентарю) близки синхронным памятникам Финляндии и Эстонии, но это обстоятельство еще не говорит о массовом передвижении населения из названных об-

ластей на берега Ладоги. Частичное переселение могло быть и, по всей вероятности, было, но не служило главной причиной близости трех древних регионов. Это — обычное параллельное явление в жизни соседних народов, принадлежавших одной языковой семье, обитавших поблизости друг от друга в схожих экологических и исторических условиях. Некоторые традиции обрядности, несмотря на значительную эволюцию, сохранились у корелы в XII—XV вв.: использование одних и тех же мест для кладбищ; применение каменных кладок, которые вначале находились на поверхности и перекрывали трупосожжение, а затем — трупоположение, но «ушли» под землю, в грунт; наличие в тех и других могильниках бытового инвентаря, и т. д.

Материальную культуру указанного периода отличает особая восприимчивость к влияниям извне наряду с некоторыми специфическими, свойственными только населению Приладожья чертами. Так, предметы вооружения: мечи, копья, топоры — характерны не только для исследуемой территории, но и для значительных областей Северной Европы.

16 мечей представлены несколькими типами.¹¹ Наиболее ранним по времени считается меч VIII—IX вв. (рис. 2, 7), близкий типу В из Мянтюхарью (№ 66) [205, S. 107], хотя не исключена его датировка X в. К IX—X вв. относятся четыре меча типа Н из Уосуккала (№ 4), Лопотти (№ 12; 2 экз.) [53, табл. 2, 18, 19], Улякуса (№ 3) и столько же мечей типа Е: Кюуреля (№ 22), Ряйсяля (№ 32), Тимоскала (№ 42; перекладина) и Рокосина (№ 46); два меча типа X: Коукунниэми (№ 2) и Наскалинмяки (№ 6). Последний меч — дамаскированный (рис. 3, 1); на одной его стороне надпись «+inomeni+», на другой — «+inxmidni+» [185, Taf. 6]. Местоположение меча типа Q неизвестно (№ 28).

К X—началу XI в. относятся навершия мечей с серебряной инкрустацией из Паасонвуори [53, рис. 22, 2] и Киппала (№ 49; тип S или T?). На клинке из Куппала (№ 13), относящемся к 1000 г., дамаскированный узор, на одной стороне надпись «spnewents» (тип T; рис. 3, 2), на другой — эта же надпись в несколько искаженном виде. У экземпляра из Лийкола (№ 59; тип меча не определен) дамаскированный, разломанный на три части клинок, фрагмент перекладины, украшенный серебряным дротом в виде вертикальных полос (рис. 3, 3) [185, Taf. 13, 2; 30, 1].

Многочисленна категория втульчатых наконечников копий — типы Е (9 экз.; рис. 4, 1—3),¹² G (6 экз.; рис. 4, 4),¹³ M (10 экз.) [53, рис. 3, 9].¹⁴ Тип у трех наконечников копий не определен (рис. 4, 5).¹⁵ Кроме того, встречены черешковые наконечники стрел (некоторые из них типа 47 —

¹¹ Типы мечей и наконечников копий даны по Я. Петерсену [203].

¹² Уосуккала (№ 4, один, видимо, дамаскированный), Лопотти (№ 12; 3 экз.), Сиркисало (№ 40), Эссари (№ 9), Хютинлахти (№ 34), Мантсисари (№ 17).

¹³ Коукунниэми (№ 1; на серебряном покрытии тулы изображены звериные фигуры в руническом стиле), Мийнала (№ 16), Вякеля (№ 35), Лапинлахти (№ 25), Руоколахти (№ 63; на серебряном покрытии тулы есть орнамент).

¹⁴ Хеноннмяки (№ 8), Наскалинмяки (№ 6), Куппала (№ 13; 2 экз.), Хеноннмяки (№ 7) [53, рис. 4, 9], Паккола (№ 23), Коукунниэми (№ 1), Раутъярви (№ 18; 3 экз.).

¹⁵ Каукола (№ 44; 2 экз. — один дамаскированный), Хелоля (№ 15).

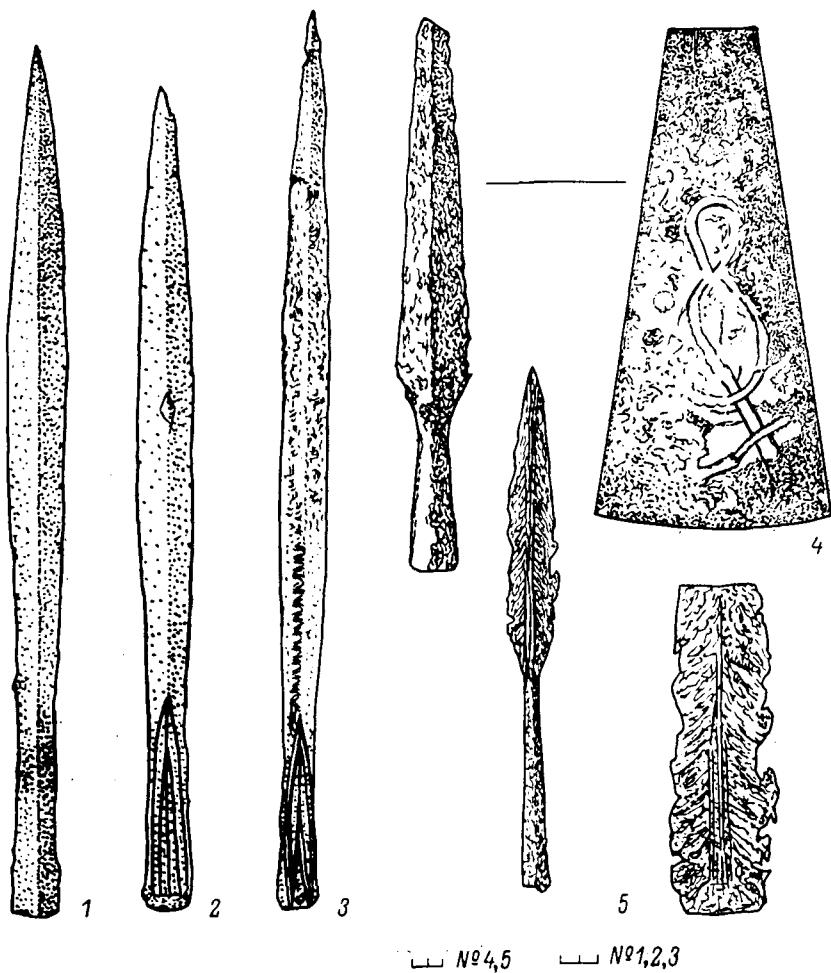

Рис. 4. Наконечники копий.

1—3 — тип Е; 4 — тип G; 5 — тип не определен.

по А. Ф. Медведеву; рис. 5, 2, 3) [69]¹⁶ и гарпун с перевитым стержнем из Кюлялахти (№ 50; рис. 5, 1). Подобные вещи известны в могильниках Финляндии [174, S. 127, Abb. 993], в памятниках веси [49, с. 103] и в Новгороде, где датируются концом X в. Длительное время они были в употреблении у населения Прибалтики [212, с. 285—286].

Из 15 боевых топоров к типу С (рис. 5, 4) отнесены четыре,¹⁷ к типам V и VI (по А. Н. Кирпичникову) [35] — соответственно три и один (рис. 5,

¹⁶ Общее число наконечников стрел по публикациям подсчитать трудно, почти невозможно.

¹⁷ Уосуккала (№ 4), Метсяпиртти (№ 19), Кюуреля (№ 22), Сяркисало (№ 40).

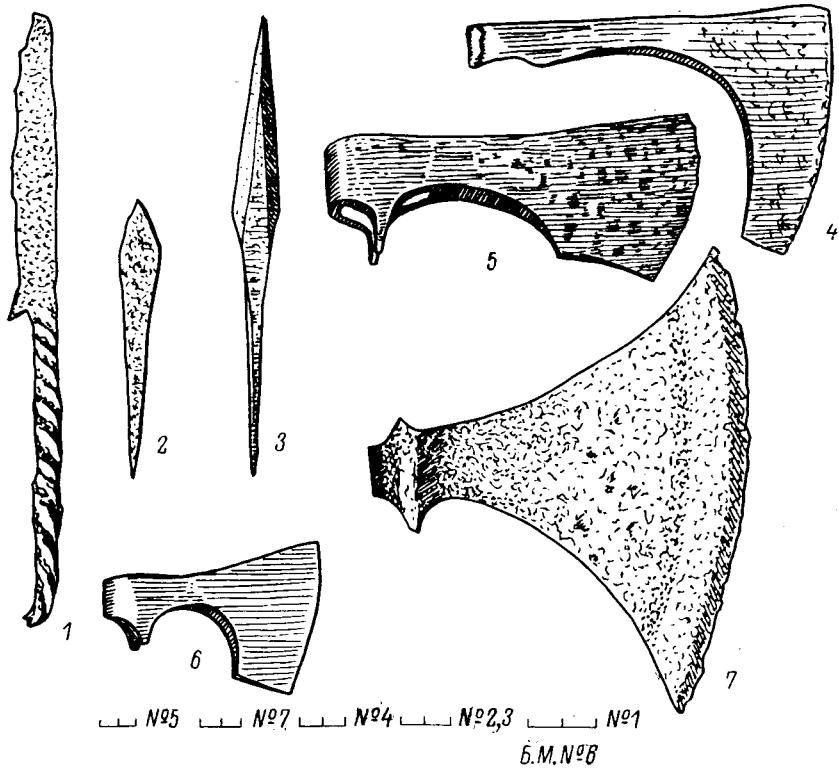

Рис. 5. Гарпун, наконечники стрел и топоры.

1 — гарпун; 2, 3 — наконечники стрел; 4 — топор типа С; 5 — топор типа В; 6 — топор типа VI; 7 — топор типа М.

5, 6),¹⁸ к типу М, использовавшемуся древнекарельским населением и в последующие века, — четыре (рис. 5, 7).¹⁹

Данные об особенностях топоров из Хелюля и Раутъярви отсутствуют. Маленький короткий топор с равномерно расширяющимся к острию лезвием и отверстием на нем, с двумя парами коротких щекавиц из Паасонвуори имеет с обеих сторон медную инкрустацию в виде параллельных полос в самой узкой части топора — между втулкой и лезвием. Такие же, но, разумеется, более короткие полосы повторяются на боковых гранях [53, рис. 22, 1]. Схожие образцы встречаются в Финляндии на памятниках периода викингов и более поздних [174, Abb. 876]; на о-ве Сарема — в древностях X—XI вв., где их присутствие рассматривается в свете скандинавско-саремаских контактов [112, с. 178].

Связи со Швецией, Финляндией и в известной степени с Прибалтикой подтверждаются большей частью вещей из трупосожжения у Куркийоки:

¹⁸ Ряйсяля (№ 32), Уиннункоски (№ 36), Лопотти (№ 12), Мийнала (№ 16).

¹⁹ Хапалахти (№ 48), Раутъярви (№ 18; 2 экз.), Коукунниэми (№ 2).

овально-выпуклыми фибулами типа 27 — по Я. Петерсену [48, с. 149—152]; тремя ажурными круглыми застежками (две типа В — по Я. Аппельгрену) [136]; ²⁰ арбалетной фибулой; кресалом с бронзовой ажурной накладкой, украшенной геометрическим орнаментом и четырьмя звериными головами; двумя бронзовыми изделиями в виде змей, головы которых свернуты в петлю. Верхняя часть бронзовой подвески, напоминающая гребень, состоит из двух схематических змееобразных фигур; на нижней с обеих сторон имеется орнамент, изображающий стоящие друг на друге звериные фигуры. Нижняя фигура своими плавными очертаниями и мягкой поступью напоминает животное из семейства кошачьих. Подвеска довольно близка, но не идентична изделиям из могильников Западной Финляндии и Аландских островов (могильник Кварнбакен).

Восемь равноплечих фибул из памятников Северо-Западного Приладожья и Саво изготовлено по скандинавским образцам (группа 7 — по Э. Кивикоски) [163, с. 27; 174, S. 93—94] и две (группа 2) — скандинавского происхождения.²¹ Аналогии равноплечейной фибуле из Тверска нам не известны [53, табл. 4, 18]. Крученые, тордированные (по старой терминологии — глазовского типа) шейные гривы представлены изделием из трупосожжения X в. у Куркийоки [53, табл. 2, 2] и случайной находкой в Пюхя-ярви (№ 31); железные проволочные гривы прибалтийско-финского типа (рис. 6, 1) — тремя образцами (Уннункоски, № 36; Наскалинмяки, № 6). Ареал вещей охватывает древнерусские земли, Прибалтику и Финляндию [49, с. 22—23]. Фрагмент серебряной шейной гривы из трех проволочек и трех плетеных шнурков из Хеннонмяки (№ 7) слишком мал, чтобы связать его с определенной сферой влияния или признать местное происхождение.

К кругу западных древностей примыкают подковообразные фибулы с многогранными головками и шилами на них (6 экз.).²² Бронзовые подковообразные фибулы с треугольным или круглым сечением дуги, со спирально закрученными головками и такой же формы железные известны повсеместно [53, табл. 8, 49]. Фибулы с воронкообразными головками (9 экз.)²³ встречены в Юго-Восточном Приладожье, где датируются X—началом XI в., в Финляндии, на Готланде, в Бирке. Б. Нерман родиной фибул считал о-в Готланд, Х. Арбман и Х. Салмо — Прибалтику [49, с. 31].

Массивных бронзовых браслетов с полой средней частью, закрывающейся ажурной вставкой, в Северо-Западном Приладожье и Саво найдено 19 экз. (рис. 6, 2).²⁴ Ареал их охватывает также Финноскандию (кроме Западной Финляндии), древнерусские земли, в том числе и Юго-Восточное Приладожье [49, с. 40]. Узкие ладьевидные браслеты (5 экз.;

²⁰ В нашей статье [51] круглая фибула ошибочно отнесена к типу А.

²¹ Хелюля (№ 15), городище Паасо [53, рис. 22, 15, 17].

²² Райо (№ 20; головки соединены), Париккала (№ 67), Суоярви (№ 61), Укуннэми (№ 69), Метсямиямки (№ 57), Тиверск (рис. 6, 5).

²³ Хелюля (№ 15; рис. 6, 9), Ховинсари (№ 39), Хютиплахти (№ 34; 7 экз.). Фибула меньших размеров и, видимо, более поздняя найдена на городище Паасо.

²⁴ К списку Э. Кивикоски [174, S. 103] добавим два браслета из Лопотти, найденных Т. Швингтом и Я. Аппельгреном, и четыре с городища Паасо [53, табл. 9, 5].

рис. 6, 3)²⁵ и браслеты, украшенные волнистыми линиями (11 экз.),²⁶ распространились на большой территории, включая Прибалтику и северо-западные земли Руси [212, с. 243].

Аналогии кнутовищам или трещоткам имеются в шведских и финляндских древностях. Изделие из Хелюля (№ 15) относится к типу А (по А. Хакману), считающемуся финским; упомянутый экземпляр из Лапинлахти (№ 5) — к шведскому типу С IX в.; из Лопотти (№ 12) — к типу D, бытовавшему в 800—850 гг. [53, табл. 2, 26; 151, с. 120, 124]. Тонкая, украшенная выпуклостями крестообразная бронзовая бляшка (Куппала, № 13) от конской сбруи (рис. 6, 15) имеет соответствия в памятниках Фенноскандии и Прибалтики [174, S. 123, Abb. 934; 212, с. 292], удила из Куркийоки (рис. 6, 18) — в каменных и грунтовых могильниках Эстонии²⁷ и в древностях Финляндии периода викингов [174, S. 124, Abb. 1000]. Железные бритвы X—XI вв. из разрушенного могильника с трупосожжениями на городище Паасо (3 экз.), в отличие от новгородских изделий XIII в., продолговатые, узкие, слегка изогнутые, с направленной вниз дугообразной ручкой [53, рис. 22, 3—5]. Аналогичный экземпляр найден в эстонском каменном могильнике Мади I тыс. н. э. [212, табл. VI, 15]. На территории Финляндии бритвы появились еще в начале I тыс. Наиболее близкий нашим находкам экземпляр обнаружен в могильнике периода викингов в Райсио—Паппиланмяки [174, S. 124, Abb. 944].

Поясные бляшки из Хеннонмяки (№ 8), Куппала (№ 13), Эссири (№ 9), Мойсио (№ 135) подобны изделиям из Северной Европы (рис. 6, 16); серебряная поясная бляшка в виде двух концентрических кругов из Паасо [53, рис. 22, 13] — бронзовому украшению западнофинского могильника Кёюлиа [143, с. 28—29, пл. 3, 67].

Довольно редкими находками в памятниках Северо-Западного Приладожья являются поясные крючки-скрепы. Два поясных крючка — бронзовый и железный — найдены в Тиверске [53, табл. 4, 12], третий — в кладе серебряных вещей из Рантуэ [53, табл. 26, 2]. У бронзового крючка длиной 3.6 см при максимальной ширине 1.1 см, сделанного из тонкой пластины, один конец, как и у других, заканчивается острым крючком, а противоположный, в виде однооборотной петли, украшен выпуклостями, вдавленными с внутренней стороны. У второго тиверского крючка длиной 7 см, шириной 1.3 см петля S-образная, по краям короткие насечки. У серебряного, украшенного гравировкой экземпляра из Рантуэ (размеры соответственно 6.2 и 1 см) петля отломана. Ближайшими аналогиями являются поясные крючки из западнославянских могильников конца XI—XII в., расположенных между Одрой и Эльбой и концентрирующихся на морском побережье [175, S. 92—104]. Традиция использования в одежде поясных крючков-скреп на этой территории уходит в глубокую древность [57, табл. XLIII, 12; XLIV, 11; XLV, 15; XLVI,

²⁵ Лопотти (№ 12; 2 экз.), Риеккала (№ 53), Тиури (№ 37), Кулхамяки (№ 47).

²⁶ Кийсанлахти (№ 11), Каукола (№ 44), Уиннункоски (№ 36; 8 экз.), Тиверск [53, табл. 4, 14].

²⁷ Канавере, Карма, Вильтина, Лахэпера и т. д. Материалы хранятся в фондах Института истории АН ЭССР (шифры 830, 1820, 1870в, 2449-3, 2764 и т. д.).

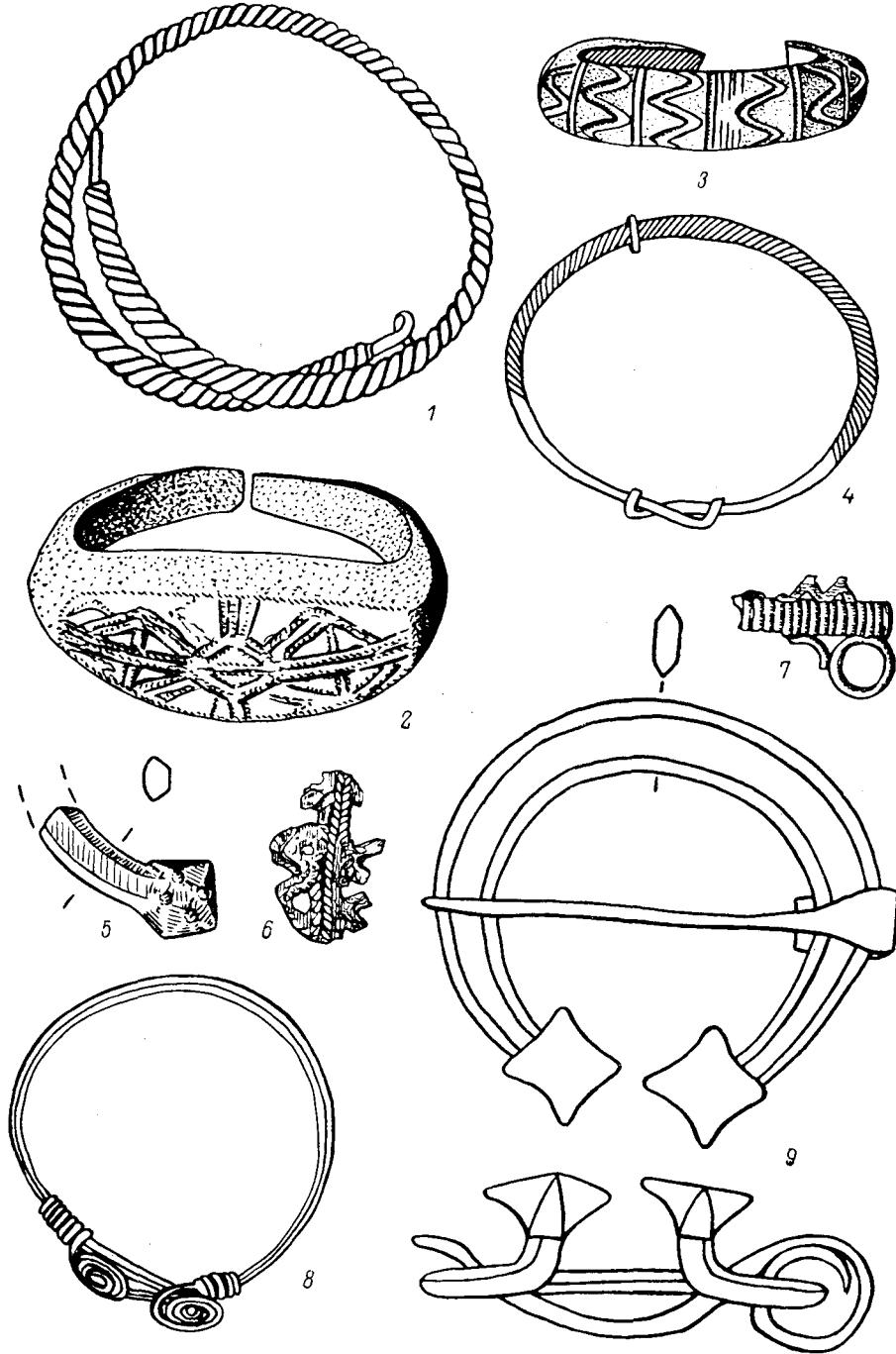

Рис. 6. Изделия X—XII вв. из цветного металла и железа.

1 — гривна прибалтийско-финского типа; 2—4, 8, 17 — браслеты; 5, 6, 9, 10, 11, 13, 14 — фибулы; 7 — подвеска; 12 — разделитель ремня; 15, 16 — бляшки; 18 — удила.

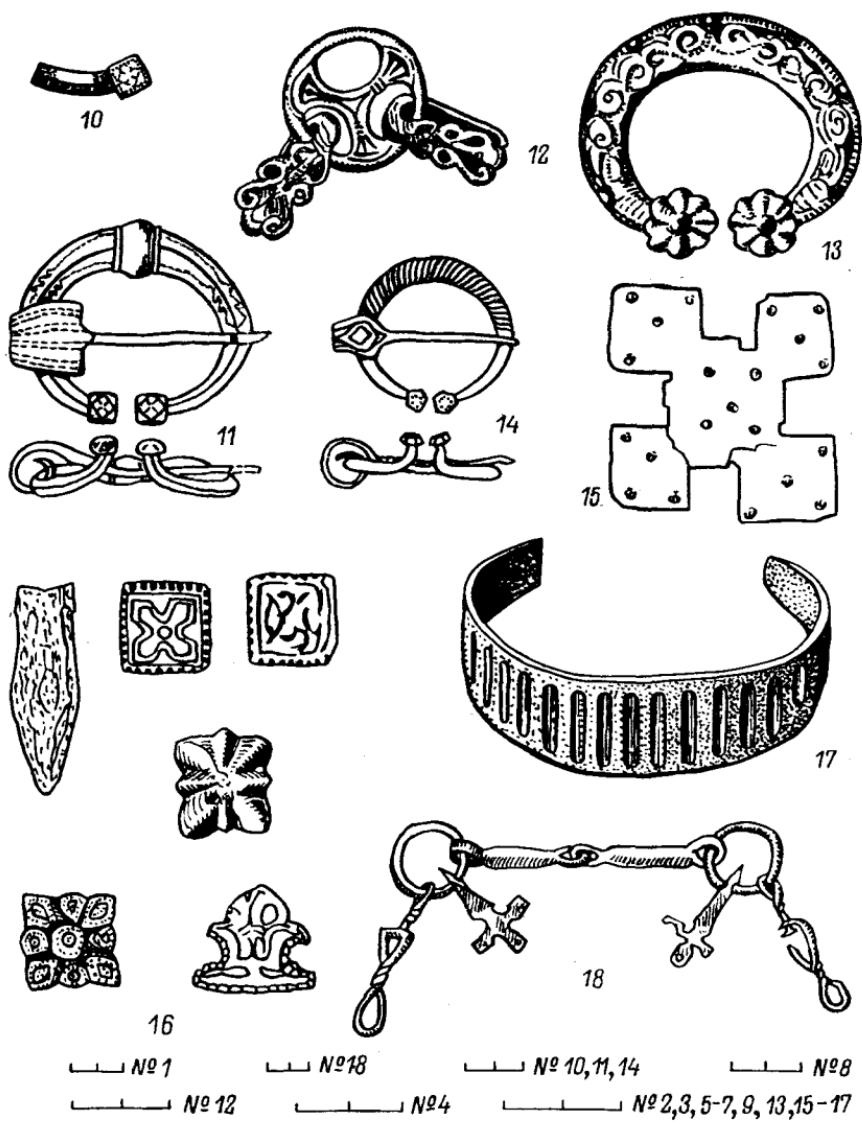

Рис. 6 (продолжение).

11, 12]. Полагают, что ременные крючки принадлежали верхней женской одежде, но у нас нет вообще никаких сведений о их функциональном назначении у летописной короли.

Связи с древнерусскими территориями на рубеже I—II тыс. отмечены серией вещей: калачевидной серьгой, ромбоподитковым височным кольцом, орнаментированными пластинчатыми подвесками (клад Рауту, № 72) [53, табл. 3, 1, 2, 4—6, 8, 9]. Последние широко известны также в Скандинавии, Прибалтике, на Ижорском плато, в Юго-Восточном Приладожье. Бляшки-подвески с несколько другим орнаментом есть в древнекарельских могильниках XII—XIII вв. Бронзовые и серебряные браслеты из дрота с косой насечкой и завязанными концами (3 экз.; рис. 6, 4),²⁸ браслет из гладкого дрота с двумя завитками на завязанных концах (рис. 6, 8)²⁹ аналогичны изделиям из восточнославянских земель. Видимо, при посредничестве славян они распространялись в Прибалтике, Скандинавии и Финляндии [61, с. 213, 248]. Такой же, по всей вероятности, путь проделали цилиндрические и уплощенные сердоликовые бусы [53, рис. 22, 7—10], некоторые типы стеклянных бус.³⁰ Бронзовые шумящие подвески из рубчатой трубочки, поверх которой шла зигзагообразная или волнистая линия, с кольцами для подвешивания найдены в Кивипелто (№ 43; рис. 6, 7), Хелюля [53, табл. 3, 12] и характерны для территории восточных финно-угров [49, с. 39—40]. В Юго-Восточном Приладожье они датируются X—началом XI в. К этой же сфере влияния следует отнести подвеску в виде пальцев из Хелюля, обломок фибулы из Лопотти (рис. 6, 6).³¹

Бронзовые игольники в виде ножен, как это известно по многим памятникам, носились на груди или на поясе вместе с другими предметами украшения. Найдены в Тверске [39, рис. 40, 1] и на городище Паасо [53, табл. 9, 33]. Ни в одном из известных древнекарельских могильников они не обнаружены, и причина, кажется, в том, что такие предметы, судя по обширным аналогиям [21, с. 200—202], датировались XII в. и позднее не встречались. Трубчатый игольник с верхним ажурным овалом (так называемые игольники ливского типа), обнаруженный на городище Паасо, датируется XI—XII вв. [49, с. 44].

Промежуточная группа предметов XI—XII вв., эволюция которых наблюдалась в период расцвета древнекарельской народности, требует специального рассмотрения, так как ее анализ необходим для понимания культуры I тыс., ее взаимосвязи с этнокультурными близлежащими территориями, для выяснения преемственности с достоверными памятниками древних карел и, что крайне важно, для освещения этнической истории.

Серебряные двухскатнопластинчатые подковообразные фибулы с плоскими четырехугольными головками давно обратили на себя внимание финляндских исследователей схожестью формы с более поздними древнекарельскими подковообразными фибулами, украшенными растительным

²⁸ Хенонмяки (№ 8), клад из Савитайпале (№ 77).

²⁹ Савитайпале (№ 77).

³⁰ Точное число их неизвестно, так как в публикациях бусы охарактеризованы довольно бегло.

³¹ Подобные фибулы проникли и на территорию Финляндии [174, S. 64, Abb. 423].

орнаментом; по их мнению, первые послужили первоосновой последних [168, S. 31; 196, s. 88; 207, S. 89, 92; 141, s. 17—32]. Действительно, между разновременными типами фибул много общего: в материале, из которого они сделаны, в форме (у тех и других имеются плоские головки на приподнятых концах, срединный жгут или ребро, орнаментированная щитообразная муфта иглы) и в размерах. Диаметры большинства предметов от 8 до 9.9 см, за исключением огромных тяжеловесных экземпляров, обнаруженных в Куолаярви (15.6 см)³² и в эстонском кладе Тырма (14.7 см). Отличие наблюдается лишь в том, что у древнекарельских фибул по обе стороны ребра расположены разные орнаменты, каких нет у рассматриваемых изделий.

Они встречены в Эстонии, в основном в Вирума, в кладах Велтси, Тырма I и II, Кехала, Кумна, Мяэтагузе, Куртна, Мыйгу, Коэру, в каменном могильнике Ватла, где датируются XII—XIV вв.,³³ в Западной и Северной Финляндии [169; 141, s. 20],³⁴ на севере Швеции и Норве-

³² Вещи из клада Куолаярви (Мурманская область) обнаруживают сходство с предметами древнекарельской территории и, как полагают некоторые исследователи, фиксируют маршруты купцов, поддерживавших связи Корельской земли и Новгорода с северными соседями. Поэтому мы считаем необходимым дать краткую информацию о кладе. В Куолаярви, на западном побережье оз. Тенниоярви, на горе, в 1839 г. под одной из каменных глыб был найден клад серебряных вещей и монет в прогнившем берестяном свертке: две выщуклые фибулы; гривна, плетенная из трех круглых в сечении проволочек и шести крученых, с плоскими заканчивающимися крючками концами, украшенными треугольниками; браслет (четыре круглые в сечении проволочки и восемь крученых); четыре подковообразные фибулы с квадратными приподнятыми головками (две из них большие по размеру); три широких серебряных браслета с несомкнутыми концами (а также фрагменты от двух аналогичных) и три плоских со скрученными концами (у двух — спиральный завиток); спиральный браслет; короткий отрезок крученою бронзовой проволочки; весы с чашками без подвесных цепей и 11 весовых гирь (шифр 37). По мнению Я. Аппельгрена, В. Лагуса, Н. Бауера, клад состоял из 174 монет. Х. Салмо высказал опасение, что в клад из Куолаярви уже в музее попали монеты из других коллекций, так как их стало 177: 4 датских, 10 англосаксонских и 163 немецких. Дз, как считают исследователи, около 1120 г. [135, s. 37—38; 195, p. 19—20; 140, S. 23—24, № 23; 206, S. 37—39], но скорее всего конец XII в.

³³ Э. Ю. Тыниссон считает вопрос о непосредственной связи между обоими типами фибул еще нерешенным [223, s. 257]. В этот перечень, вопреки Ю. Я. Селиранду [212, s. 338], не входит серебряная фибула из Лиепенеса.

³⁴ Клад Кусамо—Лямся (Северная Финляндия), обнаруженный в 1953 г. при дорожных работах в д. Лямся, — третий по счету в этом районе. Он включал четыре серебряные крученые гривны; две крупные двухскатно-пластинчатые подковообразные фибулы; одну подковообразную меньшего размера, пятигранныю в сечении; два браслета (один ленточный, орнаментированный пuhanсоном в виде треугольника с кружком посередине, другой из четырехугольного в сечении дрота); шайную цепочку, плетенную из тонких листей, с топоровидной подвеской. Т. Бъёркман датировал клад, как и два других (вслед за Э. Кивикоски) [168, S. 34, 36], периодом крестовых походов (1050—1150 гг.). На наш взгляд, клад из Лямся можно датировать XII, и XIII г., но на основании близости его вещей к содержимому двух других кладов, один из которых относится к XII, а другой к XI в., дату зарытия допустимо ограничить XII в. Рассматривая клад в свете культурного развития Корельской земли и ее срединного положения на торговых путях в период крестовых походов, а также учитывая то обстоятельство, что во взаимосвязях с лапландцами как поставщиками пушнины древние карелы были особенно заинтересованы, Бъёркман склонен признать его карельским.

гии [213, pl. 13, 12], в Мурманской области (клад Куолаярви). У двухскатнопластинчатых фибул северо-западной части Новгородской земли, в кладе Путилово [45, табл. XXVIII, 1, 4] и в курганах XI—XII вв. [66, рис. 24, 6], на краях и основании иглы нанесен пуансонный орнамент из точек, колечек и треугольников. В Северо-Западном Приладожье такие фибулы имелись в составе клада Рауту (№ 72) [53, табл. 3, 8], в Руммунсую (№ 56; рис. 6, 10) и в Корельском городке (строительный горизонт 1310—1360 гг.) [38, рис. 3, 3].

Пожалуй, никто из исследователей не подверг такому пристальному и тщательному анализу указанные изделия, как это сделала П.-Л. Лехтосало-Хиландер [180]. Для фибул ею введено много характеристик: вес, орнаменты головок, дуги, ребра и муфты иглы и т. д. В какой-то мере это мешает выявлению общих и особенных черт украшений, встречающихся на большой территории. Оказывается, что по одним признакам образцы из Юго-Западной Финляндии близки аналогичным предметам из лапландских кладов, Ижорской земли, по другим — отличны. Неоправданно привлечение группы маленьких пластинчатых фибул с ребром по дуге, но со свернутыми в трубочку концами. У них иное происхождение, ареал их практически безграничен, хотя вполне допустимо, что они как-то связаны с рассматриваемым типом фибул. Карттирование двухскатнопластинчатых фибул Финляндии, Карельского перешейка без учета эстонских и ижорских находок, которые привлекаются только для сравнения, создает ложное впечатление, будто бы населению Финляндии, и только Финляндии, в большей мере свойственны эти украшения.

Юго-западнофинляндские экземпляры (их шесть) хорошо датированы: фибула из трупоположения 25 в Луйстари—началом XI в.,³⁵ из клада Ноусайнен—Никкиля — 1050-ми гг., из Кёюлиэ—Ванханкартано — второй половиной XI в., из Мария—Сарамяки — 1000 г. Две последние и одна из могильника Таскула значительно меньше, чем остальные. По внешнему оформлению финляндские находки не составляют единой группы. На фибуле из Таскула ребро дуги орнаментировано так же, как и в Кокемяки—Калвомяки, Кусамо—Таваярви, Куолаярви и в Эстонии. Прекрасный и совершенный по исполнению образец из Луйстари ближе всего, как пишет исследовательница, не к юго-западнофинляндским экземплярам, а к фибулам из Кусамо—Лямы и Путиловского клада. Изделие из Кёюлиэ—Ванханкартано и Мария—Сарамяки — вещам из кладов Лапландии и Ижорского плато. Если же сопоставлять орнаменты на головках фибул, возникнут новые группы, объединяющие фибулы с различных территорий. Иными словами, отдельно взятые признаки не могут выявить культурно значимые и объективно существующие связи.

П.-Л. Лехтосало-Хиландер констатирует следующее: те свойства, которые объединяют ижоро-корельские и лапландские фибулы, имеются также и у юго-западнофинляндских, в то время как есть общие черты только между лапландскими и юго-западнофинляндскими изделиями.

³⁵ Датировка фибулы из Луйстари вызывает сомнение, так как она близка экземплярам из кладов Кусамо и Куолаярви, дата зарытия которых XII в.

Однако и здесь не обошлось без исключений: фибула из Таваярви близка ижорскому экземпляру. Исследовательница справедливо оспаривает традиционное мнение, по которому фибулы из Куолаярви древнекарельские, поскольку на них нет растительной орнаментики и заметны некоторые различия головок. Лехтосало-Хиландер считает, что найденные в лапландских кладах и в Юго-Западной Финляндии фибулы финского происхождения, в то время как у эстонских и корело-ижорских отсутствуют свойства, объединяющие изделия из Юго-Западной Финляндии. Однако этому противоречит отмеченное разнообразие даже в небольшой группе юго-западнофинляндских экземпляров, что вряд ли может свидетельствовать о едином центре их изготовления.

На вопрос, являются ли пластинчатые неорнаментированные подковообразные фибулы древнекарельскими, мы не беремся ответить. Гораздо важнее другой, вытекающий из анализа материала вывод: фибулы XI—XII вв. получили на территории летописной корелы самостоятельное развитие, выразившееся в появлении типичных орнаментированных экземпляров. Прослеженная эволюционная связь обоих типов фибул весьма существенна для «наведения мостов» между памятниками I—начала II тыс. и древностями XII—XV вв., приписываемыми летописной кореле, и выявления истоков древнекарельской культуры.

Сpirальные браслеты из треугольного дрота с завитками на концах были популярны в Финляндии еще в железном веке, а в период викингов они достигли широкого распространения [174, S. 102, Abb. 744]. Подобные изделия из серебра (серебряные слитки) в готландских и эстонских кладах датируются X—XI вв. Лишь одно украшение из Вайда-ского клада, по мнению Э. Ю. Тыниссона, датируется XII в. и может считаться браслетом [214, Abb. 35, 2—4; 36, 3, 4; 39, 9; 40, 4—6 и. а.; 223, s. 256]; то же самое относится, вероятно, и к серебряному браслету в виде треугольного дрота из клада Куолаярви. В XI—XIV вв. бронзовые спиральные браслеты, так же как и перстни, в Прибалтике обычны [55, 107]. Спиральные перстни особенно привились в финно-угорской среде, где бытовали вплоть до XV в., есть и в Новгороде [106, с. 256]. В Северо-Западном Приладожье они найдены на городище Хямеэнлахти (№ 91; холмы 2 и 8), местонахождении Лапинлахти (№ 146) XII—XIV вв., в могильниках Нукутталахти VI в. и Лапинлахти VIII в. Спиральные перстни и браслеты из круглой проволоки обнаружены в трупосожжениях X в. у Куркийоки [53, табл. 2, 13—15]. В группу предметов XI—XII вв. входит бронзовая застежка с головкой в виде восьмилепестковой розетки и растительным орнаментом по дуге (рис. 6, 13).

У фибул с косорифленой средней частью концы, имеющие граненые головки со скосленными углами, несколько приподняты. Дуга в средней части утолщенная, сечение приближается к четырехугольнику с закругленными углами, концы дуги тонкие и круглые. Муфта иглы украшена параллельными линиями и орнаментом «бычий глаз», края ее несколько загнуты вниз (рис. 6, 14) [207, S. 78]. У более поздних образцов в середине дуги появляется растительный орнамент. Бронзовые фибулы с косорифленой средней частью, но неидентичные древнекарельским, в большом числе происходят из восточнобалтийских памятников, считающихся местом

их изготовления [207, S. 78]: из эстонских кладов XII—XIII вв. (Велтси, Кехала, Тырма I) и памятников XIV в. (например, в Орешке в слое второй четверти XIV в.), из древностей ливов и куршей XIII—XIV вв. [212, s. 337]. Кроме фибулы из Мийнала (№ 16), в Северо-Западном Приладожье подобные застежки датируются последующими веками.

Фибула с маковидными головками и крученою средней частью дуги с городища Паасо имеет обширные аналогии на восточнобалтийских территориях [212, s. 332], в северо-западных областях Восточной Европы [66, с. 163], в Финляндии и на Готланде [207, S. 56; 174, Abb. 700].

Серебряную фибулу с выпуклостью на кольце из Ряйсяля (№ 153) по аналогии с ранними экземплярами с Готланда и из Финляндии [214, Abb. 200, 11; 217, 5; 231, 1; 246, 4; 258, 1; 284; 207, S. 65, 70—71]³⁶ можно датировать XII в. (рис. 6, 11), основная же часть изделий встречена на памятниках второй группы. Они известны в древностях Эстонии: в каменных и грунтовых могильниках с трупоположениями, на городище Лыхавере, в кладах XII—XIV вв. [212, s. 334]. Предметы из курганов Новгородской земли — Тяглино (курганы 13, 25), Хотыницы (47), Яблоницы (курган 47) — датированы XI—XIII вв. [66, с. 166].³⁷ В Новгороде фибула обнаружена в слое начала XIV в. [106, с. 245, рис. 6, 20], в Северной Швеции — в памятниках X—XIV вв.: Унна Сайва, Гротрек (у фибулы несколько иные головки), Люкселя [213, pl. 13, 10; 38, 1, 2; fig. 2a].

Разделители ремня с концевыми бляшками найдены в Киппола (№ 49; рис. 6, 12) и на городище Паасо [53, табл. 22, 12]. Обширные аналогии, позволяющие датировать наши изделия XI—XII вв., прослежены в Эстонии, в том числе и на о-ве Сарема (в каменных могильниках Мади, Вильтина, Хаймре, Разику и т. д., в могильниках с трупоположениями), в Литве и Латвии [226, Taf. XX; XXIV, 1, 2; XXVI, 5, 7; XXXIII, 3; 212, s. 301], Финляндии [174, S. 119, Abb. 893] и Ижорской земле [110, табл. VIII, 8, 9; XIV, 28; XV, 12; XVI, 25]. Подобные разделители ремней, но несколько иначе оформленные, есть в более поздних погребениях Карельского перешейка (Хийтола, Суотниэми, Каукола). Связи между памятниками двух различных хронологических групп прослеживаются по находкам бронзово-медных спиралек, характерных как для могильников и городищ летописной короли XII—XV вв., так и для трупосожжений I тыс. (Лапинлахти, Хенномяки и Лопотти).

Орудия сельского хозяйства — мотыги — встречены на территориях, заселенных предками собственно карел, карел-ливвиков и людиков [174, S. 148, Abb. 1241].³⁸ В Северо-Западном Приладожье они использовались в X—XI вв.: Мийнала (№ 16), Хенномяки (№ 7), Куппала

³⁶ Встречены пять раз с монетами X—XI вв. Ранним представителем этого типа X. Салмо приписывает готландское происхождение и датирует XI в. Таковы фибулы клада с монетой 1076—1099 гг. из Эстонии, из Марса—Вирусмяки в Финляндии с монетой 1042—1066 гг., но большинство экземпляров, как и наша фибула, по мнению Салмо, использовалось в XII в.

³⁷ Датировка XI в. нам представляется необоснованной.

³⁸ В Финляндии известны 3 экз. Четвертый — случайная находка на территории Карелии.

(№ 13, атипичная) — и в XII в.: Ховинсари (№ 85, 110, 112), Кекомяки (№ 116),³⁹ Паасо [53, табл. 11, 5]. В XI—XII вв. мотыги зафиксированы на Олонецком перешейке в могильнике у д. Симон-Наволок, в курганах 2 и 4 у д. Большие Горы [90, табл. VI, 15—17] в тех захоронениях, которые имеют сходные черты с погребениями Северо-Западного Приладожья. Длительное время у населения северо-западных берегов Ладожского озера были в употреблении косы (3 экз.), серпы (2 экз.) и так называемые ледоходные шипы.

В итоге анализа материальной культуры I—начала II тыс. выяснилось, что некоторые предметы XII—XIV вв. (серебряные пластинчатые орнаментированные древнекарельские фибулы, спиральные перстни и пластинчатые подвески, застежки с косорифленой средней частью и утолщением на кольце, разделители ремней, медные спиральки, топоры типа М, мотыги, косы и серпы, некоторые предметы бытового инвентаря) имеют прототипы в более древних пластинах. Как уже говорилось, для всей территории характерен единый (в общих чертах) погребальный обряд. И все-таки следует признать, что у древних карел начало II тыс. характеризуется появлением новых типов украшений, не связанных с более древними памятниками. Факт этот довольно типичен не только для ближайших соседей карел — эстов и ливов [212, с. 225—230], — но и для населения обширных регионов Севера Европы указанного времени. Различие в их материальной культуре объясняется не только этническим развитием общества, но и в первую очередь разным социально-экономическим уровнем.

Процессы этногенеза нельзя рассматривать обособленно, в отрыве от социально-экономической истории, культурного и экономического развития народа и его соседей. В ходе этнической эволюции меняются тип этнической общности (от племени или племенного объединения к народности) и язык народа. В социально-экономическом развитии корела прошла те же стадии, что и соседние народы. Небольшой археологический материал не может с достаточной полнотой осветить хозяйственную деятельность, равно как и социально-экономические отношения раннего периода. Сравнительное изучение экономики и общественных отношений у прибалтийских народов и сопоставление с социально-экономическими процессами на Руси дают, смеем надеяться, возможность создать приблизительную модель жизнедеятельности корельских племен. Целесообразно привлечение лингвистического и фольклорного материала, в котором нашли отражение различные стороны социально-экономических отношений у корелы. Создававшиеся в течение нескольких веков корельские эпические песни содержат различные хронологические напластования, позволяющие наметить контуры переходного этапа от первобытнообщинного строя к феодализму, и в какой-то степени проследить зарождение феодальных отношений, хотя эти процессы были чрезвычайно замедленными.

Основу хозяйства населения в I тыс. н. э. составляло земледелие. Трудно сказать, когда корела приобщилась к производящему виду хо-

³⁹ Мотыги же из Кекомяки найдены между могилами и, возможно, сохранились от более древнего памятника.

зяйства. Корни его уходят в глубокое прошлое, а археологические материалы не всегда в состоянии выявить их. Большинство исследователей склоняются к мысли, что земледелие на Севере европейской части СССР существовало до прихода славян. По лингвистическим данным, некоторые слова балтского происхождения в карельской лексике, связанные с примитивным земледелием и скотоводством, относятся ко II тыс. до н. э. О более продуктивном и прогрессивном пашенном земледелии, а также животноводстве свидетельствуют перенятые от древнегерманских племен слова, вошедшие в карельский язык позднее, примерно в I тыс. до н. э. Но археологическими материалами столь ранняя дата пока не подтверждилась.

У населения Северо-Западного Приладожья, как и у соседей — эстов, в первой половине I тыс. н. э. подсечное земледелие, по всей вероятности, становится традиционным занятием. Переход от ручного подсечного земледелия к пашенному с применением тягловой силы животных произошел, очевидно, в первой половине I тыс. н. э. Правда, железные наконечники древнейших почвообрабатывающих орудий — рал, найденные в небольшом количестве в археологических памятниках европейской части СССР, датируются лишь второй половиной I тыс. н. э. Но, как выяснилось, отсутствие в археологических памятниках железных частей рал не означает, что население не было знакомо с пашенным земледелием. Иногда при раскопках удавалось обнаружить деревянные рала без железных наконечников, датирующиеся серединой I тыс. до н. э. [117, с. 16—17]. Видимо, в центральных районах Карельского перешейка пашенное земледелие возникло во второй половине I тыс. н. э.

С производством железа в примитивных горнах население познакомилось во второй половине I тыс. до н. э. Но еще долгое время для изготовления орудий труда использовались камень и кость. Варианты карельских эпических песен сохранили упоминания о каменных орудиях труда как о вполне обычном явлении, а железные на первых порах воспринимались создателями устного народного творчества в качестве привлекательного новшества [56, с. 25]. С конца I тыс. н. э. сельскохозяйственный инвентарь, рабочие и бытовые инструменты, оружие изготавливались из железа. Как можно судить по рунам, кузнец в зависимости от времени года выполнял различные виды работ: занимался земледелием, ловил рыбу, делал сани, лодки и т. д. В железоделательном производстве, продукции которого изготавлялась на заказ, а не на рынок, отсутствовала специализация. Герой карельского эпоса Ильмариен мог выковать все: оружие и орудия труда, предметы украшения и многое другое. Постепенно производство железа и кузнечное дело, спрос на продукцию которого был велик, стали отделяться от земледелия.

Значительную долю в хозяйстве занимали его древнейшие формы: охота и рыболовство. Мотивы коллективного рыболовства и охоты являются наиболее ранними сюжетами в карельских эпических песнях. В общественном пользовании были не только орудия труда и средства передвижения, но и полученная в результате совместных усилий продукция. Руны отразили и первобытнообщинный характер скотоводства, и в частности коневодства.

Рост производительных сил, усиление торговых связей, наблюдавшиеся к концу I тыс. н. э., но главным образом на рубеже тысячелетий, не могли не способствовать разложению первобытнообщинного строя и зарождению феодальных отношений, хотя конкретные формы их проявления обнаружить крайне трудно. Отмечаются элементы патриархального рабства, возникшие на стадии родового строя, что нашло отражение в устном народном творчестве. Судя по карельским эпическим песням, повествующим об ограниченности рабского труда, его непроизводительности, рабство у карел не получило широкого распространения.

В конце X—начале XI в. у жителей Северо-Западного Приладожья появляется военная знать. Руны «Калевалы», характеризующие этот период, в отличие от более ранних рун, что воспевали людей мирных профессий, прославляют оружие и военные подвиги, добытое в сражениях богатство. Имущественная и социальная дифференциация нашла отражение в появлении кладов серебряных монет и вещей, датирующихся в Северо-Западном Приладожье XI в. Источником личного обогащения была земля, постепенно попадавшая в частную собственность, что послужило одной из главных причин разложения первобытнообщинных отношений. Создаются условия для постепенного перехода от родовой общины к соседской. Выделившиеся племенные старейшины и просто влиятельные люди племени — в карельских рунах они называются кунингасами — исподволь сосредоточивают в своих руках политическую и экономическую власть над рядовым населением. Однако формированию классового общества предшествовал длительный переходный этап.

В период разложения первобытнообщинного строя и складывания феодальных отношений сама корела, как определенная этническая общность, прошла сложный и длительный путь развития. В эпоху первобытнообщинного строя примитивный уровень подсечного земледелия, охоты и рыболовства, слаборазвитость внутренних и внешних экономических связей затрудняли сближение разделенных большими пространствами племенных групп. Задокументированные во второй половине I тыс. н. э. контакты с финно-угорскими племенами Прибалтики, Финляндии и Севера европейской части СССР не отличались стабильностью.

I—начало II тыс. на берегах Ладожского озера было временем формирования древнекарельской народности, когда вырабатывались присущие только ей единые этнокультурные черты, а привнесенные извне элементы, трансформируясь в соответствии с мировоззрением населения, органически входили в обиход. С другой стороны, и соседи испытали на себе влияние корелы. Финляндские исследователи полагают, что клад из Хейнъюки свидетельствует о торговле фризского купца с новгородской Карелией (северо-западные берега Ладожского озера),⁴⁰ хотя говорить о прямых торговых контактах нет оснований [170, с. 68]. Вероятно, жители Карельского перешейка постепенно проникают на территорию Финляндии или выступают в роли торговых посредников. Четыре арабские монеты и серебряные браслеты, датирующиеся X в. и найденные в Южном

⁴⁰ По мнению К. А. Нордмана, о существовании фризских связей в эпоху викингов свидетельствует и состав монет, и название Бъёрко (Björko) [198, S. 289].

Саво, согласно Р. Фасмеру [233, S. 29], завезены из Северо-Западной Руси или с Ижорского плато.

Уже в X—XI вв. в контактирующих зонах намечается сближение корелы и населения Олонецкого перешейка, выразившееся в формировании гибридной культуры, в которой присутствуют черты двух этнических групп: древних карел и веси, что можно расценивать как одну из ступеней в сложном и многоэтапном процессе формирования современной карельской народности. В памятниках XI—XII вв. появляются вещи, свидетельствующие о прочных и крепнущих связях с Новгородом, соседними финно-угорскими племенами и в значительной степени с древними эстами.

Издревле корелой был проложен путь к Ботническому заливу и в Лапландию, где торговцы покупали драгоценные меха. Состав вещей кладов Кусамо и Куолаярви позволил предположить, что они принадлежали купцам, связанным торговыми делами с Корельской землей и Новгородом [198, с. 289]. Некоторые западноевропейские вещи попали в Северо-Западное Приладожье, вероятно, кружным путем — из Новгорода, Ладоги и Прибалтики [170, с. 68]. Есть все основания полагать, что в начале II тыс. н. э. связи корелы с древнерусскими городами были значительно сильнее и весомее по степени воздействия, конечным результатом в политической, экономической и духовной сфере, чем западноевропейские.

С переходом к феодальной формации племенное объединение корела превращается в древнекарельскую народность с единой территорией, языком и общей материальной культурой. XII—XIV вв. — время расцвета древнекарельской культуры, характеризующейся яркими самобытными чертами.

НАРОДНОСТЬ КОРЕЛА В XII—XV вв.

К XII—XV вв. относится большинство памятников Северо-Западного Приладожья, представленных в основном поселениями и могильниками, изученными еще в XIX в. В 70-х гг. XX в. источниковедческая база существенно пополнилась исследованиями древнекарельских городиц. Увеличилось число изученных памятников на территории Финляндии, в приграничных с Карелией областях, на землях, заселенных летописной корелой [53, рис. 6].

Привлечение сообщений русских летописей и исторических документов, скандинавских саг и берестяных грамот, всей суммы фактов, накопленных археологией, лингвистикой, этнографией и антропологией, представляет возможности для комплексного решения проблемы, позволяет охарактеризовать важнейшие стороны политической, хозяйственной и культурной жизни, выявить идеологические представления и социальные отношения народности корела в XII—XV вв.

ПОСЕЛЕНИЯ, КЛАДЫ, «ЖЕРТВЕННЫЕ» КАМНИ

На территории летописной корелы в Северо-Западном Приладожье исследовано шесть поселений. Они располагались на берегах залива Ладожского озера (Хямеэнлахти, № 91), небольшого озера (Сур-Микли, № 92), на речных островах (Тиверск, Корела) и берегах рек, в 1—2 км от их впадения (Паасо, Куркийоки) в Ладожское озеро (берега Ладоги, судя по всему, были далеко не безопасны для жителей). Но еще до возникновения поселений географически и топографически удобные участки местности были по достоинству оценены предшественниками. На острове, занимаемом Тиверском, сохранились остатки поселения X—XI вв.; на Паасонвуори и Лопотти прослежены могильники по обряду трупосожжения.

Заметна определенная ритмичность (приблизительно через 40 км) в расстановке поселений, которую не нарушает близкое соседство городиц Хямеэнлахти и Лопотти (Куркийоки, № 90; расстояние между ними около 5 км), так как они хронологически не совместимы. Вполне возможно, что в районе Лахденпохья (Яакима) впоследствии обнаружится

еще одно укрепленное поселение, поскольку известное здесь городище Сур-Микли носило явно кратковременный характер.

Топография поселений, конструктивные особенности застройки связаны и с защитными свойствами рельефа, но главным образом с теми целями и задачами, ради которых они сооружались. На протяжении длительного времени за Карельский перешеек между Швецией и Новгородским государством велась ожесточенная борьба, и последствия ее корела испытала в полной мере, что нашло яркое отражение в археологических памятниках.

Наиболее полно изучены городища Паасо, Тиверск, Куркийоки и городок Корела. Поселения Хямеэнлахти и Сур-Микли, раскопанные в XIX в., дают крайне скучную информацию. Можно лишь предполагать, используя описания предшественников, упоминавших о поросших землей каменных холмах, аналогичных Паасо, что на них имелись такие же сооружения на каменных фундаментах, которые зафиксированы на недавно раскопанных памятниках. Для всех городищ характерны внешние оборонительные линии в виде каменных стен или валов. Для усиления обороноспособности поселения внутренние, видимо деревянные, постройки, поставленные на фундамент из природных камней без связующего раствора, образовывали вспомогательную защитную линию.

Городище Паасо (№ 93) площадью около 1000 м², возникшее раньше, чем Тиверск, примерно в XII—XIII вв., служило, вероятнее всего, убежищем для земледельческого населения, охотников и рыболовов, лишь отчасти связанных с обработкой металла.¹ Добытый материал позволяет уловить определенную закономерность в застройке. На труднодоступной для восхождения горе, на довольно небольшой узкой площадке, размещалось семь построек площадью 40—48 м² (размеры безусловно преувеличены, так как фундаменты измерялись по максимальному развалу камней), ориентированных в направлении С—Ю² и расставленных в шахматном порядке (они составляли единую оборонительную линию). Печи или очаги располагались в центральной части жилищ: в одних — ближе к северным, в других — к южным стенам. По своим конструктивным особенностям планировка Паасо близка застройке Тиверского городка. Различна лишь ориентировка построек, что связано с конкретным рельефом каждого памятника.

На поселении вскрыты кузнецкий горн (рис. 12), в котором, возможно, также плавили цветной металл, судя по найденным обломкам тигля. Основание сооружения размещалось в треугольном скальном западении, на дне которого (глубина 58 см) прослежена прослойка золы, перекрытой

¹ В 1980 г. раскопки на городище Паасо были завершены. В связи с тем что результаты последнего полевого сезона в каталоге памятников [53] не отражены, мы сочли целесообразным новые материалы внести в эту книгу. Выражая искреннюю признательность членам экспедиции: В. А. и Вл. А. Базегским, Т. М. Нееловой, А. М. Слипидонову, Н. В. Федотову, С. П. Швабовской — и школьникам г. Сортавала, принимавшим активное участие в раскопках.

² Фундамент V ориентирован по линии СВ—ЮЗ, но поскольку он подвергся значительным разрушениям, то нет уверенности в правильности установленной ориентировки. Фундамент VII представлен одним углом, стены которого расположены в направлении СЗ—ЮВ.

сверху большим количеством камней, значительной частью обожженных, с обильной примесью углей. Куски шлаков (около 400) и обожженной глины (примерно 100) встречались в верхней и в нижней частях горна. На дне углубления собраны железные изделия. От восточной стороны сооружения отходил узкий (шириной 36 см) сток в подстилающей скале, который под прямым углом заворачивал на юг, следуя естественному склону. Вблизи горна находился источник воды.

Население городища поддерживало оживленные торговые связи с соседями, о чем свидетельствуют не только разнообразные изделия, но и бронзовая, обтянутая железным листом сферическая гирька и чашечка весов. Кратность гирьки обозначена пятью мелкими кружками на обеих плоскостях. Вес ее 94,5 г, что равняется приблизительно половине гринвы серебра новгородской денежной системы того времени.

Городище, по всей вероятности, перестало существовать в результате внезапного вражеского нападения.

В конце XIII—начале XIV в. в Корельской земле при непосредственном участии новгородских властей было начато строительство крепостей для защиты государственных пограничных рубежей от шведских посягательств и территориальных захватов. Для укрепления власти феодальной знати над рядовым населением.

Немаловажная роль в осуществлении замыслов отводилась Тверску (№ 79) — военно-оборонительному комплексу с отчетливо выраженным ремесленным характером. По площади (около 10 000 м²) он значительно превышал предыдущие поселения. 14 фундаментов жилищ, вскрытых на городище в XIX в. и в наше время, ориентированы в направлении СЗ—ЮВ. Фундаменты сложены из мелких, вплотную пригнанных камней, смазанных глиной. Верхняя часть домов была деревянной. Дно и боковые стены отопительных сооружений тоже выкладывались из мелких камней и располагались в жилище, как правило, в северо-западном углу, ближе ко входу. Площадь жилищ колебалась от 18—20 до 54 м² (в больших помещениях обычно размещались хозяйствственные комплексы). Вытянутые по линии ЮВ—СЗ, они составляли двухрядную цепочку, иногда в шахматном порядке, и занимали весь остров, исполняя этим оборонительную функцию (исключение составляют два неисследованных фундамента, помеченных на плане XIX в. контуром из выступающих на поверхность камней). Южная часть городища защищена валом, в северной, укрепленной каменной стеной, сосредоточены помимо жилищ хозяйственные сооружения, в том числе кузница. Жители Тверска не только несли сторожевую службу, но занимались ремеслом и в какой-то мере — сельским хозяйством, животноводством, охотой, рыбной ловлей. Разрушенный шведами в 1411 г. Тверск уже не восстанавливался.

Самым крупным поселением на северо-западе Новгородской земли являлась Корела (Корельский городок, № 86), сооруженная, наверно, раньше Тверска, имевшего в общем-то второстепенное или, точнее говоря, подчиненное по отношению к Кореле значение (он и задуман был, вероятно, как дополнительное сооружение для защиты главного на Корельском перешейке поселения). Поскольку Корела была административным центром, а основную часть ее населения составляли новгородцы,

то планировка, срубного типа жилые постройки и материальная культура в целом свидетельствуют о доминирующей роли древнерусского влияния со всеми вытекающими отсюда последствиями.

При обилии вещей русского городского ремесла в верхнем строительном горизонте вряд ли правомерно делать вывод о падении влияния корелы в городе. Отсутствие характеризующих древнекарельский этнос вещей — естественный, связанный с христианизацией населения, главным образом представителей господствующего класса, процесс. Напротив, писцовые книги указывают на наличие в административном центре Корельской земли представителей местного населения: «Да на посаде же дворы своеzemцев корельских, а в них живут сами и дворники»; «на Спасском острову двор Григория Иванова сына Рокульского» и «двор Исааков Рокульского»; «двор Микиты Рокульского у мосту на Спасском острову»; «пищальники на Спасском острову Сысойко Елизаров сын, старой пищальник корельской», а «внутри города в Кореле место Григория Иванова Рокульского» [82, с. 5—6].

В глубине древнекарельской территории военные поселения сооружались и в XV—XVI вв., ибо шведы не отказались от планов захвата земель Русского государства. Так было построено городище в Куркийоки с такими же, как у более ранних поселений корелы, особенностями. Оно располагалось на невысокой возвышенности Лопотти, омываемой с севера р. Рахоланиоки, впадающей в залив Ладожского озера. Площадь его около 500 м². Помимо внешних оборонительных линий в виде сложенных «насухо» из камней стен, защищавших возвышенность с трех сторон, существовали внутренние — из жилых построек. Деревянные дома на каменных фундаментах (раскопаны четыре) площадью от 13 до 25 м², с печами-каменками в северо-восточном углу ориентированы в направлении СЗ—ЮВ. Поскольку наступление противника ожидалось с севера, со стороны реки, строители постарались максимально укрепить северный мыс городища, создав заслон из жилищ, сконструированных в виде пристроек к общей каменной стене, идущей поперек возвышенности.

В основной своей массе археологический материал представлен бытовыми изделиями. Малочисленны предметы украшения и оружие. Следов насилиственной гибели на городище не выявлено, видимо оборонительные сооружения оправдали свое назначение.

Древнекарельские жилые сооружения близки сохранившимся на Севере (у финско-карельского населения восточных районов Финляндии и у карел КАССР), тоящимся по-черному баниям. В четырехстенных, без предбанника, с почти плоской односкатной крышей баниях печи-каменки строились устьем ко входу. Эти детали и в такой же степени устроство полка, расположение лавки, по мнению этнографов, напоминает внутреннее убранство курных изб и свидетельствует об эволюции жилища. Подмечено также, что бани, распространенные у прибалтийско-финских народов, в том числе у карел, вепсов, определенной части ижоры, имеют общую терминологию и являются одним из важных этнических признаков. При всех внешних влияниях связанные с баней обряды и верования карел, финнов Восточной Финляндии сохранили много самобытных черт [76, с. 213—215].

Возможно, в случаях крайней опасности население использовало естественные труднодоступные возвышенности с обрывистыми склонами, дополнив и завершив созданное природой некоторыми вспомогательными укреплениями [53, с. 122—123]. Безусловно, существовала и такая форма поселения, как открытые селища, но, к сожалению, они почти не изучены.

На территории Северо-Западного Приладожья обнаружены четыре клада с серебряными вещами [53, № 196—199, табл. 25, 26]. Датировать их узким промежутком времени нельзя, поскольку предметы XII—XIII вв. (например, слюкё, крупные филигравные бусы, круглые выпуклые фибулы, орнаментированные растительным узором, поясной крючок, скрученная из нескольких проволочек с полыми гладкими концами гривна) найдены с изделиями XIII—XIV вв. Более или менее точная дата возможна лишь для Тиверского клада, зарытого, видимо, в XIV—начале XV в.

К слабо изученным относится вопрос о «жертвенных» камнях. Как известно по аналогичным находкам в Финляндии и Эстонии, их отличают неглубокие чашеобразные углубления числом от 1 до 10—60 (на двух около 200). По сведениям Э. Кивикоски, в Северо-Западном Приладожье «жертвенных» камней 15 (три обнаружены в районе Суотниэми) [177, с. 13], в Южном Саво — несколько десятков.³ Культовые камни, как правило, располагавшиеся по краям полей, связывают с обрядом поклонения усопшему, с культом плодородия [171, с. 254].

МОГИЛЬНИКИ И ИХ ДАТИРОВКА

Сведения о погребальных памятниках корелы, большая часть которых исследована в конце XIX—начале XX в. на Карельском перешейке, почерпнуты из раскопок финляндских археологов. На северных берегах Ладоги не выявлено пока ни одного могильника — в этом проявилась неравномерная территориальная изученность.

Для известных к настоящему времени могильников характерны некоторые общие черты: тесная связь с участками, пригодными для земледелия (вот почему древние могильники обнаружены вблизи населенных пунктов); размещение на южных склонах песчаных пригорков; довольно большая глубина могил. Традиция закладывать кладбища на местах, соседствующих с полями, а следовательно, вблизи поселений прослеживается еще по памятникам I—начала II тыс. Естественно поэтому, что могильники первой и второй хронологических групп сопутствуют друг другу. Примером служат такие памятники, как Коукунниэми (№ 2), Хеннонмяки (№ 7), Калмистомяки (№ 10), Наскалинмяки (№ 6), Лапинлахти (№ 26), Куппала (№ 13). О территориальном совпадении могильников с захоронениями по обряду трупосожжения и более поздних городищ только что упоминалось [53, рис. 2].

В древности кладбища, по-видимому, имели какие-то внешние признаки (недаром в топонимии для некоторых пригорков сохранилось на-

³ Три «жертвенных» камня в районе д. Ольховки обнаружены А. И. Саксой [103, с. 31].

звание Калмистомяки), но теперь, по прошествии нескольких веков бурной человеческой деятельности, обнаружение их оказалось весьма сложной задачей. Также трудны поиски и финляндских могильников, открываемых, как правило, в результате строительных работ.

Господствующим обрядом погребения было трупоположение; трупосожжение, зафиксированное лишь в нескольких могилах, древними карелами применялось редко. Каждое хорошо сохранившееся кладбище наряду с некоторыми общими для древнекарельских могильников чертами имело специфические свойства.

Могильник Патья (№ 102), видимо, самый крупный из всех известных на Карельском перешейке: 30 могил исследовано, около 50 уничтожено. Был заложен во второй половине XIII в. и существовал длительное время. Два комплекта вещей с типичным для корелы инвентарем собраны из женского и мужского погребений. Хронологически им близки вещи из женского захоронения 21 с монетой первой половины XIII в., со следами деревянного сооружения, ориентированного на З. Погр. 23 (ориентировка на ЮЗ) с иконкой из медного сплава датируется, должно быть, XIV в. [53, табл. 13]. 18 могил, расположенных в направлении З—В или ЮЗ—СВ, безынвентарные, без гробовищ. Исследованные Т. Швингтом погребения носили отчетливый христианский характер: умершие помещены в выдолбленные из сосны гробовища без сопровождающего инвентаря.

В Леппясемяки (№ 103) сохранились четыре могилы с захоронениями по обряду трупоположения: три разрушены; четвертая, ориентированная на ЮВ, содержала женское захоронение. Находилось ли оно в деревянном сооружении, осталось невыясненным — в тексте сведений нет, но на прилагаемом Т. Швингтом рисунке верхняя часть могильной ямы оконтурена. Сопровождающий инвентарь представлен полным набором женских ювелирных изделий. Отмечены и такие редкие детали, как налобное украшение из спиралек и низка бус [53, табл. 14].

Могильник Ховинсари (№ 110, 112) содержал 18 могил, из них одну с частичным, другую с полным сожжением. Расстояние между ними достигало от 3 до 10—12 м, глубина варьировала от 0.45 до 1.2 м. Правда, глубина погребений, как уже было отмечено Т. Швингтом, зависела от расположения могил на пригорке. Те, что находились наверху, в результате сползания почвы оказывались ближе к поверхности, а те, что внизу, — глубже. В мог. 1 (а именно в ней находилось женское погребение, подвергнутое неполной кремации, несожженою была нижняя часть скелета) погребальный инвентарь относительно костяка расположен так же, как при трупоположении, что позволило установить северную ориентировку умершей. На покойной прослежены куски обуглившейся бересты. Остатки деревянного сооружения не выявлены [53, табл. 15]. В мог. 13 сожженные кости мужчины и женщины (точное число погребенных установить нельзя) находились уже в прямоугольной раме, ориентированной на СВ.

В особую группу выделяются девять могил с 11 захоронениями (семь женских и четыре мужских), ориентированными на С (8) и СВ (3). При схожести ориентировок выявлены варианты в погребальном обряде и различия в сопровождающих вещах. Над большинством могил просле-

жены кладки из обожженных камней, а над мог. 3 (раскопки 1886 г.) — плотное глинистое пятно (каменные кладки отсутствуют над парным погребением в мог. 5 и в разрушенных захоронениях 8 и 9). Умершие помещены в деревянные могильные сооружения, в одном случае даже с крышкой. Из-за нечеткости описания остаются сомнения относительно мог. 3 и 5, хотя на иллюстрациях помечены контуры каких-то сооружений. Нет деревянной конструкции и в мог. 8, может быть, оттого, что она разрушена. На некоторых, но не на всех, женских костяках прослежены следы бересты. В четырех захоронениях в ногах умерших помещен бытовой, сельскохозяйственный инвентарь или рабочие инструменты, но в трех женских они отсутствовали.

В сопровождающих мужские погребения находках, кроме топоров, которые, по-видимому, были рабочими, нет предметов вооружения. Из семи женских захоронений в одном зафиксирован передник с пашитыми спиральными украшениями, в другом — сюкёре. Головные платки прослежены в мог. 1, 6 (в последней была еще наплечная накидка) и 7. В двух неразрушенных захоронениях отсутствовали Ф-образные пронизки. По рисункам может создаться впечатление, что в мог. 7 и 8 умершие погребены сидя, однако небольшая глубина их (0.45 и 0.5 м) исключает подобное предположение.

В третью, более позднюю, группу включено семь могил: Ховинсари-2 (1886 г.), 2 (1888 г.), 4 (1886 г.), 10—12, 14. Четыре ориентированы на З (они отделялись от основного скопления могил несколькими десятками метров), по одной — на Ю и ССЗ (все они в деревянных колодах и без вещей, за исключением фрагментов керамики в мог. 4). Одно погребение, ориентированное на В и находящееся под каменной кладкой с небольшим количеством рядового инвентаря, может относиться и ко второй группе могил.

На территории могильника добыты некоторые предметы из разрушенных погребений, а на поле, где вскрыты хозяйственные комплексы, зафиксированы три скелета в гробах, ориентированных на З, без вещей (№ 111).

В могильнике Суотниэми (№ 113) сохранилось пять могил: четыре мужских трупоположения, ориентированных на С и СВ, и женское трупосожжение. Под тонким слоем чернозема на глубине примерно 0.6 м распространялся довольно мощный слой расколотых камней, затем 0.03—0.04 м черного угля, под ним — серая почва, перемешанная с мелкими камнями, 0.03—0.04 м углистой земли, 0.3 м мелких камней. Погребения зафиксированы под этими напластованиями в чистом песке на глубине до 1.2 м, трупосожжение — до 0.6 м. В мог. 3 (в 5 м от мог. 2; для остальных местоположение относительно друг друга не указано) в деревянной посуде содержалось трупосожжение с двумя овально-выпуклыми фибулами, круглой брошью, несколькими медными спиральками и орудиями труда [53, табл. 17]. Погр. 4 находилось в деревянной раме; в остальных она не отмечена. В мужском захоронении 1 обнаружены предметы вооружения, в том числе меч; во втором — топор; в четвертом — два топора и копье [53, табл. 16]; в разрушенном пятом — невыразительный инвентарь.

Захоронения могильника Суотниэми, видимо, хронологически близки. Более ранняя дата возможна лишь для погр. 2 и 3. Некоторые обнаруженные вариации — деревянные могильные сооружения и отсутствие их, отклонения в ориентировке покойных, различия в сопровождающем инвентаре, — по всей вероятности, зафиксировали существующее в среде древних карел разнообразие в погребальной обрядности.

В могильнике Кекомяки (№ 116) было шесть могил: пять расположены компактно, приблизительно в 2—3 м друг от друга, на глубине 0.4—0.5 м. Мог. 4 удалена от них на несколько десятков метров к югу и находилась на глубине 1.2 м. За исключением мог. 2 и 6, содержащих одиночные погребения, остальные — коллективные: в первой — четыре, в третьей — два, в четвертой и пятой — по три погребения. Умершие помещены в деревянные могильные сооружения и ориентированы головой на СЗ. Как и в других упомянутых случаях, остается неясность относительно мог. 4 и 6. Однако идентичность последней остальным по погребальному обряду и сопровождающим вещам дает право говорить о наличии и в ней деревянного сооружения. Погребение в мог. 1 покрыто берестой, окрашенной, как предполагал Т. Швингт, в красный цвет, и деревянной крышкой. Куски бересты обнаружены в мог. 2, 3, 5, 6.

В женских погребениях зафиксированы все детали одежды и предметы украшения, за исключением детского захоронения 5б, где нет остатков головного платка и передника; последние, как видно, носились только замужними женщинами. Кроме того, женские погребения сопровождались набором орудий труда. Предметы вооружения вместе с мечами (мечи не было в погр. 1г) найдены в мужских захоронениях [53, табл. 18—22].

Мог. 4 при значительном сходстве погребального обряда отличается от всех погребений скучным сопровождающим инвентарем и территориально удалена от них. Возможны два объяснения: либо в ней погребены рядовые члены общества, которым не нашлось места около состоятельных людей, либо она по времени более поздняя и свидетельствует, таким образом, о длительном сохранении традиционной погребальной обрядности. Между мог. 5 и 6 обнаружены мотыги, удила и долото, принаследжавшие разрушенным, возможно более ранним, погребениям.

Остальные могильники представлены отдельными захоронениями и подъемным материалом.

Наиболее сложными нам кажутся вопросы датирования, несмотря на обширную, посвященную им литературу. В финляндских работах нет принципиальных разногласий относительно принадлежности памятников летописной короли периода крестовых походов (1050—1300 гг.). В исследованиях К. А. Нордмана на огромном материале с привлечением обширных аналогий культура Саво и Корельской земли датируется XII—XIII вв. [196]. Ни в коей мере не умаляя достоинств и высокую научную значимость исследования, следует подчеркнуть, что все даты выведены типологическим методом, уязвимость которого очевидна.

При привлечении аналогий с близлежащих территорий возникает сомнение — синхронны ли эти вещи интересующим нас находкам, правильно ли перенесение дат со стороны без изменений, без допуска на

местные условия? Если же нет, то каким хронологическим отрезком измерить разницу между временем употребления оригинала и вещи, на которую переносится эта дата, в годы или в десятки лет? Факты долгого использования вещей в быту бесспорны, поэтому сами вещи датируются длительным промежутком времени.

Надо думать, положение могли бы исправить точно датированные комплексы, и в первую очередь погребения с монетами, но их мало. Хорошой основой для определения хронологических границ являются вещи Тиверска, существовавшего примерно 100 лет (главным образом в XIV в.), и Корельского городка. Допустимо использовать и новгородскую, и эстонскую датировки, так как эти земли были близки и активно связаны друг с другом торговыми и культурно-экономическими контактами.

Сложности в разработке хронологии древностей корелы сказались на формировании разноречивых точек зрения. Для современной финляндской археологии намечается стремление удревнить некоторые вещи и памятники корелы в целом. Особенно ярко эта тенденция проявляется в трудах П.-Л. Лехтосало-Хиландер. Взяв самую распространенную категорию женских украшений — овально-выпуклые фибулы типа Н — и проанализировав форму, размеры, способы крепления иглодержателя и орнаментику, исследовательница разделила их на несколько, по ее мнению, хронологически различных групп. Проделанную Лехтосало-Хиландер работу следует высоко оценить — классифицирован большой материал из памятников Северо-Западного Приладожья и Финляндии, тонко подмечены общие и особенные черты, выявлены серии одинаковых или близких изделий.

Однако заключение о датировке украшений периодом между 1000 и началом 1200-х гг. (причем утверждается, что подобные фибулы не встречены в погребениях конца 1200-х гг.) [179, с. 35] и примененный, в частности, при удревнении фибул метод представляются спорными. Например, вещи из сборов в районе Кякисалми (№ 162, 163) принимаются за закрытый комплекс. Найденные из Лапинлахти (№ 98), найденные на поле, где зафиксированы следы как раннего могильника с трупосожжениями, так и более позднего, произвольно объединены и неправомерно используются для доказательства ранней датировки овально-выпуклых фибул с изображением клешней рака. Что касается верхней хронологической границы бытования фибул, то она опровергается рядом поздних находок на древнерусской территории.

В отечественной науке, напротив, усматривается склонность омолодить даты, подняв их до XIV в. Но отрицание существования могильных памятников в XII—XIII вв. противоречило бы историческим фактам. Известно первое упоминание о кореле, относящееся к XII в. Вслед за первым появляется ряд других на протяжении XIII—XIV вв. Эти факты не должны игнорироваться. Существенный недостаток при разработке хронологии древнекарельских древностей заключается в отсутствии возможности проработать весь материал по единой методике. Это касается главным образом керамики, хранящейся в Национальном музее и неопубликованной, а также железного инвентаря. Если бы удалось осуществить металлографический анализ кузнецких изделий из могильников, раско-

ианных финляндскими исследователями, думается, датировка древне-карельских памятников была бы убедительней.

В данной работе предпринята попытка условно разделить известные в Северо-Западном Приладожье могильники на четыре хронологические группы. Основанием для такого выделения послужили в первую очередь некоторые категории вещей, время существования которых можно ограничить определенным периодом, и только потом учитывались особенности погребального обряда (см. таблицу).⁴

К первой группе, датирующейся XII в., отнесено восемь могил с 14 захоронениями (в Ховинсари-13 точное число погребенных неизвестно). В двух могилах (Ховинсари-1 и 13), как уже упомянуто, зафиксированы трупосожжения. Без сомнения, единичные случаи применения такого погребального обряда в памятниках Приладожья свидетельствуют об остаточности явления, ибо трупоположение получило повсеместное распространение. Кроме того, в них встречены кресала ранней формы, бытавшее в первой половине XII—середине XIII в., мотыга, известная по памятникам X—XII вв., подковообразная фибула с рифленой средней частью, аналогии которой есть еще в памятниках I—начала II тыс., круглая выпуклая оловянная фибула (датировку этой категории украшений XII—XIII вв. убедительно доказал К. А. Нордман) и ранний тип спиралевидного цепедержателя. В погр. 2 присутствовали лировидная поясная пряжка, цилиндрические металлические бусы и другие, к сожалению маловыразительные, предметы. Погр. 13 в Ховинсари, видимо, несколько позднее первого — в нем трупосожжение помещено в деревянную раму, характерную для трупоположений.

Остальные погребения, как мужские, так и женские — Ховинсари-3 (1886 г.), 4 (1888 г.), 5, 6; Кекомяки-1а—1г, 3, — сопровождались лировидными пряжками, крестообразными и монетовидной подвесками, ранними типами спиралевидных цепедержателей, мотыгами и кресалами овальной формы с заостренными боками. Три захоронения ориентированы на С, шесть — на СЗ, пять — на СВ. Каменные кладки отмечены в трех могилах, остатки бересты — в шести, деревянная рама — в четырех, орудия труда и бытовой инвентарь — в двух. Четыре могилы коллективные.

Ко второй группе, датирующейся XII—XIII вв., отнесено девять женских погребений из восьми могил: Суотниэми-2, 3; Ховинсари-1, 3 (1888 г.); Кекомяки-5а, 5б, 6; Лепяясемяки-4 и Кулхамяки-3, — большинство из которых связано комплексом сходных черт: наличием карельских подковообразных фибул, круглых выпуклых брошей, сюкера, фартуков с нашитыми спиральками. Два захоронения ориентированы на С, три — на СЗ, по одному — на СВ и ЮВ, у двух ориентировка не установлена. Каменные кладки зафиксированы в пяти могилах, следы бересты — в трех, деревянные рамы — в четырех, орудия труда и бытовой инвентарь — тоже в четырех. Одна могила коллективная.

Как видим, погребальные обряды первой и второй групп могил чрезвычайно близки. Различаются они, пожалуй, лишь тем, что в захо-

⁴ При классификации использованы в основном неповрежденные захоронения.

Хронологические группы погребений Карельского перешейка

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	
II	Леппясөнмяки-4	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ЮВ	—	+	—		
	Кулхамяки-3	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—		
	Ховинсари-3 (1888 г.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	С	—	+	—	
ПА	Патья-21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	
III	Ховинсари-7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	С	—	+	—	
	» 8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	С	—	—	—	
	» 9 (два погребения)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	С	—	—	—	
	Суотниэми-1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	С	—	—	—
	» 4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	СВ	—	—	—
	Кекомяки-2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	С	—	—	—
IIIА	Патья-23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
IIIБ	Суотниэми-5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Кекомяки-4 (три погребения)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	С	—	—	—
	Леппясөнмяки-1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	» 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
IV	Ховинсари-2 (№ 110)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	С3	—	—	—
	» 4 (№ 110)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ю	—	—	—
	» 2 (№ 112)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	В	—	—	—
	» 10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
	» 11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
	» 12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
	» 14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—

П р и м е ч а н и е. Знак плюс (+) обозначает наличие данной вещи, минус (—) — ее отсутствие.

ропениях XII—XIII вв. перечисленные особенности фиксируются чаще.

Датировка мог. Патья-21 XIII в. устанавливается по монете первой половины этого века (группа IIА).

Следует отметить, что в отдельных могилах XII и XII—XIII вв., носящих явные следы разрушения, отсутствовали некоторые вещи: в трупосожжении Суотниэми-3 — подковообразная фибула, в Патья-21 — круглая выпуклая застежка и сюкерё. Головной застежки нет также в Суотниэми-3 и Кекомяки-16 (причина ее отсутствия в последнем захоронении уже получила объяснение). В Ховинсари-1 (1888 г.) не найдено фартука со спиралью, хотя могила производит впечатление нетронутой. Не зафиксированы деревянные сооружения в Суотниэми-3, поскольку захоронение здесь совершено по обряду сожжения, и в Леппясенмяки-4 (остается под вопросом из-за неточности описания; в могиле нет, кроме того, и орудий труда). Обособленность этого захоронения, как и Патья-21, подтверждается также ориентировкой. Последнее погребение находит аналогии в могильнике Туккала, где при западной ориентировке покойных и при отсутствии характерных черт погребального обряда сопровождающий инвентарь принадлежит к развитой древнекарельской культуре.

Интересно, что головные застежки найдены только в указанных погребениях и ни в каких других, кроме кладов; передник тоже сочетается с этими предметами и погребальным обрядом (за исключением Ховинсари-3 — 1886 г.), так же как круглые выпуклые застежки и карельские подковообразные фибулы. Вышеназванные женские погребения дали основу для реконструкции одежды, поскольку в них обнаружен полный ее комплект — головной платок, наплечная накидка, длинная юбка, фартук со спиралью (детали одежды, какие в других женских захоронениях не прослежены).

Комплексов с малым количеством вещей четыре (IIБ): Кекомяки-4 (три погребения с северо-западной ориентировкой в деревянной раме), разрушенные погребения Леппясенмяки-1,2 и Суотниэми-5. Отнести их к той или иной хронологической группе не представляется возможным.

В третью группу — XIII—XIV вв. — вошло шесть могил с семью захоронениями (Ховинсари-7, 8, 9а, 9б; Суотниэми-1, 4; Кекомяки-2), сопровождающимися вещами, не имеющими четких хронологических критерий, 10 местонахождений разрушенных могильников, 52 случайные находки (Хенонмяки, № 101; Ивасканияки, № 107, 108; Хютинаахти, № 109; Кулхамяки, № 114, 115; Сяппяйс, № 117; Килпола, № 119; Сяккимяки, № 125; Калмистомяки—Куркийоки, № 126) и целый ряд пунктов с отдельными находками (№ 138—189). Все эти погребения, языческие в своей основе, можно отнести к развитой древнекарельской культуре.

Из шести могил, включенных в таблицу, только одна содержала два захоронения. Северная ориентировка зафиксирована у пяти умерших, северо-восточная — у одного (в погр. Суотниэми-1 ориентировка не установлена). Следы бересты, в отличие от погребений XII—XIII вв., прослежены лишь в одном захоронении, каменные кладки — в двух,

деревянная рама — в пяти, орудия труда и бытовой инвентарь — в двух.⁵

Промежуточное положение между погребальными памятниками XII—XIII и XIII—XIV вв. занимает могильник Лапинлахти (№ 97), в погребениях которого есть вещи раннего облика и более поздние. Сведения о погребальном обряде отсутствуют. По этим же причинам сюда следует причислить погр. Леппясемяки-3.

В четвертую хронологическую группу вошло 21 местонахождение с погребениями, совершенными по христианскому обряду, ориентированными главным образом на З и ЮЗ, хотя есть захоронения иной ориентировки: на В, Ю, ЮВ, С, СВ и СЗ. Некоторые особенности погребального обряда, засвидетельствованные на ранних этапах древнекарельской культуры, в XIV в. отсутствуют. Наличие каменных кладок отмечено в трех погребениях.

Захоронения четвертой группы находятся в деревянных гробах, иногда — в колодах без сопровождающего инвентаря или с минимальным количеством фрагментов керамики и металлических принадлежностей одежды: Келья (№ 99), Рийска (№ 100), Патья (№ 102 — 19 погребений), Салитсанранта (№ 105), Калмистомяки—Райсяля (№ 106), Ховинсари (№ 110 — мог. 2, 4; № 111, 112 — мог. 2, 10—12, 14), две поздние могилы с кладбища Сяпяйс (№ 117), Ханнола (№ 118), Килпола (№ 119), Кавосалми (№ 120), Нехвала (№ 121), Мустола (№ 122), Петкола (№ 123), Тенхола (№ 124), некоторые захоронения из Калмистомяки—Куркийоки (№ 126), Рахола (№ 127), Мийнала (№ 128), Сорола (№ 129), 28 погребений с городища Тиверск.

О времени появления христианизированных захоронений в Корельской земле можно судить по погр. Патья-23 (группа IIIА), датирующемуся XIV в., и по исследованному в Тиверске кладбищу начала XV в. Погибшие защитники положены в могильные ямы (зарегистрированы не во всех случаях) головой на СВ (1), СЗ (3), ЮЗ (6), З (11). Ориентировка семи погребенных не выявлена. Следы деревянного могильного сооружения типа колоды отмечены только в мог. 16, что объясняется плохой сохранностью дерева в культурном слое Тиверска. Таким образом, можно заключить, что в начале XV в. при некотором разнообразии ориентировки в Тиверске господствовали христианские обряды. Сказанное вовсе не означает, что такая ситуация была характерна для всей древнекарельской территории в это время. Влияние христианства ощущалось населением, возможно, значительно раньше, а в удаленных от центров местностях, напротив, оно продолжало следовать языческим обрядам.

В то же время границы между хронологическими группами нечеткие, расплывчатые и подвижные. Некоторые погребения XII—XIII вв. могли заходить и в более поздний период, учитывая то обстоятельство, что отдельные вещи сохранялись в быту длительное время. С другой стороны,

⁵ Как уже отмечалось (с. 19—21), каменные кладки и отдельные камни на могилах представляют собой пережитки более древних погребальных обрядов. Э. Кивикоски полагает, что переход к новым обычаям происходил постепенно и на каждом кладбище этот процесс протекал по-своему [171, с. 262].

не исключено появление раннехристианских погребений и во второй половине XIII—XIV в., особенно вблизи крупных населенных пунктов, но из-за отсутствия инвентаря датировать их невозможно. Примеры тому не единичны.

Стойкое существование языческих представлений корелы отчетливо видно и на сопровождающем инвентаре, и на погребальных обрядах. Крестовидные подвески, застежки, кольца и другие предметы с изображением христианских символов характерны для могил с ясно выраженной имущественной дифференциацией. Рядовое население по-прежнему придерживалось языческих верований. Известную роль сыграло то обстоятельство, что для корелы восприятие церковного богослужения могло затрудняться незнанием языка, к тому же язычество являлось известной гарантией независимости [94, с. 22].⁶ Недовольство церковью в Приладожье в последующие века объясняется тем, что большая часть земель принадлежала монастырям, феодальный гнет которых населением ощущался довольно остро.

В 6735 (1227) г. Ярослав Всеволодович провел принудительное крещение корелы, вызванное общеполитическими и военными условиями, с определенными целями: закрепить власть над населением, нейтрализовать шведское влияние, приостановить распространение католицизма. В то же время Швецию беспокоило усиление новгородской власти на Карельском перешейке. Известно, что в 50-е гг. XIII в. папа Александр IV писал архиепископу Упсалы о необходимости крестового похода на карел [96, с. 113]. В 1255 г. архиепископ Риги получил разрешение от папы направить епископа к язычникам води, ижоре и кореле, которые якобы только и ждут принятия новой веры [161, с. 85; 122, с. 208—211].

Христианство отличалось от язычества классовыми чертами, резко проявившимися в феодальном обществе. Инициатива внедрения христианства в широкие народные массы принадлежала господствующему классу. С одной стороны, внедрение христианства сыграло прогрессивную роль в бурном поступательном развитии феодализма, в приобщении корелы к высокоразвитой русской культуре, а с другой — способствовало формированию феодальнозависимого населения. Религиозные догмы жестко регламентировали все стороны жизни как общества в целом, так и каждого человека в отдельности, закрепляли в сознании людей извечность классового общества и эксплуатации, требовали беспрекословного подчинения, формировали рабскую психологию у рядового населения.

Очевидно, влияние православной веры испытали западные соседи корелы: в финском языке известны славянские, связанные с христианством слова. Опорой Новгорода в укреплении христианской веры служили возникшие в XIV в. Валаамский и Коневецкий монастыри.

Естественно, за короткий срок язычество искоренить невозможно, и после похода Ярослава Всеволодовича (несмотря на оптимистический

⁶ Языковой барьер мог быть преодолен с помощью близких по языку выходцев из восточноэстонской области Виро, уполномоченных для этой цели Новгородом. Так, в одном из вариантов карельской руны встречено имя Укко Вироканнаса, называемого в некоторых случаях «иноземным карелом» [26, с. 201].

тон летописного сообщения — «крести множество корел») рядовая часть населения, видимо, не изменила своих религиозных представлений. Свидетельством тому служат, на наш взгляд, отсутствие богатых захоронений в XIV в., прежде всего погребений с оружием, а также датированная серединой XIII в. берестяная грамота с языческим заклинанием, молитвой на древнекарельском языке,⁷ и, помимо того, мероприятия архиепископа Макария, предпринятые в 1534 и 1535 гг., направленные на искоренение язычества у чуди. Не только Макарий, но и финляндский епископ М. Агрикола в XVI в. обличал корелу (правда, совсем с другими намерениями), приписывая ей главные «языческие мерзости» [14, с. 149].

В борьбе христианства и язычества находились совместные формы существования и приспособляемости, особенно хорошо отразившиеся в фольклорно-эпических произведениях. Исследователями подмечено сочетание языческих и христианских элементов, изменение калевальской эпической традиции под влиянием христианства (например, трансформация образа Вяйнямейнена из героя в свою противоположность) и как следствие — появление самостоятельных фольклорных жанров с усложненным христианско-языческим мировоззрением и новыми, в какой-то степени атеистическими народными героями. По словам финляндского ученого М. Кууси, борьба попа и знахаря к XIX в. в конце концов закончилась взаимным поражением [цит. по: 33, с. 34—35].

По представлениям корелы, умерший, отправляясь в потусторонний мир, менял только свое жилище. И погребальные обряды соответствовали этим представлениям. Уместно привести наблюдения этнографов относительно северокарельских кладбищ с «домами для мертвых», которые при некоторых различиях, что вполне естественно, обнаруживают большое сходство с древнекарельскими. Это были срубы, напоминающие внешним видом постройки карел, с двухскатной крышей и оконечкой в головах, чтобы покойный мог наблюдать за делами живых. К коньку крыши прикрепляли резной деревянный столбик, который тоже имитировал двухскатную крышу. Часто под одним срубом находились могилы нескольких близких родственников.

Четко выраженный кульп предков зафиксирован и в поминальных обрядах. Они, по-видимому, совершались у могилы, поэтому между раскотыми камнями, перекрывающими погребение, встречаются фрагменты глиняных сосудов, кости животных, угли и цепел. Приносились в жертву лошадь или собака, овца или корова. Остатки таких пиршеств, кости от съеденных животных и птиц складывались в посуду и ставились около могилы. В мужских и женских погребениях присутствует разнообразный инвентарь, которым пользовались в повседневной жизни.

Погребения по обряду трупоположения с северной ориентировкой на Карельском перешейке обнаруживают некоторые черты сходства с грун-

⁷ Перевод грамоты сделан Ю. С. Елисеевым в двух вариантах, однако языческая суть документа от этого не меняется. Попытки финляндских исследователей разделить текст грамоты на финноязычную и русскую части встретили серьезные возражения [157, с. 300].

товыми могильниками материковой части Эстонии. Как и древнекарельские, они расположены на возвышенных местах по краям пашен. Умершие погребались головой на С и СВ, более поздние — на З. Ранние грунтовые погребения содержат разнообразный инвентарь, в том числе орудия труда и предметы обихода [212, с. 219—227].

В специальной статье, посвященной погребениям с орудиями труда, Е. А. Рябинин очертил районы распространения таких погребений на северо-западе Новгородской земли. Они чаще встречались в центре Ижорской возвышенности, где из 128 исследованных курганных групп зафиксированы в 71. В северной части Водской пятины они уже большая редкость. Погребения с орудиями труда исследователь хронологически расчленил: 71 захоронение отнесено к XI—XII вв., 42 — к XII—XIII вв., 12 захоронений — к XIII—XIV вв. Последняя группа концентрировалась в северной и западной частях Ижорского плато, где существовала определенная среда для консервации языческих обрядов. По мнению Рябинина, погребения с орудиями труда сопоставимы с древностями новгородских словен [98, с. 23—26].

В Северо-Западном Приладожье, как следует из изложенного выше, погребения с орудиями труда могут быть соотнесены только с древнекарельским этносом.

ОДЕЖДА

Вопросам реконструкции одежды населения древней Финляндии и новгородской Карелии в финляндской науке уделено самое пристальное внимание. И неудивительно, одежда является одним из важнейших признаков этноса.

Еще Т. Швиндт по материалам раскопанных им погребений Карельского перешейка предложил свою реконструкцию мужской и женской одежды, но зарисовок не оставил. По его мнению, женская одежда состояла из рубашки, сшитой из двухниточной шерстяной ткани, с разрезом спереди, края которого украшались каймой, верхней одежды типа длинной юбки из двух полотнищ плотной шерстяной четырехниточной ткани, сшиваемых сверху и под рукавными вырезами. Согласно другому предложенному Швиндтом варианту, верхние концы заднего полотнища перекидывались на передние, слегка касаясь друг друга, и на предплечьях скреплялись овально-выпуклыми фибулами. В качестве обшивки краев применялась светлая или ярко окрашенная шерстяная ткань либо фасонная лента. Последнее предположение наиболее приемлемо, поскольку основано на конкретных археологических материалах. Неоднократно в погребениях встречались овально-выпуклые фибулы, скреплявшие два отдельных куска ткани с обработанными концами. Был ли такой покрой юбки общекорельским и, следовательно, преобладающим, или следует отдать предпочтение первому варианту, судить трудно.

Для передников употреблялась толстая, чаще всего четырехниточная, шерстяная ткань, края которой украшались спиральными из медных сплавов и бахромой. Наплечная накидка из четырехниточной ткани, согласно Т. Швиндту, тоже отделялась по краям бахромой. Накидка

крепилась под грудью застежкой. Платок из той же ткани, что и юбка, свисал с головы, где крепился скорерё.

Работа над реконструкцией одежды в Национальном музее в Хельсинки продолжалась в середине 50-х гг. В 1956 г. там была продемонстрирована одежда приладожской женщины — «хозяйки Каукала», — полученная в результате многолетних исследований специалистами по этнографии и древним тканям (Т. Вахтер, Р. Хейненен) материалов из раскопок могильника Каукала (в основном погр. 1, 5, 6).⁸

Рубашка и наплечная накидка «хозяйки Каукала» белые, головной платок и передник синие, юбка коричневая. Нагрудные украшения представлены парными овально-выпуклыми фибулами, Ф-образными пронизками, ажурными цепедержателями со спускающимися от них бронзовыми цепочками, на которых висят справа копоушка и шумящая подвеска, слева — нож с бронзовой рукояткой в орнаментированных ножнах. Ворот рубашки закрывает круглая выпуклая застежка. Головной платок прикреплен скорерё и чуть ниже — пластинчатой подковообразной фибулой карельского типа, наплечная накидка — выпуклой подковообразной. На шее — лента с нашитыми серебряными четырехугольными пластинками, в ушах — серьги. На подоле передника синего цвета, заканчивающегося бахромой, располагается широкая полоса, составленная из спиралек в виде крестов с загнутыми под прямым углом концами так, что пустоты на ткани образовывали крест. На ногах манекена — кожаная обувь с полосками, обтягивающими икры ног.

Раннесредневековая одежда приладожской Карелии и Финляндии подверглась критическому анализу П.-Л. Лехтосало-Хиландер [181, с. 15—22]. Справедливо ею подмечены несообразности демонстрируемого в Национальном музее древнекарельского костюма. Так, например, по условиям находки серьга в погребении могла принадлежать и женщине, и мужчине. Но главное не в этом. На все памятники северо-западных берегов Ладожского озера серьга — единственный экземпляр, и вводить его в типичный костюм не имеет смысла. Лехтосало-Хиландер, кроме того, правильно считает, что изображенные на манекене бронзовые цепочки — ошибка реставраторов, ибо в погребениях на Карельском перешейке, за исключением одного, найдены только железные. В более поздней работе [182] исследовательницей сделаны дополнительные замечания, касающиеся некоторых деталей костюма и неправильной техники воспроизведения древнекарельских украшений (орнамент на изделиях выполнен чеканкой, в то время как в древности он исполнялся гравировкой). Со своей стороны заметим, что шумящие украшения не получили широкого распространения в древнекарельской среде. Более того, копоушки и шумящие коньковые подвески в одних и тех же погребениях не встречались.

Цветовые сочетания в костюме не исчерпывают всего разнообразия красок. Юбка из Кекомяки-1б почти белая, окаймленная красно-черной узорчатой тесьмой, передник темно-серый или черный с широкой полосой бронзовых крестиков, головная накидка синяя. В той же могиле на дру-

⁸ Иллюстрации даны во многих изданиях; см., например: [171, к. 212].

гом женском костяке, сообщает П.-Л. Лехтосало-Хиландер, юбка выдержана в темно-коричневых или черных тонах, окаймлена сине-красно-желтой тесьмой. Наплечная накидка и передник со спиральками серые. Для мог. 5 характерна иная цветовая гамма: юбка, украшенная двухцветной каймой, наплечная накидка с бахромой и головной платок темно-коричневые, передник синий с красивой, как и в предыдущих случаях, полоской из металлических крестиков. Исследовательницей подмечено налобное украшение из спиралек, однако возможно и другое предположение (по аналогии с западнофинскими могильниками) — спиральки могли украшать головной платок. Юбка из мог. 6 этого же памятника, вероятно, светло-серая, украшенная жгутом, наплечная накидка серая, передник, видимо, синий. Головной платок, согласно осуществленному в музее анализу, выкрашен синим индиго.

Финляндскими учеными оставлено без внимания присутствие в некоторых погребениях типичных для мужских захоронений частей ременных украшений. Эти детали не были чужды и женскому костюму. В Кекомяки-1 на умершей обнаружено поясное кольцо, в Кекомяки-5 на обоих женских костяках зафиксированы концевая поясная пряжка и ременные детали (какие именно, не выяснено из-за значительной коррозии изделий). Кроме того, в женских погребениях этого могильника (1, 5, 6) встречены остатки льняных, возможно нательных, рубашек.

Отмеченное даже в одном могильнике разнообразие со всей очевидностью свидетельствует о том, что метод создания типичного, стандартного костюма по данным нескольких погребений не кажется верным, поскольку он не соответствует историческим реалиям.⁹ У представителей одного и того же этноса в одно и то же время наблюдаются (по многим причинам, и в том числе по возрастному признаку) различия в деталях, и задача исследователей — выявить их в полной мере. Более того, костюмы, реконструированные по материалам могил с обильным сопровождающим инвентарем, по всей вероятности, не отражали и не могли отражать моду рядовых масс [183, с. 252], о чем безусловно надо помнить. Однако состояние археологических находок таково, что без консервирующих текстиль металлических изделий почти невозможно в полной мере проследить детали костюма.

Представленная одежда не является характерной для всех женских погребений не только могильника Кекомяки (как уже отмечалось, в погр. 16 не было головного платка и передника), но и других. Костюм из длинной юбки, головного платка, наплечной накидки и орнаментированного спиральками передника с соответствующими предметами украшения зафиксирован в Леппясемяки-4. На лбу умершей обнаружены спиральки (как и в Кекомяки-5), на пояссе — кольцо, на шее — низка бус — явление для древнекарельских памятников редкое. В Патья-21 женщина облачена тоже в такой же костюм (могила разрушена, поэтому, вероятно, отсутствуют круглая выпуклая фибула и сюкерё), как и в Суотниэми-3 (при трупосожжении могли исчезнуть подковообразные фибулы

⁹ На этот недостаток при реконструкции древних костюмов обратила внимание П.-Л. Лехтосало-Хиландер [182, с. 189].

карельского типа и сюкерё). К тому же данные могилы входят в одну хронологическую группу и характеризуются общим погребальным обрядом.

Женские погребения могильника Ховинсари дают еще большее разнообразие. В Ховинсари-1 (1888 г.) среди украшений одежды отсутствуют Ф-образные пронизки и фартук со спиральками, но зафиксированы остатки головного платка, наплечной накидки и юбки. В другой могиле Ховинсари-1 (1886 г.), возможно, были и наплечная накидка, и головной платок, но передник отсутствовал. На поясе обнаружена В-образная пряжка. В Ховинсари-3 (1886 г.) найден передник, подол которого украшен бахромой и спиральками, на поясе — лировидная пряжка, но погребение повреждено и при реконструкции одежды не может браться в расчет. У женщины из Ховинсари-5 нет передника, подковообразных фибул, сюкерё, поэтому проследить остатки головного платка (наличие наплечной накидки не исключено) по описанию трудно, тем более что текстиль мужской и женской одежды перемешан. Края шерстяной рубашки и юбки отделаны каймой. В Ховинсари-6 несомненно был головной платок, скрепленный подковообразной фибулой, присутствие наплечной накидки остается под сомнением, но передник не прослежен. Вместо него на поясе сохранился железный разделитель ремня. Край рубашки обработан косичкой, подол юбки — каймой. У женщины, погребенной в мог. 7, имелся головной платок с подковообразной фибулой; вторая относилась, видимо, к накидке. Передник отсутствует. Отмечены некоторые отклонения в способах застегивания наплечной накидки. Так, например, в нескольких захоронениях Карельского перешейка (и в Туккала-16) наплечная накидка крепилась на середине груди; в Кекомяки-6 — в области левого плеча; в Туккала-26 — на правом плече [182, с. 192].

В XIII—XIV вв. женский костюм, по всей вероятности, немного видоизменился, ибо в погребениях нет соответствующих предметов украшения. Не исключено, однако, что в общих чертах он соответствовал направлению моды XII—XIII вв., но без изделий из цветных металлов установить это не представляется возможным. Вместе с тем прослежено, что конструкция женского костюма, если не принимать во внимание детали, оказывается схожей для населения Западной и Восточной Финляндии, а также Северо-Западного Приладожья [183, с. 255].

Этнографами установлена древность юбочного комплекса у карел и наличие у них в XIX в. несшитой юбки — *hurstut*, близкой по покрою к ижорской *hurstukset*. В отличие от последней хурстут делалась длиннее и часто завязывалась не на талии, а на плечах. Такая одежда давно утрачена карелами, но сохранение названия в языке говорит о ее принадлежности к древнему слою материальной культуры [111, с. 168—169].

Тщательному анализу в финляндской археологии подвергнуты украшения из спиралек, нашиваемые на одежду. Заслуживает высокого одобрения не только исследование изделий из конкретных памятников, но и создание целостной картины для большого региона Северной Европы.

Для орнаментации передника из Кекомяки использовались короткие спиральки, концы которых в месте перекрещивания вдевались друг в друга. Рисунок передника из Кекомяки-1 и аналогичный из Кекомяки-5 —

в виде крестообразных фигур,— как полагает Т. Вахтер, являются вершиной мастерства. На Каарельском перешейке для прикрепления спиралек к переднику использовался способ аппликации, когда нанизанные на нить длиной 1—1.5 см спиральки пришивались к полосе ткани, которая затем прикреплялась к подолу передника. Такой орнамент был виден только с лицевой стороны. По указанному методу древнекарельские изделия отличаются от западнофинских [227, с. 61—70].

Для реконструкции мужской одежды слишком мало данных. Она, видимо, включала шерстяную или льняную рубашку, похожую на женскую, скреплявшуюся маленькой застежкой, почти всегда серебряной, изредка позолоченной. Кафтан шился из валяной шерсти и на груди украшался крупной фибулой. Пояс был кожаным с железными или бронзовыми пряжками, к нему подвешивались нож в чехле, огниво, брусков. Обувь восстановить не удалось — слишком маленькие обрывки извлечены из погребений.

Изложенные выше сведения о типах женской одежды населения Каарельского перешейка приводят к заключению, что предстоит большая работа по выяснению общих черт и особенностей одежды в определенных регионах. В процессе кропотливого изучения в конечном счете представления о развитии женского костюма могут измениться. В первую очередь необходимы новые памятники, чтобы современными методами исследования воссоздать детальную во всем ее многообразии, объективную картину.

КОАРЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ОКРУГЕ МИККЕЛЬСКИХ ОЗЕР

В настоящее время в Юго-Восточной Финляндии, в районе Саво, известно пять могильников (помимо отдельных находок в семи пунктах): Кюхкюля (№ 132), Мойсио (№ 135), Каускила (№ 131), Висулахти (№ 136) и Туккала (№ 133).

Расположенные на территории летописной корелы могильники Кюхкюля и Мойсио существенно отличаются от других как по обряду погребения, так и по сопровождающим вещам. Под грудами камней обнаружены разновременные трупосожжения, датируемые Ё. Леппяяхо 900, 1050 и 1200 гг. К XIII в. отнесено женское трупосожжение с вещами, среди которых присутствуют древнекарельские овально-выпуклая фибула с изображением клемшией рака и цепедержатель.

Исследователи, раскапывавшие Мойсио, дали разноречивые толкования. Ю. Айлио полагал, что имел дело с остатками жилищ, Э. Сарасмо — с могильником по обряду трупосожжения. Следуя своей концепции, Сарасмо в какой-то мере произвольно выделил семь мест захоронений, сосредоточенных в скальных западаниях. В пятом женском и шестом парном трупосожжениях обнаружены типичные древнекарельские вещи. Отсутствие стратиграфической и планиграфической характеристик вызвали сомнение в полноценности памятника и достоверности выделенных комплексов.

Своеобразие погребальной традиции памятников Кюхкюля и Мойсио дало основание некоторым исследователям сблизить их с западнофинскими могильниками периода викингов (заметим, что женские-то захоронения выходят за рамки этого периода) и дать, по словам Э. Кивикоски, качественно новую трактовку древностям района Миккели: население его попало в сферу контактов с жителями приладожских районов новгородской Карелии и переняло у них материальную культуру. Но исследовательница напоминает, что памятники Западной Финляндии 1100—1200 гг. пока изучены мало, поэтому осуществить тщательное сравнение древнекарельской и западнофинской культур на данном этапе не представляется реальным [171, с. 271—272].

Осторожность Э. Кивикоски понятна. Памятники сами по себе еще не в состоянии разрешить вопрос об этносе первого населения района Саво. Даже если эти могильники действительно западнофинские, присутствие их на землях древних карел вовсе не отрицает наличия других. В ранние времена не существовало строгих территориальных границ. Взаимные контакты в разных сферах человеческой деятельности, смешанные браки (а именно так можно объяснить появление древнекарельских женских погребений в иноэтнических могильниках) неоднократно приводили к возникновению памятников с гибридной культурой. Примеров тому множество, и территория корелей — не исключение.

Вместе с тем не устраняется возможность другой интерпретации могильников Кюхкюля и Мойсио. Для погребальных памятников Северо-Западного Приладожья IX—XI вв. обряд трупосожжения не был чужд [53, № 1, 2, 5, 9 и др.]. Могильники типа Кюхкюля—Мойсио могли быть оставлены и выходцами с Карельского перешейка. Все сказанное убеждает, что археологический материал неоднозначен и настаивать на каком-то одном объяснении пока невозможно.

В округе Миккели известен крупный могильник Туккала. В результате многоэтапного исследования на кладбище вскрыто 59 могил, но еще больше их уничтожено, причем как будто бы богатых захоронений, если судить по подъемному материалу. Недостаточно высокая степень методического исследования могильника в конце XIX в., различный подход иногда случайных, не имеющих прямого отношения к археологии людей привели к тому, что отсутствует важная полевая документация, без которой интерпретация памятника вызывает большие трудности. Нет общего плана могильника в целом и отдельных погребений в частности, стратиграфической ситуации погребений, не охарактеризованы в должной мере погребальные обряды и т. д.

Результаты раскопок другого крупного могильника — Висулахти (34 могилы) — вообще не опубликованы. Краткая информация о нем с перечислением находок по комплексам содержится в неизданной работе П.-Л. Лехтосало-Хиландер. Лаконичная характеристика его дана Э. Кивикоски. Кладбище Висулахти, по ее мнению, изобилует такими же типами погребений, что и Туккала, но в целом находки беднее. За исключением нескольких серебряных колец, предметы из серебра отсутствуют, а другие украшения выполнены довольно грубо. Такое различие, считает исследовательница, труднообъяснимо, поскольку время функциониро-

вания обоих могильников примерно одинаково. Считать же население в Туккала более зажиточным, чем в Висулахти, нет причин [171, с. 270—271].

Ё. Леппяяхо, проводивший раскопки могильника Висулахти, обратил внимание на то, что в его центре, как и в Туккала, имелся свободный, не занятый захоронениями участок земли. Он считал возможным предположить, что на нем могла располагаться часовня, а следовательно, кладбища следует признать христианскими. Э. Кивикоски построения Леппяяхо не показались убедительными. На месте предполагаемых часовен остатки строений не прослежены, да и не могли быть, ибо в противном случае на незначительном пространстве оказались бы три христианских сооружения (Висулахти—Туккала—Миккели), с чем трудно согласиться. Противоречит этому и большинство погребений с обильным сопровождающим инвентарем, далеких от христианской обрядности. К тому же, напоминает Кивикоски, в Висулахти обнаружено жертвоприношение бычка, что никоим образом не может свидетельствовать в пользу христианства [171].

На исследовавшемся в 50-е гг. могильнике Каускила, где обнаружено несколько языческих погребений, основная масса представлена позднейшими христианскими захоронениями, которые разрушили ранние могилы. Уже в 1500-х гг. оно было известно как христианское кладбище, а позднее на нем сооружена часовня [171].

Согласно имеющейся в нашем распоряжении информации, могильники Юго-Восточной Финляндии, области Саво, можно разделить на следующие хронологические группы.

К XII—XIII вв. отнесены женские захоронения 3, 9, 16, 22, 26, 27 могильника Туккала с типичным древнекарельским инвентарем, но иными, чем в могилах Карельского перешейка, деталями погребального обряда. Погр. 3, ориентированное на ЮЗ, повреждено. Среди сопровождающих вещей, позволяющих датировать его определенным промежутком времени, были два спиралевидных цепедержателя раннего типа, овально-выпуклая фибула типа В и остатки фартука со спиральками [53, табл. 24, 1—4]. Женское погр. 9 с западной ориентировкой содержало круглую выпуклую фибулу и остатки фартука со спиральками [53, табл. 24, 10—12, 15, 17]; Туккала-16 (ориентировано на ЮЗ) — круглую выпуклую застежку с растительным орнаментом. Захоронение 22 (ориентировка З—В) помещено в гробовище, покрыто соломой, берестой, невыделанной кожей и сопровождалось ранним типом овально-выпуклых фибул (С₁) и украшенным спиральками передником [53, табл. 24, 13, 14, 16]. О. Хальстрём, который склонен удревнить памятники, датировал захоронение началом XII в.

В женской мог. 26 (ориентирована на З), хотя гробовище не было отмечено, остатки дерева, досок прослеживались с левой стороны kostяка и на нем вплоть до подбородка. На бронзовых вещах — следы бересты и лыка. Ниже колен слой лыка замазан глиной. Датируется по круглой выпуклой фибуле первой половиной XIII в. Хорошо сохранившийся передник с бронзовыми крестиками имел склоненные углы и спускался ниже колен. Возможно, к данной же хронологической группе

относится разрушенное женское погр. 27 с фибулами типа F₁. По всей вероятности, в могильнике были и другие ранние захоронения (о чем можно судить по находке фибулы XII в. с рунической надписью и некоторых круглых выпуклых брошь), но они уничтожены.

В эту же группу входят женские трупосожжения Кюхкюля-V и Мойсио-V, VI. Близки к рассмотренным погр. 2, 36, 40, 53 могильника Туккала. В них нет вещей, позволяющих датировать захоронения XII—XIII вв., но присутствуют фартуки с бронзовыми украшениями, что скорее всего сближает их во времени. Три захоронения ориентированы на ЮЗ, мог. 36 — на СЗ.

К XIII и в основном к XIV в. отнесено 19 женских и мужских погребений, содержащих невыразительный и плохо поддающийся датировке, инвентарь: 5, 7 [53, табл. 24, 5—9], 11, 13, 20, 23, 30—32, 34, 35, 37, 39, 42, 48—52. Ориентированы они на З, ЮЗ, С, СЗ, СВ, В.

Такая же неустойчивость в погребальном обряде и в ориентировке наблюдается в следующей группе захоронений, испытавшей в большей или меньшей степени влияние христианства (17 погребений: 1, 14, 15, 17—19, 21, 24, 25, 29, 38, 41, 43—47). Не исключено, что в этой группе находятся могилы рядового населения предшествующего периода, но поскольку западная ориентировка в могильнике не находится в прямой зависимости от влияния христианства, то судить об этом трудно.

В могильнике Каускила нет ранних захоронений. Захоронения 1, 4—6 отнесены благодаря общему характеру погребального обряда и находке монеты конца XIV в. в мог. 4 в основном к XIV в. Комплексы вещей из разрушенных захоронений содержат парные овально-выпуклые фибулы, ажурные цепедержатели, орнаментированные рукояти ножей, присущие памятникам летописной королевы, но в них нет предметов, которые можно было бы датировать XII—XIII вв. Значительно больше в могильнике поздних захоронений. Помимо занумерованных (погр. 2, 3) при его раскопках обнаружено около 106 черепов и захоронений в гробах с железными гвоздями, датирующихся XVI в. (в сбоях найдены две монеты этого времени).

Хронологически расчленить погребения Висулахти сложно по указанным выше причинам. В особую группу можно объединить три могилы с характерным древнекарельским инвентарем (3, 18, 29) и остатками орнаментированных спиральками передников, аналогичные захоронениям могильников Туккала и Северо-Западного Приладожья. Погр. 3 (ЗСЗ—ВЮВ) находилось в гробовище корытообразной формы с плоским дном. Сверху лежал камень. В женском трупоположении 18, без гроба (ЮЗ—СВ), не было нагрудных украшений, но имелись остатки передника. К этой же группе можно отнести мужское погр. 17, ориентированное по линии СЗ. Хотя сопровождающий инвентарь ни в коей мере не способствует датированию, согласно описанию, женское погр. 18 и мужское погр. 17 синхронны друг другу. Близкое сходство с могильниками Карельского перешейка обнаруживает женское трупоположение 29. Оно находилось в деревянном прямоугольном сооружении (210 × 50 см) с дном и было ориентировано по линии СЗ—ЮВ. На могиле обнаружен каменный настил, покрытый пятнами сажи. На погребенной найдены овально-выпуклые

фибулы, ажурные цепедержатели, Ф-образные пронизки, металлические бусины, цепи, нож с бронзовой рукоятью и кожаными ножнами, края передника со спиральками и остатки бересты, которой, видимо, умершая была накрыта.

Основная масса вещей из остальных погребений датируется большим промежутком времени (15 погребений: 2, 4, 7, 9, 11, 13, 14, 19, 21—23, 26—28, 31). Западная с некоторым отклонением к югу и северу ориентировка отмечена у девяти могил. Обращает на себя внимание схожестью деревянного погребального сооружения с аналогичными в могильниках Карельского перешейка мужское захоронение 9. Покойник находился в срубе из строевого леса с вещами: остатками кожаного кошелька с бронзовой бусиной, железным ножом, бубенчиком, цепями, поясной пряжкой, железными кольцами, кресалом и шумящей подвеской. Ориентировка по линии ЮЗ характерна для пяти захоронений: 7, 13, 14, 26, 28. Мог. 26 с мужским трупоположением, уложенным в направлении ЮЗ—СВ, содержала деревянную прямоугольную раму (190×55 см) без дна в корытообразном углублении. На могиле зафиксировано пять камней. Погребение малоинвентарное: нож, железное кольцо, поясная пряжка, бронзовое кольцо, — что довольно типично для мужских захоронений могильника Висулахти. На СВ ориентировано мужское погр. 22, над которым прослежен настил из шести камней. Явно христианских погребений два. Мог. 10 содержала мужское захоронение в гробу (ориентировка З—В) с единственной находкой — ножом. На обоих концах могилы лежало по камню. Мог. 12 ориентирована, как и предыдущая, но детали погребального обряда не отмечены.

По традиционно установленвшемуся мнению, могильники Миккельских озер представляют собой ответвление ладожско-карельской культуры. Эта точка зрения видоизменилась в связи с раскопками в 30-х гг. могильников Кюхкюля и Мойсио, которые по ряду признаков близки западно-финским. Отсюда следовал вывод, что район Миккели вначале был освоен переселенцами из Западной Финляндии, а заселение его корелой произошло несколько позже [170, с. 70]. В последнее время выявились тенденция обяснять близость памятников Карельского перешейка и Юго-Восточной Финляндии не этническим родством, а культурными заимствованиями. Если до 1970 г. исследователи в основном искали сходство между могильниками, то в настоящее время акцентируется внимание на их различиях. Проведя сравнительный анализ археологического материала, сопоставив реконструированную женскую одежду эпохи средневековья обоих регионов, П.-Л. Лехтосало-Хиландер пришла к выводу, что жителями Саво были не древние карелы, а хяме, попавшие под влияние карельской культуры [181, с. 15—32].¹⁰

Вопрос о взаимоотношениях двух культур носит принципиальный характер. Решение его имеет существенное значение для истории древних карел, в частности для выяснения их ареала. Это заставляет вновь вернуться к сравнительному исследованию. Выявить комплекс общих

¹⁰ К сожалению, исследовательница не использовала доступный ей антропологический материал, введение в научный оборот которого сняло бы многие вопросы.

черт и различий между погребальными памятниками Карельского перешейка и района Миккели возможно путем строгого и объективного, насколько позволяет информация, сопоставления по важным, характеризующим древнекарельский этнос критериям. На материалах хорошо изученных могильников (не одного, а всех) Северо-Западного Приладожья, этническая принадлежность которых не вызывает сомнений, нами выделено 11 признаков погребального обряда и сопровождающего инвентаря. Совокупность и частота встречаемости этих признаков в финляндских памятниках позволяет, по всей видимости, решить вопрос об их этнической принадлежности.

Первый признак — ориентировка покойных. В могильниках Карельского перешейка, как и в районе Миккели, нет устойчивого однообразия в ориентировке. Довольно редка четкая ориентация — чаще наблюдаются отклонения в ту или другую сторону. В могильнике Суотниэми три трупоположения ориентированы на С, СВ, СВВ (ориентировка одного неизвестна); в Кулхамяки шесть погребений (ориентировка трех не установлена) — на С; в Леппясемяки из четырех погребенных один уложен головой на ЮВ; в Саккола — Патья из 19 погребений девять ориентированы на З, 10 — на ЮЗ; в Ховинсари 12 — на С, три — на З, по одному — на Ю и В.

В могильниках Финляндии, в Каускила, из пяти погребений только у двух, имеющих сопровождающий инвентарь, известна ориентировка — на З. В могильнике Туккала 36 погребений составляют следующие группы: на З — 13 захоронений; на ЮЗ и ЗЮЗ — 12; на С с отклонением к З и В — девять; на В — два. Из 24 погребений Висулахти на З ориентировано семья, на С — столько же, на Ю — восемь, ориентировка двух не установлена. В могильниках Кюхкюля и Мойсисо исследование по ориентировке умерших не производилось.

Графически соотношение ориентировки погребенных выглядит следующим образом (рис. 7): могильник Туккала имеет четыре сочетания с Ховинсари, три — с Висулахти, два — с Патья, по одному — с остальными древнекарельскими могильниками. Висулахти и Ховинсари объединены тремя проявлениями одного показателя, в то время как корельские могильники Суотниэми и Кулхамяки — одним, а Суотниэми и Леппясемяки вообще не связаны по этому признаку. Следовательно, общие рассуждения о том, что могильники Саво и Карельского перешейка различаются по ориентировке, неверны. Можно говорить лишь о преобладании той или иной ориентации в каждом могильнике, не забывая при этом, что ее разнообразие находится в прямой зависимости от количества раскопанных могил и археологической изученности территории в целом.

Любопытное объяснение варьированию ориентировки покойных дано С. Пяльси. Он полагает, что при погребении умерших использовалась не астрономическая ориентация, а языческая роза ветров, повернутая на $1/8$ круга к западу от астрономической. Согласно этому, север был на северо-западе, юг — на юго-востоке и юго-западе [202, с. 30]. Отклонения в ориентировке покойных, конечно, вызывались и сезонными условиями, но главным образом — этническими традициями.

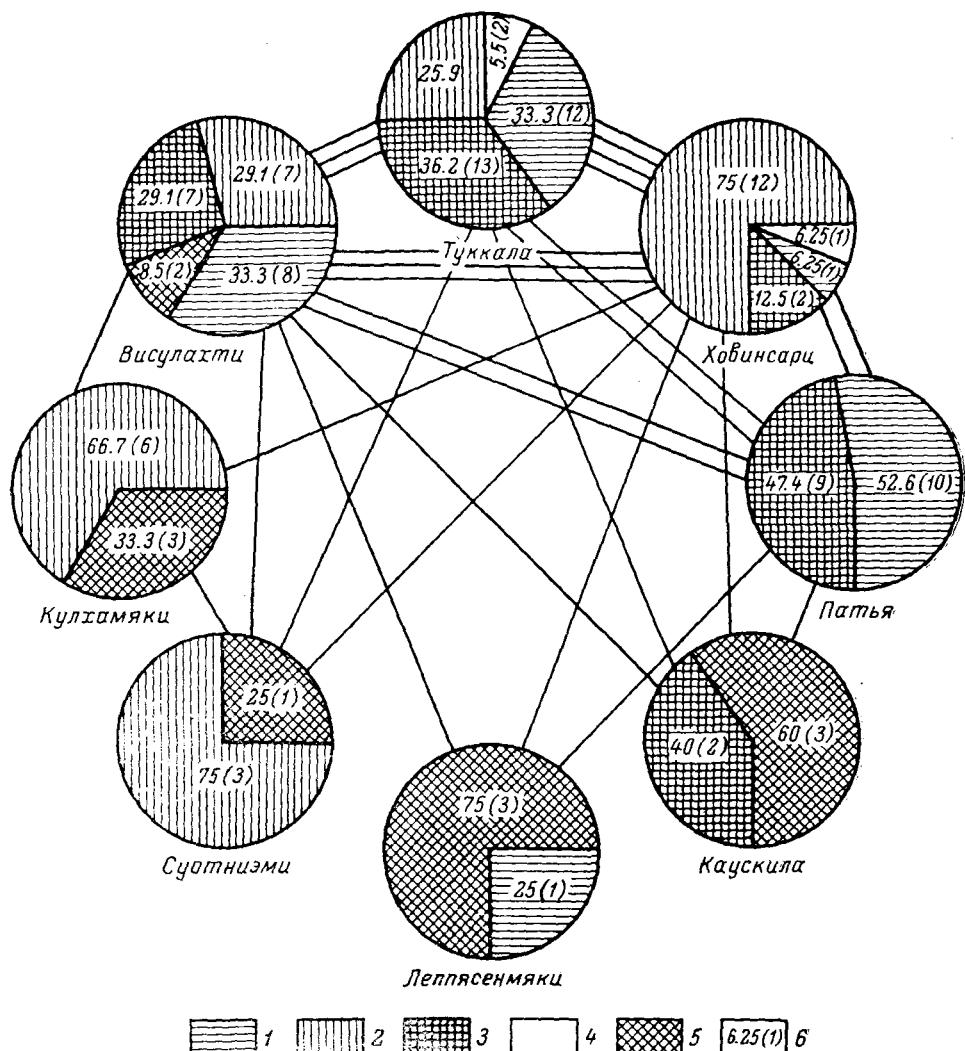

Рис. 7. Корреляция могильников Карельского перешейка и района Миккели по ориентировке покойных.

1 — на ЮЗ, Ю, ЮВ; 2 — на С; 3 — на З; 4 — на В; 5 — ориентировка покойных неизвестна; 6 — цифры перед скобками — проценты, в скобках — количество погребений.

Второй характерный для могильников корели признак — наличие деревянных погребальных сооружений, бересты, соломы, зольных и углистых прослоек, каменных настилов на могилах. Сразу же оговоримся, что срубные сооружения встречаются не во всех могильниках Карельского перешейка, что же касается погребальных памятников Миккели, то сведения о них скучны, поэтому детальное сопоставление тех и других

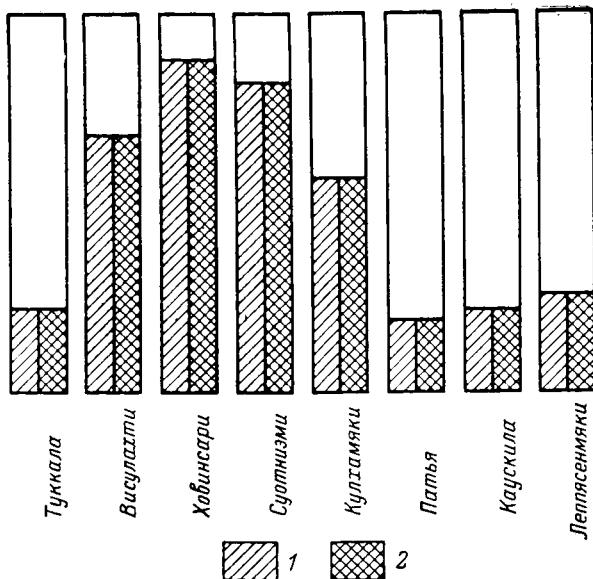

Рис. 8. Корреляция могильников Карельского перешейка и района Миккели по деталям погребального обряда.

1 — наличие бересты, соломы, каменного настила, зольно-углистых прослоек; 2 — деревянных сооружений, следов дерева.

чрезвычайно затруднено. Вот почему второй признак, по которому проводится сравнительный анализ, является более обобщенным — наличие деревянных могильных сооружений без учета их детальной характеристики.¹¹

Выяснено, что по данному показателю близки могильники Висулахти, Ховинсари, Суотниэми и Кулхамяки (рис. 8); для второй группы, в которую вошли могильники Миккели, Паттия, Леппясемяки, Каускила, он нехарактерен. Правда, в последнем, судя по самой общей информации, найдены следы гробов, но, поскольку захоронения разрушены, мы не смогли использовать их при статистических подсчетах. Однако справедливости ради следует сказать, что типичные древнекарельские деревянные сооружения на памятниках Саво встречаются крайне редко (эти случаи оговорены при описании погребальных обрядов).

Сопоставление по погребальным обрядам можно продолжить упоминанием могил с трупосожжением, которые в небольшом количестве сопутствуют трупоположениям. В могильниках Туккала и Кюхюля их шесть, в Висулахти и Мойсио — пять, в Суотниэми — одна, в Ховинсари — тоже одна (вторая с частичным сожжением). В Паттия, Кулхамяки и Каускила трупосожжений нет.

¹¹ При выявлении этого признака использовались и безынвентарные погребения.

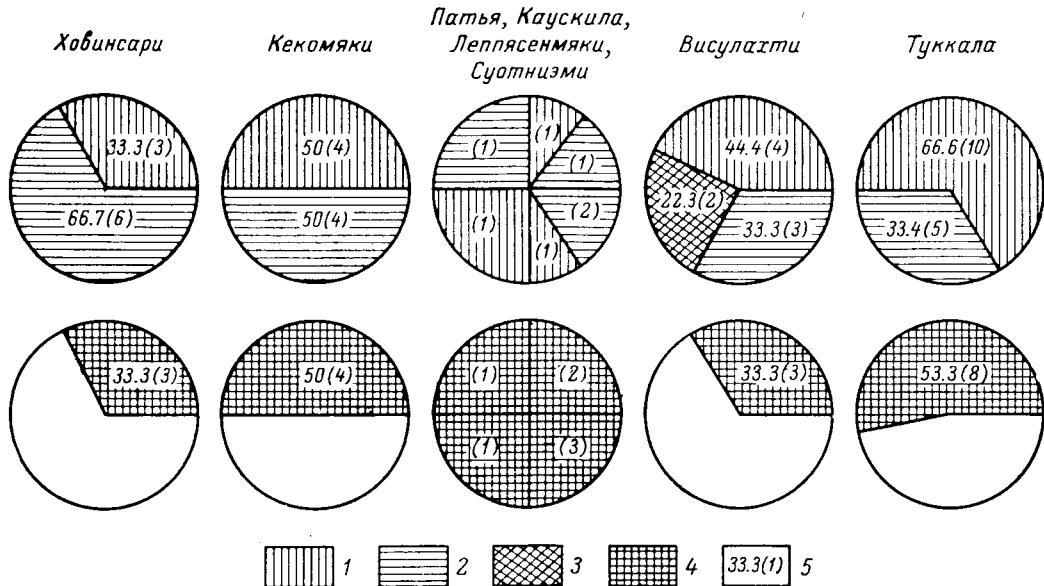

Рис. 9. Процентное соотношение женских погребений с полным и неполным набором нагрудных украшений и со спиральками в могильниках Карельского перешейка и Юго-Восточной Финляндии.

1 — полный набор нагрудных украшений; 2 — неполный набор; 3 — нагрудные украшения отсутствуют; 4 — погребения со спиральками; 5 — цифры перед скобками — проценты, в скобках — количество погребений.

Существенные различия в погребальных обрядах проявляются в другом. В могилах Карельского перешейка присутствовали глиняные и деревянные сосуды либо их части, медные котлы, зубы и кости коровы, лошади, свиньи, птиц, кости и чешуя рыб, сельскохозяйственный инвентарь. В могильниках Саво этого нет. Можно допустить, что фрагменты керамики были в могилах, но по каким-то причинам в публикации не попали, все остальное не могло остаться незамеченным. В этом видно упрощение, деградирование погребальных обрядов, отход от начальных представлений о жилище мертвых как о жилище живых, что, на наш взгляд, свидетельствует о некотором изменении в мировоззрении жителей области Саво, вызванном католическим влиянием.

Наиболее яркая корреляция между могильниками обеих территорий проявляется по набору женских нагрудных украшений, включающих две овально-выпуклые фибулы, Ф-образные пронизки, цепедержатели и соединительные цепочки (рис. 9). В могильнике Кекомяки в 50% женских погребений отмечен полный комплект украшений. В трех поврежденных погребениях не хватало какой-нибудь детали. Но в одном детском захоронении отсутствовали Ф-образные пронизки. Вместо них использовались металлические бусы. В Ховинсари 33.3% женских захоронений сопровождались нагрудными украшениями в полном составе, в пяти плохо сохра-

нившихся не было некоторых предметов; погребенная в мог. б Ф-образных пронизок вообще не имела. В могильниках Корельского перешейка, таких как Суотниэми (возможно, два женских трупосожжения с неполным комплектом украшений), Леппясемяки (одно с полным комплектом), Патья (одно с полным комплектом, другое — нет), слишком мало женских погребений, чтобы с большой степенью достоверности установить корреляцию. В 66.6% женских захоронений могильника Туккала зафиксирован полный набор украшений, в 33.4% — неполный. Но что примечательно, в последних нет Ф-образных пронизок, их заменяют бусы. С одной стороны, этот факт можно объяснить плохой сохранностью могил, с другой — в замене изделий видна определенная закономерность, прослеженная и в могильниках корелы. На наш взгляд, приемлемо следующее объяснение. Известно, что некоторые древнекарельские предметы изготавливались в Новгороде с расчетом на определенного покупателя. Население Миккельских озер в связи с напряженной военной обстановкой и событиями 1323 г. не имело тесных контактов ни с древнерусскими территориями, ни с Корельской землей, поэтому женщины вынуждены были заменять недостающие детали чем-то другим, в частности металлическими бусами. К тому же этнические традиции, по-видимому, допускали некоторую вариантность в украшениях. К примеру, на городище Паасо, где найдено большое число женских украшений, не обнаружено ни одной Ф-образной пронизки, в то время как медных и серебряных бус собрано немало.

В могильнике Висулахти 44.4% женских захоронений содержали полный комплект нагрудных украшений. Остальные аналогичные погребения повреждены. Два женских трупоположения вообще не имели характерных украшений. В Каускила из трех женских захоронений два разрушены и лишены ювелирных изделий. В могильнике Мойсио в двух из четырех женских трупосожжений находились древнекарельские веши (погр. V не имело Ф-образных пронизок, в погр. VI присутствовала одна овально-выпуклая фибула). По могильнику Кюхкюля статистика невозможна, так как известно лишь одно женское погребение (в нем из интересующих нас предметов были овально-выпуклая фибула и обломок цепедержателя).

В свете сравнительной характеристики могильников Северо-Западного Приладожья и Юго-Восточной Финляндии любопытен еще один факт. В памятниках Юго-Восточной Финляндии мало спиралевидных цепедержателей, в то время как у населения ее юго-западных территорий они получили широкое распространение. Если согласиться с утверждением некоторых финляндских ученых о заселении района Миккели из Западной Финляндии, то следовало бы ожидать частую встречаемость спиралевидных держателей цепей в памятниках Саво. Однако этого не произошло. В Корельской земле, напротив, спиралевидные цепедержатели получили дальнейшее развитие, выразившееся в появлении усложненного варианта. Кроме того, возник новый тип — ажурные цепедержатели, ареал которых охватил северо-западные берега Ладоги и Саво.

Тесные связи двух древнекарельских массивов прослежены и на других категориях предметов. В процессе работы над типологией и класси-

фикацией овально-выпуклых фибул с орнаментом в виде клемшией рака П.-Л. Лехтосало-Хиландер выявила группу изделий, которые, по ее мнению, сделаны в одной кузнице. В такую группу вошли фибулы из Райсяля, Куркийоки, Хийтола и Туккала.

Суммируя все сведения, можно сказать, что могильники Карельского перешейка и Финляндии хорошо коррелируются и по третьему признаку, т. е. для всех женских погребений, за малым исключением, характерны овально-выпуклые фибулы, Ф-образные пронизки или металлические бусы вместо них, цепедержатели и соединительные цепочки.

При сопоставлении памятников обеих территорий важен следующий признак (четвертый) — наличие медных спиралек, которые являлись характерной чертой женской одежды корелы (иногда они встречались и в мужских погребениях, но в незначительном количестве). Процентное содержание инвентарных женских погребений со спиральками в могильниках Суотниэми, Леппясенмяки, Патья почти такое же, что и в предыдущем случае. Однако надо иметь в виду, что таких погребений в могильниках мало, поэтому по законам статистики проводить операции с малым числом заданных величин неверно (рис. 10).

Корреляция памятников по следующим пяти признакам (наличие ножей с орнаментированными рукоятями и ножен, круглых выпуклых брошей или их заменителей, подковообразных выпуклых фибул карельского типа, подковообразных пластинчатых с растительным орнаментом, копоушек, шейных лент), характерным для женских погребений, выявила устойчивую связь (рис. 11). Различаются памятники Карельского перешейка и Юго-Восточной Финляндии лишь количественным преобладанием в них тех или иных вещей. Трудно объяснить отсутствие в финляндских памятниках подковообразных выпуклых фибул карельского типа. Если причина заключается в хронологическом отличии, то уловить его на археологическом материале пока не удалось. Создается впечатление, что женщины области Саво пластинчатых подковообразных фибул почти не носили (присутствуют в захоронениях Туккала-16 и 26). Однако в действительности это не так: в разрушенных погребениях могильника Туккала собрано пять пластинчатых фибул. За счет подъемного материала таким же образом возрастает в нем процентное содержание копоушек.

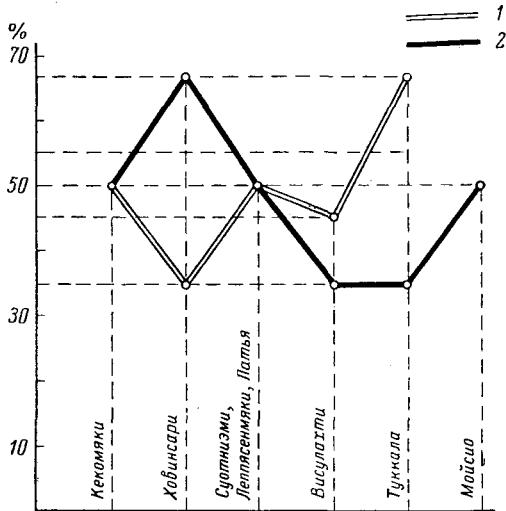

Рис. 10. Корреляция древнекарельских могильников по наличию в них нагрудных украшений.

1 — полный набор нагрудных украшений; 2 — не полный набор.

Женские погребения							
Патоя (сборы)							
" 21		■■■■■			■■■■■		■■■■■
Леппясемяки - 4		■■■■■	■■■■■				
Ховинсари - 1 (1886 г.)		■■■■■	■■■■■				
" 3		■■■■■					
" 1 (1888 г.)		■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■
" 5		■■■■■					
" 6		■■■■■					
" 7		■■■■■					
" 9		■■■■■					
" 13		■■■■■					
" 4							
Суотниэми - 3		■■■■■	■■■■■				
Кулхамяки - 3		■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■
" 1		■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■
Кекомяки - 1а		■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■	■■■■■
" 16		■■■■■					
" 36		■■■■■					
" 5a		■■■■■					
" 56		■■■■■					
" 6		■■■■■					
Каускила - 1		■■■■■					
" 5		■■■■■					
" 6		■■■■■					
Туккала - 2							
" 3		■■■■■					
" 7		■■■■■					
" 9		■■■■■					
" 11		■■■■■					
" 12		■■■■■					
" 16		■■■■■					
" 22		■■■■■					
" 26		■■■■■					
" 27		■■■■■					
" 36		■■■■■					
" 37		■■■■■					
" 40		■■■■■					
" 42		■■■■■					
" 53		■■■■■					
Висулахти - 1		■■■■■					
" 3		■■■■■					
" 5		■■■■■					
" 6		■■■■■					
" 15		■■■■■					
" 16		■■■■■					
" 18		■■■■■					
" 20		■■■■■					
" 29		■■■■■					

Рис. 11. Корреляция женских погребений по предметам из цветных металлов.

Следовательно, по составу вещей могильник Туккала близок погребениям Карельского перешейка. Особенно ощутимо эта близость пропускает при сравнении комплексов специфических женских украшений. Парные овально-выпуклые фибулы, Ф-образные пронизки, цепедержатели, круглые выпуклые броши, пластинчатые подковообразные фибулы карельского типа, орнаментированные рукояти ножей встречаются в памятниках, характерных для летописной корелы — древних карел. Женская одежда, реконструированная по материалам кексгольмских могильников и могильника Туккала, практически аналогична, что является важным и веским аргументом в пользу идентичности этнической принадлежности населения и включения последнего памятника в круг древностей корелы.

Между тем противники этой точки зрения заостряют внимание на различиях памятников, заключающихся в ином способе крепления спиралек к ткани верхней одежды, несходстве типов фибул, застегивающих накидку у того и другого населения, отсутствии у женщин Миккели серебряных головных застежек (сюкерे). Серия же аналогичных черт объясняется культурным заимствованием. С этим трудно согласиться по причине различного методологического подхода к выяснению этноса, его ведущих, выделенных на археологическом материале показателей. Перечисленные частные отклонения, которые коснулись лишь второстепенных черт и не затронули сути явления, не изменили этнического колорита населения, мы рассматриваем как результат иного, нежели у новгородских карел, культурного и этнического окружения. Действительно, головные застежки не являются общим для всех древнекарельских могильников признаком. Только 6 экз. из 11 (с учетом деталей от изделий) найдены в женских захоронениях (остальные происходят из кладов и разрушенных могильников). На поселениях они не встречены. Также несущественными выглядят различия в способах прикрепления спиралек к одежде у того и другого населения.

При сравнении западнофинских и древнекарельских передников, украшенных спиральками, выяснилось, что последние в большинстве своем моложе первых. Поясная кайма и орнамент в углах западнофинских передников для корелы нехарактерны. Различны и способы нашивания на ткань спиральных украшений. У древних карел практиковалась аппликация, когда бронзовые спиральки, нанизанные на нить (в новгородской Карелии чаще всего использовались ссученные вместе конская и шерстяная нити) и сгруппированные в композиции, нашивались на ткань. В таких случаях орнамент виден только с лицевой стороны. В Западной Финляндии орнамент создавался уже в процессе изготовления ткани — в нити основы вдевались спиральки, и тогда орнамент был виден с обеих сторон. Видимо, корела в этой области шла своим традиционным путем [227, с. 61, 70; 156, с. 66].

Для украшения передника из могильника Кёюлиэ, как и из многих других западнофинских памятников, использовались спиральки диаметром 5 мм, в середине композиции которых бронзовая проволока была прямой. При вдевании в нить средние части спиралек пересекались и образовывали маленький крест. Для соединения этих деталей применяли более короткую спиральку. На передниках из могильника Туккала есть спиральки диаметром и длиной 2.5 мм; аналогичные установлены в месте

пересечения. Встречались передники, окаймленные одиночными рядами спиралей, и передники, орнаментированные аппликацией (углы, как правило, не украшались). В захоронении Туккала-26 спиральное украшение обнаружено на талии умершей, а в погр. 3 этого же могильника спиральки зафиксированы в ожерелье [183, с. 246]. На передниках с Карельского перешейка зафиксированы короткие спиральки, но в месте пересечения они отсутствовали. Для передника из Кекомяки-1 характерен орнамент в виде креста с загнутыми концами [227, с. 62—63]. Наплечные накидки с орнаментом из спиралек известны только в Западной Финляндии. В новгородской Карелии края накидок украшались тесьмой или каймой с бахромой, сотканной вместе с материей [227, с. 70].

Такое широкое применение спиралек, полагают, явилось предпосылкой к выделению определенной отрасли кузнецкого ремесла. Именно так определял назначение кузницы в Ряйсяля Й. Леппяахо. Им же приведены сведения из фольклора об «одеяниях с медными краями», «медных платьях», «золотых мантиях», подтверждающие наличие их в эпоху средневековья [184, с. 67—75].

По мнению П.-Л. Лехтосало-Хиландер, украшение женской одежды спиральками представляло собой общеевропейскую моду, распространению которой не препятствовали ни языковые, ни племенные барьеры. Вместе с тем различные племена по-своему использовали ее, поскольку женский костюм развивался на основе этнических традиций [183, с. 256].

Инвентарь мужских погребений Юго-Восточной Финляндии значительно беднее, предметы вооружения, в том числе мечи, отсутствуют. Вероятно, жизнь населения в Саво была относительно спокойной, не в пример короле, вынужденной постоянно следить за военной экипировкой. Поэтому-то в мужских могилах Туккала очень мало остатков ремней, ременных пряжек и бляшек, разделителей ремней, так как они помимо всего прочего использовались для ношения и крепления предметов вооружения. Но главная причина этих отклонений, как мы уже говорили, связана с христианской обрядностью. Тем не менее близость двух регионов нельзя объяснить тем, что древнекарельскими были только женские погребения. Этому противоречит то обстоятельство, что погребальные обряды в мужских могилах не отличаются от деталей захоронения в женских.

Было бы целесообразно сопоставить в свою очередь могильники Саво, новгородской Карелии и Западной Финляндии. Однако синхронных памятников на последней упомянутой территории почти нет, ибо относящиеся к периоду крестовых походов древности датируются, по мнению финляндских исследователей, 1050—1150 гг. Согласно П. Сарвасу, затронувшему вопрос о соотношении памятников Западной Финляндии и Эстонии, причина хронологических различий заключается в том, что первый крестовый поход (1155 или 1157 г.) в Финляндии только узаконил уже наметившийся процесс христианизации. Таким образом, обращение в католическую веру западнофинского населения произошло безболезненно, поэтому языческие погребения в археологических раскопках отсутствуют, в то время как в новгородской Карелии и Эстонии христианизация проходила крайне медленно.

Между тем исследователь полагает, что есть, хотя и не слишком обширные, сведения, позволяющие говорить о долгом сохранении язычества в Западной Финляндии во второй половине XII—XIII в. [209, с. 51—63]. Мнение о христианизации еми уже в XII в. опровергается данными папских булл, из анализа которых вытекает, что насилиственное внедрение католицизма в крупном масштабе осуществлялось в 20—50-х гг. XIII в., ибо основная масса еми оставалась языческой [122, с. 53, 125—126].

Из сравнительной характеристики могильников Саво и Карельского перешейка логично напрашивается вывод, что их близость нельзя объяснить лишь культурным заимствованием. Речь может идти только о едином этническом регионе. Однако территориальная удаленность (хотя это обстоятельство и не самое главное), иное этническое окружение, политические акции привели в первой половине XIV в. к изоляции населения Саво, попавшего под власть Швеции, от основного ядра народности корела, что нашло отражение в археологических объектах и их локальных различиях. Заселение Саво, может быть, произошло не в XII—XIV вв., а значительно раньше, поэтому появились отклонения в погребальных обрядах и отчасти в сопровождающих вещах.

Такой вывод находит поддержку и в лингвистических материалах. «Есть все основания верить, — считает Х. Лескинен, — что население, переселившееся в Саво, было типично карельским и разговаривало на типично древнекарельском языке». Этому не противоречат некоторые заимствования из языка хяме, прослеженные на западном участке ареала диалекта Саво, который по своему основному строению, подчеркивает Лескинен, нужно считать продолжателем языка древней корелы [64, с. 139—148]. Согласно П. Равилу, у жителей Саво и Карельского перешейка был единый очаг происхождения, находившийся в бассейне р. Вуоксы. Первые являются в сущности либо просто карелами, либо очень близким к ним племенем, которое позднее приобрело элементы хяме и испытalo их влияние.¹²

Концепции о переселении древних карел с северо-западных берегов Ладоги в район Миккельских озер придерживался В. Войонмаа и в качестве доказательства ссылался на топонимические сведения. В Центральном Саво и в районе г. Сортавала существуют общие топонимы: Керисюрья, Руокоярви, Пелтосало и Вахерсало. В земельной книге Центрального Саво (1562 г.) упоминается с десяток имен, связанных с г. Сортавала, поэтому, утверждает Войонмаа, вполне вероятно, что до 1323 г. (позднее этот процесс был невозможен в силу политических обстоятельств) произошло переселение с побережья Ладоги, из районов Куркийоки и Сортавала в Саво, в край Сяминки и Рантасала [232, с. 35].¹³

В последнее время появились данные, позволяющие утверждать, что заселение берегов Миккельских озер происходило и с Карельского перешейка, из области Яаски. Безлюдная территория, расположенная между

¹² Точки зрения языковедов привел А. Юлёнен, поддержав мнение о единстве жителей Саво и древних карел топонимическими параллелями [235, с. 156].

¹³ В свете этих фактов становится понятным, почему на городище Паасо и в могильниках Миккели нет Ф-образных пронизок.

Яаски и Саво, когда-то представляла собой большой лесной массив, и жители Яаски использовали его под подсеки. В поземельной книге Саво от 1561 г. упоминаются фамилии, обладатели которых вышли из Сур-Яаски. В Сяркилахти известна группа названий, обязанная своим происхождением Яаски. Еще больше их в налоговой книге 1571 г.

Некоторые фамилии, которые в Сур-Яаски выступали как наименования деревень, существовали в Саво (Laamanen в Юва, Сяминки и Тависалми; Liikonen, Liikkapen в Висулахти, Пеллосниэми, Юва, Сяминки и Тависалми), где, кроме того, зафиксировано около 900 названий Яаски (Jääskeläinen). На обеих территориях есть целая группа топонимов с одним корнем: в Вуоксэнранта — Нууралаhti и Нуурысенлуото; в Каагасниэми, Миккели и Мянтюхарью — Нуурылää; в Вуоксэнранта — Йорониеми и Йоройнеп, и т. д. Переселение из Яаски на территорию Саво особенно часто происходило в период русско-шведских войн, но это уже другая история [235, с. 156—160]. Недвусмысленные сведения на этот счет дают письменные источники. Согласно Ореховецкому мирному договору 1323 г., новгородцы отдавали шведам «по любви» три корельских погоста: Яскис, Эврепя и Саволакс. Кроме того, Новгород сохранял за собой права на воды, земли и ловища «наших погостов новгородских» на отошедшей к Швеции территории.

Не случайно, видимо, в земельной книге Саво 1561 г. (под № 420) среди других земель уезда Висулахти упоминается Cariala Huatamaa — «карельское место погребений». Эти же сведения содержатся в журнале земельного раздела 1664 г. (№ 243), что дало основание М. Вестерхольму признать карел ранними жителями западных уголков Сайма [234, с. 33—40].

Вопросам взаимоотношения древних жителей Саво и Карельского перешейка посвятил свою работу финляндский этнограф Н. Валонен. Сопоставив этнографический и лингвистический материалы, он пришел к убедительным выводам, согласно которым населению Саво и приладожской Карелии были свойственны общие черты материальной культуры [228, с. 444—475]. До 1323 г., заключает исследователь, в районе р. Кюмийоки прослеживается граница между западными и восточными явлениями (например: соха из Хяме — соха восточного типа; западные типы серпов — восточный серп; западные рабочие сани с низким передком — восточные сани с высоким передком, и т. д.). Такое различие прослеживается и в пище.

Итак, по ряду признаков районы Саво и Северо-Западного Приладожья вошли в одну область, характеризующуюся общими чертами материальной культуры. Конечно, трудно сказать, к какому периоду — эпохе железа или средневековья — относились древние карельские или саво-карельские явления (карельский амбар, высокий очаг и матицы на столбах, наиболее старые блюда, приготовлявшиеся в печи, восточный жернов, вышивка на рубахах и т. д.), но о смене западнофинского серпа восточным в начале II тыс. на основе археологических материалов можно говорить довольно точно.

Древнее отделение Карелии от Хяме прослеживается на примере охотничьей терминологии (кар. rihma, хяме permī — «силок»; кар. täkkä —

«мясо на грудке птицы») [228, с. 457]. Разграничение западных и восточных районов объясняется, по мнению Н. Валонена, еще и тем, что между ладожской Карелией и Хяме в эпоху железа и раннего средневековья располагались незаселенные лесные и водные пространства. Соединяющим звеном в 800—1200 гг. была саво-карельская группа в районе Миккели. Согласно концепции Валонена, южные районы Саво заселялись жителями Хяме, поэтому население оказалось перед проблемой выбора — какие же из культурных явлений предпочтеть. Видимо, древние хямские элементы сохранились в охотничьей терминологии (*реттi*), в технике (лапти хяме) и в наречии (реликты). В то же время виды транспорта (восточные рабочие сани) и новое в обработке пожоги заимствованы с востока, как и завязывание веника на зиму. Но при всех заимствованиях в Саво разрабатывалась и своя терминология (*nyljin* — «инструмент для сдирания бересты»), пополнялась культурная лексика (например, употребляли *aamiaisen* вместо карельского *turkkina* или хямского *suurus* — «завтрак») [228, с. 458—459].

Народная культура Саво длительное время сохраняла первоначальные черты и традиции, но постепенно по ряду признаков стала отличаться вначале от таковой, свойственной территории Карельского перешейка, а впоследствии и русской Карелии. Так, при заселении Саво произошел выбор между западной «тупа» и более ранней *piritti* в пользу первой, так что второе обозначение избы почти исчезло (название сохранилось в Илмантси и Карелии). С другой стороны, в южную часть Карельского перешейка в конце XIII в. усилился поток переселенцев из Западной Финляндии, что способствовало распространению западных традиций (например, укоренился западный тип лаптей), восточная граница которых в большей своей части соответствовала государственной границе по Ореховецкому договору 1323 г. [228, с. 460] и, стало быть, разграничила земли Саво и новгородской Карелии.

В свою очередь группы жителей Саво в несколько более позднее время начали расселяться на север, северо-запад и северо-восток [232, с. 18], что подтверждается и данными антропологии. В результате антропологического изучения, осуществленного советско-финляндской экспедицией в 1967—1969 гг., выяснилось, что предки населения Восточной Финляндии (Саво и Карьяла) шли с юго-востока вдоль Карельского перешейка. Интересно и то обстоятельство, что жители районов Иллаторнио (северное побережье Ботнического залива) и Кеуру (Юго-Западная Финляндия) происходят в основном из Восточного Саво [31, с. 39].

Следовательно, приведенные выкладки позволяют заключить, что район Саво был заселен главным образом выходцами из Северо-Западного Приладожья (точно датировать переселение нельзя, но, возможно, оно имело место в конце I тыс. н. э.) и в незначительной части — из Хяме. Длительное развитие материальной и духовной культуры, а также нахождение в контактирующей зоне западных (хямские) и восточных (древне-карельские) явлений привели к формированию самостоятельной культуры Саво — вывод, хорошо согласующийся с археологическими материалами.

Концентрация древнекарельских вещей в пределах Северо-Западного Приладожья и в области Саво, единичная встречаемость их за пределами

границ, видимо, свидетельствуют о пребывании корелы на отдаленных территориях [52, с. 41—70]. Эти факты признаются и финляндскими исследователями. По их мнению, такие предметы найдены в Настола (юго-восток Хяме), в могильнике Ристимяки, который, судя по находкам, может быть заложен корелой или же оставлен населением, попавшим под ее влияние. Известен клад серебряных вещей, в состав которого входили четыре круглые выпуклые фибулы, являвшиеся одним из украшений костюма корелки. Фибулы с изображением клюшней рака и некоторые другие изделия собраны в погребальных памятниках Хяме. При раскопках г. Турку в слое XIII в. обнаружены остатки кожаных ножен, украшенных акантом в древнекарельском стиле [154, с. 45, 50; 171, с. 272; 172, с. 67—70]. Высказано предположение, что названия Паасо и Настола (населенные пункты Финляндии) даны христианами-карелами [178].

Древнекарельские вещи присутствуют в памятниках ижоры [171, с. 273; 99, с. 115], единичные предметы — на территории води и в восточной части Эстонии. Более того, Э. Кивикоски предполагает, что некоторые этнически определяющие вещи Северо-Западного Приладожья могли быть в употреблении у западнофинского населения (например, ножны из Турку), но предположение остается лишь предположением, поскольку могильников XIII в. в Западной Финляндии пока неизвестно [171, с. 276].

С археологическими фактами уместно сопоставить лингвистические выкладки Д. В. Бубриха. По его мнению, к середине XII в. сформировалась следующие группы корелы: привыборгская, присайминская, приботнийская, корела в центральной части Карельского перешейка и ижора. Названные группы испытывали этнические влияния: с одной стороны, в состав корелы вливались западные элементы (в первую очередь у корелы, проживающей на берегу Финского залива, оз. Сайма и в Северной Приботнии), с другой — элементы волховской чуди [13, с. 32—33]. Именно эти обстоятельства приводили к локальным различиям в материальной культуре, которые, как нам кажется, удалось выявить на археологическом материале. Говорят о них и письменные источники.

В летописных сообщениях, касающихся 6846 (1338/39) г., называется «немецкая городецкая» корела в районе Выборга [77, с. 348]. Труднее определить места проживания семидесятской корелы. Единственное упоминание о ней встречено в Новгородской IV летописи под 6883 (1375/76) г.: «Того же лета постави корела семидесятскаа Новый городок». А. И. Гиппинг считал, что речь идет о саволакской кореле и г. Нишлоте [18, с. 148, прим. 107], В. Егоров — о приботнийской кореле и г. Оулу [27]. Однако ни для первой, ни для второй точки зрения в настоящее время нет достаточно убедительных оснований.

Сложно выявить и ареал кобылицкой корелы, упомянутой в летописях под 1338 г. в связи с урегулированием новгородско-шведских отношений. Соглашение между обеими сторонами было достигнуто, «а про кобыличкую корелу послати к свеискому королю» [77, с. 349]. Видимо, касающийся кобылицкой корелы пункт в договоре был спорным, требовавшим специального рассмотрения, и, наверно, проживала она не в глубине новгородских земель (иначе не о чем было бы спорить), а на границе. Это, вероятно, была территория нынешнего Токсовского района Ленинградской области,

в границах которого в XVI в. довольно часто встречались деревни «на Кобылицах», упомянутые в переписной книге Водской пятины. Такой же точки зрения придерживался В. Войонмаа. Он считал, что кобылицкая корела обязана своим названием «роду Тамма» («кобыла», «кобылица»). К. Вилкуна происхождение названия «кобылицкая корела» ставил в прямую зависимость от занятий коневодством в бассейне р. Вуоксы [232, с. 68].

Вместе с тем не исключено, что под кобылицкой корелой летописец подразумевал население района Саво, где известны топонимы на «оги» — «жеребец». В берестяной грамоте № 249 местом столкновения корелы и севилакшан указывается пункт Коневы Воды у Жабия Носа (Коневы Воды — название одного из плесов оз. Сайма). Коневы Воды упоминаются архиепископом Макарием в 1534 г. при перечислении территорий с юга на север, заселенных язычниками (Коневы Воды помещены Макарием на севере Корельской земли) [6, с. 76]. Следовательно, кобылицкая корела, возможно, обитала либо на юге Корельского перешейка, либо в юго-восточной части Финляндии, на территории Саво.

Таким образом, в XII—XIV вв. летописная корела занимала огромную территорию, включавшую Северо-Западное Приладожье с центром в Корельском городке, Юго-Восточную Финляндию (районы Саво и Лаппеэнранта) и Северную Приботнию. Отдельные группы корелы жили, видимо, и в Хяме, и на Ижорском плато. Северо-Западное Приладожье, будучи подвластным Новгороду, в значительной степени отличалось от локальных, заселенных корелой районов, разделенных большими пространствами, связи между которыми постепенно ослабевали. Решительная ломка этнических отношений произошла после заключения новгородско-шведского договора в 1323 г., когда свершилось насильтвенное разделение народности корела.

В Северо-Западном Приладожье, традиционно связанным с судьбами Новгородского государства, наблюдается расцвет самобытной древнекарельской культуры, испытавшей существенное воздействие древнерусского искусства и различных ремесел, способствующих экономическому и социальному-политическому развитию края.

ХОЗЯЙСТВО КОРЕЛЫ В XII—XV вв.

Территорию корелы отличало от чисто земледельческих и промысловых районов подвластных Новгороду земель развитое железоделательное производство, базирующееся на местных запасах сырья. О его значительной доле в хозяйстве можно судить по большому числу готовых кузнечных изделий, обнаруженных на поселениях и в могильниках, по разнообразным инструментам, бытовому инвентарю, предметам военного снаряжения и т. д. Древние карелы были знакомы с ювелирным и гончарным ремеслом, приемами работы с камнем, костью и деревом. Ткачество, шитье одежды и обуви, обработка кожи, видимо, не выходили за пределы домашнего производства, но вполне удовлетворяли запросы населения.

ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ РЕМЕСЛО

Первоначальные этапы железоделательного производства (добыча железа из болотной руды, выплавка его) восстанавливаются по косвенным данным, так как все эти процессы протекали вне поселений. Сведения из переписных оброчных книг Водской пятини 1500 и 1504—1505 гг. перечисляют домницы на побережье Финского залива. Чаще всего они были с одной печью, но иногда последних упоминается больше: в волости Ковоша 38 домниц, «а печей в них 46». Сообщения писцовых книг неполные, например относительно числа печей в 109 домницах вообще нет указаний. Однако подсчитан приблизительный объем годовой продукции железа в этом районе. Если оброк с каждой домницы исчислялся от нескольких криц до 110 штук в год [34, с. 12—54], то вероятная производительность домниц в районе Лужской губы составляла около 20 000 пудов железа в год [41, с. 10].

Нет оснований сомневаться, что у корелы в Северо-Западном Приладожье железо производилось в достаточном количестве. Оно удовлетворяло спрос не только местного рынка. В писцовых книгах перечислены наряду с продуктами сельского хозяйства предметы железоделательного производства, которые должны были поставлять древние карелы. Об этом же свидетельствует наличие на городище Тиверск в производственных помещениях, жилищах и вокруг них огромного числа шлаков (свыше 5000) с высоким содержанием железа (вполне возможно их вторичное использован-

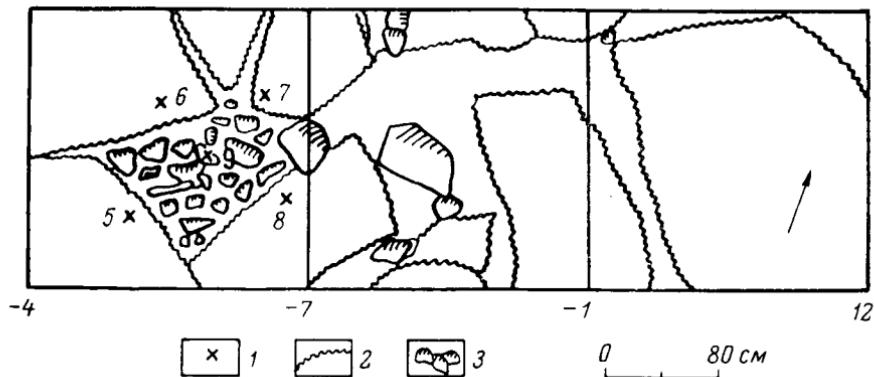

Рис. 12. Городище Паасо. Горн.

1 — нивелировочные точки; 2 — границы скальных уступов; 3 — камни.

ние). Выплавляли железо не только в горнах, но, кажется, и в домашних печах. Так, в Тверске обнаружены куски днища мискообразного сосуда с сильно ошлакованными внешними стенками, очень похожими на стенки тиглей. На территории городища вскрыты остатки двух кузниц, к сожалению, плохо сохранившиеся и в деталях невосстановимые. На городище Паасо выявлен кузнечный горн, в котором, возможно, занимались и литьем из цветных металлов (рис. 12).

Установлено несколько схем изготовления кузнечных изделий, характерных в общих чертах для древнерусского ремесла IX—XIV вв.: целиком из железа, стали; трехслойный пакет; вварка стального лезвия в железную основу; торцовка стального лезвия на железную основу клинка; косая наварка стального лезвия на железную основу; поверхностная цементация готового изделия. Однако наибольшее распространение получили схемы X—XII вв.¹ Металлографический анализ подтвердил сделанный при исследовании керамического материала и некоторых изделий из цветного металла вывод, согласно которому в Тверске существовали слои X—XI вв. [53, с. 60—61].

Более квалифицированными кузнецами городища Паасо использовалась, кроме того, сварная технология из двух полос — железной и стальной. Ремесленники при изготовлении предметов из железа и стали применяли разнообразные технологические приемы: горячую кузнечную ковку и сварку, термическую обработку и горновую пайку, обмезднение железных и стальных изделий. На некоторых предметах прослежена художественная кузнечная ковка. В целом древнекарельское железообрабатывающее ремесло отличается высоким мастерством, профессионализмом и не

¹ Металлографический анализ осуществлен в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР Л. С. Хомутовой (см. Прил., с. 188—209). Приносим ей за это глубокую благодарность.

уступает в этом ремеслу древнерусских городов, прежде всего Новгорода, под прямым влиянием которого оно развивалось.

Ремесленниками по железу изготавливались разнообразные инструменты, применявшиеся для обработки дерева и ювелирных предметов, в сапожном, шорном и ткацком ремеслах, в сельском хозяйстве и промыслах, в оружейном деле. Многочисленную группу составляют кузнечные изделия для повседневных нужд.

Замки и ключи к ним, найденные в основном на городищах и лишь в редких случаях в могильниках, аналогичны древнерусским. Замки цилиндрические и их детали (9 экз.) собраны на поселениях Тиверск [53, табл. 7, 1—3], Хямеэнлахти [53, табл. 8, 26], Паасо [53, табл. 12, 6] и в погр. Кекомяки-1. Гораздо чаще встречались ключи от висячих замков. К типу I (2 экз.) отнесены ключи с Т-образным отверстием (тип А — по классификации Б. А. Колчина), датирующиеся, согласно новгородской хронологии, главным образом XI и частично XII в.;² один из них найден в Сяркисало (№ 40), другой — в Тиверске [53, табл. 7, 12]. К типу II (1 экз. из Хямеэнлахти) — коленчатый ключ с фигурной прорезью на круглой лопатке (тип Б) [53, табл. 8, 24], бытовавший в Новгороде в XII—XIII вв. Тип III (4 экз.) объединяет ключи с фигурной лопаткой и изгибом при переходе лопатки к стержню (вариант В-1 возник в середине XII в. и использовался вплоть до конца XIV в.) [41, с. 82], известные по находкам в Тиверске [53, табл. 7, 15] и Паасо [53, табл. 12, 7]. Ключи второго варианта этого же типа (В-II) отличаются от первого прорезью на стержне [53, табл. 7, 14]. В Новгороде они датируются второй половиной XIII—концом XIV в. [41, с. 82]. Ключи типа IV (2 экз.) — с прямым стержнем и перпендикулярной ему лопаткой — из Хямеэнлахти [53, табл. 8, 16] и мог. Сяппяйс-117 (к замкам типа Г) бытовали в Новгороде с конца XIII до первой половины XV в. [41, с. 82].

Типы четырех ключей, у которых лопатка отсутствовала, не определены. Один из них, найденный в Тиверске, откован из стальной заготовки и термически обработан.

Ключи-отмычки от деревянных задвижек главным образом XIV в. обнаружены в Тиверске (2 экз.) [53, табл. 7, 11] и Паасо (1 экз.) [53, табл. 12, 23]. В шведских древностях они относятся к XII—XIII вв. [132, fig. 356]. Ключи от внутренних замков (3 экз.) — один миниатюрный с прямоугольной прорезью в верхней части и квадратной лопастью [53, табл. 7, 6], другой массивный с кольцеобразной головкой и прямоугольной лопастью [53, табл. 7, 13], у третьего (из Паасо) лопасть деформирована — датируются XIV—XV вв. [41, рис. 72].

Неотъемлемой принадлежностью мужского и отчасти женского набора инвентаря были кресала.³ Указать точное количество экземпляров того

² Классификация замков и ключей дана по Б. А. Колчину [41, с. 80; 42, с. 90].

³ По мнению П.-Л. Лехтсало-Хиландер, в мог. Ховинсари-1 (1886 г.) погребена не только женщина, но и мужчина. Исследовательница исходит из того, что среди инвентаря были топор-секира, поясная пряжка и кресало. То же самое можно сказать о мог. Ховинсари-13, в которой помимо типичных для женских погребений вещей обнаружены два кресала, две поясные пряжки и круглая застежка, четыре кремня, сопутствующие обычно мужским захоронениям. В мог. Туккала-7, где присутствовало кресало, без сомнения погребена женщина.

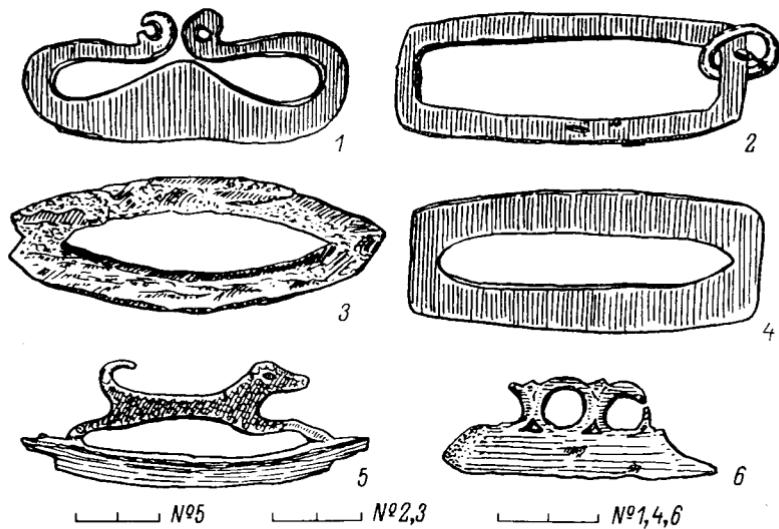

Рис. 13. Кресала.

1 — калачевидное; 2 — прямоугольное; 3 — овальной формы с заостренными боками; 4 — овальное; 5, 6 — индивидуальных форм.

или иного типа не представляется возможным, так как в имеющейся литературе на данное обстоятельство не обращалось внимания (из 66 удалось классифицировать только 34).

Ранних форм кресал, датирующихся X—XI вв., известно мало. Калачевидные найдены в четырех пунктах: Игнатьево (№ 45), Ховинсари (№ 112; между могилами), Паасо и Тиверск (рис. 13, 1). Прямоугольные кресала происходят из могильника Туккала (6 экз.; рис. 13, 2); удлиненно-овальные с заостренными боками — из Ховинсари (два из мог. 1 и 5, а одно найдено между могилами) и Паасо (рис. 13, 3). Последние близки второму типу новгородских кресал, датирующемуся первой половиной XII—концом XIII в. [41, с. 100]. Наиболее многочисленную группу составляют овальные кресала, собранные на поселениях (Тиверск, Паасо) и в могильниках (21 экз.; рис. 13, 4).

Кресало индивидуальной формы, изображающее бегущую собаку, было найдено в прошлом веке на территории Тиверского городка, а в наших раскопках — кресало с ажурной рукоятью (рис. 13, 5, 6), похожее на новгородские XV в. [41, с. 102—103, рис. 87, 2—4]. Оно привлекает к себе внимание конструктивными особенностями: рукоять соединялась с рабочей частью методом горновой пайки (см. Прил., с. 196).

Бытовые ножи найдены на городищах Тиверск (76 экз.), Паасо (47) и Хямеэнлахти (3 экз.). По форме и размерам они идентичны изделиям с древнерусских памятников. Имеются миниатюрные с лезвием длиной от 3.4 до 5.1 см (12 экз.). Длина остальных ножей: 9.3—17.1 см в Тиверске, 9.3—14.9 см в Паасо. Ширина соответственно от 1.2 до 2.2 см и от 0.9 до 2.3 см. По функциональному назначению большая их часть — хозяйств-

венные ножи [53, табл. 7, 23, 26, 27; 8, 6, 7; 12, 14, 15, 20, 22], столовый — один (из Тверска), столярных — четыре [53, табл. 12, 16, 21]. Ножи являлись универсальным инструментом и могли использоваться при выполнении самых разнообразных работ.

Как выяснилось в результате металлографического анализа, для изготовления 20 тверских ножей использовано шесть общерусских технологических схем IX—XIV вв. (см. Прил., с. 189). Четыре ножа сделаны по технологии ложного пакета. При трудоемкой технологии трехслойного пакета самозатачивающееся лезвие изготавливалось из трех полос металла: по бокам — железные, в центре с выходом на лезвие — стальная. Технология трехслойного пакета существовала на Руси с IX в. и вытеснена во второй половине XII в. иной схемой. Тверскими же мастерами классическая схема была неправильно понята: на всех четырех ножах зафиксировано бессистемное расположение железных и стальной полос. По мнению Л. С. Хомутовой, ножи несомненно являлись продукцией местных кузнецов. На городище Паасо они в подавляющем большинстве сделаны в высококачественной технике трехслойного пакета, хотя есть и бракованные изделия.

В употреблении были сковородники (3 экз.) [53, табл. 7, 28], не отличающиеся от новгородских, и светцы: из Тверска — один, из Паасо — два [53, табл. 12, 1, 4], из могильника Патья — точное число неизвестно. Бритва с городища Паасо [53, табл. 12, 12], имеющая совсем иную форму, нежели бритвы с памятников первой хронологической группы, аналогична новгородским предметам второй половины XIII в. [41, с. 58, рис. 45, 3]. Железные пружинные ножницы — рядовая вещь для многих памятников конца I—начала II тыс. Они присутствовали в древнекарельских женских погребениях обычно в ногах (в одном случае помещались на левом плече погребенной), встречены на городище Хямеэнлахти (всего 11 экз.) [53, табл. 8, 43; 15, 14; 17, 11; 21, 12]. Возможно, еще один обломок ножниц найден на городище Паасо; на пружинном конце его сохранилась прямоугольная накладка из медного сплава.

Помимо упомянутых кузнечных изделий бытового назначения в памятниках летописной корелы обнаружены цепи, вертлюг [53, табл. 7, 16], пробои, накладки, заклепки [53, табл. 7, 5], обручи, фигурные оковки и т. д.

ЮВЕЛИРНОЕ РЕМЕСЛО И ПРЕДМЕТЫ УКРАШЕНИЯ

Художественное ремесло у древних карел достигло значительного уровня. Ювелирные изделия: цепочки, кольца, поясные пряжки, застежки — частично изготавливались из железа; многочисленные медные и серебряные вещи обычно украшались изящным растительным узором. Тонкой позолотой изредка покрывались пластинки, которые носили на шейной ленте, отдельные мужские застежки и женские фибулы. Часть ювелирных изделий производилась в Новгороде, другие появились в результате торговых контактов, какие-то вышли из местных мастерских, доказательством чего служит погребение бронзовых дел мастера, содер-

жащее молоточки, точильные бруски, пробойники и клещи, обнаруженное в одной из могил Карельского перешейка.

О комплексах, связанных с производством цветного металла, трудно сказать что-либо определенное. Следы кузницы (№ 84), в которой, как предполагают, изготавливали бронзовую нить для спиралей, украшавших женскую одежду, зафиксированы при исследовании могильника Ховинсари. Два похожих сооружения выявлены в Хийтола и Кушпала (№ 88, 89). Если интерпретация первого как кузницы довольно иллюзорна, то второе сооружение с каменным полом и обломками тиглей для плавки бронзы вполне допустимо идентифицировать с кузницей. Тигли-льячки представлены фрагментами (69), не всегда позволяющими реконструировать форму изделий и, следовательно, разграничить их. Лишь на городище Тиверск найден хорошо сохранившийся тигель цилиндрической формы, с округлым дном толщиной 1.2 см [53, табл. 6, 5]. Обычно стенки тиглей и лячек достигали 0.8—2 см.

Металлообрабатывающие инструменты разнообразны, хотя и немногочисленны. Ювелирная наковальня с удлиненным рогом и отверстием на противоположной стороне из Ховинсари (№ 84) аналогична новгородскому изделию из слоя второй половины XII в., считающемуся наиболее удобным и универсальным в ювелирном производстве [41, с. 20]. В этом же комплексе и на городище Паасо найдены железные инструменты для волочения, протяжки бронзовых нитей [53, табл. 11, 6]. Железный предмет в форме ложки с перекрученной ручкой (погр. Суотниэми-3), видимо, служил в качестве литейного ковша [53, табл. 17, 10].

Молотки, применяющиеся и в кузнечном, и в ювелирном производстве, встречены в Тиверске [53, табл. 6, 3] и в Кекомяки-2 — погребении ювелира [53, табл. 18, 5, 6]. Три зубила с городищ Тиверск и Паасо отличаются некоторыми деталями [53, табл. 6, 1, 14; 11, 3]. Одно, длиной 7.1 см, имело прямоугольный в сечении стержень с ударной площадкой на одном конце и режущим краем на другом. Второе (7 см) снабжено отверстием в середине, в котором находился железный стержень для насада на деревянную рукоять; режущий край несколько расширен. Третье, хорошо сохранившееся зубило подлиннее (13.7 см), с плоским концом, на который насаживали деревянную или костяную рукоять. Если первые два инструмента несомненно принадлежали мастеру-ювелиру, то третье могло применяться при работе с железными предметами.

Пробойников, необходимых для пробивания отверстий в изделиях, обнаружено 4 экз. (длина 10.5 и 6.1 см) [53, табл. 6, 6, 10]; два с городища Паасо представлены обломками. Из предметов ювелирного производства имеется также бронзовый пинцет с плоскими губами (Тиверск). По своей конструкции он схож с новгородскими пинцетами первого вида, встречающимися в слоях X—XIV вв. [53, табл. 4, 20]. Железный пинцет без фиксирующего кольца с городища Паасо соответствует второму виду новгородских изделий [41, с. 22].

Меднолитейное дело в древнекарельской земле развивалось в русле новгородских традиций. Для изготовления предметов украшения использовались сложные, аналогичные новгородским сплавы. Так, например, венцы из ранних слоев Тиверска и Паасо сделаны из сплавов X—XI вв.

(меди с цинком), предметы развитой древнекарельской культуры — из сплавов, применявшихся новгородскими ювелирами в XIII—XIV вв. (см. Прил., с. 187).

Исследование ювелирных изделий с памятников летописной корелы ставит несколько разноплановых задач, которые тесно связаны между собой: определение дат не только отдельных предметов, но и памятников в целом, этнической принадлежности, а следовательно, и выделение особых черт в древнекарельской культуре, выяснение территориальных границ и т. д.

Известные по кладам, могильникам и городищам изделия из цветных металлов⁴ большей частью принадлежали женскому убранству. Головные украшения — серебряные застежки (сюкерё) — сделаны из тонких проволочек в петлеобразной технике; их три поперечные косички тоже сплетены из серебряных проволочек. Концы застежек, полые и гладкие, заканчиваются петлями. На иглу со спиральной головкой иногда подвешивалось дополнительное проволочное украшение с закрученными внутрь концами. На северо-западном побережье Ладоги встречено 11 булавок: в Килпола (№ 198) [53, табл. 26, 8], Леппясенмяки-4 [53, табл. 14, 8] и за пределами могилы (№ 103), Сипилянмяки (№ 196) [53, табл. 25, 8], Патья (№ 102) [53, табл. 13, 1], Ховинсари-1 (1888 г.), в дореволюционных раскопках Тверска, Кекомяки-1, 5 [53, табл. 20, 2],⁵ 6. По погребальным обрядам захоронения с сюкерё не отличаются от других, только в Леппясенмяки-4 умершая ориентирована головой на ЮВ, в остальных — на С с некоторым отклонением к З. Обнаруженный в Эстонии экземпляр (из Рябизеского клада) датируется XII в. [223, лк. 253].⁶ Видимо, первые древнекарельские образцы следует отнести к этому же времени.

Концентрация изделий на Карельском перешейке и отсутствие их в Финляндии привели исследователей к убеждению о принадлежности украшений древним карелам [174, S. 137, Abb. 1103],⁷ хотя техника их изготовления — плетение цепочек из нескольких проволочек — известна далеко за пределами этнической территории. Цепочки встречены в кладах (Тверск, Сипилянмяки) и могильниках (Кекомяки и Суотниэми). Цепочка из Тверска шестиугольная, из Сипилянмяки пятиугольная, что получалось в результате применения различных способов плетения и числа проволочек [53, табл. 25, 4]. Форма цепочек могла меняться в за-

⁴ В финляндской археологии качественный и количественный анализ цветного металла пока еще не стали предметом специального исследования. Работы в этом направлении начались сравнительно недавно. В нашей книге качественные определения изделий из цветного металла заимствованы из опубликованной литературы, хотя они, видимо, не всегда верны.

⁵ В это число входят иглы со спиральной головкой (4 экз.), у которых плетеная часть отсутствует: Кекомяки-1 (2 экз.⁷), 5; Лапинахти-4.

⁶ Э. Ю. Тыниссон датирует Рябизеский клад второй половиной XII в. на основании нахождения в нем сюкерё, хотя в кладе присутствуют монеты, самая поздняя из которых середина XI в.

⁷ Древнекарельские головные украшения, по мнению К. А. Нордмана, изготавливались за пределами территории летописной корелы. Причины же оседания вещей в Корельской земле ему виделись в том, что изделия стали принадлежностью только древнекарельского, а не какого-нибудь другого «национального» костюма [200, с. 222—223].

висимости от натяжения или расслабленности проволочек, хотя техника изготовления оставалась прежней. На цепочки иногда нанизывали витые узлы [141, с. 27]. В отличие от булавок, имеющих четкий ареал, цепочки известны на юге Финляндии (например, в Хаухо, Хямеэнлинна, Лиэто) — их Я. Аппельгрен считал местными изделиями [137, С. 12] — и на севере ее (клад в Кусамо—Лямся) [141, с. 29], в Скандинавии, Прибалтике, а также на нашей территории [137; 173, С. 92, Abb. 2—4]. К. А. Нордман полагал (правда, с известной долей сомнения), что изделия с Готланда вывозились в Финляндию [198, С. 282].

Прибалтийские находки являются хорошей базой для датировки плетеных цепочек. Их находили в ливских курганах XII в., в Эстонии — в кладах Падикуля XIII в. и Кумна первой половины XIII [в. [113, с. 106, рис. 11; 223, lk. 190, tahv. XVIII; 224, lk. 222, joon. 3, 1]. Бронзовая цепочка, сплетенная из восьми проволочек, обнаруженная в Новгороде, датируется второй половиной XII в.⁸ Присутствие цепочек в могильниках Карельского перешейка свидетельствует об употреблении и в XIV в. Что касается начального периода существования, то на примере северофинляндских, эстонских и новгородских находок можно предположить, что и населению Карельского перешейка в XII в. данные изделия были знакомы.

Шейные гривны широкого применения в древнекарельском уборе не получили и бытовали короткое время. Видимо, своим присутствием в кладах они обязаны ценности металла. Гривны, скрученные из двух или более утончающихся к концам серебряных проволочек, одинарных или двойных (иногда между ними пропущен один или несколько жгутов), имели чаще всего раздельные, полые концы, заканчивающиеся петлей и крючком. Изделия обнаружены в памятниках Готланда, Финляндии, Эстонии, Северо-Западного Приладожья. В кладе из Кусамо—Лямся были четыре плетеные шейные гривны. Т. Бъёркман впервые подверг их классификации [141, с. 22—26], согласно которой к подгруппе IА относятся украшения с двумя раздельными проволочными концами из Таваярви, Лямся, Путилова XI—XII вв. [45, табл. XVIII, 5], Куолаярви, Рантуэ (№ 199) [53, табл. 26, 1], Хийтола (№ 169). На конечных частях гривны из Рантуэ — орнамент в виде ленточного плетения, аналогичный рисунку на топоровидной подвеске из Лямся, а на гривне из Хийтола — в виде лозы. Оба типа орнамента нехарактерны для гривен Северной Финляндии, поэтому местом происхождения их, считает исследователь, была древнекарельская среда. Гривны подгруппы IIA — скрученные из толстых проволочек с пропущенным между ними тонким жгутом — в Карельской земле отсутствуют, так же как и подгруппы IIIA — гривны из толстых двойных проволочек и тонких шнурков с раздельными концами, найденные в Лямся, Таваярви [174, Abb. 1075, 1076], Куолаярви. Однако экземпляры из клада Мяэтагузе и Северной Швеции, согласно Бъёркману, являлись продуктом торговли с корелой [141, с. 26].⁹

⁸ Ярус 17, пласт 23, кв. 2131.

⁹ Э. Ю. Тыниссон писал: «Эстонские витые шейные гривны вполне сходны с соответствующими ижоро-карельскими гривнами, а также с некоторыми гривнами, найден-

У древнекарельского населения существовал и другой тип шейных украшений — ленты. Они зафиксированы в 13 погребениях: семи женских и шести мужских. Две серебряные нашивки — случайные находки из могильника Туккала. Это полоски, сделанные из бересты и обернутые тканью. Сверху нашиты серебряные, иногда позолоченные бляшки. В некоторых случаях применялись брокатные ленты. В Ховинсари-1 (№ 110) в женском трупосожжении один кусок брокатной ленты обнаружен в области шеи, другой — ближе к голове. Тесьма с серебряными нитями найдена на шее умершей в Кекомяки-1а. В мужском погребении этой же могилы — Кекомяки-1в — два куска брокатной ленты шириной 11 мм находились в области пояса. В мужском погр. Туккала-58 лента длиной 31 см, украшенная серебряными пластинками, тоже лежала в поясной части. П.-Л. Лехтосало-Хиландер подмечено, что в женском погр. Кекомяки-5а имелось налобное украшение из медных спиралек, нанизанных на кручёную нить. Подобное изделие зафиксировано и в аналогичном погр. Леппясемяки-4.

Надо заметить, что шейные украшения не нашли широкого применения в костюме древнекарельского населения — идентичных изделий почти нет, вариации наблюдаются лишь в конструкции самой шейной ленты либо в форме и орнаментации нашиваемых бляшек. В трех мужских погребениях шейные ленты отличались друг от друга некоторыми деталями: в Кекомяки-3 — лента с нашитыми позолоченными серебряными четырехугольными пластинками [53, табл. 19, 17]; в Кекомяки-1в — шерстяная с тонкими серебряными пластинками; в Кекомяки-1г — берестяная лента длиной 130 мм при ширине 12 мм, которая была завернута в двухниточную ткань с нашитыми поверх нее тонкими серебряными позолоченными пластинками. Во всех трех шейных украшениях присутствовали крестообразные подвески — равноконечные, с рельефным орнаментом на лицевой стороне, с расширенными концами, украшенными тремя выпуклыми дисками (рис. 14, 1). Такие изделия встречены на обширной территории, особенно часто они на памятниках Северо-Запада и Северо-Востока Руси, Северной Европы и Прибалтики, где датируются XI—XII вв. [49, с. 33].

В мужском погр. Суотниэми-2 в деревянной коробке найдена серебряная шейная цепь, скрученная из нескольких тонких нитей, заканчивающаяся полыми позолоченными звериными головами. Через последние проходит кольцо с серебряными бусинами и тремя орнаментированными крестами, украшенными чернью и зеленой эмалью (рис. 14, 2—4). Цепи с аналогичными головами известны на Готланде в кладах XI в. [214, S. 106—109, 185, 239—241].

Подвески в виде крестов, но без шейных лент и цепочек обнаружены и в других погребениях. Они могли носиться на шнурах, ко времени раскопок несохранившихся. Такова крестообразная подвеска с территории могильника Каускила (рис. 14, 8), похожая на крест из предыдущего

ными на севере Финляндии. По-видимому, эстонские гривны имеют непосредственную связь с пижоро-карельскими. Карелы-пижора в свою очередь восприняли этот тип гривен, очевидно, из Новгорода. Вопрос о происхождении рассматриваемых эстонских гривен требует, однако, еще более полного уяснения» [223, lk. 255].

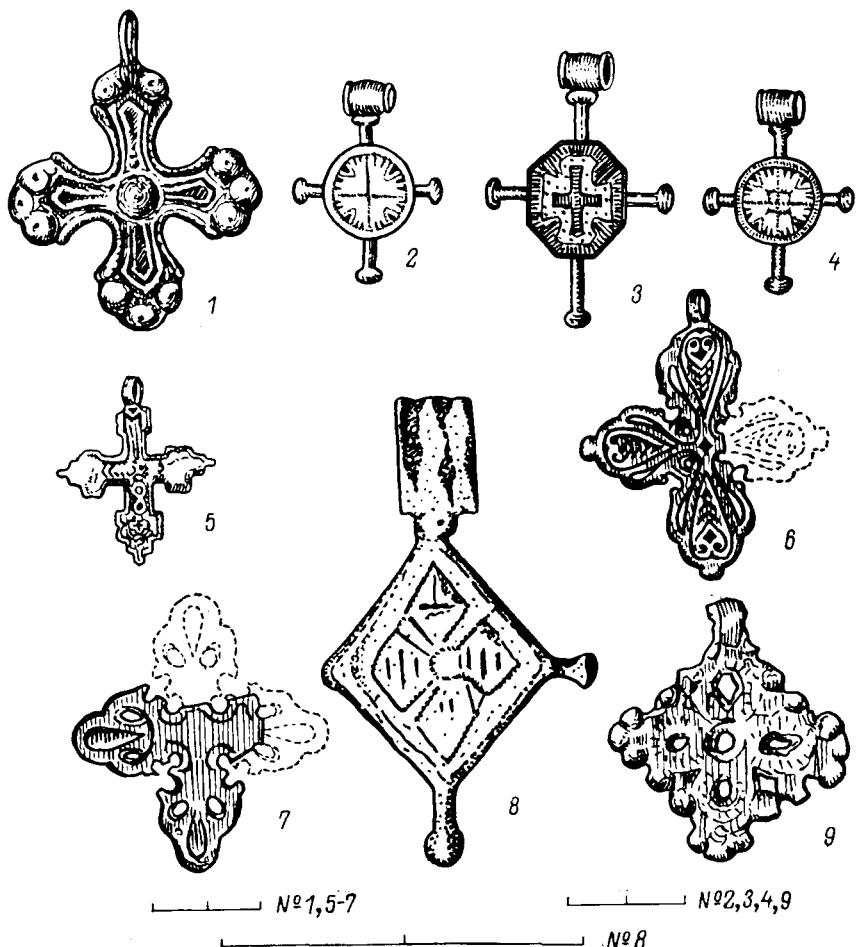

Рис. 14. Крестовидные подвески.

1 — Кекомяки-1; 2—4 — Суотниами-2; 5 — Сяппяйс; 6 — Лепписенмяки-3; 7 — Ховинсари-3; 8 — Каускила (сборы); 9 — Туккала-53.

ожерелья. Из детского захоронения Сяппяйс (пол не установлен) происходит бронзовый крестик (рис. 14, 5), который можно сравнить с крестом XIII в. из Новгорода [106, с. 236, рис. 4, 18]. Ажурная крестообразная подвеска (рис. 14, 9) обнаружена в женском погр. Туккала-53. Положение ее относительно костяка неизвестно. Э. Л. Мугуревич считает изделие либо латвийским продуктом, либо подражанием ему [73, с. 64, рис. VIII, 14]. Соглашаясь с частным выводом, А.-Л. Хирвилуото делает более широкие обобщения, согласно которым славянско-византийский материал в виде крестов пришел в Финляндию по Даугаве и днепровскому пути [155, с. 17—23]. Однако это, видимо, не единственный маршрут. Все-таки

главными пунктами, с которыми изделия были связаны, остаются Новгород и Корельская земля. Именно через них, а не через Латвию, попали кресты в лапландские памятники [213, с. 109].

Ажурные крестики с растительным орнаментом встречены в трех захоронениях: Леппясенмяки-3, Ховинсари-3 (№ 112; рис. 14, 6, 7) и Кекомяки-5 [53, табл. 21, 3]. В первом пол умершего не установлен, второе определено мужское, в третьем подвеска находилась между двумя женскими погребениями, но ее принадлежность мужскому захоронению не исключена. К. А. Нордман эти изделия считал продуктом северного, в самом широком смысле, производства [200, с. 225]. Но они известны и в Западной Латвии, где датируются XII—началом XIII в. [73, табл. VIII, 11].

Обломок янтарного четырехконечного креста-тельника с равномерно расширяющимися лопастями с городища Паасо аналогичен многочисленным изделиям Северо-Запада Руси, датирующимся XII—XIV вв. [38, с. 62; 53, табл. 9, 28; 93, с. 204].

На миниатюрном серебряном медальоне из клада Сишилянмяки (диаметр 2.9 см) есть украшенная филигранью петля и внешний ободок из рубчатого дрота. Равноконечный крест, лопасти которого состоят из полукруглых лепестков, выполнен чернью. Свободное от узора пространство пробито до дна пуансоном [53, табл. 25, 2]. К. А. Нордман считал, что орнаментика медальона характерна для северных древностей 1000 г. и датировал изделие, не приведя ни аналогий, ни дополнительной аргументации, второй половиной XI в. [200, с. 225]. Э. Кивикоски полностью повторила этот вывод [174, S. 138, Abb. 1125]. Форма креста на медальоне из Сишилянмяки близка крестовидной ажурной подвеске из Гротреска, что дало основание И. Сернинг считать новгородскую Карелию местом изготовления гротрессской поделки [213, пл. 44, 14; bild. 1].

В Северо-Западном Приладожье обнаружено 10 пластинчатых бляшек с приклепанной петлей для подвешивания: в погребениях — три, в кладах — шесть (в том числе и в кладе Рауту XI в.) [53, табл. 25, 1, 6; 26, 3, 5, 6]. Одна бляшка — случайная находка. Изделие из Ховинсари-5 использовалось в качестве фибулы и соединяло концы холщовой рубашки. К. А. Нордман датировал его 1150—1250 гг. Бляшки из Кекомяки-6 найдены на левом бедре умершей [53, табл. 22, 10, 13]. Не вошла в выше-перечисленные редкая подвеска из Тверского клада, имеющая весьма ограниченный ареал (известна в кладе Халикко) и датированная Нордманом XI—XIII вв.

Еще ранее была подмечена тенденция к постепенному увеличению размеров изделий. Действительно, подвески из Рауту, Рантала (Финляндия) имеют диаметры 3.4—4.4 см, из клада Раутуэ — 3.9 и 5.5 см. Изделие из Кекомяки достигает в диаметре уже 6 см. Тенденция к укрупнению особенно отчетливо проявляется у эстонских находок. Например, нагрудные бляшки XVI—XVII вв. в диаметре доходят до 12 см. Э. Ю. Тыниссон писал о них: «Нагрудные бляшки получают в Эстонии широкое распространение в особенности с 13 в. Возможно, что их прообразом были монеты-подвески. Но в появлении украшений этого типа несомненно сказались и внешние влияния. Подобные нагрудные бляшки характерны также для древнего населения Финляндии и Карелии. К тому же они передко

имеют такой же орнамент, как и эстонские бляшки. Из этого нельзя, однако, еще заключить, что нагрудные бляшки оттуда проникли в Эстонию. Сходство тех и других бляшек свидетельствует только о наличии взаимных связей между древними эстонцами и населением названной территории» [223, lk. 257—258]. В справедливости вывода нет оснований сомневаться, так как идентичных образцов в треугольнике Эстония—Финляндия—новгородская Карелия мало. Датировка 1150—1250 гг., предложенная К. А. Нордманом, по всей вероятности, приемлема.

Монетообразная подвеска из Ховинсари-5 имеет прообразом изделия X—XI вв. [49, с. 33]. Только в Финляндии на памятниках периода викингов обнаружено 17 таких изделий. Однако в древнекарельском погребении, судя по сопровождающему инвентарю, подвеска датируется XII в.

Последнее изделие из рассматриваемой серии — иконка, найденная на груди умершей в погр. Патья-23 [53, табл. 13, 6]. Она бронзовая, пластинчатая, с прямым нижним краем и дугообразным верхом. В верхней части — многогранная головка, через которую пропускался шнурок. В центре — изображение Иисуса Христа: над головой его нимб, в левой руке книга, правая поднята для благословения, над правым плечом буквы ИС, над левым — ХС. Э. Кивикоски датирует изделие временем не позднее XIII в. и связывает его появление с известным походом князя Ярослава в 1227 г. [165, с. 82]. Данная находка близка шиферной иконке с закругленным верхом и расходящимися к основанию боковыми сторонами первой половины XIV в. из собрания Троице-Сергиевой лавры [75, рис. 29].

К шейным украшениям относятся бусы, но на памятниках летописной короли их встречено немного. Бусы, можно сказать, не только нехарактерны для древнекарельского населения, но и носились иначе: как правило, они входили в парные комплекты нагрудных украшений. В мужских погребениях такие изделия найдены в области груди или пояса и использовались, вероятно, в качестве пуговиц. Исключение составляют низка бус из Леппясемяки-4 и ожерелье из Суотниэми-2. При публикации памятников в зарубежной литературе мало уделялось внимания бусам, за исключением серебряных филигравных, обнаруженных в кладах. Естественно, в такой ситуации говорить о точном их числе в древнекарельских памятниках не приходится.

Бусы представлены металлическими и стеклянными экземплярами. Среди серебряных особо следует выделить украшенные филигранью бусы трех типов, обнаруженные в двух кладах (Тиверск, Сипилянмяки) и в погребениях Карельского перешейка (23 экз.). Наибольший интерес, с типологической и хронологической точек зрения, представляют изделия из кладов.

Тип I — шарообразные бусы. Первый вариант — крупные, 3.2 × 3.4 см, украшенные рубчатым дротом, образующим пальметтообразные фигуры (7 экз.; рис. 15, 1). Второй вариант — круглые, представляющие в разрезе розетку (2 экз.). У них по обеим сторонам срединной опоясывающей линии симметрично расположены треугольники из маленьких одинаковых зерен. Концы бусин оконтуриены круглым дротом (рис. 15, 2).

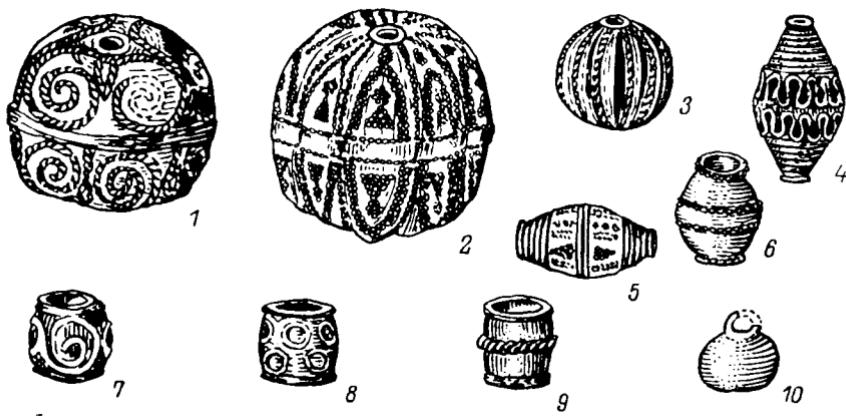

Рис. 15. Бронзовые и серебряные бусы.

1 — тип I, первый вариант; 2 — тип I, второй вариант; 3 — тип I, третий вариант; 4 — тип II, первый вариант; 5 — тип II, второй вариант; 6 — тип III; 7 — тип IV, первый вариант; 8 — тип IV, второй вариант; 9 — тип IV, третий вариант; 10 — тип VI.

Третий вариант (1 экз. из Тверского клада и 4 экз. из ожерелья, встреченного в Суотниэми-2) — бусы тыквообразной формы (рис. 15, 3).

Тип II — биконические бусы. К первому варианту отнесены серебряные бусы из кладов Тверска (2 экз.) и Сипилянмяки (1 экз.). Срединная зона украшена двумя поставленными на ребро петлеобразными лентами, петли которых в точках соприкосновения соединены. На бусине из второго клада средняя часть украшена ромбами (рис. 15, 4). Второй вариант — биконические бусы (2 экз.), сделанные из серебряного листа и украшенные так же, как изделия второго варианта типа I. Одна бусина обнаружена в погребении и отличается от находок в кладах небольшими размерами (рис. 15, 5).

Тип III — бочонкообразные бусы. В Тверском кладе такой формы бусина имела посередине два рубчатых пояска и оформленные дротом отверстия (рис. 15, 6). Аналогичные бусы широко представлены в кладах Готланда: бусы первого варианта типа I, золотые и серебряные, появляются в середине IX в. и бытуют до начала XII в.; первого варианта типа II — во второй половине XI в.; второго варианта типа I — в X—XI вв.; третьего варианта этого же типа — в XI в. Известны они и в кладах материковой Швеции, Дании, Финляндии, прибалтийских земель и на Руси в начале II тыс. Бусы второго варианта типа I, по мнению М. Стенбергера, значительно отличаются от северных образцов, поэтому возможно предположение о их ввозе с Востока, в то время как остальные готландского происхождения [215, S. 215, 218, 220—221]. Поразительно сходство бус двух кладов: Халикко (Финляндия), датирующегося XII в. [199, S. 39; 200, s. 228], и Тверска — в том и другом есть не только одинаковые их типы, но и круглая подвеска, украшенная зернью и филигранью. Но даты не синхронны — клады Карельского перешейка попали в землю, видимо, в XIII—XIV вв.

Отдельные мелкие филигравные серебряные бусины собраны в погребальных комплексах Кекомяки-3 (филигравная, позолоченная, с серебряной проволокой — серьга?) [53, табл. 19, 8], 5б и 6 [53, табл. 22, 5].

Тип IV — цилиндрические бусы. Первый вариант — бусы с тремя напаянными волютами (максимальные размеры 1.2×1.3 см), с отверстиями, подчеркнутыми металлическим ободком (рис. 15, 7). Среди этих бус встречаются экземпляры, у которых форма скорее всего бочонкообразная, но выделить их из общей массы не представляется возможным. В могильнике Туккала таких бус встречено больше, чем в Северо-Западном Приладожье [53, табл. 23, 12]. А. О. Хейкель насчитал 44 бронзовые бусины, большая часть которых имеет орнамент из спиралек и кружков (о последних чуть ниже). По нашим подсчетам, бусин первого варианта свыше 20, хотя число это несомненно занижено. В Северо-Западном Приладожье их больше 10 в погребениях XII в.: Кекомяки-1 (2 экз.), Ховинсари-5(3) и 13 (2), Ивасканмяки (несколько штук, № 108), на городище Паасо (5 экз.) [53, табл. 9, 29, 32]. Заметно сходство бусин этого варианта по форме и орнаменту со вздутыми частями Ф-образных пронизок. Носились бусы на кожаном или шерстяном шнуре, соединяющем Ф-образную пронизку, или под овально-выпуклой фибулой, но не на шее. В Ховинсари-13 обнаружены бусины с припаянными ушками, которые, видимо, использовались в качестве пуговиц. В мог. Кекомяки-1 бусы найдены в двух мужских погребениях. Остальные извлечены из женских захоронений.

Второй вариант — цилиндрические медные бусы с напаянными кружками (рис. 15, 8). Одна обнаружена в мужском погр. Кекомяки-1 в области пояса; четыре — в мог. Туккала-9, 11 (2 экз.), 16, в сбоях (точное количество неизвестно) [53, табл. 23, 14]; в Лапинлахти (№ 97); три — на городище Паасо [53, табл. 9, 30, 31]; остальные (свыше 10) — случайные находки. Как и предыдущие, бусы второго варианта встречены в женских погребениях в комплексе нагрудных украшений (находились между цепедержателем и Ф-образной пронизкой или овально-выпуклой фибулой либо скреплялись кожаным шнуром с овально-выпуклой фибулой). В курганах Юго-Восточного Приладожья медные бусы датируются XII—XIII вв. [49, с. 27].

Третий вариант — металлические бусы со шнуром посередине (рис. 15, 9). Встречены в мог. Ховинсари-9 (3 экз.), одна — на городище Паасо.

11 цилиндрических бусинок, найденных в могильнике Каускила, не отнесены ни к одному из вариантов.

Тип V — медные кольцеобразные пронизки. Четыре тройные кольцеобразные пронизки с кожаным шнуром внутри [53, табл. 20, 4] обнаружены между двумя комплектами с овально-выпуклыми фибулами в погр. Кекомяки-5а. Три медные бусины (вместе со стеклянной бусиной грязно-зеленого цвета) располагались в левом нагрудном гарнитуре у цепедержателя в Кекомяки-5б. Маленькая бусина с прикрепленной к ней медной трубочкой, внутри которой сохранились остатки кожаного шнуря, зафиксирована в Ховинсари-1 (№ 112).

Тип VI — полые круглые с ушком бусы-пуговицы из меди. Пять бусин из мужских погребений мог. Кекомяки-1 обнаружено на уровне пояса или чуть ниже (позолоченные) и на груди (рис. 15, 10).

Собрать сведения о всех стеклянных бусах в дореволюционных раскопках, а тем более классифицировать их по типам и вариантам невозможно — слишком скудная информация имеется в распоряжении исследователей. Группа глазчатых бусин (11 экз.) представлена находками с городищ **Хямеэнлахти** (три черные с красными полосками и белыми глазками) [53, табл. 8, 13], Тиверска, Паасо (три желтые с красными ресничками, одна черная с красным глазком, окруженным черным полем) и из мог. **Ховинсари-5** (2 экз.). Дата X—XI вв. типична для таких вещей на всем Севере европейской части СССР. Глазчатые бусы из Тиверска и Паасо относятся к более древним, нежели само поселение, слоям и датируются X—XI вв., так же как аналогичные предметы из Лопотти (№ 12) и Килпола (№ 49), но глазчатые бусы из других могил свидетельствуют, возможно, о их сохранении в быту по меньшей мере до XIII в.

Черные бусы с белой спирально-волнистой инкрустацией (6 экз.; одна с городища Паасо имеет желтые полоски) датируются, по новгородской стратиграфии, XII—XIV вв. (наиболее характерны для XIV в.) [116, с. 176—177], что вполне соответствует времени существования древнекарельских памятников. Мозаичные бусины встречены в Туккала-42, Ховинсари-3 (№ 110), на городище Паасо; синие стеклянные — в Тиверске, Паасо. В последнем обнаружены бирюзовые рубчатые бусины, датирующиеся по аналогии с памятниками Юго-Восточного Приладожья X—XI вв. [49, с. 26].

Золоченые бочонкообразные бусы из стекла собраны в Тиверске и Хямеэнлахти. Известно, что ожерелье у погребенной в Леппясемяки-4 состояло из синих, коричневых, серых, зеленоватых бусин; прочие особенности не отмечены. Есть упоминания о единичных находках стеклянных бусин и в других погребениях.

На памятниках Северо-Западного Приладожья и района Саво круглых выпуклых фибул¹⁰ встречено 19 экз.: две — в кладах, четыре — в сбоях, 13 (с типичным для народности корела инвентарем) — в трупосожжениях, трупоположениях и на поселении Паасо. Круглые, слегка выпуклые застежки изготавливались из серебряного листа. К нижней части припаивалась, в редких случаях приклепывалась, петля обычно в виде стилизованной головы животного, с продетым в нее кольцом, с которого (закреплено в нескольких случаях) свисала металлическая цепочка, иногда — шерстяной шнур. На внутренней стороне сохранились следы иглы и иглодержателя из бронзы или серебра плохого качества (их нет на подвесках, найденных в древностях Ижорского плато, эстонских и лапландских). По контуру броши шли три ободка: первый (от края) в виде напаянного дрота («бусинный» дрот); второй более широкий с косой насечкой; при переходе к выпуклой части — третий, гладкий. Центральная сферическая часть покрывалась разнообразными, чрезвычайно редко повторяющимися орнаментами, представлявшими собой сочетание разнородных элементов и художественных традиций. Контур рисунка резко выделялся на фоне покрытой гравировкой и пуансонным орнаментом гладкой

¹⁰ Для этого типа изделий мы используем широкую терминологию: фибулы, застежки, броши.

поверхности, благодаря чему достигались контрастность и художественный эффект. С этой же целью, т. е. для усиления восприятия центрального, основного, узора, применялись чернь и позолота. Судя по ритмичности гравировки, мастера-торевты использовали различные штампы. Все перечисленные технические особенности присущи фибулам как Северо-Западного Приладожья и Юго-Восточной Финляндии, так и материевой Швеции и Готланда.

Круглая брошь носилась женщинами на груди у ворота рубашки между овально-выпуклыми фибулами. В женском погр. Туккала-26 она соединялась цепочкой, свисавшей с кольца, прикрепленного к нижней части изделия, с цепедержателем под овально-выпуклой фибулой на правом плече погребенной.

Видимо, подобные предметы не были необходимыми и обязательными в комплекте нагрудных украшений древних карел, так как присутствуют они только в 12 захоронениях, и, кроме того, их функциональное назначение не было строго ограничено. В восьми погребениях место круглой броши занимали фибулы с рифленой средней частью и имитацией звериных голов, подвески с орнаментом пальметта, застежки других типов; в трех — подковообразные фибулы карельского типа, по они, вероятно, скрепляли наплечную накидку, а не рубашку. Следовательно, круглые выпуклые броши следует рассматривать как декоративный, не связанный с покроем одежды элемент. Это обстоятельство нужно учитывать при реконструкции женского костюма, который, по всей вероятности, не был одинаков для народности корела в целом.

По особенностям орнаментики застежки подразделяются на три типа с несколькими вариантами.¹¹ Тип I (8 экз.) — броши с изображением креста, в углах которого помещены пальметты, обращенные либо во внутреннюю (первый вариант), либо во внешнюю (второй вариант) сторону. К первому варианту отнесены два изделия (Туккала, Патья — сборы) [53, табл. 13, 2] с удивительно мягкими, плавно закругленными линиями креста, концы которого загнуты во внутреннюю сторону и переходят в пальметту, и третье (Кекомяки-5) с несколько упрощенным рисунком равноконечного креста и направленных внутрь пальметт (рис. 16, 1, 2). У первой фибулы есть петля в виде головы животного, в которую вдето кольцо со свисающей цепочкой.

Аналогичные экземпляры с несколько измененными деталями декора¹² обнаружены в шведском кладе Рикельста (Сёдерманланд) [148, fig. 29—30] и в готландском из Судербю (рис. 16, 3). В отличие от древнекарельских застежек на шведских отсутствует центральный четырехлепестковый узор, однако петли в виде головки животного одинаковы. Стилистическое сходство орнаментальных мотивов шведских и корельских изделий дало

¹¹ Тип изделия, обнаруженного при раскопках Паасо, из-за фрагментарности не определен.

¹² Параллели и чисто формальное сходство крестообразной композиции с четырьмя пальметтообразными фигурами в углах известны на поддоне среднеазиатской серебряной чаши из Томынского клада Кировской области, датирующейся второй половиной VIII—IX в. [25, с. 39, табл. 22, 3, 4]. Декор древнекарельских фибул значительно ближе орнаментальным мотивам древнерусского искусства XI—XIII вв.

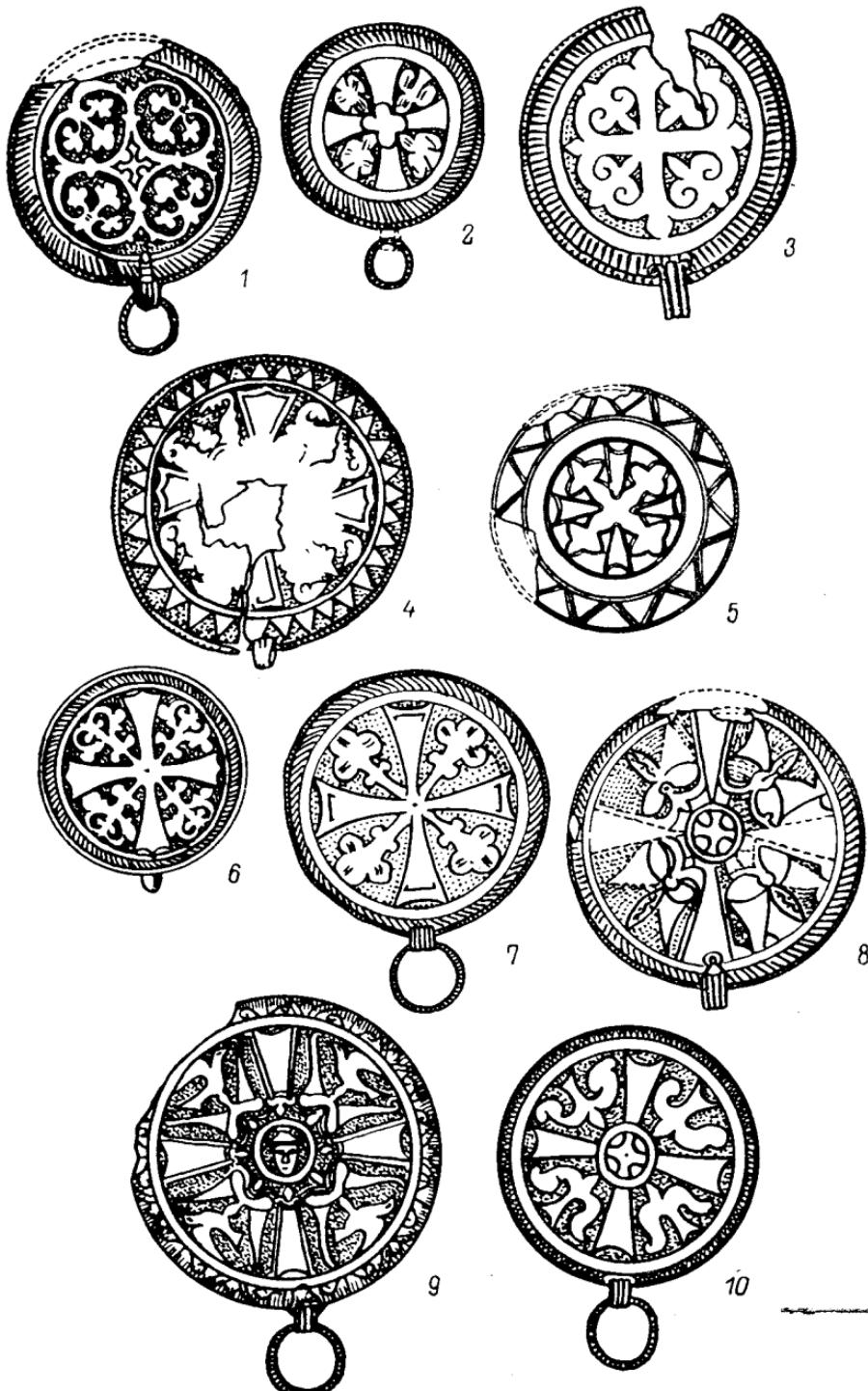

Рис. 16. Типы и варианты круглых выпуклых фибул.

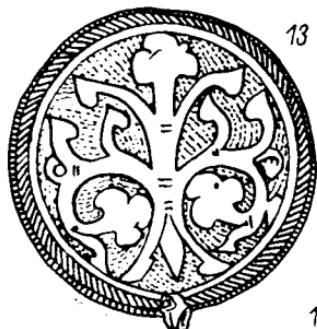
1, 8, 18 — Туккала (сборы); 2 — Кекомяки-5; 3 — Судербю; 4 — Кулхамяки-3; 5 — Туккала-9; 6 — Туккала-16; 7, 17 — Настола—Рухиярви; 9 — Мёнстерос; 10 — Швеция; 11 — Суотниэми-3; 12 — Кекомяки-3; 13 — Туккала-26; 14 — Кекомяки-5; 15 — Тверск; 16 — Сипилинмяки; 19 — Настола; 20 — Клокхем.

11

12

13

15

17

18

19

20

16

— № 11
— № 2, 7, 8, 12, 14, 15, 17, 19
— № 16

Б.М. № 1, 3-6, 9, 10, 13, 18, 20

Рис. 16 (продолжение).

основание К. А. Нордману датировать их второй половиной XII или XIII в. [196, с. 49]. Косвенным образом дата подтверждается материалами могильника Патья, неизвестными в свое время Нордману, в захоронении которого обнаружена монета 1220—1250 гг.

У фибул второго варианта крест равноконечный, с вогнутыми лопастями и повернутыми наружу дегенерировавшими пальметтами. На серебряном изделии из Кулхамяки-3 орнамент почти не виден, просматриваются лишь двояковогнутые лопасти креста и внешний, орнаментированный треугольниками ободок (рис. 16, 4). Экземпляр из Туккала-9 имеет в углах упрощенные пальметты и зигзагообразную линию на внешнем ободке (рис. 16, 5). Несколько особняком стоит брошь из женского захоронения 16 этого же могильника — лопасти креста вогнуты, как и на фибуле из Кулхамяки, но пальметтные ответвления не аналогичны, они напоминают бутоны фибулы из Настола—Рухиярви (рис. 16, 6, 7).

Изделие из Туккала отнесено к третьему варианту (рис. 16, 8). В углах креста расположены направленные во внешнюю сторону пальметты, а в центре, в кольце, помещен маленький крест, композиционно не связанный с основным крестом. На обратной стороне фибулы — руническая надпись (тип шрифта XII в.) [196, с. 67].¹³ По многим признакам, но при некотором различии в очертании пальметт ей близка фибула из шведского клада Мёнстерос, датирующаяся по монетам Кнута Эрикссона концом XII в., другая — из клада Рикельста (в отличие от предыдущих в углах креста изображены птички) и третья — тоже из Швеции, но точное место находки неизвестно (рис. 16, 9, 10).¹⁴

К четвертому варианту отнесен экземпляр из погр. Суотниэми-3 (рис. 16, 11). В центре, в кольце, помещен крест, органически связанный с центральным крестом; точнее, кольцо проходило по основаниям лопастей креста, в его углах — асимметричные изображения виноградной лозы. По мнению К. А. Нордмана, форма листьев этой фибулы соответствует изображениям на некоторых образцах из Швеции, могильника Туккала и датируется 1200-ми гг. [196, с. 51].

Серебряная круглая фибула из Кекомяки-3 отличается от представителей типа I особенностями крестообразного узора: концы креста в виде трилистника похожи на упрощенные пальметты, в середине — ромбообразная фигура (пятый вариант; рис. 16, 12). Предшественниками орнамента можно считать узор на миниатюрной фибуле из Ваастеде (Готланд), где она найдена в кладе с монетами 1070 г. [214, с. 87—88]. Аналогичный фибуле из Кекомяки рисунок есть в одном из компартиментов на чаше византийской работы XII в. из Тарту [24, с. 126, рис. 187].

Тип II круглых выпуклых фибул с растительной орнаментацией подразделяется на варианты: первый — с изображением листьев, розеток, пальметт (3 экз.);¹⁵ второй — с мотивом дерева (2 экз.). Фибула из Туккала-26 (рис. 16, 13) украшена растительным узором, который по ряду деталей схож с орнаментикой фибул из Настола—Рухиярви, двух изде-

¹³ Э. Кивикоски дает перевод надписи: «Ich bin Botwi zu eigen» [168, с. 32—33].

¹⁴ К. А. Нордман датировал ее XIII в.

¹⁵ Серебряный экземпляр известен в Инкерн—Войскорово.

лий из Швеции и одного из Эстонии, датирующихся К. А. Нордманом первой половиной XIII в. или более поздним временем [196, с. 43]. На фибуле из Кекомяки-5 рисунок имеет вид восьмилепестковой розетки (рис. 16, 14). В подвесках из местонахождения Гротреск встречается пятилепестковая розетка, в Унна Сайва — семилепестковая, в основном XII—XIII вв. Вместе с тем их отличают от древнекарельских неумелая техника и небрежность исполнения, форма петли, оформление ободков, отсутствие застежки на обороте. Вполне возможно, что они представляли местную продукцию [213, с. 65, 67, пл. 21, 7; 35, 2а, 2б].¹⁶

Круглое серебряное изделие с пятью напаянными мелкими серебряными узорами, четыре из которых — пальметты, входило в состав вещей Тиверского клада (рис. 16, 15). Следов ушка внизу его и застежки на внутренней части нет. В отличие от рассматриваемой категории предметов эта брошь сделана из двух напаянных друг на друга пластин. Поначалу ее принимали, и не без основания, за центральную часть крышки серебряного сосуда восточной работы. Действительно, в Бердянском кладе обнаружены фрагменты серебряного кувшинчика XIII в. из Киликии. Его крышка с шаровидной («яблоком») рукояткой и шестью чеканными сердцевидными клеймами напоминает фибулу из Тиверского клада [25, с. 56, табл. 42, 3]. Однако К. А. Нордман отверг это предположение, обратив внимание на ободок с косой насечкой, встречающийся у всех брошей. Вместе с тем исследователь не только признавал близость фибул к постсасанидским изделиям Ирана, но и допускал их восточную атрибуцию. Но датировка вещи 1100-ми гг., на наш взгляд, вряд ли правомерна.

Второй вариант типа II представлен фибулой из клада Сипилянмяки (рис. 16, 16) и случайной находкой из могильника Туккала (рис. 16, 18). За пределами Северо-Западного Приладожья такие фибулы обнаружены в Настола—Рухиярви (рис. 16, 17) и Швеции (Мёнстерос — монеты Кнута Эрикссона; Бадебуда — копия византийской монеты Василия II и Константина VIII; обстоятельства третьей находки неизвестны). К тому же сходство рисунка фибул с изображением «древа жизни» в скандинавском искусстве XIII в. позволяет датировать их, как считал К. А. Нордман, XII—XIII вв. [196, с. 39—41; 200, с. 232].

К типу III отнесена брошь с изображением, напоминающим льва (Кекомяки-1).¹⁷ В качестве ближайшего аналога можно указать изделие из Настола—Рухиярви, датированное Нордманом XIII в., фибулу XII в. из шведского клада Клокхем (рис. 16, 19, 20) [196, с. 31, 34]. Лев изображен на подвеске из Лапинлахти (№ 147), на перстне из Халикко, на медальоне из клада Кумна (второе—третье десятилетия XIII в.) [224, с. 218—225].

На двух поврежденных круглых выпуклых фибулах из Ховинсари-1 (№ 112) и Лапинлахти-4 орнамент не установлен; третий экземпляр утерян (Ховинсари-1, № 110).

¹⁶ Восьмилепестковая розетка довольно рано и очень часто использовалась в декоре изделий восточных районов Средней Азии еще в VIII—IX вв. [25, с. 23, табл. 12, 1—3; 13, 1—3].

¹⁷ Брошь испорчена, детали орнамента по публикации восстановить невозможно.

Большое внимание этой категории предметов уделено К. А. Нордманом [196, с. 56—59]. Справедливо полагая, что от верного определения атрибуции, даты и места изготовления зависит датировка всей древнекарельской культуры и решение многих связанных с ее происхождением и развитием вопросов, исследователь провел тщательный анализ предметов украшения как в техническом, так и в стилистическом отношении. На огромном, привлеченном им материале Финляндии, Швеции и Древней Руси Нордман разработал хронологию, высказал предположение о районах производства и месте фибул в женском костюме. Не во всем и не всегда его выводы достаточно аргументированы, но причина того в объективных обстоятельствах — в отсутствии хорошо датированных комплексов во всех указанных районах. Нордман построил хронологию на опорных образцах из шведских кладов, где были монеты Кнута Эрикссона (1167—1196 гг.), на предметах скандинавского искусства XIII в., орнаментация которых имеет сходные черты с декором фибул. Путем сопоставления художественных стилей исследователь устанавливает определенную близость в деталях рисунка застежек Финляндии и Корельской земли, а также их хронологическое единство в пределах 1150—1250 гг. Две броши из могильника Туккала (одна с рунической надписью) определенно датируются XII в., а остальные, найденные в кексгольмских могильниках, могли быть в употреблении и в первой половине XIII в., что подтверждается находками из могильника Паття и тем обстоятельством, что круглые фибулы отсутствуют в коллекциях Тверского городка, датирующихся в основном XIV в.

При разработке хронологической классификации круглых выпуклых фибул Ю. Айлио, например, руководствовался положением, согласно которому величина предметов обратно пропорциональна их возрасту [131, с. 12, 66].¹⁸ При всей, казалось бы, разумности метода (на некоторых предметах действительно наблюдается тенденция к укрупнению изделий от ранних форм к поздним) он не может служить абсолютным критерием. Для фибул одного и того же типа характерно заметное колебание в размерах. К примеру, тип I включает изделия с диаметрами от 2.9 до 8 см; тип II — от 6.2 до 8.5 см. Колебания еще более оптимы, если учесть размеры фибул из Швеции и Финляндии.

Подробно рассмотрел К. А. Нордман вопрос о месте производства застежек. Признавая восточное, в самом широком смысле слова, влияние (особенности декора, техника гравировки и черни), не исключая восточного импорта некоторых предметов, он вполне определенно высказался за скандинавское происхождение круглых брошней и назвал предполагаемые районы — Швеция или Готланд, — не зная какому из них отдать предпочтение.

Как уже говорилось, предшественники фибул известны в материковой Швеции и на Готланде. Безусловно, сходство изделий из Швеции и новгородской Карелии XII—XIII вв. и в техническом, и в художественном отношении несомненно. Позднее, исследуя клад серебряных вещей из Сипилянмяки, где была аналогичная брошь, К. А. Нордман настаивал на готландском происхождении древнекарельских круглых выпуклых фибул

¹⁸ Ю. Айлио датировал круглые фибулы первой половиной XI—началом XII в. Несостоятельность вывода доказана К. А. Нордманом [196, с. 60—61].

на том основании, что их орнаментация аналогична изображениям на монетах Кнута Эриксона, чеканенных в Висбю [200, с. 233].

К этой категории украшений отнесены два схожих по форме предмета, переделанных в фибулы соответственно древнекарельским представлениям о назначении и сообразно костюму, но по-разному орнаментированных. Серебряный позолоченный медальон из Кекомяки-6 диаметром 5,9 см имеет в верхней части трехреберное трубообразное ушко-петлю, на обратной стороне — следы иглы для застегивания. Внешний круг изделия выполнен гладким выпуклым дротом, внутренний — «бусинным». Гладкая, неорнаментированная, срединная часть занята изображением Марии Оранты [53, табл. 22, 4].

К. А. Нордман и В. Антоневич признавали непосредственное влияние древнерусского сакрального искусства XII—XIII вв., в частности, на орнаментику и на возникновение древнекарельского украшения в целом, изготовленного, по их мнению, в это же время в одном из ювелирных центров севера Древней Руси [196, с. 22; 134, S. 50—56].¹⁹ И хотя между древнерусскими эталонами и провинциальными подражательными изделиями существуют значительные отклонения в размерах, технике исполнения, деталях изображения, датировка фибулы XII—XIII вв., а точнее, промежутком времени между 70-ми гг. XII и 1240 г. (время зарытия древнерусских кладов, в состав которых вошли похожие вещи) [45, с. 123, 144, 146], может быть принята.²⁰

Тесным связям с Русью обязана своим появлением на Карельском перешейке фибула с гравированным узором, получившим в отечественной литературе название «процветший крест», из клада Хийтола (№ 198). Диаметр изделия 8,7 см; в верхней части имеется биконическое трехреберное ушко, на лицевой стороне — три рельефно выступающих круглых дрота. На внешнем ободке расположено восемь выпуклостей, подражающих, как давно было подмечено, благородным камням древнерусских изделий. Следующий ободок орнаментирован короткими волнистыми линиями [53, табл. 26, 10]. Узор «процветший крест» известен на украшениях из Черниговского и Владимира кладов, кладов с городища Старая Рязань (70-е гг. XII в.—1240 г.), из Булгар, на серебряной монетовидной привеске первой половины XIII в. из Новгорода [106, с. 233] и на новгородских буллах [129, с. 150—153]. Из древнерусских земель привески с подобным орнаментом проникли и на территорию древнепермского населения [101, табл. 14, 18].

Однако фибула из клада Хийтола, как и экземпляр из Швеции [148, с. 40], существенным образом отличается от изделий из русских кладов не только функциональным назначением, но и особенностями декора (неидентичные изображения креста из-за непонимания принципов его воспроизведения), неумелой грубой техникой гравировки. На вопрос — насколько синхронны древнерусские изделия и их подражания — в связи

¹⁹ К. А. Нордман датировал фибулу XII в.

²⁰ Небезынтересна в этой связи приведенная В. Антоневичем подвеска под названием «молящаяся Мадонна». Идентичная экземпляру из Кекомяки, выпускавшаяся финляндской кустарной промышленностью не только для местного потребления, но и для вывоза за пределы страны [134, S. 50, Abb. 1, 2].

с малочисленностью древнекарельских экземпляров однозначно ответить нельзя. Учитывая взаимоотношения новгородской Карелии с Великим Новгородом, постоянные и разноплановые связи как внешнеполитического, так и внутреннего характера, можно говорить о незначительной разнице во времени. Нет ничего удивительного в том, что продукция новгородских ремесленников, изготавливаемая для внутреннего рынка, довольно быстро попадала к потребителю.

О серебряных подковообразных фибулах, получивших в археологической литературе наименование карельских (видимо, потому, что ареал их охватывал главным образом Карельский перешеек),²¹ написано много работ. Все исследователи, в той или иной степени изучавшие данную категорию украшений, занимались вопросом их происхождения. О форме подковообразных застежек не спорили — она оригинальна и аналогий на других территориях не имеет, но об истоках орнамента высказывались различные точки зрения. В ранних работах растительный орнамент фибул рассматривался на базе романского стиля. При использовании одних и тех же мотивов получались разнообразные композиции, в течение длительного времени употреблявшиеся в народном искусстве, которое, по мнению Я. Аппельгрена-Кивало, принадлежало населению финской национальности [138]. Территорией возникновения таких фибул он считал Корельскую и Ижорскую земли.

К. А. Нордман в декоре древнекарельских подковообразных фибул видел византийский мотив с примесью некоторых черт северного искусства и возражал Р. Страндбергу, считавшему его новгородским [217, р. 167]. «Новгородская орнаментика и карельская — параллельные явления, — писал он, — поэтому трудно решить, какое же из них возникло раньше» [196, с. 158; 200, с. 221]. Однако Страндберг, опираясь на сравнительный анализ готландского, шведского и новгородского орнаментов, показал влияние последнего на первые и привел ряд серьезных доказательств, обойти молчанием которые нельзя. Древнекарельские подковообразные фибулы не могли изготавляться на Готланде, поскольку ни на одном из его памятников не найдено ни одной похожей вещи. Даже круглые готландские броши — явление поверхностное в древнекарельской культуре, их орнаментация не оказала заметного влияния на прикладное искусство летописной корелы. Следовательно, склоняется к мысли Страндберг, их могли изготавливать в древнекарельской земле. Что же касается орнаментальных мотивов, то они были творчески восприняты у новгородской художественной школы, поэтому карельские фибулы являются дериватами городской культуры Новгорода. Страндберг глубоко прав, утверждая, что географические, социальные, политические и торговые условия способствовали ориентации древнекарельского искусства на Новгород [217, р. 173, 190, 200].

Большинство же финляндских ученых полагали, что орнамент пришел с Готланда, в кузницах которого перемешались византийские и восточные стили. Но все они единодушны в том, что выяснение истоков этих стилей — сложная проблема. Может быть, орнамент действительно откуда-то по-

²¹ В данной работе сохранена традиционная терминология.

заемствован и Новгород нужно рассматривать первым в числе создателей древнекарельского орнаментального искусства. Но как бы ни обстояли дела в далеком прошлом, надо признать, что вещи с подобной орнаментацией явились характерной, даже, можно сказать, этнически определяющей, чертой материальной культуры населения, обитавшего в Юго-Восточной Финляндии и Северо-Западном Приладожье во II тыс.

Наиболее полная характеристика подковообразных фибул принадлежит Х. Салмо [207, S. 89—94]. Он делит их на два типа: пластинчатые подковообразные фибулы и выпуклые. О месте производства их Салмо не дает окончательного ответа, считая, что территория Карельского перешейка наиболее предпочтительна. Время существования таких изделий охватывает 1100—1250 гг., однако основная часть, по мнению исследователя, относится к началу указанного периода (датируя фибулы 1100-ми гг., Салмо имел в виду рассмотренные выше пластинчатые неорнаментированные украшения).

Крупные фибулы типа I имеют на внешней стороне ребро, по обе стороны которого расположены различные узоры, хотя и составленные из сходных элементов. Плоские головки с несколько опущенными углами приподняты вверх на концах кольца и орнаментированы. Широкий щиток иглы имеет три-четыре продольные профилированные линии. У более поздних экземпляров края щитка иногда загнуты внутрь. Фибулы обнаруживают большое сходство между собой (в Саво и новгородской Карелии найден 21 экз.; рис. 17)²² и различия в незначительных деталях [53, табл. 4, 3; 14, 2, 3; 15, 1; 20, 1; 22, 1; 23, 4, 13; 25, 5; 26, 9]. Находящиеся в нашем распоряжении материалы (монета XIII в. из Паттия и коллекции Тверска) позволяют определить их хронологические рамки — XIII—XIV вв. Вместе с тем корреляция с такими вещами, как выпуклые броши, крестовидные подвески и т. д., дает возможность датировать некоторые фибулы XII в. За пределами ареала похожие застежки и другие изделия с соответствующим орнаментом известны в Ижорской земле (Войносолово, Волковицы, Ронковицы), Эстонии; очень отдаленно схожая фибула обнаружена в районе Смоленска. Таким образом, областью концентрации серебряных подковообразных карельских фибул является центральная часть Карельского перешейка. О месте производства фибул на территории летописной корелы можно судить по находке круглого серебряного изделия с городища Паасо. По форме оно отличается от подковообразных, но по орнаменту идентично [53, табл. 9, 16].

Подковообразные застежки типа II — серебряные выпуклые фибулы. Дуга в целом тонкая, полая внутри, сверху выпукло-острореберная. В средней части дуги есть украшенная плетением пластинка, от которой по обе стороны отходит растительный орнамент. В отличие от предыдущих фибул ребро не делит орнамент на две части, он единый. Головки, как и у изделий типа I, расположены на изогнутых вверх концах. Они четырехугольного сечения, с опущенными углами и орнаментом в виде креста. Игла треугольного сечения, щиток не имеет профилированных линий, края

²² На захоронение Кулхамяки-3 приходится 2 экз., однако не исключено, что обнаруженные фрагменты принадлежали одному изделию.

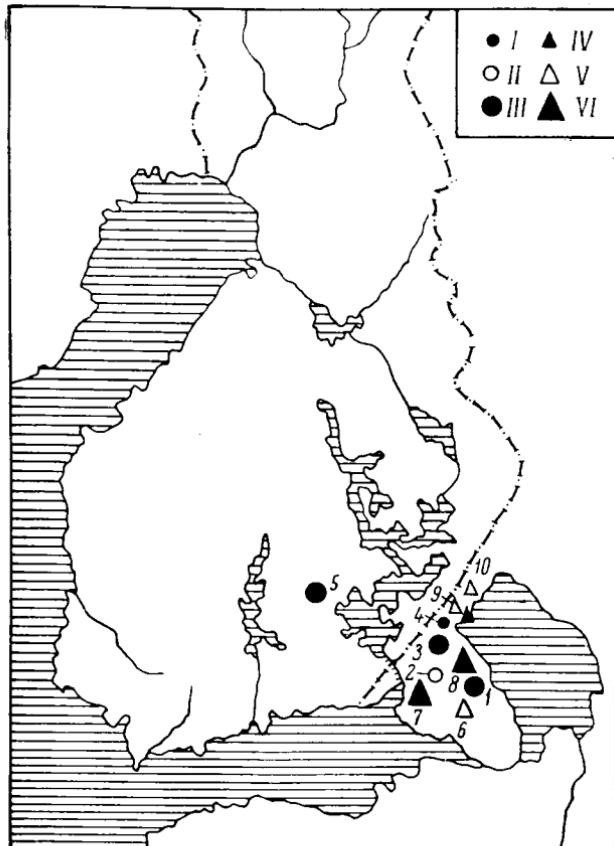

Рис. 17. Ареал подковообразных пластинчатых и выпуклых фибул на древнекарельской территории.

Пластинчатые фибулы (*I* — 1 экз.; *II* — 2—3 экз.; *III* — 4 и более); *1* — Саккола (Леппясемяки, Сиилиянмаки, Патья — 4 экз.); *2* — Рийсяля (Ховинсари, Тиверск — 3 экз.); *3* — Каукола (Кекомяки, Коверила, Кулхамяки — 8 экз.); *4* — Хийтола (Килпала — 1 экз.); *5* — Миккели (Туккаала — 7 экз.). Выпуклые фибулы (*IV* — 1 экз.; *V* — 2—3 экз.; *VI* — 4 и более): *6* — Саккола (Патья — 3 экз.); *7* — Рийсяля (Ховинсари — 4 экз.); *8* — Каукола (Кекомяки, Кулхамяки, Коверила — 6 экз.); *9* — Куркийоки (Сяякимяки — 2 экз.; Хямеэнлахти — 1 экз.); *10* — Сортавала (Рантуз — 2 экз.).

чаще изогнуты наружу. Внешняя сторона фибул украшена пальметтой [207, S. 92—94]. На территории Северо-Западного Приладожья найдено 19 таких изделий [53, табл. 13, 3; 18, 12; 19, 6; 20, 3; 21, 1; 22, 8; 26, 9].²³ Фибула из Кекомяки-1, принадлежавшая мужскому погребению, представляет гибрид, соединивший черты обоих типов: она отличается меньшими размерами, формой припаянной в средней части кольца пластинки

²³ В это число входят части изделий (накладки от дуги) из Патья, Кулхамяки-3 и две неорнаментированные фибулы из могильника Ховинсари (погр. 6 и 7).

и щитка, орнаментом. К продукции индивидуального производства, видимо, следует отнести застежку из Ховинсари-1 и фибулу декадентской формы с орнаментом из Хямеэнлахти [53, табл. 8, 15; 15, 3].

По сопровождающему инвентарю и погребальным обрядам захоронения с фибулами типа II не отличаются от тех, в которых были только фибулы типа I, в некоторых случаях они найдены вместе, поэтому датировка XII—XIV вв. приемлема и для подковообразных выпуклых фибул.

Подковообразные фибулы карельского типа исполняли определенную функцию в женском костюме. В пяти погребениях встречены фибулы обоих типов. По трем хорошо сохранившимся захоронениям выясняется, что пластинчатые фибулы использовались для прикрепления головного платка, выпуклые — наплечной накидки.²⁴ Допустим, что и в двух других захоронениях застежки распределялись аналогично. Еще в двух комплексах пластинчатые фибулы применялись и как головные, и как наплечные. В пяти захоронениях (из них два мужских) встречено по одной выпуклой фибуле. В Кекомяки-5 б таковая обнаружена на груди девочки и крепила наплечную накидку (по всей вероятности, девочки не носили головного платка). В Ховинсари-6 фибула располагалась на голове умершей. В Ховинсари-7 ее местоположение не определено. Комплексов с одной пластинчатой фибулой три: Туккала-16 и 26, где они служили наплечными застежками, и Патья-21, где положение фибулы относительно костяка не отмечено. Приведенные выкладки свидетельствуют о некоторой вариантиности использования подковообразных застежек в древнекарельском костюме, а следовательно, вывод П.-Л. Лехтосало-Хиландер, согласно которому пластинчатые фибулы в Северо-Западном Приладожье использовались только в качестве головных застежек, не соответствует фактам.

Другие типы подковообразных фибул, носимые древними карелами, немногочисленны. Бронзовая фибула с головками в виде восьмилепестковых цветков и растительным орнаментом на дуге найдена в Лапинлахти (№ 98) на территории могильника, где имелись и трупосожжения, и трупоположения (рис. 6, 13). Вещи по погребениям не распределены, поэтому сопутствующий фибуле материал неизвестен. В курганах Юго-Восточного Приладожья застежки датируются XI—XII вв.²⁵ И, видимо, неправ Х. Салмо, полагавший что экземпляр из Гротреска, обнаруженный вместе с монетами 1100-х гг., самый древний. Датировка XI—XII вв. подтверждается и другими находками на территории Советского Союза [66, с. 184—185].

Фибулы с косорифленой средней частью известны на памятниках рубежа I—II тыс. и последующих веков — в семи местонахождениях (фибула из Каускила-5 несколько иной формы) [53, табл. 24, 6].²⁶ В захоронении Ховинсари-1 указанное изделие находилось между двумя овально-выпуклыми фибулами (№ 110) [53, табл. 15, 2], в Ховинсари-5 оно могло служить наплечной застежкой. Подковообразная фибула с рифленой средней

²⁴ Наплечная фибула в Ховинсари-1 (№ 110) нетипичная.

²⁵ Курганы Видлица-2 (1 экз.), Яровщина-2 (2 экз.).

²⁶ В перечне фибул [168, Abb. 978] названа застежка из Миккели; в более поздней работе [174, S. 132] она уже не упоминается. Х. Салмо отнес ее к особому типу.

частью и со стилизованными звериными головами из Каускила-6 найдена на груди умершей. Подобные вещи известны в Финляндии [174, Abb. 1040], на Готланде [191, S. 141, Abb. 151—152]. Прибалтику, видимо, можно считать местом их возникновения, так как ранние экземпляры из древнеприбалтийских памятников датируются XI в., большинство же изделий относится к XII—XIII вв. [207, S. 83—84; 212, с. 338—339].

О фибулах с выпуклостью на кольце уже упоминалось в связи с древностями первой группы. Заметим лишь, что обнаруженная на городище Паасо застежка являлась неудачным подражанием оригиналу. Параллельным типом представляются плоские тонкие подковообразные фибулы с такими же тонкими головками [207, S. 71—72, Abb. 34]. Орнамент на дуге выдержан в тех же пропорциях, что и на застежках с выпуклостью: от середины по обе стороны спускаются языкообразные, удлиненно-треугольной формы пунктирные линии, заканчивающиеся кружочками. На месте отсутствующей выпуклости — тоже орнамент из кружочков. Две фибулы найдены в могильнике Туккала, в погр. 35 (одна зафиксирована у подбородка умершей); по одной — в Хенномяки (№ 8), на территории могильника, в котором умершие погребались по двум обрядам, и в районе Приозерска. Известны они в Финляндии и на Ижорском плато, датируются XII—XIII вв. Близко к ним изделие из Мохла (№ 141), которое Х. Салмо отнес к типу II подковообразных карельских фибул. Однако сходство проявляется только в наличии восьмеркообразной фигуры на месте отсутствующей выпуклости, в то время как родство с фибулами, имеющими выпуклость на кольце, наблюдается и в размерах, и в форме головок, и в орнаменте.²⁷

В мужском костюме для застегивания верхней части одежды применялись некоторые типы подковообразных и кольцевидные фибулы. Серебряные круглые застежки, у которых половина дуги ложновитая с рядом мелких выпуклостей (4 экз.) [53, табл. 18, 1; 19, 4], встречены в мужских захоронениях Кекомяки-2 и 3, Ховинсари-8, Туккала-51. Разнообразны пластинчатые небольшие фибулы с узором из зигзагообразных линий, кружков, точек и без орнамента; для держания иглы на кольце сделана специальная выемка.²⁸ Они известны на памятниках Ижорского плато, в которых датируются (по аналогиям) XII—XIII вв. [66, с. 188], в Новгороде в слое конца XII в. [106, рис. 6, 2], в курганах Олонецкого перешейка.²⁹ Среди кольцевидных есть необычные серебряные экземпляры: фибула с изображением сцепленных рук из Суотниэми-1 [53, табл. 16, 3],³⁰ застежка с надписью «Ave Maria G. T.» из Кекомяки-1.³¹ У подобного предмета из могильника Туккала (сборы) по ободку, минуя выемку для иглы, расположены готические буквы.

²⁷ Аналогичный экземпляр известен на Ижорском плато — Ронковицы [110, табл. VIII, 13].

²⁸ Суотниэми-2; Туккала-13, 23, 39 и сборы.

²⁹ Видлица, курган 8.

³⁰ Немного похожая застежка из сплава олова и свинца с круговой надписью на лицевой стороне найдена в Новгороде в слое второй половины XIV в. [106, с. 245] и в шведском кладе из серебряных, отчасти позолоченных вещей вместе с круглыми выпуклыми брошами XII—XIII вв. [148, с. 40, fig. 33].

³¹ Похожее изделие хранится в музее г. Турку [147, с. 65].

Более широкие (около 1 см) плоские неорнаментированные кольцевидные фибулы тоже имели выемку для иглы. Одна из них обнаружена в женском захоронении Туккала-9 [53, табл. 24, 12]; две — случайные находки с территории могильников Каускила и Туккала; четвертая поднята на городище Паасо. Однако не исключена их принадлежность мужскому костюму. Подобные изделия знакомы по памятникам Ижорского плато и Псковской земли [66, с. 188—189].³²

Кольцевидные фибулы, у которых игла крепилась в отверстии дуги, иногда орнаментированной (3 экз.),³³ могут датироваться и XIII—XIV вв., судя по аналогиям с близлежащих территорий, и более ранним временем, поскольку похожие застежки зафиксированы уже на памятниках первой группы.

Ажурная серебряная круглая фибула с орнаментом пальметта — единственное изделие из памятников летописной корелы (Суотниэми-4), имеющее, согласно Э. Кивикоски, шведское происхождение [174, S. 133, Abb. 1052].

Наиболее распространенной категорией женских украшений являются парные овально-выпуклые фибулы.³⁴ Этой причиной, а главным образом тем, что они занимали видное место в костюме летописной корелы и давали возможность вести исследования в этническом и хронологическом планах, объясняется особый научный интерес к ним, выразившийся в появлении серии работ. Первой серьезной работой явился очерк Ю. Айлио [131]. Положив в основу орнаментику изделий, он выделил 11 групп, датирующихя, по его мнению, XI в. и являющихся дериватами скандинавских образцов. К. А. Нордман подверг сомнению этот вывод, ибо он датировал фибулы и древнекарельскую культуру вообще XII—XIII вв. и отрицал прямую зависимость древнекарельских фибул от скандинавских [196, с. 148]. В 40-х гг. О. Хальстремом вновь сделана попытка удревнить изделия и как следствие этого доказать их происхождение из области Хяме [154, с. 45]. Фактов для такого заключения было явно недостаточно, но с частными положениями Хальстрема об удревнении некоторых типов можно согласиться.

Ранними представителями данной категории украшений являются две фибулы с кружковым орнаментом типа В (рис. 18, 1) из погр. 3 [53, табл. 24, 1] и 12 могильника Туккала. Ю. Айлио считал их дериватами скандинавских образцов, с чем полностью согласился О. Хальстрем, уточняя при этом, что тип В схож с типом А, известным по находкам из курганов Юго-Восточного Приладожья [49, с. 29], но образцом для них послужили скорлупообразные фибулы типа 55 — по Я. Петерсену.

Фибул со звериным орнаментом типов С₁—С₃ (рис. 18, 2) найдено 44 экз., в Финляндии — 10 экз. (рис. 19). Различия между вариантами фибул прослеживаются в орнаменте, размерах, форме иглы и иглодержа-

³² Исследовательница датирует их XIII—XIV вв.

³³ Хапакюля (№ 95), Лапинлахти (№ 98, 146).

³⁴ Этим и ряду других предметов древнекарельской культуры посвящена папка статья [52, с. 41—70]. Однако считаем целесообразным вновь напомнить некоторые положения. Расхождения в количестве найденных вещей, имеющиеся в упомянутой статье и настоящей работе, объясняются новыми находками на городище Паасо.

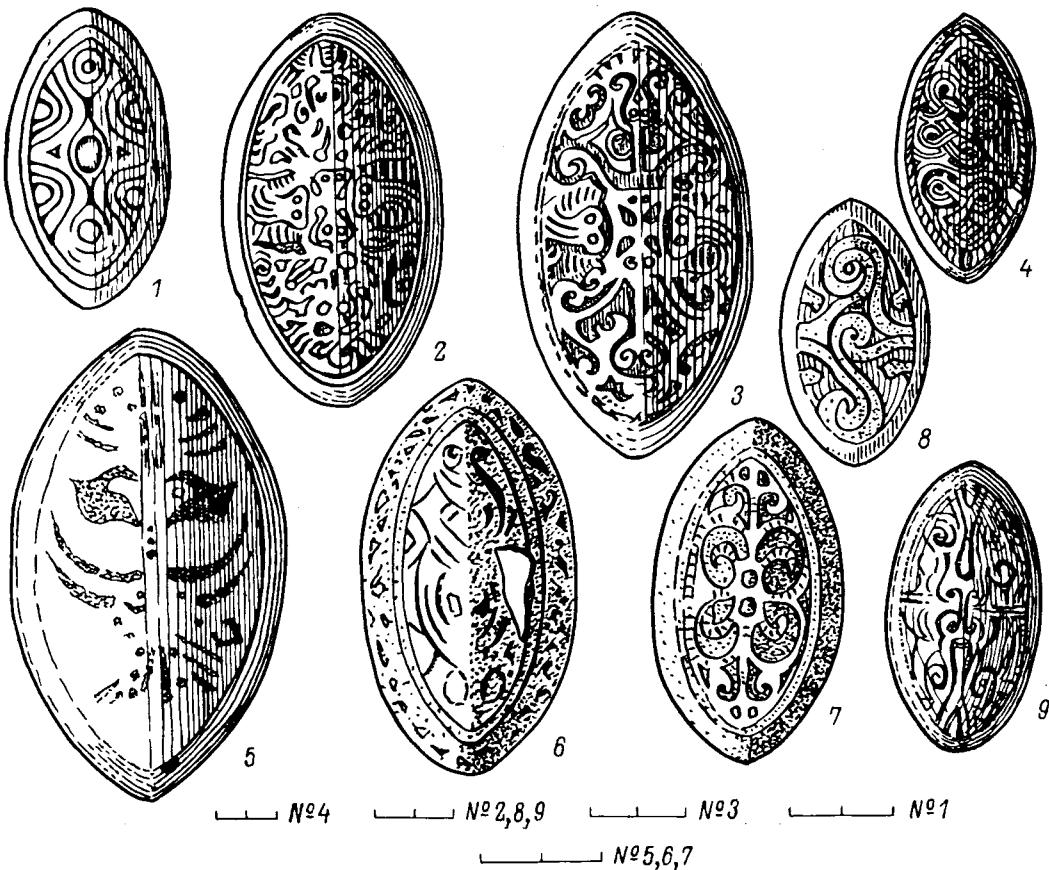

Рис. 18. Типы овально-выпуклых фибул.

1 — с кружковым орнаментом (тип В); 2 — со звериным (С); 3 — с акантовым (Д); 4 — с плетеным (F); 5 — с изображением кleşней рака (Н); 6 — с изображением усиков ползучего растения (J); 7 — с рисунком лилии (G); 8 — со спиральным орнаментом (К); 9 — из Рокосины (Е).

теля. Ю. Айлио полагал, что тип С датируется серединой—концом 1100-х гг. на том основании, что его орнаментика близка декору скандинавских застежек 850—900 гг. и что они встречаются с монетой-подвеской Оттона III (995—1000 гг.) в погребении могильника Калвола. Между тем исследователь резонно заметил, что фибулы типа С₂, обнаруженные на северо-западных берегах Ладоги, не являются скандинавскими подражаниями [131, с. 67].³⁵ В самом деле, в Хяме собраны главным образом фибулы типа С₁, на территории летописной королевы — С₂, хотя есть образцы типов С₁ и С₃ [53, табл. 9, 1, 4; 14, 1; 17, 1; 22, 6, 8; 23, 2; 24, 16]. Таким образом, тип С₁ можно считать наиболее ранним и датировать XI—XII вв. К этому же

³⁵ О. Хальстрем придерживался вывода Ю. Айлио и считал, что ранняя форма появилась в Хяме уже в XI в. [154, с. 51].

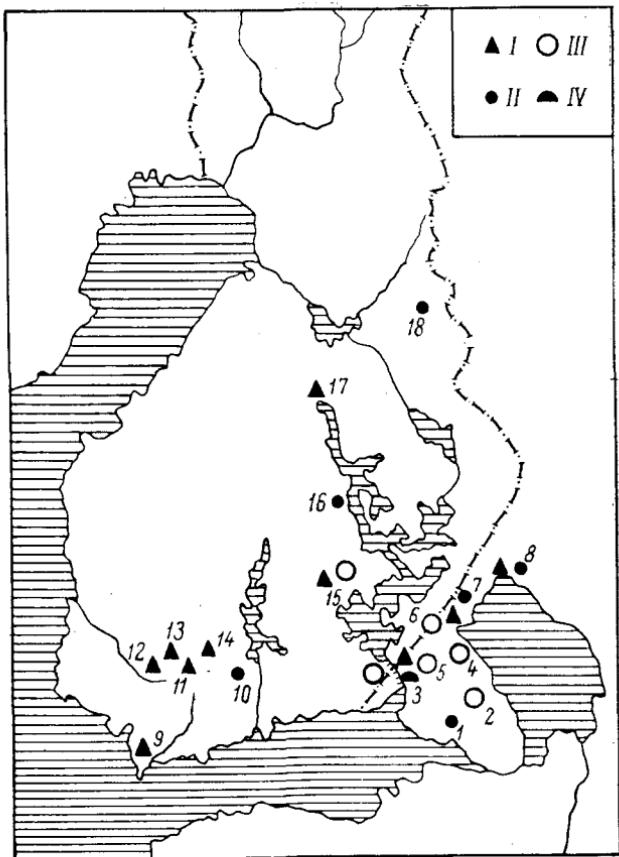

Рис. 19. Распространение фибул типов C_1-C_3 в Финляндии и Северо-Западном Приладожье.

I — тип C_1 ; *II* — тип C_2 (1—2 экз.); *III* — тип C_2 (3—7 экз.); *IV* — тип C_3 . *1* — Рауту (1 экз. C_2); *2* — Саккола (Патяя, Лапинлахти — 5 экз. C_2); *3* — Рийсяля (Ховинсари, Ивасканияки, Тиверс — 1 экз. C_1 , 3 экз. C_2 , 2 экз. C_3); *4* — Кякисалми (Суотниэми — 3 экз. C_2); *5* — Каукола (Коверила, Кекомяки, Кулхамки — 7 экз. C_2); *6* — Хийтола (Кюлпилахти, Леппяниэми, Тууна, Кийлпала — 1 экз. C_1 , 4 экз. C_2); *7* — Куркийоки (Отсанлахти — 1 экз. C_2); *8* — Паасо (1 экз. C_1 , 1 экз. C_2); *9* — Пернёе (Парсикюля — 1 экз. C_1); *10* — Янаккала (Кернала — 1 экз. C_2); *11* — Калвала (2 экз. C_1); *12* — Урьяла (Ванхакюля — 1 экз. C_1); *13* — Сяксмяки (Кийлия — 1 экз. C_1); *14* — Хаухо (Тапола — 1 экз. C_1); *15* — Миккели (Туккала — 1 экз. C_1 , 5 экз. C_2); *16* — Кивилярви (Куйваниэми — 1 экз. C_2); *17* — Вийтасари (Кейтепенпохья — 1 экз. C_1); *18* — Суомуссалми (1 экз. C_2).

времени, скорее всего к XII в., допустимо отнести изделие из погребения у д. Пьянково около Костромы [219, р. 15, fig. 12]. Однако использование фибул типов C_2 и C_3 в XIII—XIV вв. подтверждается сопровождающим инвентарем могильников корелы и находками за их пределами: по 1 экз. встречено на памятниках Ижорского плато [219, р. 163, fig. 38—42], в Кореле [38, с. 66], в Орешке (известен один из постройки второй

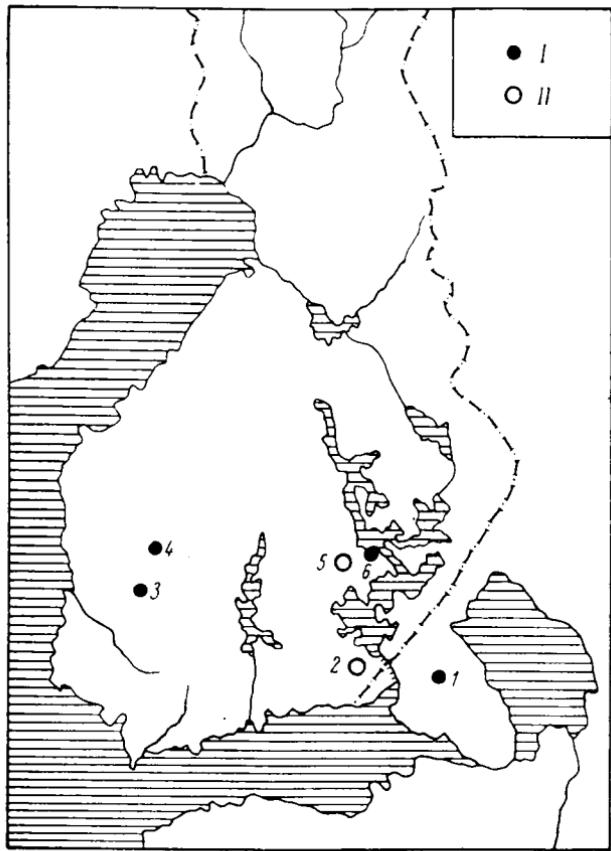

Рис. 20. Распространение фибул типа D.

I — 1—2 экз.; II — 3—4 экз. 1 — Райсияля (Ховинсари — 2 экз.); 2 — Каускила (3 экз.); 3 — Кеурю (1 экз.); 4 — Помаркку (1 экз.); 5 — Туккала (4 экз.); 6 — Юва (Сурниэми — 1 экз.).

половины XIV в., а фрагмент второго — из слоя XV в.), на западном берегу р. Волхова [221, fig. 21].

Овально-выпуклые фибулы с растительным акантовым орнаментом — тип D — не имели широкого распространения (рис. 18, 3). 12 фибул разбросаны на большой территории, но тем не менее вошли в очерченный древнекарельскими изделиями ареал (рис. 20). По орнаменту они близки изделиям типа С₂, поэтому рассматривались Ю. Айлио как вариант данного типа и датируются, видимо, этим же временем.

Фибулы с орнаментом в виде плетенки (типы F₁—F₄; рис. 18, 4) [53, табл. 9, 2; 17, 3, 4; 21, 1; 23, 3] немногочисленны (рис. 21): 25 найдено на территории летописной корелы и в Корельском городке [38, с. 63—64];

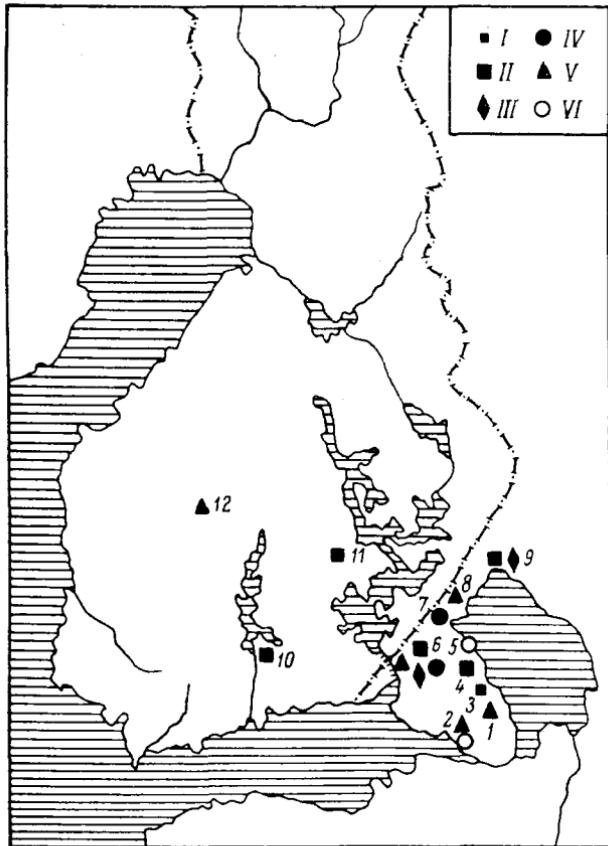

Рис. 21. Распространение фибул типов F_1 — F_4 на древнекарельской территории и в Финляндии.

I — тип F_1 (1 экз.); II — тип F_1 (2—4 экз.); III — тип F_2 ; IV — тип F_2 ; V — тип F_4 ; VI — подтип неизвестен. 1 — Метспирти (Коукунисми — 1 экз. F_4); 2 — Саккюла (Лапинлахти — 1 экз. F_4 , 2 экз. неизвестного подтипа); 3 — Плохя-ярви (1 экз. F_4); 4 — Суотниэми (2 экз. F_1); 5 — Корела (1 экз. F_4); 6 — Каукюла (Коверила — 2 экз. F_1 , 1 экз. F_2 , 2 экз. F_3 , 1 экз. F_4); 7 — Хийтола (Кавосалми — 1 экз. F_3); 8 — Куркийоки (Хямяэнлахти — 1 экз. F_2); 9 — Сортавала (Каниас — 1 экз. F_2 ; Паасо — 2 экз. F_1); 10 — Настола (Рухиярви — 2 экз. F_1); 11 — Миккели (Түккяла, Мойсюо — 4 экз. F_1 , 2 экз. неизвестного подтипа); 12 — Тёуся (Нику-Пеннала — 1 экз. F_4).

три — в Финляндии; одна — в Эстонии, в районе Тарту.³⁶ Большинство фибул обнаружено вне комплексов, что затрудняет их временную характеристику. На территории Финляндии тип F_1 , происходящий из комплекса Тёуся, датируется, наверно, XII в.

Фибулы типа II, с изображением клешней рака (рис. 18, 5) [53, табл. 4, 1; 9, 3; 15, 4; 17, 2; 20, 5, 7; 23, 1; 24, 2, 14], явились предметом специального

³⁶ Хранится в фондах Института истории АН ЭССР (шифр 1035).

изучения П.-Л. Лехтосало-Хиландер [179, s. 22—39]. Проанализировав их с точки зрения формы и технического исполнения, исследовательница пришла, вслед за О. Хальстремом, к заключению, что фибулы существовали с XI по XIII в., но основная их масса использовалась в XII в. Конечно, любая попытка классифицировать материал, уточнить хронологию должна приветствоваться, особенно если это касается так трудно поддающегося датировке древнекарельского материала. Если типология и удались Лехтосало-Хиландер (выделены группы фибул, отличающиеся своеобразием черт, и серии изделий, происходящие из одной мастерской; прослежено развитие фибул через многообразие вариантов к определенной стандартности и затем к несколько свободному исполнению), то датировка изделий XI в. неубедительна. Неправомерно также утверждение, что верхняя граница бытования фибул ограничивается началом 1200-х гг.

В настоящее время на памятниках Финляндии и Северо-Западного Приладожья известны 94 фибулы типа Н (рис. 22), 83 из них обнаружены в пределах этнической древнекарельской территории. Ни одно изделие нельзя безоговорочно датировать XI в. К XII в. относятся фибулы из двух могил: Ховинсари-1 (1888 г.) и 6. О датировке XIII в. говорят фибулы из раскопок Новгорода 1957 г.,³⁷ Изборска (возможна даже датировка XII в.) [105, с. 38, 39] и некоторые другие, речь о которых пойдет ниже. Бытование украшений в XIV в. подтверждается находками в Тиверске и Орешке (в слое второй четверти XIV в.). Две фибулы с изображением клешней рака вместе с медными цилиндрическими и стеклянными бусинами, большим посеребренным пластинчатым изделием, ажурными цепедержателями с сердцевидными привесками, парой Ф-образных пронизок с подвесками-лапками и котлом обнаружены близ д. Мишкино в бассейне р. Невы [78, с. 109].

Остальные типы представлены малым количеством экземпляров. Это застежки с изображением усиков ползучего растения (тип J) — одна обнаружена в районе Миккели (№ 193), другая — в Тиверске (рис. 18, 6) [53, табл. 4, 2];³⁸ тип G из Пюхя-ярви (№ 151);³⁹ тип К из Ивасканмяки (№ 107);⁴⁰ тип Е из Рокосина (№ 168; рис. 18, 7—9).⁴¹

Таким образом, из всех серий овально-выпуклых фибул более ранними можно считать изделия типов В, С₁, F₁, G, бытовавшие в XII в.; остальные прочно датируются XIII—XIV вв., но не исключено, что отдельные экземпляры существовали и раньше.

Ф-образные пронизки в женских нагрудных украшениях располагались между овально-выпуклыми фибулами и цепедержателями. Через них про-

³⁷ Ярусы 12—13, пласт 21, кв. 1394.

³⁸ Известны в Западной Финляндии: Тулос—Тойвонниэми, Яанаккала—Кернала, Конгинкангас.

³⁹ Три фибулы найдены в Финляндии, одна — в Гиртреске с ножом, имеющим орнаментированную рукоять, и монетой 1100-х гг., еще одна — в Новгороде в слое второй половины XIII в.

⁴⁰ Одна фибула обнаружена в Тулос—Тойвонниэми.

⁴¹ О. Хальстрем назвал их группой из Хаухо, имея в виду, что этот пункт был центром изготовления фибул типа Е. По одной фибуле найдено в Хаухо—Алветтула и Настола—Рухиярви, две — в Лаутамяки—Теува, столько же в женском трупоположении Суонтака в Южном Хяме [160, fig. 3, 4].

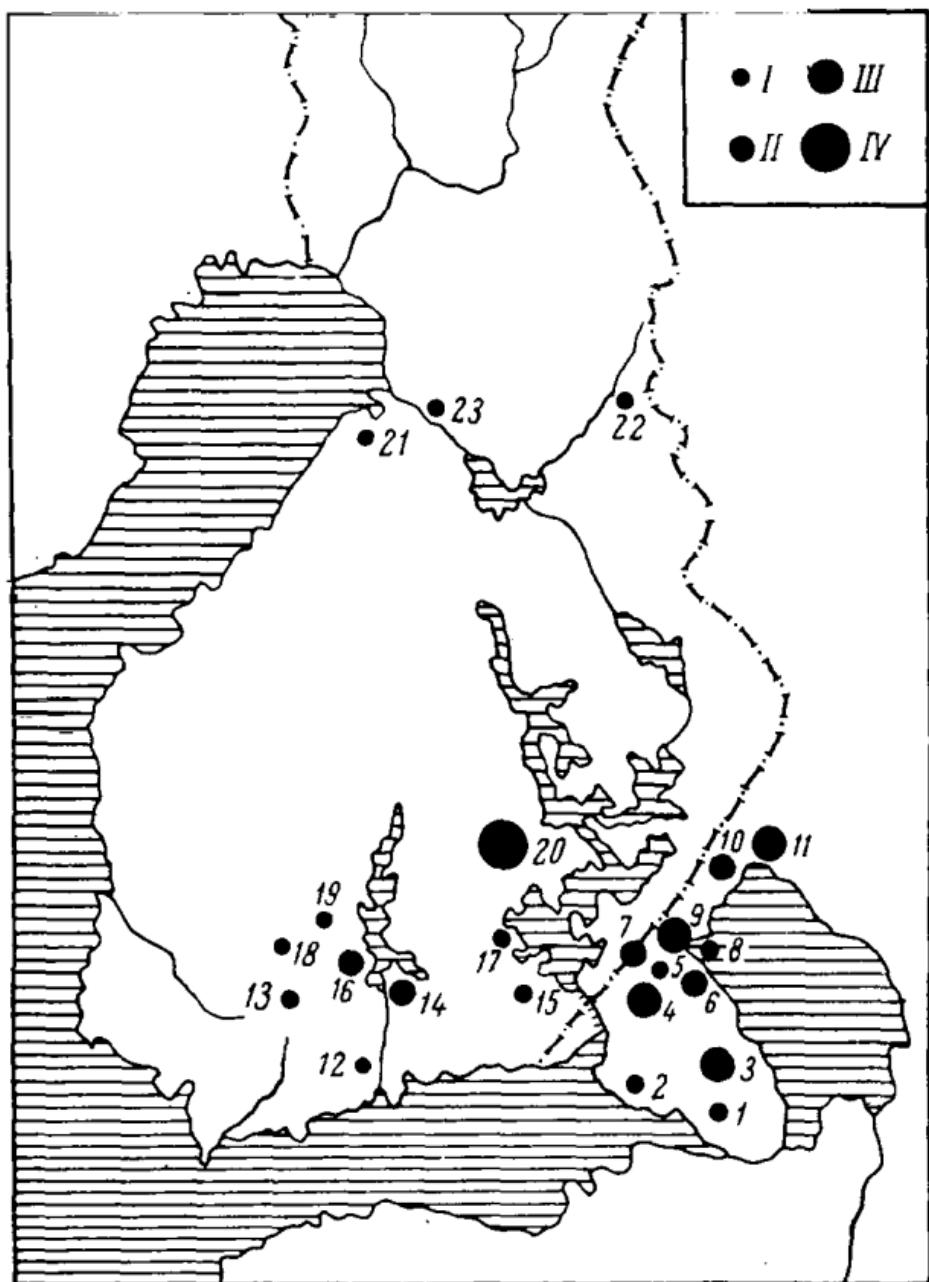

Рис. 22. Ареал фибул с изображением клешней рака на территории Северо-Западного Приладожья и Финляндии.

I — 1 экз.; II — 2—3 экз.; III — 4—13 экз.; IV — 34 экз.
 1 — Рауту (Хапакюля — 1 экз.); 2 — Муола (1 экз.); 3 — Саккола (Лапинлахти, Нойсниэми, Наскалинмяки, Патья — 10 экз.); 4 — Рийсяля (Ивасканмяки, Ховинсари, Тиверс — 13 экз.); 5 — Антреа (Корпилахти — 1 экз.); 6 — Суотниэми (окрестности Кякисалми — 3 экз.); 7 — Каукола (Кекомяки, Коверила — 3 экз.); 8 — Хийтола (Киппола, Хапалахти — 2 экз.); 9 — Куркийоки (Терву, Сяккимяки, Соскуа, Куппала — 6 экз.); 10 — Яакима (Микли — 2 экз.); 11 — Сортавала (Каннас, Хумпэля, Паасо — 4 экз.); 12 — Тусула (1 экз.); 13 — Тюрвянтэ (1 экз.); 14 — Настола (Рухиярви — 2 экз.); 15 — Каускила (2 экз.); 16 — Холлола (Унтила — 2 экз.); 17 — Руоколахти (Хямеэнсари — 1 экз.); 18 — Ака (1 экз.); 19 — Падасъйоки (1 экз.); 20 — Миккели (Тууккала, Висулахти, Кюкюля, Мойсио — 34 экз.); 21 — Кемпеле (1 экз.); 22 — Салла (Каллунки — 1 экз.); 23 — Соданкюля (Мутениа, Юйкентя — 1 экз.).

ходил кожаный шнур, один конец которого привязывался к верхнему ук-
рашению, другой — к нижнему. В некоторых случаях между Ф-образной
пронизкой и цепедержателем помещались металлические цилиндрические
бусины. К ушкам подвешивались миниатюрные украшения. Известно
три типа: I — пронизки с одной парой ушек (по одному с каждой стороны);
II — с двумя парами (по два ушка, одно под другим, с каждой стороны);
III — с большим числом ушек на одной стороне.

Пронизок типа I найдено 39 (рис. 23, 1—7). Население, по-видимому,
не выработало определенного стандарта — встречено несколько вариантов
изделий этого типа, отличающихся друг от друга некоторыми деталями.
Первый вариант (5 экз.; рис. 23, 1)⁴² — на стержне в виде гофрированной
трубочки имеется два бочонкообразных утолщения, орнаментированных
S-образными завитками. Второй вариант (10 экз.)⁴³ — края и срединная
зона цилиндрического стержня окантованы выпуклым жгутом. У некоторых
экземпляров в центре пронизки помещен спиральный завиток (рис. 23, 2),
у других на первой и третьей зонах — нарезной орнамент. У изделия из
Туккала стержень бочонкообразный. У пронизок этого варианта сохра-
нились подвески треугольной формы, сердцевидной и в виде бубенчиков
на восьмеркообразных звеньях цепочек. У экземпляра из Ховинсари-5
помимо сердцевидной подвески была еще круглая, с деградировавшим
звериным орнаментом. Третий вариант (17 экз.; рис. 23, 3, 4)⁴⁴ — концы
пронизки имеют вид шарообразных утолщений, края которых отделаны
несколькими рядами жгутов, срединная часть цилиндрическая, гофри-
рованная. На некоторых экземплярах утолщенные части украшались
зигзагообразным узором. Подвесками служили изделия, своей формой
напоминающие лапки водоплавающей птицы.

Четвертый вариант (1 экз.; рис. 23, 5)⁴⁵ — в отличие от остальных
образцов типа I у пронизки утолщение находится в средней части, а четыре
напаянных шарика — у ушек, с которых свисали цепочки из одинарных
колечек. У пятого варианта (2 экз.; рис. 23, 6)⁴⁶ концы цилиндрического
стержня и середина оформлены парными жгутами. У шестого (4 экз.,
рис. 23, 7)⁴⁷ — концы и утолщения на стержне подчеркнуты жгутовыми
полосами. Две пронизки — одна из них с двумя ажурными ромбовидными
подвесками — не отнесены ни к одному из перечисленных вариантов,
поскольку в публикациях нет их изображений.⁴⁸

Тип II насчитывает 16 экз. (рис. 23, 8).⁴⁹ Удлиненный цилиндрический
стержень украшен двумя спиральными завитками, разделенными неорна-

⁴² Ивасканмяки (№ 107); Ховинсари-3 (№ 110); Кекомяки-1а, 1б. Экземпляр из Нов-
города датируется концом XIV в.

⁴³ Ивасканмяки (3 экз.; № 108), Кулхамяки (№ 114), Ховинсари-5 и Туккала (сборы)
[53, табл. 23, 7], Ховинсари (№ 160), Тиверск [53, табл. 4, 4], Патья (2 экз.).

⁴⁴ Ховинсари-1 (№ 110) [53, табл. 15, 5]; Кекомяки-5а [53, табл. 20, 11]; Туккала-27,
37, 42 и сборы [53, табл. 23, 10, 11]; Каускила-1 (2 экз.), 6 и сборы.

⁴⁵ Кекомяки-1а.

⁴⁶ Кекомяки-6 [53, табл. 22, 11].

⁴⁷ Туккала-2, 9, 36 [53, табл. 24, 17].

⁴⁸ Сборы на могильнике Туккала.

⁴⁹ Леппясенмяки-4 [53, табл. 14, 5]; Ховинсари-5, 9; Кулхамяки-3; Туккала-11, 26, 40
и сборы [53, табл. 23, 1].

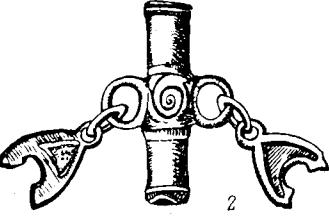
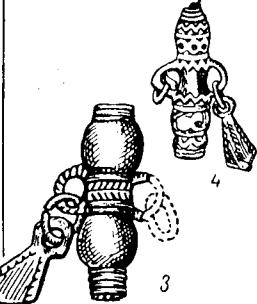
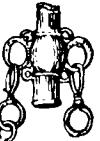
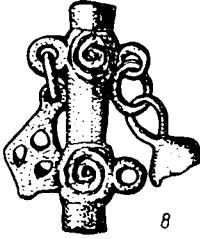
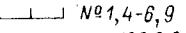
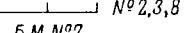
		Варианты					
		1	2	3	4	5	6
Типы	I						
	II		 Б.М. №7				
III							

Рис. 23. Типы и варианты Ф-образных пронизок.

1 — Кекомяки-1; 2 — Тиверск; 3 — Кекомяки-5а; 4 — Ховинсари-1; 5 — Кекомяки-1а; 6 — Кекомяки-6; 7 — Туккала-2; 8 — Туккала-11; 9 — Лапинлахти—Виролайнен.

ментированной срединной частью, и имеет две пары ушек. В качестве подвесок использовались бубенчики и ромбовидные ажурные изделия. Образцы этого типа стабильны по форме как в могильниках Карельского перешейка, так и на памятниках Саво.

К типу III (рис. 23, 9) отнесены 2 экз. с большим количеством ушек на одной стороне пронизки. Поделка из Ховинсари-1 (№ 110) имела, по словам исследователя, по крайней мере четыре ушка; у пронизки из Лапинлахти—Виролайнен (№ 146) их пять.

Из анализа комплексов следует, что Ф-образные пронизки всех трех типов встречены со спиралевидными и ажурными цепедержателями в одних и тех же погребениях, типичных для древнекарельской культуры. Можно сказать, что оба предмета взаимосвязаны и по отдельности попадались только в разрушенных могилах. Однако этот вывод справедлив именно для памятников Карельского перешейка. На территории Саво в захоронениях могильника Туккала в пяти погребениях, содержащих цепедержатели, Ф-образных пронизок не найдено,⁵⁰ равно как и в захоронении Мойсио-V. Население, оставившее могильник Висулахти, вообще не знало пронизок. Иногда их роль выполняли металлические полые орнаментированные бусины.

По вышенназванной категории предметов устанавливаются связи между памятниками древних карел и первми вычегодской. Ф-образные пронизки встречены там и на раннем этапе вымской культуры — в Кичилькосском могильнике, датирующемся X—XI вв., — и на позднем — XII—XIV вв. [100, табл. 35, 8, 9; 36, 18—21; 101, с. 13; 102, с. 64]. Аналогичные изделия обнаружены на памятниках Западной Финляндии, что объясняется проникновением на эту территорию какой-то части населения с северо-западных берегов Ладоги [154, с. 50].

На памятниках исследуемого региона имеется два типа серебряных и медных цепедержателей. Тип I (21 экз.) представлен двумя вариантами. Изделия первого (рис. 24, 1) — два спиралевидных круга, между которыми находится вытянутая вверх петля, внизу — три отверстия [53, табл. 15, 6; 20, 11; 24, 3, 4]; изделия второго варианта (рис. 24, 2) несколько усложнены за счет декора вокруг отверстий [53, табл. 21, 1]. 16 экз. спиралевидных цепедержателей отнесено ко второму варианту. В основной своей массе вещи происходят из памятников Северо-Западного Приладожья. 10 держателей цепей — случайные находки, пять найдено в трупосожжениях (Ховинсари-1; Мойсио-V, VI), остальные — в трупоположениях, ориентированных на С, СЗ, ЮЗ (ориентировка известна только в семи могилах). На территории летописной корелы в Юго-Восточной Финляндии их мало: два — в могильнике Туккала, три — в Мойсио, три — случайные находки в районе Миккели и в Лаппеэнранта (образцы первого варианта).

На территории Финляндии бронзовых спиральных держателей цепей начала XI в. около 50, и восходят они к типам второй половины I тыс. [174, Abb. 469, 767—768]. Именно с вещами периода викингов обнаруживают наибольшее сходство древнекарельские цепедержатели первого ви-

⁵⁰ Туккала-3, 7, 16, 22, 53.

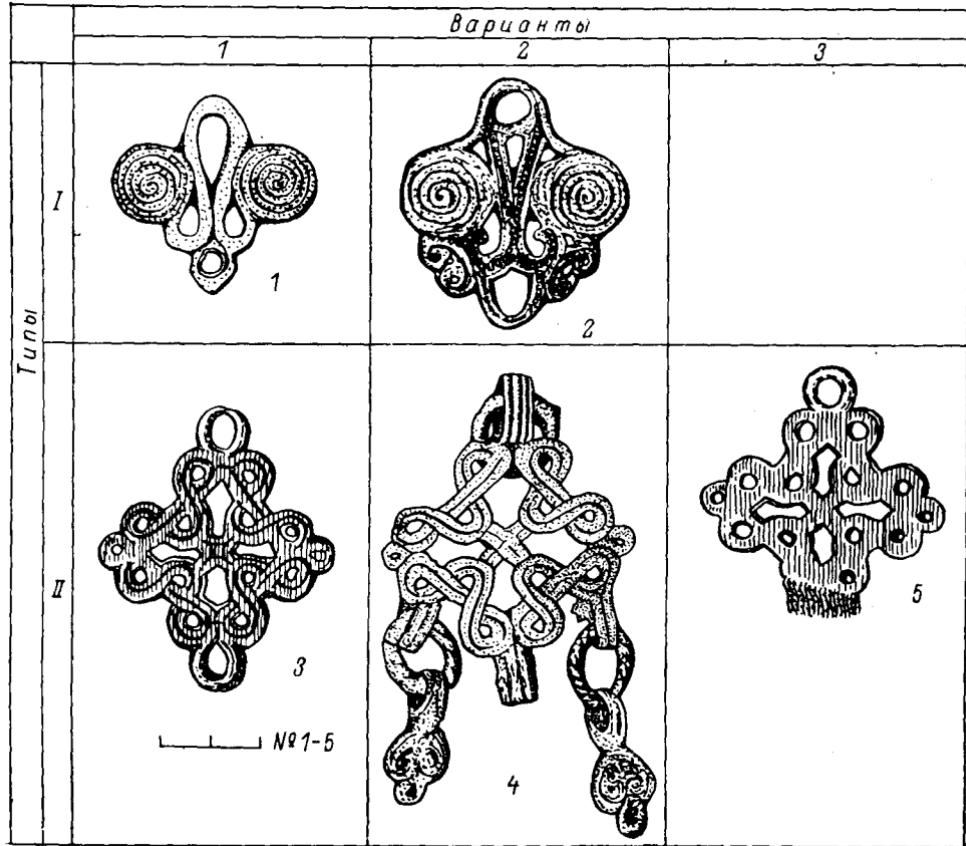

Рис. 24. Типы и варианты держателей цепей.

1 — Туикала-3; 2 — Хийтола—Килпала; 3 — Паасо; 4 — Туикала-37; 5 — Ховинсари-5.

рианта типа I. На этом основании, а также с учетом их встречаемости с ранними типами овально-выпуклых фибул (B, C, F) датировка спиралевидных цепедержателей XII в. не вызывает сомнений. Бытование их в первой половине XIII в. доказывается находкой в Новгороде. Цепедержатели второго варианта использовались и позднее: в Орешке — во второй четверти XIV в., в Новгороде — в конце века. Декоративный вариант спиралевидных цепедержателей, по всей вероятности, следует считать типично корельским изобретением и изделием. За пределами территории летописной корелы единичные экземпляры известны на Готланде [152, Taf. 56, 11], о-ве Сарема [139, vol. 5, № 1951], в Новосиверской на Ижорском плато [110, табл. XV, 13], в уже упомянутом погребении у Костромы, в Орешке и Новгороде.

Тип II — ажурные крестообразной формы цепедержатели, имитирующие переплетение двойного металлического шнуря (71 экз.). Выделяются

три варианта: первый (рис. 24, 3) — верхняя петля составляет единое целое с цепедержателем [53, табл. 9, 14; 14, 7; 23, 1]; второй (рис. 24, 4) — верхняя петля приклепана, а шнур украшен поперечными насечками («жемчужный» орнамент) [53, табл. 9, 13; 22, 11]; третий (рис. 24, 5) — отсутствует имитация плетенки.⁵¹ Наиболее распространен второй вариант. В нижней части цепедержателя к приклепанным ушкам либо к отверстиям подвешивались бубенчики, но чаще всего — сердцевидные подвески. На Карельском перешейке и в могильнике Каускила ажурные цепедержатели найдены без дополнительных украшений, однако сердцевидные подвески, отделенные от цепедержателей, встречались в погребениях.

Держатели цепей известны на памятниках Северо-Западного Приладожья, в могильниках Туккала и Каускила, на городище Паасо, словом, в пределах территории летописной корелы. Они обнаружены в трупосожжениях Ховинсари-13 и Туккала-7. Трупоположения с данными предметами имели различную ориентировку и довольно часто были помещены в деревянные могильные сооружения. Сопровождающие вещи типичны для древних карел: овально-выпуклые застежки, сюкерё, подковообразные фибулы, Ф-образные пронизки, ножи в ножнах (в том числе с орнаментированными рукоятями), копоушки, шейные ленты, остатки фартуков с медными украшениями. Следовательно, ажурные держатели цепей XII—XIV вв. можно считать истинно древнекарельскими украшениями.

На Ижорском плато в разрушенном погребении у д. Мишкино найден аналогичный цепедержатель с тремя приклепанными ушками и двумя сердцевидными привесками. Аналоги вне Северо-Западного Приладожья и области Саво обнаружены на территории Эстонии,⁵² Латвии, где, согласно Э. С. Мугуревичу, датируются XII—XIII вв. [73, с. 64, рис. 12—13; 158, Taf. 18, 14, 15]. Однако они не идентичны древнекарельским изделиям.

Цепи и их фрагменты из серебра, бронзы и железа встречены во всех женских погребениях. Как выяснилось по комплексам удовлетворительной сохранности, они соединяли нагрудные украшения, от которых спускались дополнительные отрезки цепочек с висевшими на концах копоушками, ножами и некоторыми другими предметами. Нагрудные цепи состояли из одинарных, двойных, тройных колечек различной толщины и диаметра. В могильнике Туккала (в сборах и погр. 9) встречены цепи из бронзовых пластин, а также железные из крупных восьмеркообразных звеньев (погр. 3 и 7). Находили применение и цепи из костильков, заканчивающиеся ушками. Они могли быть серебряными и бронзовыми (Паасо и Тиверск), гладкими, с насечками, с дополнительными ушками посередине (Ховинсари-13). Иногда цепочка из таких костильков обматывалась кожаным шнуром (Кекомяки-5).

Выясняется вопрос об этнической принадлежности погребенных в могильниках Саво и их взаимосвязи с древними карелами, П.-Л. Лехтосало-Хи-

⁵¹ Точное число цепедержателей каждого варианта неизвестно.

⁵² Вещи хранятся в Историческом музее в Таллине и в фондах Института истории АН ЭССР (385-2с, 1841-46а — переделан в фибулу, 4200-5 — с тремя бубенчиками, 2643-375). Один цепедержатель, орнаментированный концентрическими кругами с точкой посередине и четырьмя бубенчиками, обнаружен вне закрытых комплексов могильника Таммику, датирующегося XII—XIII вв. [225, Abb. 3, 9].

ландер видит, к примеру, различие между ними по материалу, из которого сделаны нагрудные цепочки. Исследовательница приходит к заключению, что на Карельском перешейке использовались железные, а в могильниках Саво — только бронзовые цепи. С первой частью вывода можно согласиться: действительно, в древнекарельских могильниках железные гарнитуры цепей обычны, за исключением трупосожжения Ховинсари-13, где была бронзовая цепочка из оригинальных костыльков. Что же касается могильников Саво, то довольно часто в одном и том же погребении встречаются и бронзовые, и железные цепи (в 10 из 13 захоронений в Туккала). Та же ситуация наблюдается в женском захоронении Кюхкюля. Неясная картина в могильнике Висулахти — в каталоге сообщается о кольчужных цепях, а материал, из которого они сделаны, не упоминается, но в логр. 1 вполне определенно говорится о железных цепях.

Копоушки одновременно исполняли функции бытового инвентаря и украшения. Они были в ходу на восточных (от Северо-Западного Приладожья) территориях, заселенных финно-уграми, и неизвестны на западных, кроме древнекарельских.⁵³ Копоушки являлись неотъемлемой принадлежностью костюма древних карелок. Они крепились железной цепочкой к правой части нагрудного гарнитура (овально-выпуклая фибула — Ф-образная пронизка-цепедержатель) и спускались ниже пояса. 45 копоушек из серебра, меди и железа, собранных при раскопках могильников и городищ, подразделяются на следующие типы. Тип I — овальные с петлей в верхней части и узкой лопаточкой внизу (рис. 25, 1—3). Наибольшее число изделий с гравированным орнаментом относится к первому варианту — 18 экз. [53, табл. 4, 13; 9, 27; 14, 6; 15, 7; 20, 9; 23, 6]; ко второму (ажурные копоушки; рис. 25, 4, 5) — 6 [53, табл. 4, 6, 10; 23, 5];⁵⁴ к третьему (неорнаментированные; рис. 25, 6, 7) — тоже 6 экз. Тип. II (рис. 25, 8, 9) — копоушки с двумя ушками, по одному с каждой стороны, для подвешивания привесок — 3 экз. [53, табл. 4, 9].⁵⁵ У вещи из захоронения Туккала-9 сохранились ажурные подвески треугольной формы. Тип III — копоушки с четырьмя ушками, по два с каждой стороны, — 2 экз. (рис. 25, 10). Не отнесена ни к одному из типов костяная копоушка из Суотниеми-3 [53, табл. 17, 7]. Одна ее сторона орнаментирована акантовым узором, на другой — изображение человеческой фигуры во весь рост.⁵⁶ Датировка всех изделий возможна лишь в широких хронологических рамках: они встречены с инвентарем XII—XIII⁵⁷ и XIII—XIV вв. (почти все типы и варианты копоушек представлены в коллекциях Тивер-

⁵³ Копоушка известна в погребении Тюрвянтэ (Финляндия), где найдена совместно с фибулами типа Н [154, с. 50].

⁵⁴ Два идентичных экземпляра найдены в Тиверске и Ховинсари-7.

⁵⁵ Похожая копоушка, датирующаяся XII—XIII вв., обнаружена в кургане Шахново-118 [12, табл. V, 2].

⁵⁶ Девять копоушек из захоронений Патья, Туккала-53, Мойспо-V1, Висулахти и случайная находка из Кексгольма в публикациях не представлены.

⁵⁷ Полуколичественный спектральный анализ двух копоушек из Тиверска (обе относятся к третьему варианту типа I) показал, что они изготовлены из сплава, датирующегося X—XI вв. и отчасти XII в. (XII в. — дата копоушек из Ховинсари-1, 13). Однако малое число подвергнутых анализу образцов не позволяет пересмотреть хронологию этих изделий.

Варианты

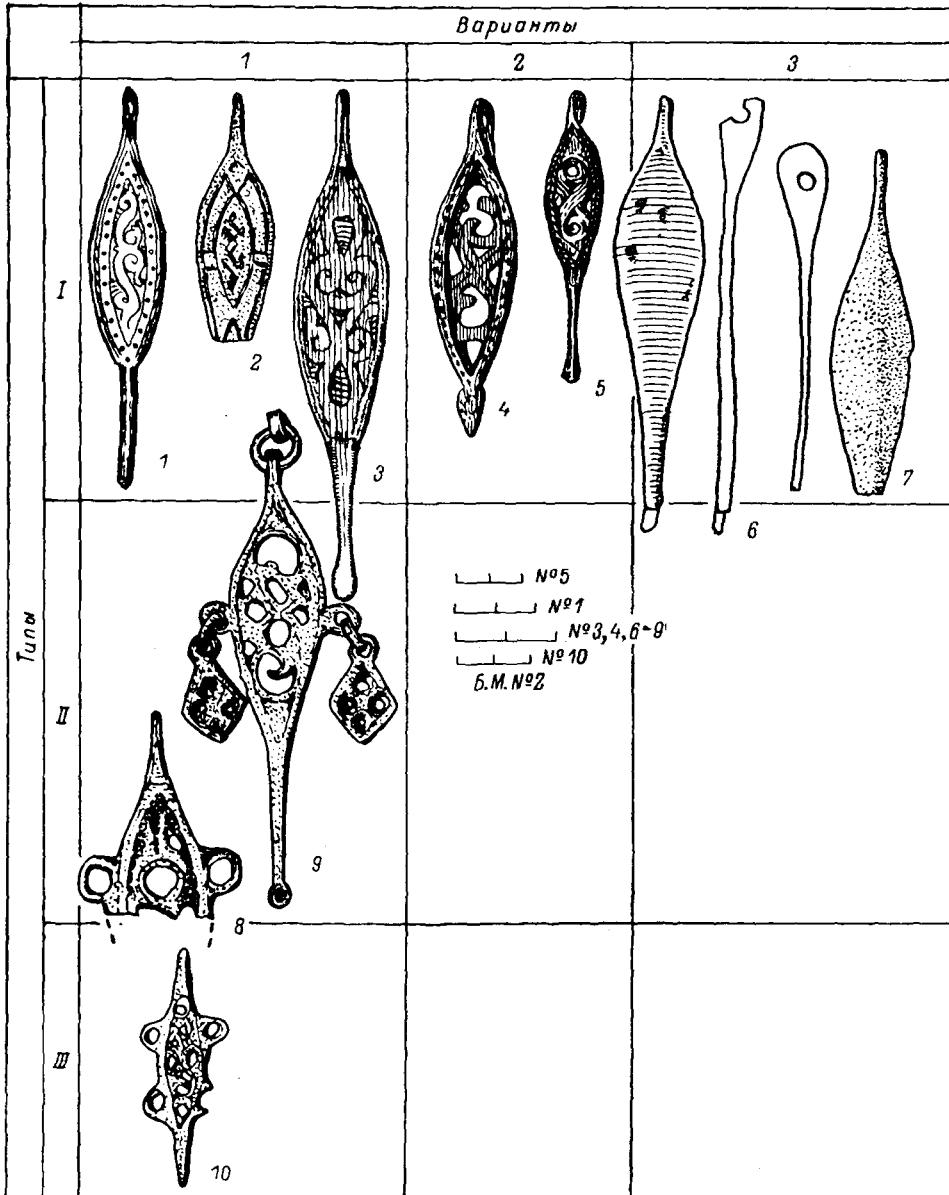

Рис. 25. Типы и варианты копоушек.

1 — Ивасканмяки; 2 — Сяркисало; 3, 10 — Конкела; 4 — Ховинсари-7; 5 — Ховинсари-9; 6, 7 — Тверск; 8 — Каускила; 9 — Тункала-9.

ска). Допустимо, что изделия типа III могут датироваться и XV в., так как одно из них найдено на городище Куркийоки.

На территории летописной корелы встречено 11 полых коньков-подвесок с шумящими привесками. В основном они одноголовые, за исключением экземпляров из Кекомяки-5б и Паасо. Изделия из Туккала (сборы), Тверска и Лапинлахти (№ 146) более реалистичны — на круто выгнутых шеях коней изображена грива. В качестве подвесок использовались бубенчики, прикреплявшиеся к коньку восьмеркообразными звеньями.

В настоящее время разработана типология вышеизначенной категории шумящих украшений [22]. К типу I, датирующемуся рубежом XII—XIII вв. и концом XIII—началом XIV в., отнесен двухголовый конек из Кекомяки-5б; к типу II (рубеж XII—XIII вв., вторая половина XIII—начало XIV в.) [53, табл. 21, 6] — одноголовая подвеска из Ховинсари-3 (№ 110) и серебряное изделие с городища Паасо [53, табл. 9, 9]; к типу III (вторая половина XIII в., третья четверть XIV—начало XV в.) — одноголовый конек из Туккала-26 и двухголовый с городища Паасо [53, табл. 9, 10]; к типу V (рубеж XII—XIII вв., третья четверть XIII в.) — подвеска из разрушенных погребений могильника Туккала [53, табл. 23, 18]; к типу VIII (не датирован) — изделие из Лапинлахти; к типу IX (середина XIII—начало XIV в.) — подвеска из Тверска [53, табл. 4, 8]. Шумящие коньковые подвески из Хенномяки (№ 101), Килпола (№ 119) и Кекомяки (№ 167) не классифицированы.

Одно изделие из Лапинлахти (№ 144) изображает птенца утки [211, к. 340]. К двум петлям из восьмеркообразных звеньев подвешены утиные лапки. О предмете из мужского захоронения 9 и случайной находке из Висулахти известно лишь, что они шумящие.

Все эти амулеты характерны для памятников, оставленных финно-угорским населением. Достаточно убедительна их датировка XII—XIV вв., подтвержденная материалами с обширных территорий.

К шумящим украшениям примыкает плоская прорезная фигурка конька из Лапинлахти (№ 142) [174, Abb. 1133]. В границах широкого ареала такие коньковые подвески датируются XI—XII вв.: в курганах Юго-Восточного Приладожья, в Новгороде и ливских древностях [73, табл. XXXI, 9, 10; 49, с. 34—35], в Финляндии [174, S. 139].

Шумящие коньковые подвески не получили широкого распространения в древнекарельской среде. Носились они на длинной цепочке, спускающейся от одного из нагрудных комплектов до пояса. К сожалению, коньковые подвески в большинстве происходят из разрушенных погребений. Установлено, что в одном случае подвеска находилась с правой стороны нагрудного комплекта, в другом — как будто бы слева. Такое расположение характерно для всех финно-угорских захоронений, где украшения играли роль оберегов [22, с. 238]. Интересно, что в трех более или менее хорошо сохранившихся погребениях, содержащих коньковые подвески, копоушек не было.

Ножи — наиболее распространенная и универсальная категория предметов. Свыше 200 экз. собрано в 94 местонахождениях: городищах и отдельных хозяйственных комплексах (шесть), захоронениях (80) и сбоях (восемь). Среди них есть боевые ножи, бытовые и ножи с медными орна-

ментированными рукоятями в ножнах. Нарядные, искусно украшенные изделия находились, за редким исключением, в женских погребениях. Их прикрепляли к нагрудным цепочкам, свисавшим чуть ниже пояса с правой или левой стороны (в 13 случаях местоположение не зафиксировано). Простые ножи обнаружены в шести женских погребениях; в четырех — несколько ножей различных типов. В одних захоронениях они располагались по одну сторону, в других — по обе стороны от умерших.

В мужских могилах найдено подавляющее большинство простых ножей (в 37 захоронениях из 41), которые чаще всего крепились с правой стороны пояса (11 случаев). По левую сторону погребенного ножи зафиксированы в пяти случаях, но надо отметить, что в 19 захоронениях, в основном могильника Висулахти, местоположение их не определено. Если у мужчин ножи имели чисто утилитарное назначение, то у женщин наряду с практической выполняли декоративную функцию. Ей были подчинены и форма изделия, и материал, идущий на рукояти и ножны, и сам орнамент.

У ножей с полыми медными орнаментированными рукоятями в форме усеченного конуса, слабо расширяющегося кверху и имеющего овальное сечение, железный клинок вплавлен внутрь рукояти. По сохранившимся изделиям установлено, что на лезвие приходилось (при максимальных подсчетах) 0.4—0.48% длины ножа. Такая диспропорция между лезвием и украшательской частью создает впечатление иной, не бытовой, функции ножей. Они находились среди сопровождавших женские погребения вещей, как правило, в ножнах, в свою очередь являвшихся образцами сложной растительной орнаментации. Узор на рукоятях плетеный, такой же как и на овально-выпуклых фибулах типов F_1 — F_4 , но различающийся в деталях.

Медная рукоять из Тверска разделена на пять зон: первая от клинка (ширина 0.5 см) прочерчена наклонными насечками и отделена от следующей зоны горизонтальными линиями; вторая (4 см) не имеет орнамента; третья (0.5 см) аналогична первой; четвертая (3.8 см) украшена переплетенными миндалевидными фигурами, близкими к геометрическому исполнению; пятая (ширина 0.5 см) заполнена короткими наклонными насечками [53, табл. 4, 5].

У рукояти ножа из Туккала четыре зоны: первая от лезвия не орнаментирована; вторая — узкая, ограниченная прочерченными полосами и заполненная акантовым орнаментом; третья украшена наклонными насечками; четвертая — переплетенными миндалевидными фигурами с завитками. На конце рукояти напаяны маленькие шарики [53, табл. 24, 7]. По манере исполнения плетенки к данной рукояти близка рукоять ножа из шведского поселения Гараселет, отличающаяся некоторыми композиционными деталями. На ней пять зон: первая (ширина 1.4 см) — с зигзагообразными линиями, ограниченными сверху и снизу горизонтальными; вторая (2.6 см) — гладкая; третья (1.8 см) — с узором «в форме кренделя», выполненным плетением; четвертая (ширина 0.7 см) — с простыми, наклоненными под углом около 30° линиями; последняя — широкая, с богатым плетеным орнаментом, созданным из сердцеобразных и миндалевидных фигур. Плетение в верхней части трактуется как звериный орнамент [142, с. 26—27].

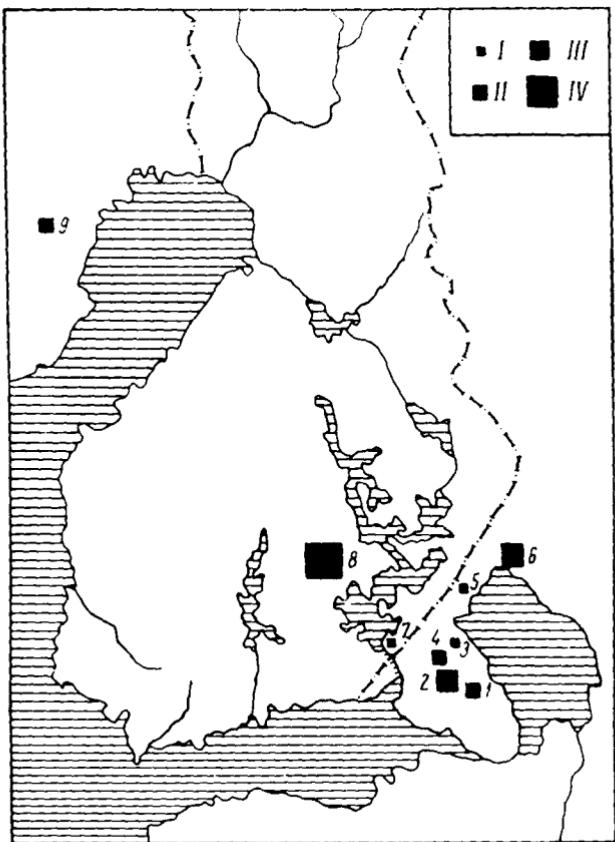

Рис. 26. Ареал орнаментированных рукоятей ножей (Северо-Западное Приладожье, Финляндия, Швеция).

I — 1 экз.; II — 2 экз.; III — 4 экз.; IV — 6 экз. 1 — Саккола (Лапинлахти — 2 экз.); 2 — Рийсияя (Ховинсари, Иваскания, Тиверск — 4 экз.); 3 — Корела (1 экз.); 4 — Каукола (Кекомяки — 2 экз.); 5 — Куркяйоки (1 экз.); 6 — Паасо (4 экз.); 7 — Каускила (1 экз.); 8 — Микнели (Туккаала — 6 экз.); 9 — Швеция (Гротрек, Гараселет — 2 экз.).

На территории летописной корелы орнаментированные рукояти ножей найдены в могильниках и на поселениях (Тиверск, Корела и Паасо — 25 экз.; рис. 26) [53, табл. 9, 34—36; 23, 15, 16; 24, 10]. Отдельные предметы известны в Швеции (Гротрек, Гараселет — 2 экз.), в древностях Ижорского плато (Волковицы, Рабитицы — 2 экз.) [110, табл. XI, 12; XIX, 26], в городах Копорье, Орешек и Новгород. Орнаментированные рукояти встречены в одних комплексах с ведущими и уже проанализированными категориями вещей XII—XIV вв., а может быть, и XV в. В Орешке полностью сохранившийся нож с орнаментированной рукоятью датируется второй четвертью XIV в. В Новгороде орнаментированная

костяная рукоять найдена в слоях конца XIII в., медные — конца XIII—XIV в. В Гротреске — с монетами 1100—1200 гг. Относительно этнической принадлежности вышеизложенных изделий сомнений нет: в этом убеждают топографо-статистические данные и единодущие финляндских исследователей [174, S. 147, Abb. 1225, 1226].

У других ножей были деревянные и костяные рукояти, украшенные серебряными и бронзовыми оковками (рис. 27, 3). Например, костяная ручка из Кекомяки-1 (рис. 27, 7) имела металлическое украшение из сплава олова с серебром и орнамент в виде плетенки. Иногда полая ручка ножа была с металлическим или деревянным заполнением, заканчивающимся петлей и кольцом. Наиболее выразительны экземпляры из Кекомяки-3 [53, табл. 19, 14], Патья-21 [53, табл. 13, 4]. В одной из орнаментированных рукоятей на городище Паасо среди сгоревшей деревянной трухи обнаружены две медные заостренные шпильки, использовавшиеся, по-видимому, для подвешивания ножа [53, табл. 9, 36]. Редкая форма ажурной металлической рукояти найдена в Куркийоки (№ 126; рис. 27, 1).

Длина рукоятей варьировала от 8 до 9.5 см, лезвия — от 5.8 до 10 см. Небольшие ножи присутствовали в женских погребениях. Крупный нож из Кекомяки-2 длиной 21 см имел ручку из березы, кожаные ножны, обильно орнаментированные бронзовыми пластинками. Такой же длины нож сохранился в мог. Кекомяки-3 [53, табл. 19, 9, 10] — конец ручки обмотан льняной тканью, а сверху залит оловом; другой (30 см) — в Кекомяки-4. Оба принадлежали мужским погребениям. Исключением как будто бы является нож в ножнах из женского захоронения Кекомяки-5, имеющий длину 22.4 см. Но в могиле находилось и мужское погребение; возможно, нож относился к нему. Эта же закономерность прослеживается и в могильнике Туккала — в мужской мог. 34 лезвие ножа достигало в длину 15.5 см.⁵⁸

Ножи хранились в кожаных ножнах, украшенных орнаментированными бронзовыми пластинками. В верхней части боковых оковок имелось отверстие для подвешивания. Таким образом, нож в ножнах крепился к одежде дважды: через кольцо в верхней части рукояти и через отверстие в ножнах. Ножны древних карел, хорошо задуманные и прекрасно исполненные, производили парадное впечатление. Длина их от 13 до 20 см, средние размеры 14—16 см. Среди ножей есть ажурные, в виде сплошных оковок,⁵⁹ украшенных растительным орнаментом и прочерченными линиями, выполненными гравировкой: Суотниэми-3 [53, табл. 17, 9], Кекомяки-1 (рис. 27, 4), Патья (рис. 27, 5), Туккала-16 (рис. 27, 6) [53, табл. 23, 16; 24, 10]. И хотя используются одни и те же мотивы, одни и те же детали орнамента, композиционное построение различно.

У ножен кроме боковых пластинок есть еще и перехваты. Максимальное число перехватов — семь — сохранилось у ножен из Туккала [53, табл. 23, 15], но чаще всего их было четыре-пять [53, табл. 23, 19]. Число перехватов от длины ножа не зависело: экземпляры из Леппясемяки-4

⁵⁸ Мужские ножи могильника Туккала см.: [153, к. 6—9].

⁵⁹ У некоторых экземпляров (Ховинсари-6) прорези зафиксированы на незначительной части ножен.

— №4,7,9 — №2,3,5,6 — №1 Б.М. №8

Рис. 27. Рукояти ножей, ножи и ножны из древнекарельских могильников
 1 — Куркийоки; 2 — Сяккимяки; 3, 4, 7 — Кекомяки-1; 5 — Патя; 6 — Туккала-16
 8 — Лапинлахти; 9 — Лепписеймипки-3.

[53, табл. 14, 4] имели четыре перехвата при длине 14 см; из Ховинсари-6 и Кекомяки-1 — один (?) на 14.4 см; четыре-пять перехватов на 16 см у ножен из Кекомяки-3 и Лапинлахти (№ 142; рис. 27, 8), и т. д. На них и боковых пластинках — узор из растительных мотивов, выпуклостей, прочерченных линий. К тому же устье подчеркнуто металлическим «кружевом». Когда перехваты отсутствовали, тогда кожа ножен украшалась бронзовой проволокой: Леппясемяки-3 (рис. 27, 9), Сяккимяки (№ 125). Были в употреблении и простые сшитые кожаные ножны (рис. 27, 2) [53, табл. 19, 2].

Датировка изделий не нуждается в дополнительной аргументации, поскольку они найдены с типично древнекарельским инвентарем, время существования которого оговорено. Стоит обратить внимание на следующее обстоятельство: находку ножа с ножнами в мог. Патья-21, содержащей монету 1220—1250 гг., и устья ножен в Новгороде в ярусе XIII в. Одновременное существование с орнаментированными рукоятями подтверждает бытование изделий в XII—XIII вв.⁶⁰ а отсутствие их в Тверске, возможно, свидетельствует о том, что в XIV в. эти предметы не заходили.

26 перстней найдено на городищах (6 экз.), в могильниках (12) и на разрушенных памятниках (8 экз.). В женских погребениях было восемь, в мужских — пять перстней. Обычно у умершего встречено по одному изделию, в редких случаях — по два. Сделаны перстни из серебра и меди, иногда позолочены. Из-за малочисленности находок классифицировать их затруднительно. Один витой бронзовый перстень с рифленым дротом (рис. 28, 1) и три ложновитых относятся к типам, территориальные и хронологические рамки (X—XIV вв.) которых хорошо освещены в отечественной литературе [106, с. 255—256; 74, с. 264; 212, с. 354].

К пластинчатым замкнутым причислены перстень с расширенным фигурным щитком, орнаментированным тремя круглыми вдавлениями и двумя выполненными гравировкой листочками (рис. 28, 2), из Нойсниэми (№ 149) и круглый без щитка из Нехвала (№ 121), с насечками по краям и крестообразными вдавлениями (рис. 28, 3). К типу замкнутых относятся индивидуальной формы серебряный перстень из Кекомяки-1, имеющий ромбовидную печатку, зернь по краям и вставку (рис. 28, 4), и перстень с городища Паасо, украшенный чернью, с орнаментированным щитком (53, табл. 9, 20).

Пластинчатые незамкнутые перстни представлены большим числом экземпляров и вариантов: два серебряных с продолговатым щитком и растительным орнаментом из могильника Туккала (рис. 28, 5), аналогичный экземпляр из Кекомяки-6 [53, табл. 22, 9], перстень с фигурной срединной частью и плохо различимым рисунком из Тверска [53, табл. 4, 11]. К другому варианту следует отнести перстни с выступающей на щитке орнаментированной квадратной частью: Кекомяки-1, 2 [53, табл. 18, 7], 3 [53,

⁶⁰ В погр. 18 (детском) XIII в. эстонского могильника Каберла обнаружена бронзовая накладка ножен, не имеющая аналогий в древностях Эстонии. Ю. Я. Селиранд предполагает, что она представляет собой местный вариант ножен, получивших распространение в Карелии и Водской земле [107].

Рис. 28. Перстни.

1—4 — замкнутые; 5 — незамкнутые; 6 — с прямоугольной печаткой; 7—10 — фигуросрединные печатные.

табл. 19, 3], 5 — и с прямоугольной печаткой: Кекомяки-1, Висулахти-3 (рис. 28, 6), — на щиток которой в форме усеченной пирамиды со срезанными углами нанесены точки и нечеткий крест. Из Висулахти-6 происходит похожий экземпляр со вставкой.

Фигуросрединных печатных перстней встречено 6 экз. Два овально-щитковых медных перстня найдены в Тверске, причем один из них аналогичен изделиям, отнесенным к петербургскому типу [53, табл. 4, 7; 74, с. 263]. В XIII—XIV вв. на щитках перстней появляются гравированные изображения. Так, почти круглый щиток тверского перстня имеет выполненное гравировкой изображение коня. Овальными короткими штрихами подчеркнуты крылья. Дуга у щитка укращена зубчиками (рис. 28, 7). На серебряном изделии из Суотниэми-2 на фигурном щитке в овальной, а затем прямоугольной рамке изображена мужская фигура с прямым предметом в правой руке и треугольным — в левой (рис. 28, 8). Уже ранее было высказано предположение, что на этом перстне представлен святой [174, S. 137, Abb. 1098]. Без сомнения, по многим деталям он схож с изображением св. Феодора на печатях новгородских князей XII—XIII вв., где он показан во весь рост с копьем в правой руке и щитом — в левой [129, с. 120—122].

Изображения человеческой фигуры есть на двух других медных перстнях. На овальном щитке изделия из Леппяниэми (№ 175) вырезана фигура с разведенными в сторону руками: в правой — предмет в виде волнистой линии; в левой — прямой, с раздвоенным верхним концом. Край щитка оформлен зубчиками (рис. 28, 9). На перстне из Куоппамяки (№ 180) тоже имеется фигура с разведенными короткими руками: в правой — дугообразный предмет; в левой — прямая палка. Щиток обрамлен зубчатой линией (рис. 28, 10).

Вопрос о датировке этих предметов непрост. Дело в том, что в XVI—XVII вв. замкнутые печатные перстни с изображением людей, львов, птиц и т. д. особенно часто встречались на северном побережье Ладожского озера, в Эстонии; отдельные экземпляры — в Юго-Западной Финляндии, на территории саамов и Ижорском плато [210, с. 10—11]. Вместе с тем перстни из Леппяниэми и Куоппамяки могут датироваться и более ранним временем: почти аналогичный первому перстень найден при раскопках церкви в Перниё вместе с монетами XIV в. [146, с. 29—38].

Широкое применение в украшении женской одежды получили спиральки, скрученные из медной проволоки различного диаметра и сечения. В одном и том же костюме использовались различные спиральные трубочки. К сожалению, не всегда можно проанализировать контрольно-измерительные показатели изделий из могильников, раскопанных в XIX в. Найденные на городище Паасо спиральки имели диаметры 2, 2,5, 4 мм, в Тиверске — 3—5,7 мм. Было бы важно сопоставить изделия различных хронологических групп и выяснить — изменились ли спиральки во времени и пространстве. Однако на данном этапе это невыполнимая задача.

В небольшом количестве спиральки найдены в могильниках с трупосожжениями: Лапинлахти (VIII в.), Хеноннмяки (Х—начало XI в.), Куркийоки (Х в.). Но лишь в древностях II тыс. они представлены сложными комбинациями. На памятниках XII—XIV вв. спиральки зафиксированы в 40 местонахождениях: на трех городищах (Тиверск, Паасо, Хямеэнлахти); в 20 пунктах как отдельные находки среди предметов украшения; в 17 — на фрагментах одежды. Как правило, спиральки характерны для женских погребений и только в исключительных случаях обнаружены в мужских.

Ареал вещей подчеркивает их этническую принадлежность — они присутствуют в памятниках летописной короли как на северо-западных берегах Ладожского озера, так и в Юго-Восточной Финляндии, в районе Саво.

В обширной коллекции предметов из цветного металла есть единичные изделия. Упомянем лишь некоторые из них. Восьмилучевая звездообразная фибула (игла отсутствует) с отверстием посередине найдена на городище Паасо. Каждый луч треугольной формы состоит из вплотную расположенных круглых утолщений [53, табл. 9, 12]. Аналогичные изделия на территории Руси и Латвии датируются XI—XII вв. [66, с. 171—172; 73, с. 90, табл. XXVI, 4]. Соответствия тиверской серебряной бляшке с восемью отверстиями и растительным орнаментом в ромбовидной центральной части не встречены. Бронзовое полое, в виде головы хищной птицы, изделие из Ховинсари (№ 160), по мнению К. А. Нордмана, восточ-

ного происхождения [196, с. 175—176]; иными словами, его финно-угорская принадлежность очевидна. В погр. Суотниэми-1 обнаружен медвежий зуб с просверлиной для подвешивания [53, табл. 16, 5; 174, Abb. 1119]. Употребление подобных предметов общеизвестно. Из Путсинлахти (№ 188) происходит серебряное многобусинное височное кольцо [174, Abb. 1078].

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА, КАМНЯ И КОСТИ

Обработка дерева, бересты — традиционное занятие древних карел, сохранившееся до наших дней. Из дерева строили дома, лодки, изготавливали посуду, рукоятки кос, серпов, мотыг. Из бересты выделявали сумки, кошели, может быть, посуду и основу для шейных лент — предметов украшения. Она использовалась не только в хозяйственных целях и в художественном ремесле, но и при совершении погребальных обрядов.

Развитому деревообрабатывающему ремеслу соответствовал разнообразный плотницкий инвентарь, и в первую очередь различные типы топоров, долота, сверла, скобели, резцы, стамески, гвоздодеры, ножи и т. д. Эти предметы собраны главным образом в Тиверске и Паасо. Стандартное для тех времен долото из Паасо длиной 9.7 см сделано из прямоугольного в сечении стержня с плоской ударной площадкой [53, табл. 11, 4]. Возможно, долота сопровождали погр. 3 и 9 в могильнике Ховинсари (№ 112). Перовидные сверла есть в тиверской коллекции (5 экз.) [53, табл. 6, 2, 13] и одно — в могильнике Кюхкюля. Целиком сохранившиеся изделия имели длину 13—14.3 см. Обработка бревен производилась скобелями. Нахождение их в захоронениях Кекомяки-1 и Туккала-13, по-видимому, указывает на профессию погребенных в них мужчин. Резец по дереву обнаружен в жилище VI Тиверска [53, табл. 6, 17] и в Паасо.

Стамески иногда с остатками деревянной рукоятки, идентичные новгородским, обнаружены в четырех погребениях⁶¹ и на городище Паасо (длина последней находки 10.3 см) [53, табл. 11, 2]. На этом же памятнике встречен гвоздодер типичной для древнерусских памятников, особенно Новгорода, формы [41, рис. 32; 53, табл. 11, 1]. Его, конечно, не совсем правильно называть деревообрабатывающим инструментом, но в плотницком ремесле гвоздодер занимал важное место.

Без точильных брусков невозможно обойтись ни в хозяйстве, ни в быту. Неудивительна поэтому их частая встречаемость на городищах и в могильниках (свыше 100 экз.) [53, табл. 7, 25; 8, 25, 37, 51; 11, 22, 23; 18, 9, 10]. Изготовленные из крупнозернистых пород камня — гранита, кварцита, песчаника, — они были необходимы для заточки кос, серпов, топоров. Шиферные оселки, чаще всего с отверстием для подвешивания к поясу, применялись для подправки медных и железных игл, бритв, ножей. Косторезные инструменты представлены резцом, выполненным в технике трехслойного пакета.

⁶¹ Ховинсари-4 и сборы на этом же могильнике, Кекомяки-5. Суотниэми-4, Кулхамяки-1. К сожалению, изделия описаны слишком поверхностно, поэтому не всегда есть уверенность, что были найдены стамески, а не долота.

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО

Основная масса бытовой посуды представлена глиняными изделиями. Однако древними карелами использовались и другие материалы: железо, медь, дерево. В захоронении Суотниэми-1 найдено бронзовое неорнаментированное блюдо [53, табл. 16, 10], отнесенное Э. Кивикоски к типу ганзейских чаш, время употребления которых 1050—1140 гг. Семь образцов встречено в памятниках Западной Финляндии [174, S. 149, Abb. 1253]. В Эстонии они датируются XII—XIII вв.

Медные котлы, появившиеся еще в конце I—начале II тыс., присутствуют и в более поздних древнекарельских погребальных памятниках (9 экз.) [53, табл. 16, 9; 19, 16; 21, 8, 9]. Довольно часто ручка и петли медных сосудов сделаны из железа. Маленький котел из тонкого бронзового листа обнаружен в разрушенной женской могиле — Кулхамяки-1 [174, Abb. 1255]. Отдельные фрагменты и заплатки от медных котлов собраны в захоронениях Ховинсари-9 и Суотниэми-5. Как правило, они располагались за пределами захоронения: либо сбоку, либо в головах или ногах покойного. На поселениях целые экземпляры не найдены, но детали их присутствуют (в Тверске, например, была подкова, превращенная в ручку котла).

Остатки деревянных сосудов с медными оковками и заклепками, железные ручки от них зафиксированы в пяти мужских и женских захоронениях (в ногах и за пределами могильных ям), а также на городищах Хямеэнлахти [53, табл. 8, 40] и Паасо. В древнекарельских могильниках сохранились остатки посуды из капа и ели.

Но наибольшего распространения в быту получили изделия из глины, представленные лепными и гончарными сосудами. Лепная керамика немногочисленна, происходит в основном из разрушенных, предшествующих Тверску слоев X—XI вв. Собранные обломки лепных горшков с городища Паасо и из некоторых других памятников фрагментарны, поэтому типы лепной керамики (четыре) выделены на тверском материале (рис. 29) [53, с. 60, 61]. Они находят близкие аналогии в лепной керамике Старой Ладоги, Новгорода и некоторых других памятников Северо-Запада Руси.

Больше всего фрагментов гончарной керамики добыто при раскопках Тверска: 2539 из желтой, красной, серой глины и 217 — из беложгущейся. Мелких обломков собрано свыше 6000. На городище Паасо керамика представлена значительно меньшим количеством крупных фрагментов: 636, из них 92 белоглиняных; мелких соответственно 648 и 12. Керамический материал из поселений и могильников, раскопанных финляндскими археологами, не был доступен для обработки и привлекался, где это было возможно, в качестве сравнения.⁶²

При обилии глиняных емкостей следов гончарного производства ни на одном из древнекарельских поселений не обнаружено. Однако некоторые особенности примесей и конструирования сосудов, выбора определенных форм горшков, о которых будет сказано ниже, предполагают наличие

⁶² Керамический материал с городища Куркийоки, выпадающего из установленных для расцвета древнекарельской культуры хронологических рамок, не использован.

в каком-то, пусть незначительном, объеме гончарного производства в местной среде по городским стандартам. Так, например, согласно петрографическому исследованию керамики, осуществленному в лаборатории Института археологии АН СССР, тверская гончарная керамика представлена двумя группами. Образцы одной имеют тонкочешуйчатую пластинчатую бурую глиняную массу и грубую примесь сильнослюдистого биотитового гранита, добавленную в качестве отошителя при составлении керамического теста. Образцы другой группы отличаются от первой присутствием алевритовой кварцевой примеси при использовании того же отошителя. Слюдя в тесте появилась в результате включения дресвы биотитового гранита, в которую она входила как составляющая часть. Таким образом, примесью, как видим, служили материалы, встречающиеся повсеместно в природе.

Посуда представлена в основном горшками. Археологически целых сосудов мало — 11 экз., поэтому классификации подвергнуты венчики — 403. Не использованы в статистике из-за фрагментарности 309 обломков венчиков и два сосуда без венчиков. Один из них обработан чернением, другой — красноглиняный. Особо заслуживает быть упомянутым тверский плоский сосуд типа миски высотой 8.2 см, верхний и нижний диаметры которого 22.3 и 13 см. Толщина ошлакованных стенок 1.15 см. В качестве примеси в глиняное тесто были добавлены кварц и песок. Возможно, как это было доказано новгородскими и другими материалами, такие сосуды использовались как тигли для цементации железа [41, с. 14]. Ошлакованные фрагменты керамики в Тверске встречались неоднократно, но они принадлежали обычным кухонным горшкам. К числу единичных относится также фрагмент венчика без шейки, с отогнутым наружу раздвоенным концом [211, к. 433], обнаруженный в Ховинсари (№ 84). Он соответствует типу IVB (по Г. П. Смирновой) и датируется, по новгородским материалам, X—XI вв. [108].

Большинство кухонной посуды разделено на шесть типов (рис. 30). Тип I (14 венчиков, или 3%) объединяет горшки с прямыми венчиками, переходящими в слегка округлое туло. Диаметры их 11—15 см. Венчики варианта А (5) скошены внутрь или имеют горизонтальный торец, а на внешней стороне — валики (обычно 2—3), орнаментированы по тулову и торцу (ямки, прочерченные линии, треугольные вдавления). У трех венчиков в качестве примеси использовались кварц и крупнозернистый песок; у одного, сделанного из желтой глины (остальные — из серой), обнаружена примесь шамота. Следы ручной обработки горшков заметны внутри и на придонной части сохранившегося донышка (диаметр 9.12 см). Сосуды варианта Б (9 венчиков, два из них из красноватой глины) аналогично профилированы, но валики на внешней стороне венчика отсутствуют.

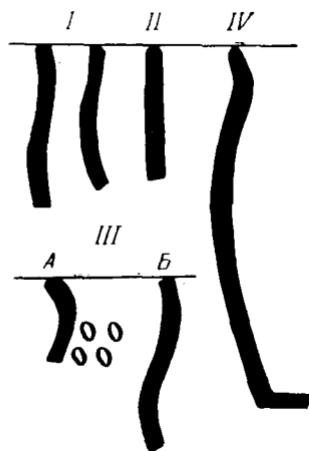

Рис. 29. Типы и варианты лепной керамики.

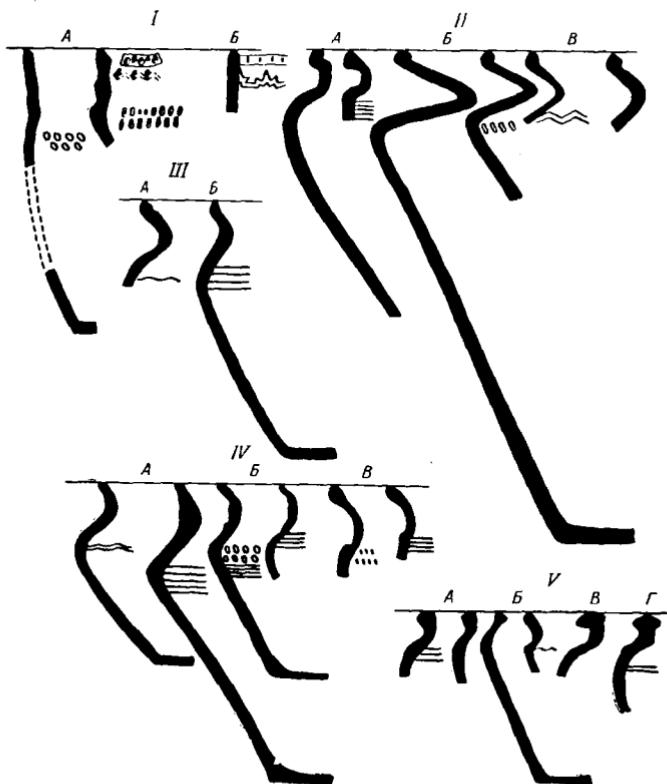

Рис 30. Типы и варианты гончарной керамики.

У двух на слегка выпуклом тулове есть зигзагообразный орнамент, торец венчика украшен насечкой; у остальных он гладкий. Фрагменты варианта А тоже имеют следы ручного заглаживания. В целом посуда типа I близка новгородским сосудам типов IIIA, IIIB, датирующимся X—XI вв.

Тип II (107 венчиков, или 27%) представлен горшками конусовидной формы, с высокими округлыми плечиками, отогнутым наружу венчиком и валиком с внутренней стороны. Сосуды этого типа наиболее часто встречаются как на поселениях, так и в могильниках.

Вариант А (3 фрагмента) объединяет сосуды с резко очерченным переходом шейки в тулове. По плечикам имеется орнамент из частых прочерченных линий. Диаметры 14—16 см, высота около 17 см. В качестве примеси к глиняному тесту использовались в обильном количестве песок и кварц. По своей форме горшки типа IIА, как уже неоднократно отмечалось в печати, восходят к древнерусским формам XII (по новгородской стратиграфии — XI в.)—XIII вв. А. Н. Кирпичниковым приведены факты, согласно которым подобный тип керамики был в употреблении и позднее — в XIII—XIV вв. [38, с. 72]. При всей справедливости вывода надо заме-

тить, что посуда варианта А отличается от сосудов XIII—XIV вв. четко выраженной шейкой, что не наблюдается на более поздней керамике. Ранняя датировка варианта подтверждается сопровождающим инвентарем захоронения Ховинсари-4 (см. с. 46).

Вариант Б включает обломки из желтой (7), красной (26) и серой (54) глины. В качестве примеси к глиняному тесту применены дресва (у красноглиняных сосудов более грубая) и слюда; в трех отмечена примесь шамота. Некоторые горшки обмазаны слоем отмученной желтоватой глины. Внутри, но границе шейки, большинство сосудов закончено. Диаметры горшков 15—30 см. Плечики орнаментированы только у двух образцов: в одном случае волнистыми линиями, в другом — овальными вдавлениями.

Венчики варианта В (9 из серой, 2 из желтой, 7 из красной глины) отличаются от предыдущих многогранным сечением торца. Орнамент в виде волнистой линии встречен на двух фрагментах.

Тип III (120 венчиков, или 30%) — сосуды с оттянутым наружу венчиком и хорошо профилированным округлым туловом. По оформлению торца венчика различаются два варианта. Горшки варианта А (82 фрагмента) близки типу II, но лишены внутреннего валика (однако край венчика по-прежнему утолщен), на месте которого расположена более или менее четко выраженная ложбинка. Венчики варианта Б (38) характеризуются оттянутым кверху заостренным краем и внутренней ложбинкой, предназначеннной, как это было уже высказано в литературе [108, с. 231], для крышек.

Венчики варианта А сделаны из желтой (14), красной (32) и серой (36) глины. Диаметры сосудов 15—32 см. Примесью служили дресва и слюда, в одном случае — охра. Один фрагмент орнаментирован прорезанными линиями, два — волнистыми. Внутренние края горшков носят следы нагара. На некоторых фрагментах видны следы ручного заглаживания.

Венчики варианта Б тоже изготовлены из желтой (7), красной (10) и серой (21) глины. Диаметры сосудов 13—26 см. Примесь в глиняном тесте обычна; в качестве редкой (1 фрагмент) можно назвать шамот. На некоторых сосудах заметна ручная обработка. Края сосудов изнутри довольно часто закопчены. Орнаментированных фрагментов немного: волнистая линия — на одном, прорезанные полосы — на трех фрагментах. К продукции местного производства, видимо, следует отнести венчик типа IIIБ, у которого на внешней стороне расположена характерная орнаментальная полоса. Сосуды этого типа (соответствуют типу IVГ — по классификации Г. П. Смирновой) имеют чрезвычайно широкий ареал в памятниках Древней Руси с XI по XIII в. включительно.

К типу IV (79 фрагментов, или 20%) — «курганному», широко известному на древнерусских памятниках, принадлежат сосуды трех вариантов, у которых отогнутые наружу венчики плавно переходят в округлые плечики.

Сосудам варианта А (59 фрагментов) свойственны короткие, отогнутые наружу венчики (4 венчика из желтой глины, 14 — из красной, 41 — из серой) и небольшие размеры: диаметр 12—18 см, высота 10—11 см. Исключение составляет сосуд из Паасо, и не только по размерам (диаметр чуть меньше 20 см, высота 17.7 см), но и по форме, приближающейся к усе-

ченному конусу. Венчик с горизонтальным торцом изнутри утолщен, на плечиках его орнамент из прочерченных линий, который особенно подчеркивает их выпуклость. Донышко не имеет бортика и слегка оттянуто во внешнюю сторону. В довершение ко всему в качестве примеси к глиняному тесту использована в небольшом количестве охра (обнаружена еще у двух сосудов этого варианта). В глиняном тесте остальных сосудов присутствуют дресва и песок различной концентрации. Часть сосудов носит следы ручного заглаживания (этап РФК-2, согласно А. А. Бобриńskому) [11, с. 27]. При обработке некоторых изделий (7 фрагментов) использовалось чернение. Часть сосудов орнаментирована волнистыми (4), прочерченными линиями (1); на одном горшке представлены оба элемента, на тулово двух — орнамент в виде четких римских цифр I.

Вариант Б немногочислен (2 венчика из желтой и красной глины, 7 — из серой). Сосуды этого варианта характеризуются слегка отогнутым наружу венчиком, имеющим на внешней стороне одно-два утолщения в виде валиков, с горизонтальным торцом. Они небольшие (диаметр 7.3—13 см), тоже носят следы ручного заглаживания. Примесь обычна; только у трех сосудов наблюдается повышенная концентрация слюды. По-видимому, все горшки были орнаментированы. Во всяком случае на фрагментах с сохранившимися плечиками отмечены узоры в виде волнистых линий (1), прочерченных (2), мелких ямок, подчеркнутых двумя бороздками (2). На одном из венчиков варианта Б, с явными следами ручной обработки, на плечиках есть аморфные вдавления, соединенные по два-три в ряд, а под ними — параллельные бороздки. Не исключено, что керамика типа IVB изготовлена на месте.

Такими же своеобразными представляются сосуды варианта В (11 фрагментов). У них отогнутые наружу венчики переходят в тулово через характерный уступ, валики отсутствуют, диаметры 14—20 см. Из желтой глины сделан один горшок. Целиком сохранившийся экземпляр из Хямеэнлахти имел верхний диаметр примерно 21.5 см, высоту 15.2 см. Помимо обычной примеси в глиняном тесте фрагментов отмечено присутствие охры (1), шамота (1), древесной золы (1). Почти все венчики варианта В орнаментированы. Кроме обычных волнистых (1 фрагмент) и параллельных линий (2) использовались ямки (2), наклонные насечки (2), отпечатки римской цифры I (1 фрагмент). Для сосудов характерна внутренняя угловатость шейки. Два фрагмента обработаны чернением.

Тип V включает хорошо профилированные сосуды, у которых венчики немного отогнуты наружу (29 фрагментов, или 7%). По торцу последних часто проходит ложбинка, поэтому они приобретают различные очертания: наружный уступ (6 фрагментов), внутренний уступ (10), уступы с обеих сторон (11), раздвоенный торец (2 фрагмента). Сосуды изготовлены в основном из серой глины. Из редких примесей у одного обломка обнаружен шамот, у другого — асбест. Размеры сосудов, равно как и орнаменты, не выяснены из-за фрагментарности обломков. В одном случае [211, к. 107] на торце венчика есть насечка.

На городище Паасо сосуды типа V отсутствуют. Они собраны главным образом в Тиверске и некоторых других местонахождениях: Кивипелто (№ 81), Рийска (№ 100). Сосуды типа V соответствуют новгородским горш-

кам типов III, VI и многим другим изделиям из древнерусских памятников XII—XIII вв.

Тип V (54 фрагмента, или 13 %) обрел свою законченную форму в сосудах из беложгущейся глины. Выделено несколько вариантов. К варианту А отнесены фрагменты с вертикальным или чуть наклоненным венчиком, имеющим горизонтальный расширенный торец (35). Любопытен белоглиняный горшок с городища Паасо, на котором видна неумелая рука мастера, работающего с новым материалом (диаметр верхней части 11.8 см, дна — 7.4 см, высота 10.1 см). Венчик получился коротким и отогнутым в противоположную сторону, горизонтальный торец с едва намеченной ложбинкой наклонен внутрь. Донышко слегка вогнуто. Тесто хорошего качества, хотя кое-где видны крупные зерна кварца. Обжиг трехслойный. У другого горшка, найденного на этом же городище, торец венчика деформирован во внешнюю сторону, на внутренней стороне острым предметом проведена борозда, как будто бы подчеркивающая несуществующий валик. Тесто грубое, с крупной примесью кварца и редкими вкраплениями охры (встречена еще у трех фрагментов). Остальные венчики выдержаны в строгих формах, орнаментированы волнистой линией (2) и параллельными бороздами (8).

Вариант Б — венчики с овальным сечением (6). Некоторые из них подчеркнуто угловаты. На одном фрагменте напесена волнистая линия, на другом — прочерченные бороздки. Собранные обломки незначительны, восстановить форму сосудов нельзя.

У венчиков варианта В слегка припухлые края и выпуклый торец (7). Сосуды в диаметре достигали 11—23 см. Примесь охры отмечена у четырех, одинарная волнистая линия — у двух, прочерченные борозды — у четырех фрагментов.

Сосуды варианта Г отличаются фигурным венчиком, сечением, приближающимся к треугольнику (6). Они резко профилированные, угловатые. Тесто тщательно перемешено, но обжиг местами трехслойный. В одном случае в качестве примеси использована охра. Диаметры 20—30 см. Один фрагмент увенчан волнистой линией, два — глубокими прочерченными бороздами.

О бытовании белоглиняных сосудов в XIV в. свидетельствуют находки в Кореле и Тверске [38, с. 72—73]. Вместе с тем выяснение хронологических рамок употребления такой посуды того или иного типа или варианта (в данном конкретном случае) — задача будущего.

Кроме горшков на древнекарельских памятниках встречены обломки кувшинов: пять — в Тверске, три — в Ховинсари (№ 83), один — в Салитсанранта (№ 105).

Возвращаясь к посуде, изготовленной из серой глины, обратим внимание на орнаментированные фрагменты. Помимо довольно часто встречающихся параллельных и волнистых линий обнаружены оригинальные узоры в виде овальных, прямоугольных, округлых, подковообразных вдавлений, ромбовидных и треугольной формы ямок, квадратных отпечатков, расставленных в шахматном порядке, — все то разнообразие, которое и определяет специфику керамических коллекций.

Не отнесенных к определенным сосудам обломков донышек много — свыше 100, и только на одном из них сохранилась часть клейма в виде фрагмента выпуклого круга — из Тверска. На этом же памятнике обнаружено днище, у которого по краю сделаны два отпечатка четырехзубым гребенчатым штампом. Обычные диаметры донных частей 6—12 см, но иногда они достигают 19.5 см. При изготовлении 15 донышек применялась подсыпка из песка и дресвы. У 18 фрагментов уцелели бортики, у восьми — следы ручного заглаживания. Все эти признаки свидетельствуют о различной степени использования гончарного круга при изготовлении посуды: от лепных горшков с частичной обработкой на гончарном круге до высококачественных образцов из белой глины. Данные обстоятельства надо иметь в виду, говоря о датировке керамики. Факты длительного употребления населением форм сосудов, восходящих к ранним образцам, не должны формировать точку зрения на позднюю датировку древнекарельских памятников (равно как и не следует бездоказательно удревнить их). На наш взгляд, из всей массы керамического материала Тверска и Паасо X—XIV вв. можно выделить ранние и поздние типы, датирующиеся определенным промежутком времени, и те, что не имеют четких хронологических рамок.

К ранним можно отнести сосуды типа I (X—XI вв.), приближающиеся по своим очертаниям к лепной посуде и лишь частично обработанные на круге; типа II варианта А (XI—XII вв.) и отчасти типа IV вариантов А и Б (XII—XIII вв.), т. е. 85 фрагментов, или примерно 21 % от общего числа керамики. Остальные либо бытуют в широком хронологическом диапазоне, либо совершенно определенно датируются XIII—XIV вв.

Из анализа керамического материала становится очевидным, что древнекарельские горшки имеют формы, аналогичные древнерусским или похожие на них. Это, однако, не исключает керамического производства в местной среде, что подтверждается некоторыми отмеченными выше особенностями форм, орнаментации и составом глины кухонной посуды.

ТКАЧЕСТВО

О высокоразвитом ткачестве у корелы можно составить представление по остаткам льняных и шерстяных тканей, собранных при исследовании могильников Т. Швингтом и частично опубликованных. Льняная ткань, как наиболее активно разрушающийся материал, представлена небольшими кусочками, оставшимися от женских и мужских рубашек, а также от шейных лент. Ткани из овечьей шерсти разнообразнее и по цветовой гамме, и по техническим признакам.

Шерстяные ткани полотняного переплетения изготавливались различными приемами. Использование тонкой и одинаковой в основе и утке пряжи придавало ткани гладкую поверхность [211, к. 352, 364, 374, 394, 403, 404]. Если же в основе пряжа была грубее, чем в утке, поверхность ткани получалась рельефной [211, к. 388—390, 396]. На одном из фрагментов можно проследить особый прием тканья — нить утка проходит не через каждую нить основы, а сразу через две [211, к. 395].

Ткани более сложного, саржевого (или диагонального) переплетения, при котором чередование перекрытий нитей утка и основы идет по диагонали, встречались чаще [211, к. 349—351 j. t.]. Известны фрагменты толстой полосатой материи, сотканной из разных по цвету, ссученных двух-трех более тонких нитей [211, к. 384].

Плетение и тканье шерстяных и льняных лент, тесьмы, бахромы, шнурков, употреблявшихся для отделки женской одежды и предметов украшения (шейные ленты), было широко распространено в древнекарельской среде. Узорчатая и гладкая тесьма получалась при технике тканья на четырехугольных дощечках, снабженных по углам отверстиями. Если судить по языковым материалам, тканье на дощечках известно еще с глубокой древности. Так, например, карельские названия «*lautavuö*» («кушаки, тканные на дощечках») и «*nelilautainep vuö*» («кушаки, тканные на четырех дощечках»), а также соответственное название у калининских карел «*laudane*» («дощечка») возникли в период прибалтийско-финской языковой общности [159, с. 55].

Найденные в древнекарельских могильниках фрагменты льняной тесьмы имели геометрические узоры в виде елочки, ленточного переплетения, как у овально-выпуклых фибул типа F [211, к. 343, 344, 346]. Возможно, к привозным изделиям относились брокатные ленты [211, к. 345].

Шерстяные дополнительные украшения одежды, кроме разнообразных гладкоокрашенных плетеных шнурков, были узорчатыми, диагонального переплетения и разноцветными [211, к. 376—379]. На трех фрагментах из коллективной мог. Кекомяки-1 трехцветный (черный, коричневый, желтый) узор, на четвертом — богатый рисунок сложного технического исполнения.⁶³

Если источник сырья для шерстяных тканей известен, то относительно выращивания волокнистых культур для льняной одежды прямых доказательств нет. По этнографическим данным, в Карелии, кроме Крайнего Севера, повсеместно сеяли лен-долгунец (моченец), в меньшем количестве — коноплю, так как для нее требовались более удобренные земли, да и период созревания был длиннее.

На памятниках древних карел многочисленны находки прядильщиков, железных игл-спиц, которыми прикреплялась кудель льна к прядлке. Остатки частей ткацких станов обнаружены только в Корельском городке.

Прядильщицы были костяными (6 экз.), шиферными (4 экз. из розового и 1 экз. из серого шифера), но чаще всего глиняными (19 экз.). Первые делались из костей животных, конфигурацией которых определялась их форма. Три прядильщицы изготовлены из верхней части голеной кости животного, четвертое — полушаровидной формы, пятое — дисковидное [53,

⁶³ Финляндским специалистом по тканям В. Мерисало предпринята удачная попытка реконструировать технику ткачества на дощечках. В частности, с помощью 12 дощечек ею изготовлена копия изделия [211, к. 376], орнаментированного крестами и S-образными фигурами [159, fig. 8]. Искусство тканья на дощечках зафиксировано на огромной территории, заселенной финно-угорскими и славянскими племенами, и сохранялось в крестьянском домашнем производстве вплоть до XX в. [62, с. 37], в том числе у населения Карелии и района Саво [159, с. 49—53].

табл. 8, 27, 32, 42; 17, 6]. Все они украшены концентрическими бороздками, в некоторых случаях — вертикальными штрихами. Фрагмент костяного изделия из женского захоронения Ховинсари-9, орнаментированный концентрическими кругами, имел очень маленькое отверстие и мог быть шахматной фигурой (кстати, в этой же могиле обнаружено и пряслице, сделанное из верхушки голеной кости).

Шиферные пряслица представлены битрапециевидной и дисковидной формами (7 экз.; у двух форма не определена) [53, табл. 8, 41; 11, 10]; их ширина 1.7—2.6 см, высота около 1.5 см. Как установлено в процессе многократного изучения шиферных пряслиц розового цвета (1 экз. из Тверска, 3 экз. из Паасо), они изготавливались в окрестностях г. Овруча на Волыни, откуда разошлись по огромной территории. Время их употребления X—XIII вв. Изделия из серого шифера считаются продуктом местного производства [67, с. 197—206; 95, 24—27]. Глиняные пряслица имеют битрапециевидную (5 экз.) [53, табл. 7, 18], бочонкообразную (6 экз.) [53, табл. 7, 19, 21], полуциркульную (5 экз.) [153, к. 2] и дисковидную (2 экз.) [53, табл. 7, 20] формы (у двух форма не определена). Диаметры их от 2.8 до 4.5 см, высота 1.3—2.6 см.

Основная часть изделий обнаружена на городищах Хямеэнлахти, Паасо, Тверск, в женских трупоположениях и трупосожжении (Суотниэмий-3). В одном захоронении пряслице находилось за пределами могильной ямы; в другом — в ногах, рядом с серпом; в третьем — на правом плече покойной и служило, по всей вероятности, украшением. Глиняное битрапециевидное пряслице упомянуто среди серебряных вещей клада, найденного в Тверске в XIX в. Не исключено, что оно попало в клад, как и две кальцинированные косточки, из городищенского слоя. Вместе с тем следует отметить, что, видимо, не все пряслица использовались по прямому назначению. Их разнообразные функции подтверждаются древностями Восточной Европы [67, с. 200]. Вполне допустимо, что овручские шиферные пряслица играли роль денег [127, с. 189].

Предметами прядильного производства были железные иглы-спицы. На городищах Тверск и Паасо найдено 19 таких игл трех типов; главное отличие между ними прослеживается в форме головки. Тип I (12 экз.) представлен «классическими» образцами: прямой иглой, четырехугольной в сечении (Тверск) и круглой (Паасо), перекрученной в верхней части (у одной спицы стержень прямой), у которой петлеобразная головка заканчивается завитком. Длина таких игл 11.2—13.1 см [53, табл. 7, 30; 11, 15—18, 20]. Еще одна спица, отнесенная к этому типу, имеет две симметрично расположенные петли с завитками (длина 11.1 см) [53, табл. 11, 19]. Изделия типа II (5 экз.) близки к таковым первого, но у них стержень не перекручен, а конец петли не оформлен в завиток [53, табл. 11, 21]. Размеры от 5 до 12.2 см. У двух игл типа III замкнутая кольцевидная головка, длина 6.4 и 8 см.

К большой группе игл, имеющих незамкнутую петлеобразную головку с завитком, относится I тип древнекарельских спиц, употреблявшихся балтским и славянским населением в I тыс. [104, рис. 1, 2, 5, 7], а латгалами, земгалами и селами — в XIII в. На севере Восточной Прибалтики в начале II тыс. они почти неизвестны [189, с. 37, 84; 125, табл. XI, 4;

186, S. 37]. У древних карел и вепи некоторые железные иглы обнаруживаются полное сходство, что объясняется, наверно, их стандартным массовым производством в Новгороде, где они датируются XIII—началом XV в., но основная масса — XIV в. [20, с. 126; 41, с. 105—106]. Экземпляр типа III близок железной булавке из древностей води и ижоры [99, рис. 8]. Древнекарельские железные иглы типа II могли быть продукцией местных ремесленников.

В настоящее время утверждилось мнение, что иглы-спицы являлись предметами прядильного производства,⁶⁴ но, учитывая огромный ареал и длительное использование, по всей вероятности, не всегда можно однозначно ответить на вопрос о их назначении.

Железные и медные швейные иглы (соответственно 7 и 10 экз.) встречаются на городищах Хямеэнлахти [53, табл. 8, 5] и Паасо, в хозяйственном комплексе Ховинсари (№ 85) и семи погребениях. В двух женских погребениях иглы находились около головы, в мужском захоронении Кекомяки-1 — в мешочке вместе с кремнями, прикрепленном с правой стороны пояса. В могильниках района Саво только в одном женском погребении зафиксирована железная игла. Длина игл от 4.8 до 6.7 см. Согласно новгородским материалам, они появляются в X в., но большинство их приходилось на XII и XIII вв., хотя отдельные экземпляры встречались в слоях XIV—XV вв. [41, с. 66].

⁶⁴ В карельских деревнях такие спицы сохранились до XX в.

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ ВОИНА

Яркой особенностью погребальной обрядности корелы является присутствие того или иного типа оружия: мечей, наконечников копий и стрел, топоров — почти в каждом мужском погребении. Этот факт нельзя расценивать как доказательство существования многочисленной военной знати. Тогда нужно было бы всю мужскую половину корелы возвести в такой высокий ранг. Да и женские погребения не дают повода к подобному объяснению — немногие из них содержат богатый набор украшений. Причины этому иные. Политическая ситуация, сложившаяся на границе со шведами, внутриновгородские бури держали население Северо-Западного Приладожья в состоянии непрерывной боевой готовности.

Из 24 мечей (14 отнесены к X—XI вв.) 10 датируются более поздним временем: 5 экз. — случайные находки, остальные обнаружены в мужских погребениях Карельского перешейка. В захоронении Кекомяки-5 найден меч длиной около 1 м, с остатками ножен, кожи и дерева, расположившийся, видимо, с левой стороны погребенного. Поврежденная бронзовая перекладина зафиксирована в юго-восточном углу могилы. Навершие, перекладина и рукоять украшены плотным растительным узором [53, табл. 21, 4; 185, Taf. 38]. Ближайшие аналогии известны в финляндском могильнике Калвола [174, S. 143, Abb. 1169] и в Эстонии. Перекрестье найденного в районе Изборска меча, по мнению А. Н. Кирпичникова, отлито в той же форме, что и финляндские, и датируется XII в. [35, с. 54].¹ Древнекарельский экземпляр, судя по сопровождающему инвентарю, несколько моложе и относится к концу XII—началу XIII в. Меч из мог. Суотниэми-1 длиной 106.5—107.9 см при ширине клинка и канавки соответственно 4.1 и 1.7 см лежал справа от погребенного. Навершие и перекладина отделаны серебром, по которому нанесены растительный и спиралевидный орнаменты. Лезвие с поперечными серебряными знаками разломано пополам [53, табл. 16, 1]. Меч довольно близок изделиям периода викингов (тип Z), но датируется, по-видимому, не ранее XIII в. [196, с. 181; 168, S. 38, Abb. 1092].

Двулезвийный клинок меча длиной 60.3 см, шириной 4.2—4.5 см, разломанный на несколько частей, с прилипшей древесной трухой и сохра-

¹ К. А. Пордман датировал изделие 1150-ми гг. [196, с. 143].

нившейся перевязью лежал с правой стороны умершего в мог. Кекомяки-2. В Кекомяки-1 меч располагался поперек покойного. У него круглое навершие (6.5 см), железная рукоять (11 см), перекладина (длина 19.5 см, ширина 1.8 см), клинок (длина 82.7 см, ширина 5 см), ножны из дерева и кожи [211, к. 29]. Такого же типа меч длиной 96 см обнаружен с правой стороны покойного в мог. Кекомяки-3 [53, табл. 19, 1]. Перекладина, рукоять и навершие его железные, украшенные растительным узором из серебряного дрота. На конце меча сохранился ажурный бронзовый наконечник с остатками деревянных ножен, у которого центральные и боковые выступы одинаковой высоты. Орнаментирован ленточным плетением, по контуру — грубыми рельефными линиями (рис. 31, 1). Судя по рентгеновским снимкам, сделанным в последнее время, оба меча из могильника Кекомяки идентичны. Орнамент (прямые линии, штрихи, спирали различного диаметра, образующие ленты аканта и пальметты, малый круг, лист и звезду) на рукояти создан накладыванием серебряной нити и резко контрастировал с железным темным фоном. Этот способ инкрустации был известен в Центральной Европе уже в начале периода Меровингов [222, р. 158]. В Финляндии (Сатакунта, Хяме и собственно Финляндия) мечи с длиной перекладиной и плоской круглой головкой — довольно обычный тип для периода крестовых походов (встречено около 20 экз.). Они появляются в конце 1000-х гг. и используются длительное время [171, с. 236; 174, S. 143, Abb. 1165]. Широко представлены и в древнерусских землях (тип VI — по А. Н. Кирпичникову) [35, с. 55—56].

Головка меча из Ряйсяля — случайная находка [139, vol. 4, N 1629]. Нижняя часть бронзового трехчастного навершия орнаментирована плетенкой. По аналогии с мечом XI—XII вв. из Юля-ярви—Миккола [174, S. 143, Abb. 1172; 176, с. 91—94] допустима датировка древнекарельского изделия XII в. Обоюдоострый меч из Кивиниэми (№ 150; рис. 31, 3) имеет такую же головку, что и меч из Кекомяки-5. На рукояти — мотив аканта. По мнению Э. Кивикоски, головка и меч из Кивиниэми первоначально не представляли единого целого [174, S. 143, Abb. 1170]. В Килпола (№ 171) обнаружено железное круглое плоское навершие меча шириной 5.2 см, толщиной 3 см. Фрагмент меча с круглой, граненой, восьмиугольной в сечении головкой найден в Калмистомяки—Куркийоки. На головке медной проволокой изображен «мальтийский крест» [222, р. 158]. В Финляндии собрано восемь изделий этого типа [174, S. 143, Abb. 1167]. Меч из Патья снабжен кеглеобразным навершием, длиной прямой рукоятью и относится к типам мечей конца XIII—XV в. [53, табл. 13, 11; 37, с. 24, рис. 3].

На древнекарельской территории в районе Миккели мечи неизвестны. Лишь в мужском захоронении 1050—1100 гг. под каменной кладкой мог. Кюхкюля-IV обнаружен бронзовый наконечник ножен меча, в центре которого изображение креста, а боковые выступы наклонно срезаны (рис. 31, 2) [174, Abb. 1173].

В 1880 г. в Тонтинмяки—Ряйсяля найдено несколько десятков маленьких железных пластинок (вероятно, сборы). Все они, пишет Э. Кивикоски, по-видимому, составляли некогда деталь кольчуги, однако попытки воссоздать ее не предпринимались [171, с. 266].

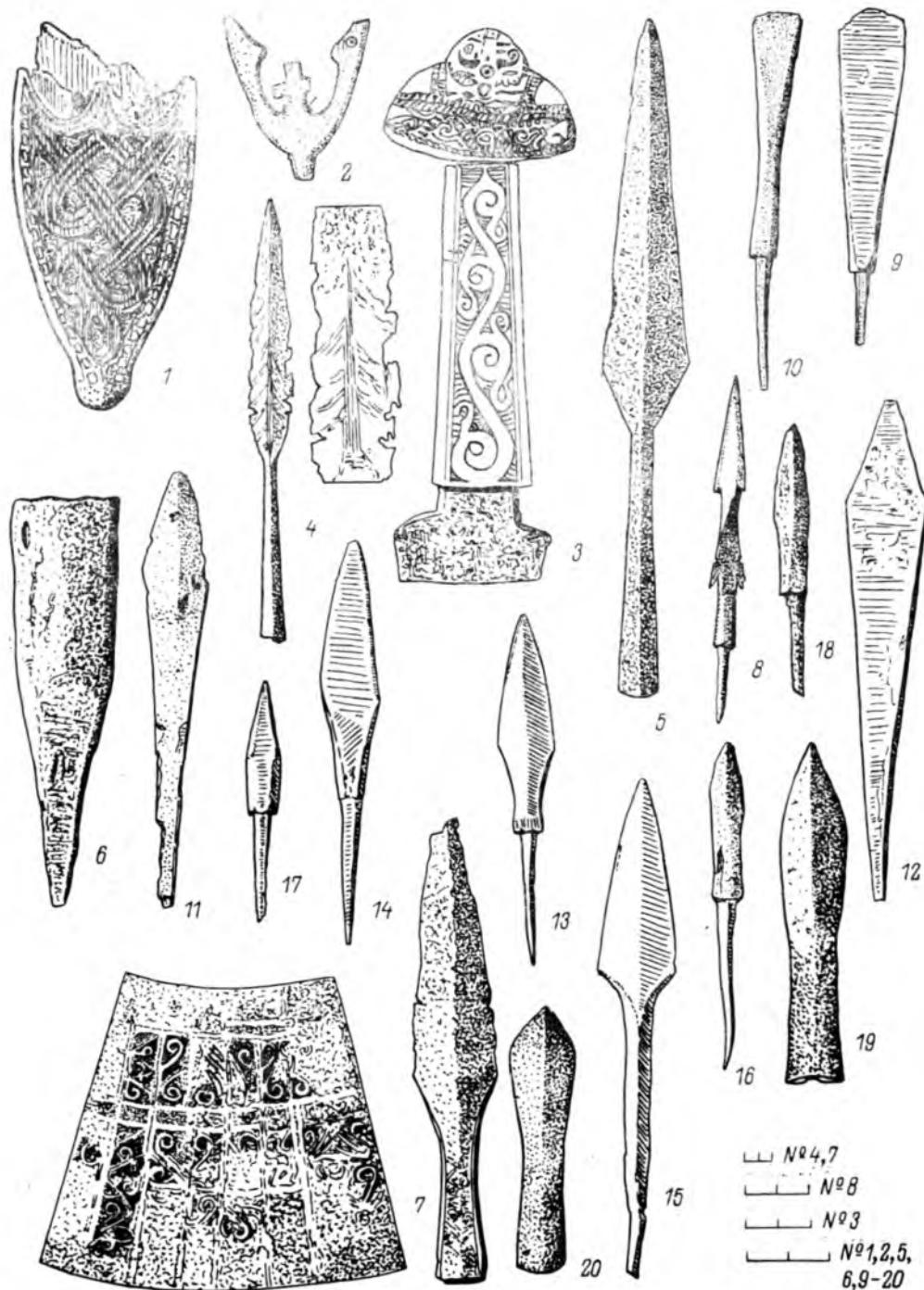

Рис. 31. Некоторые предметы вооружения из древнекарельских памятников.

1, 2 — наконечники ножен мечей; 3 — меч; 4, 5, 7 — наконечники копий; 6 — вtok; 8—20 — наконечники стрел.

Категория наконечников копий в памятниках XII—XIV вв. немногочисленна — включает 25 экз. нескольких типов, собранных в 22 пунктах; 12 из них — вне комплексов, точные сведения об условиях находки отсутствуют. За исключением одного наконечника копья из женского захоронения Ховинсари-1 (№ 112), остальные происходят из мужских могил, где они размещались либо с правой стороны погребенных, либо в ногах.

Втульчатый дамаскированный наконечник копья из Рокосина (был еще один, но информации о нем нет) датируется Ё. Леппяахо XII в. (рис. 31, 4) [185, Taf. 59, 2]. Длина его 33 см, ширина пера 3.6 см. Ржавчина в значительной степени повредила изделие, но исследователь полагает, что по краям наконечника имелась узорная стальная наварка [185, S. 122]. Наконечников копий с длинной втулкой известно 7 экз. (рис. 31, 5). Длина их от 26.8 (как раз такой наконечник копья найден в упомянутом погр. Ховинсари-1) до 37.2 см. Относятся к типу IIIA — по классификации А. Н. Кирпичникова [35, с. 14]. Тип IIIB — длинные (36.4—48 см), узкие, почти пиковидной формы, наконечники копий XII—XIII вв. — представлен шестью изделиями из могильников Карельского перешейка [53, табл. 16, 2]. Широких и массивных наконечников копий (тип IVA — по Кирпичникову) встречено 5 экз. Длина их 24.3—33.6 см, ширина пера 5—5.5 см, диаметр втулки 3.5 см. Вполне возможно отнесение таких копий к рогатинам [53, табл. 13, 10]. К данному же типу примыкают наконечники копий с многогранной тульей — тип IVB (6 экз.). Великолепный образец найден в Рэття (№ 157) — широкий и мощный наконечник копья с короткой граненой втулкой, украшенной растительным орнаментом из серебряного дрота (приблизительная длина 27.5 см, тулья — 8.4 см, ширина пера 5.2 см, диаметр втулки 2.9 см; рис. 31, 7). Период использования копий типа IV (обоих вариантов) — XII—XIV вв. [37, табл. 1, 1—3].

Сулица длиной 22 см обнаружена в Ховинсари (№ 160); время ее бытования довольно широкое.

Вток высотой 7.6 см, диаметром втулки 2.2 см, с квадратным отверстием в верхней части выкопан на Паасо [53, табл. 10, 15]; второй, с зауженным концом и овальным отверстием, — на городище Куркийоки (длина 9:8 см, диаметры втулки 2.2×2.9 см; рис. 31, 6).

Наконечников стрел много как на поселениях, так и в могильниках, но при публикации памятников, исследованных на рубеже XIX—XX вв., на эти предметы обращали мало внимания, вследствие чего дать их всестороннюю характеристику по имеющимся рисункам невозможно. В общих чертах вырисовывается следующая картина. В могильнике Туккаала было 16 черешковых наконечников стрел. За исключением женского погр. 3, остальные встречены в мужских захоронениях, с правой стороны, у руки. В могильнике Висулахти на 34 могилы приходится всего один наконечник стрелы из погр. 31. В Мойсио в парном трупосожжении мужчины и женщины найден оригинальной формы наконечник стрелы (рис. 31, 8), в трупосожжении IV — срезень.

На памятниках Северо-Западного Приладожья наконечники стрел (11 экз.) зафиксированы в пяти мужских захоронениях (2 экз. — случайные находки): в одном они располагались на груди покойного, в остальных местоположение не определено. Насколько можно судить по иллюстра-

циям, среди наконечников стрел из погребальных памятников выделяются три типа: срезни, листовидные и ромбические черешковые. Наиболее полна эта категория вещей на поселениях, и в первую очередь в Тверске (51 экз.).

Первая группа — срезни (7 экз.). Они представлены четырьмя типами. Первый, в виде расширяющейся к острию лопаточки без упора для древка (тип 58),² включает семь образцов: пять с городища Паасо [53, табл. 10, 2], по одному из Тверска [53, табл. 5, 7] и Куркийоки, — датирующихся XII—XIV вв. (последний, возможно, более поздний). К типу 66 — веслообразным срезням — отнесен экземпляр длиной 8 см (рис. 31, 9). Срезни в виде узкой, вытянутой лопаточки (тип 67; рис. 31, 10) длиной 6.3 и 9.1 см и секторовидный длиной 8.5 см (тип 68) [53, табл. 5, 4, 5] датируются, согласно А. Ф. Медведеву, XIII—XIV вв. и занесены на Русь монголами [69, с. 75]. По всей вероятности, тесные политические и экономические связи древнекарельского населения с Новгородом, который в свою очередь имел контакты с Золотой Ордой, обусловили появление южных типов стрел на западных рубежах Новгородского государства.

Вторая группа — плоские черешковые наконечники стрел (15 экз.); их шесть типов. К местным изделиям следует отнести два плоских ромбовидных наконечника с наибольшим расширением пера у острия и без упора для древка (длина 10.4 и 12 см, максимальная ширина соответственно 1.4 и 2 см; рис. 31, 11, 12). Один из них изготовлен по ранней технологии трехслойного пакета. К типу 33 — килевидные, вытянутые, с наибольшим расширением в средней трети длины пера — относятся два наконечника длиной 9.3 и 9.8 см (рис. 31, 13). По данным А. Ф. Медведева, они использовались в XII—XIII вв. [69, с. 63], но присутствие их в Тверске свидетельствует, возможно, о бытovanии и в XIV в.

Ромбические без упора наконечники стрел (тип 47) встречены на городищах Хямеэнлахти, Паасо и Тверск [53, табл. 5, 6; 10, 5], а также в трупосожжении X в. в Лопотти. Датируются X—XIV вв. и синхронны многочисленным находкам Севера Восточной Европы [69, с. 68]. В таком широком диапазоне находится датировка ромбовидных с упором и расширением в нижней трети длины пера наконечников стрел (тип 40 — 1 экз., длина наконечника 8.5 см, пера — 5.3 см; рис. 31, 14). Остролистные наконечники представлены 6 экз. (длина от 6 до 12 см) и относятся к типу 61, имеющему широкий ареал и во времени, и в пространстве (рис. 31, 15). Тип плоского черешкового наконечника из-за плохой сохранности определить не удалось. Плоские черешковые наконечники стрел первых двух групп применялись в борьбе с врагами и на охоте. Срезнями, по мнению А. Ф. Медведева, наносили широкую рану коню или не защищенному доспехами воину.

Третья группа — граненые бронебойные черешковые наконечники стрел. Появление их, считают оружиееведы, связано с распространением воинских доспехов (кольчуги, панциря и т. д.), против которых обычные стрелы были неэффективны. Два ланцетовидных ромбического сечения

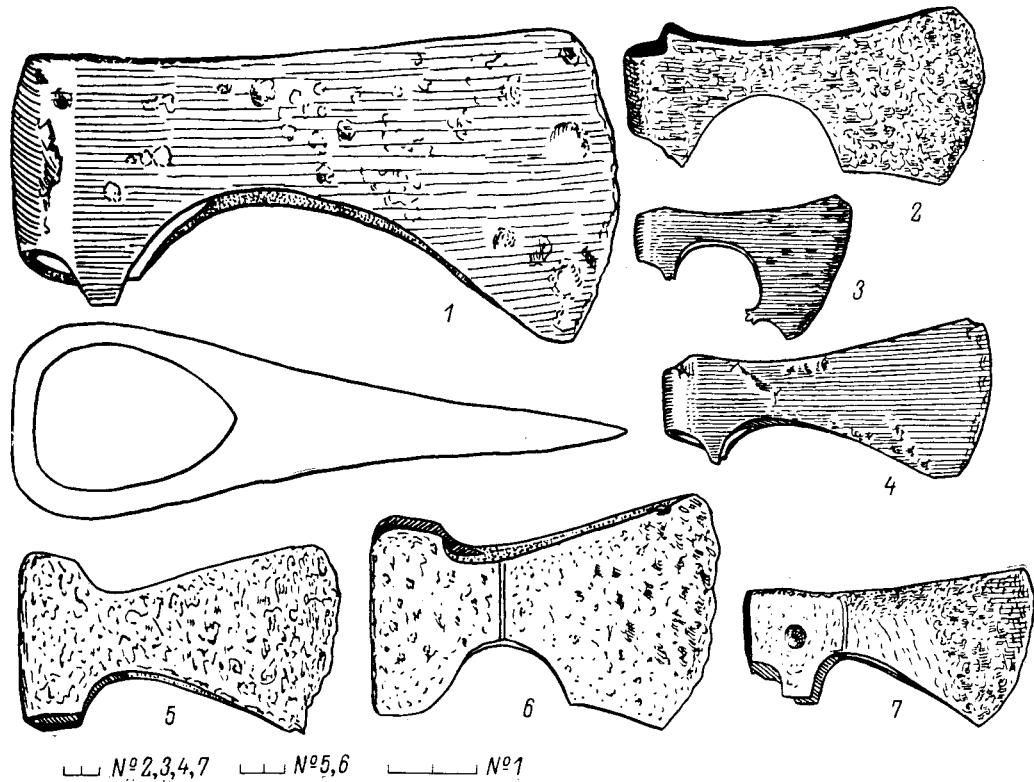
² При характеристике наконечников стрел использована классификация А. Ф. Медведева [69].

(вторая разновидность типа 78) наконечников стрел длиной 7.7 и 8 см имели круглую в сечении шейку. Длина боевой головки 4 и 5.9 см (рис. 31, 16). Находились в употреблении с XI по XIV в., особенно часты на памятниках XIII—XIV вв. [69, с. 80].

Тверские пирамидальные ромбического сечения наконечники стрел с круглой шейкой (9 экз.) наиболее близки типам 87 и 91, но отличаются некоторыми деталями. Длина их 5.8—8.7 см, длина пера 3.9—5 см [53, табл. 5, 1]. У экземпляра с самым большим пером (5 см) очень длинная шейка и только один конец острия снабжен ромбической в сечении головкой. На двух наконечниках стрел при переходе в шейку сделаны надрезы (рис. 31, 18); на одном — ромбическая в сечении головка с разными по длине гранями. Пирамидальный ромбического сечения наконечник стрелы с желобками на гранях и намечающимися шипиками близок типам 88 и 89. На шейке вверху и внизу видны кольцевидные надрезы (длина 5.6 см) [53, табл. 5, 2]. Характерен для XIII—XIV вв. [69, с. 82]. Наконечник стрелы квадратного сечения с ромбовидной гранью и срезанными углами очень похож на арбалетные наконечники стрел типа 15 (рис. 31, 17), которые широко употреблялись в Латвии XII—XIV вв., в Новогрудке XIII—XIV вв. Однако по весу и пропорциям тверское изделие (длина наконечника 5.5 см, пера — 3.1 см) вряд ли могло использоваться для арбалета. Совершенствование вооружения выразилось в появлении самострела и наконечников к ним, необходимых для пешего воина при штурме и обороне крепостей [37, с. 67].

Четвертая группа — арбалетные наконечники стрел (12 втульчатых, 4 черешковых). Втульчатые («болты самострельные») подразделяются на два типа. К типу I отнесены два ромбического сечения, без шейки, со слабо намеченным переходом к стержню (длина 7—7.7 см, диаметр втулки 1—1.2 см). На одном хорошего качества экземпляре есть схематическое изображение человеческой фигуры [53, табл. 5, 10, 12]. Тип II — лавролистные ромбического сечения наконечники — представлен двумя вариантами. У первого наибольшее расширение головки приходится на середину пера (7 экз.) [53, табл. 5, 11], у второго — ближе к острию (3 экз.) [53, табл. 5, 13; 10, 14]. Длина образцов первого варианта (рис. 31, 19) 7—8.2 см; второго — несколько меньшая (рис. 31, 20). Тип III — черешковые, пирамидальные, квадратного сечения, с остролистной гранью (3 экз.) [53, табл. 5, 9], датирующиеся, по А. Ф. Медведеву [69, с. 94—95], XIII—XV вв. Длина 7.5—11 см. Тип обломка арбалетного наконечника, имеющего ромбическое сечение, найденного в Тверске, не определен. Это же можно сказать о типах пяти наконечников стрел. Четыре из них черешковые, ромбического сечения, длиной 10.1, 13.6, 13.8, 13.4 см (острие обломано) [53, табл. 5, 8]; пятый — листовидный, с коротким, до 3.1 см, пером (длина всего изделия 10.7 см).

Подвергнутый металлографическому анализу черешковый наконечник стрелы ромбического сечения из погребения в Тверске показал, что он сварен из трех полос: в середине — железо, по краям с обеих сторон — полосы стали. Сварочные швы прослеживаются только по шлаковым включениям, но граница просматривается довольно четко. Арбалетный наконечник стрелы из Тверска сделан из стальной заготовки. При его формовке

32. Типы топоров.

1 — тип II; 2, 3 — тип III; 4, 7 — тип IV; 5, 6 — тип V.

отковывались отдельно перо и втулка; последняя приваривалась к перу с помощью кузнечной сварки.

36 топоров шести типов встречены на поселениях и в могильниках. Около 10 изделий и обломков не типологизировано. Тип I (2 экз.) — секиры с широким, равномерно расширяющимся тонким лезвием, на концах которого отчетливо видна наваренная полоса из другого, чем сам топор, металлического сплава, с длинными щекавицами (тип M — по Я. Петерсену; тип VII — по А. Н. Кирпичникову). Такие топоры свойственны памятникам X—XIV вв. Северной Европы; только в Финляндии их известно примерно 95 экз. [174, S. 117, Abb. 874]. В новгородской Карелии секиры найдены на памятниках X—XI вв. (рис. 5, 7) и в могильниках XII—XIV вв. [53, табл. 15, 9].³

Тип II (8 экз.) — топоры с прямой верхней гранью, двумя нижними щекавицами и пологим нижним вырезом (тип A — по А. Н. Кирпичникову). Аналогично вышеописанному типу, они встречались длительное

³ Ховинсари-1 (№ 110) и 3 (№ 112).

время. В Юго-Восточном Приладожье датируются X—XI вв., многочисленные экземпляры в Финляндии — периодом викингов [174, Abb. 877]; топоры, собранные на памятниках летописной корелы [53, табл. 10, 1; 21, 7] (рис. 32, 1),⁴ могли бытовать дольше.

Тип III (9 экз.) — топоры с оттянутым книзу лезвием и двумя парами щекавиц (верхние короче нижних). Этот тип был назван П. Паульсеном северо-восточнобалтийским (тип VI — по А. Н. Кирпичникову). Ранние экземпляры его появились в Центральной и Северной Европе еще в VIII—IX вв., в Финляндии (около 60 экз.) использовались в период викингов и во времена крестовых походов [174, S. 117—118, Abb. 880]. В районе Миккели собрано 6 экз. (рис. 32, 2).⁵ К данному же типу относятся три топора, у которых есть треугольные выступы на нижней щекавице и на уступе бородки (рис. 32, 3),⁶ — готландский тип топоров 950—1050 гг. (по Паульсену). Однако, как видим, в Северо-Западном Приладожье он бытовал и в более позднее время.⁷

Тип IV (7 экз.) — узколезвийные, колуновидные топоры с двумя парами щекавиц: верхние довольно короткие; нижние длинные, языкообразной формы (близки типу VIII — по А. Н. Кирпичникову). На финляндских экземплярах между втулкой и лезвием, в самой узкой части, и на нижних щекавицах проходят поперечные линии. Из 70 топоров этого типа (20 более поздних) 14 имеют орнамент [174, S. 117, Abb. 876]. В могильниках летописной корелы помимо раннего боевого топора из Паасо встречено семь образцов (рис. 32, 4, 7).⁸

Тип V (9 экз.; рис. 32, 5, 6)⁹ — колуновидные топоры без щекавиц с трубообразным обухом (тип VIIIA — по А. Н. Кирпичникову) — позднее развитие только что рассмотренного типа. Их массовое распространение падает на XII—XIII вв., но отдельные экземпляры доживали до XV в. [35, с. 40]. На некоторых изделиях в самой узкой части топора имеется орнамент из прочерченных линий (3 экз.).

Тип VI (1 экз.) — топорик-молоток с узким треугольным лезвием. Встречен в Тверске [53, табл. 5, 14]. Близок изделиям типа I (по А. Н. Кирпичникову) XII—XIII вв. и топору-чекану конца XIV в. из Новгорода [68, рис. 5, 2; 6, 2].

⁴ Виллапекко (№ 183), Мойсио-III, Висулахти-23, Туккала-34, Кекомяки-5, Тиверск, Паасо. Два топора из Паасо можно датировать X—XI вв. По технологии изготовления топор из Тверска аналогичен подобным изделиям из Новгорода, Юго-Восточного Приладожья, Владимирских и Гнездовских курганов (см. Прил., с. 195).

⁵ Туккала-20, 39, 52 и сборы; Висулахти-4.

⁶ Виллапекко, Суотниэми-4 и экземпляр, хранившийся когда-то в Сортавальском музее (№ 186) [174, Abb. 881].

⁷ В тех случаях, когда вещь найдена вне комплекса, а датируется большим промежутком времени, мы помещаем ее во вторую группу памятников (XII—XV вв.).

⁸ Кулхамяки-1 (Э. Кивикоски ошибочно назван могильник Рийяля); Кекомяки-2, 3 [53, табл. 18, 15; 19, 20]; Суотниэми-1 [53, табл. 16, 4]; Ховинсари-8. В захоронении Каускила-4 топор обнаружен вместе с брактеатом второй половины XIV в. Точное место находки топора, хранящегося в Национальном музее в Хельсинки под шифром 6925, неизвестно.

⁹ Туккала (сборы и погр. 31 и 32), Суотниэми-4, Ховинсари-9. Орнаментированные экземпляры: из Суотниэми-2, городищ Хямеэнлахти [53, табл. 8, 54] и Паасо.

Как уже было доказано анализом огромного материала, боевые и хозяйствственные топоры типологически не разграничиваются, разница между ними в размерах и весе. Каждый тип, за исключением VI, включал универсальные изделия, использовавшиеся в сражении и в разнообразной хозяйственной деятельности: земледелии, деревообрабатывающем ремесле, строительстве и т. д. [41, с. 25; 35, с. 29].

Топоры встречены в мужских погребениях и в одном женском (Ховинсари-1). Из 21 захоронения в восьми топор находился у правого колена (обычно лезвием от покойного), в углу и в ногах погребенного, за пределами могильной ямы с северной и восточной сторон, на левом колене и бедре (каждый вариант отмечен в двух погребениях). В семи могилах местоположение топоров не определено. То обстоятельство, что они сопровождали мужские захоронения в могильниках Саво, не противоречит выводу о «мирном» характере материальной культуры, в которой почти нет предметов вооружения, так как большинство топоров выполняло рабочую функцию. Видимо, удаленность обитателей Саво от культурных центров народности корела, их жительство в стороне от очагов военных действий наложили вполне определенный отпечаток на всю культуру в целом.

Почти в каждом мужском погребении встречались остатки кожаных ремней с поясными пряжками, бляшками, ременными кольцами и разделителями. В некоторых захоронениях обнаружены комплекты поясных пaborов, в других — отдельные предметы. Из 63 местонахождений шесть — пункты сборов, три — поселения, остальные — погребения: мужские (41), женские (8), парные (3) и неопределенные (2).

В мог. Кекомяки-2 на поясе покойного находился набор из двухчастной пряжки с концевой оковкой, двух четырехугольных бляшек, украшенных розеткой (две располагались чуть севернее), двух удлиненных прямоугольных, разделителя ремня с тремя подвесками, орнаментированными плетенкой и узором пальметта [53, табл. 18, 2—4, 13, 14]. Бляшки крепились к двойному кожаному ремню бронзовыми штифтиками. У пояса, помимо того, найдено бронзовое кольцо, украшенное насечками. С правой стороны погребенного лежал клинок меча, около которого располагались разделитель ремня с тремя концевыми оковками и бронзовое кольцо, аналогичное тем, что найдены у пояса. Третье кольцо обнаружено в юго-восточном углу могилы. Вполне вероятно, что эти украшения относились к перевязи меча. Один из возможных вариантов реконструкции портупеи из памятников Северо-Западного Приладожья и Финляндии предложен С. Пяльси [201, к. 6.]

Разделители ремней, видимо, использовались и в конской сбруе, как можно судить по захоронению Суотниэми-2, где разделитель ремня находился за пределами могилы вместе с удилами. В Кекомяки-1 четыре разделителя с кожаным ремнем зафиксированы в ногах покойного рядом с бытовыми предметами, но не с мечом. Кроме того, в обоих мужских погребениях этой могилы присутствовали наборы поясных украшений. Особенно длинный ремень с бляшками и пряжками лежал около меча и, по всей вероятности, служил перевязью. Видимо, она могла составляться без разделителей; пример — железные детали пояса (концевая пряжка и круглые бляшки) из мужского захоронения с мечом в Суотниэми-1, кото-

рые в данном конкретном случае относились к конской сбруе [53, табл. 16, 7]. Разделитель ремня из мог. Ховинсари-6 (женской) и аналогичный ему из Тиверска существенным образом отличаются от предыдущего типа по функциональному признаку и не могут рассматриваться на одном уровне.

Прекрасной сохранности длинный кожаный пояс из могильника Туккала (сборы) составлен из бронзовых круглой концевой застежки и прямоугольных бляшек. Аналогичные фрагменты выявлены еще в четырех захоронениях этого же могильника. Такие изделия встречаются в западно-финляндских могильниках (по мнению Э. Кивикоски, они восточнобалтийского происхождения) [174, S. 145, Abb. 1195] и в готландских кладах периода викингов [216, Abb. 41]. Длинный кожаный пояс с четырехугольными ажурными и узкими прямоугольными бронзовыми бляшками обнаружен в мужском захоронении Туккала-39.

Наиболее употребительными были три типа концевых застежек: В-образные, лировидные, четырехугольные. Широко использовались в это время (находки из могил и городищ) в ременных наборах поясные кольца: железные (58 экз.), медные (23 экз.), оловянное и серебряное (по 1 экз.) — диаметрами от 2.3 до 3.5 см. Иногда они являлись составной частью пояса, как например в погр. Ховинсари-5. К кольцам, находящимся с правой и левой сторон ремня, подвешивались ножи, кремни, кресала. Последние обычно помещались справа (в мог. Туккала-20 кресало зафиксировано между бедрами, в Туккала-39 — у левого бедра) на железной цепочке, иногда — в специальных футлярах из бересты, кожи или ткани вместе с комочками серы и кремнями.

Кошелек из бересты, украшенной плетенкой, встречен в захоронении Суотниэми-1 [53, табл. 16, 11]; аналогичным образом орнаментированы куски бересты в Суотниэми-4, Ховинсари-3 (№ 110) и Кекомяки-5 [53, табл. 20, 8]. В кошельке из Кекомяки-3 [53, табл. 19, 11], сделанном из двух круглых кусочков кожи, хранились комочки серы, осколок кремня, разноцветный крученый шнур, немного шерсти и, видимо, кресало. Остатки другого кожаного футляра собраны в Кекомяки-1.

«Ледоходные» шипы найдены в могилах и на городищах народности корела: Тиверск, Паасо — и в отдельных хозяйственных комплексах (18 экз.) [53, табл. 7, 4; 10, 20—22]. Они были знакомы населению Северо-Западного Приладожья еще в I тыс. [53, табл. 22, 18, 21, 22]. В этом смысле новгородская Карелия не представляет исключения — в Новгороде шипы тоже известны с X по XVI в. Вместе с тем назначение предметов до сих пор не выяснено, их считают лошадиными подковами, обувными шипами или оковками деревянных палиц [41, с. 115]. Второе предположение вряд ли вероятно — расстояние между прямыми отростками, которые, как правило, вертикальны по отношению к круглой шайбе, не более 3 см, что для оковки обуви непригодно. Для этой цели существовали другие приспособления. На городище Паасо встречены треугольные ледоходные шипы с тремя загнутыми под прямым углом остриями (5 экз.) и двурогий [53, табл. 12, 9—11, 13]. Они крепились к обуви для хождения по льду, скалистым склонам, в частности при подъеме на Паасонвуори. На Севере Восточной Европы были в ходу в X—XIII вв. [20, с. 131].

У древних карел имелись и удила, у которых средняя часть состоит либо из прямых, либо из перекрученных стержней. В целом на памятниках обеих хронологических групп собрано 16 удил и их частей. Скребница для чистки коней, найденная в Тиверске, по аналогии с новгородскими находками датируется XII—XIII вв. [53, табл. 7, 29; 68, с. 190], что хорошо согласуется с технологией изготовления, применяемой в это время, при которой стальное лезвие наваривалось на железную основу. Кроме того, в Тиверске собраны близкая к современности подкова и ухиали (подковочные гвозди).

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

В XII—XV вв. по сравнению с предыдущим периодом произошли значительные изменения в экономике общества и производственных отношениях населения. На социально-экономическое развитие Северо-Западного Приладожья значительное влияние оказал географический фактор — море, Нева, Ладожское озеро, водная система р. Вуоксы как важные торговые артерии давали неоспоримые преимущества, выделявшие древнекарельскую территорию среди других подвластных Новгороду земель. С возникновением феодальных отношений природные условия реализуются гораздо полнее.

Заметную роль в распространении пашенного земледелия в лесной полосе европейской части СССР в начале II тыс. сыграло повсеместное использование сохи. С одной стороны, широкое внедрение упряжных почвообрабатывающих орудий уменьшило долю ручного труда в подсечном земледелии, с другой — соха лучше рыхлила почву и при этом сохраняла ее естественные физические свойства, что способствовало получению более высокого урожая и более долгому использованию участков. Сократилось время, на которое забрасывалась подсека. Создались возможности для освоения новых и превращения в пашню даже малопригодных земель. Соха оказалась настолько удобной для каменистых и заросших лесом участков, что сохранялась наряду с бороной-суковаткой на усадьбах карел до недавнего времени, но, когда она появилась у древних карел, до сих пор еще не ясно из-за отсутствия конкретных находок на археологических памятниках. Соответственно стал разнообразнее сельскохозяйственный инвентарь: рабочие топоры, мотыги, наарльники, серпы, жернова для размола зерна.

Среди охарактеризованных выше (с. 144) топоров есть такие, которые использовались и в хозяйственных работах, в частности в подсечном земледелии. Из наконечников пахотных орудий известен наарльник, обнаруженный в хозяйственном комплексе в Ховинсари (№ 84), длиной 12 и наибольшей шириной 5 см (на втулку приходится 4.5 см общей длины; рис. 33, 1). Он относится к первой группе (по классификации Ю. А. Краснова) и идентифицируется с наконечниками однозубых рал [54, с. 106—107]. Однако, являясь продукцией домашнего или мелкого ремесленного производства, наарльник из древнекарельского памятника далек от классификационного

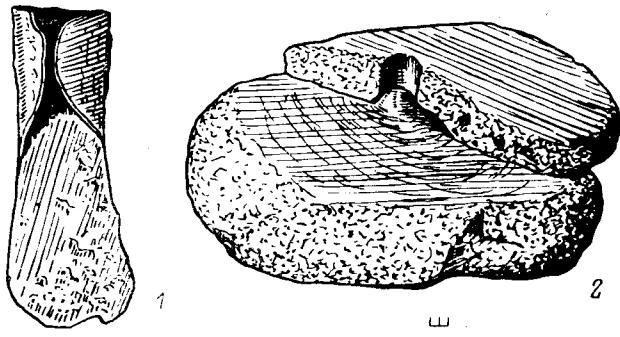

Рис. 33. Ховинсари. Наральник (1) и жернов (2).

стандарта. Рало как пахотное орудие малопригодно для северных участков Восточной Европы с подзолистыми, каменистыми и часто болотистыми почвами и не получило широкого распространения, уступив место сохе. Но сошников пока в Северо-Западном Приладожье не найдено.

Для вторичной обработки почвы: разбивания комков земли, рыхления, работы на огородах — применялись мотыги [53, табл. 11, 5; 15, 10], деревянные и железные лопаты, как можно судить по данным письменных источников и археологическим материалам [60, с. 38; 71, с. 121]. На древнекарельской территории и граничащих с ней землях предков карел-ливвиков и людиков известен особый, карельский тип мотыги, применявшейся на протяжении X—XII вв. Железная оковка лопаты обнаружена в другом хозяйственном комплексе — Ховинсари (№ 82). Возможно, существовали иные, к сожалению, не сохранившиеся деревянные орудия для вторичной обработки почвы.

Орудием уборки урожая зерновых культур являлись серпы. Они встречены как в погребениях первой хронологической группы территории летописной корелы, так и на памятниках второй: в могильниках (8 экз.), хозяйственном комплексе (1) и на городищах (3 экз.) [53, табл. 6, 16; 11, 8, 9; 15, 11; 17, 8]. Уборка урожая издревле считалась женским занятием. Неудивительно поэтому, что серпы обнаружены в женских погребениях (в ногах умерших).

В ранних захоронениях могильника Лапинлахти присутствует западно-финский тип серпа; в эпоху расцвета древнекарельской культуры — восточный, тип «а» (по К. Вилкуну), распространившийся с территории Корельской земли далеко на север — в глухие отдаленные местности, и на запад — в экономически развитый район Западной Финляндии. Заимствование древними карелами новгородского типа серпа доказывается не только единством технических характеристик орудий уборки урожая,¹

¹ Древнекарельский серп с городища Тиверск, как показал металлографический анализ, имел самозатачивающееся лезвие, закаленное на мартенсит. Технология трехслойного пакета обеспечивала высокий технический уровень древнерусских изделий, которые, как уже отмечалось в печати, были близки современным серпам, но порой и лучше современных [60, с. 67, 73].

но и общностью терминологии (*sirppi* — «серп») в карельском и финском языках. Согласно собранным Вилкуной этнографическим материалам сравнительно недавнего времени, традиция использования новгородского серпа в Саво, Корельской земле, Приботнии и на обширных пространствах Севера существовала в течение многих веков [229, S. 224, 228, Abb. 2].

Молотили зерно, вероятно, деревянными цепами [60, с. 74—75] (во всяком случае карелы в начале XX в. пользовались ими постоянно), жерновами, состоящими из двух каменных дисков (верхний диск имел отверстие в центре, в которое входил выступ нижнего; рис. 33, 2). Для приготовления крупы из зерна, видимо, применялись металлические цилиндрики, надетые на деревянные рукояти [53, табл. 6, 4; 11, 12].² Пять цилиндриков из Тверска (в одном из них сохранились следы обогревшего дерева) и один с городища Паасо имели в разрезе полуovalную, расширяющуюся кверху форму. Размеры их (высота и максимальный диаметр верхней части) 4.2×3.5 — 5.3×4.5 см. Дно прямое и округлое.

На археологических памятниках Северо-Западного Приладожья зерно почти не сохранилось — исключение составляли погр. Кекомяки-5, в котором на фартуке покойной обнаружены три зерна ржи, могильник Сяппяйс, где в мужском захоронении собраны обуглившиеся зерна пшеницы и травы (?), и погр. Висулахти-18, давшее остатки мякины, — поэтому о возделываемых зерновых культурах можно говорить, опираясь на аналогии с соседними, находящимися в сходных климатических условиях территориями.

Древними культурами в Северной Европе были ячмень и пшеница. Рожь и овес появились позднее. В I—X вв. н. э. в Прибалтике преобладал ячмень, пшеница культивировалась чаще, чем рожь, и совсем редко — овес [92, с. 320—322, 337—339]. На памятниках лесной полосы до XI в. пшеница тоже преобладает над рожью. В XI—XIV вв. она сохраняется вместе с рожью. Однако на протяжении последних столетий медленно, но постепенно ее удельный вес среди прочих культур снижается. Общая тенденция к вытеснению доли пшеницы и ячменя на Севере европейской части СССР за счет культивирования ржи и овса подтверждается и писцовыми книгами. В конце XV—начале XVI в. пшеница исчезает из оброка в Корельском уезде Водской пятины и в Заонежских погостах Обонежской. Однако ячмень, как неприхотливая и быстро созревающая злаковая культура, в Карелии не потерял своего значения.

К концу XV в., по свидетельству писцовых книг, уже повсеместно использовалась трехпольная система земледелия. Количественный и качественный состав семян сорных растений из археологических памятников Северо-Восточной и Северо-Западной Руси позволяет предположить, что трехполье было известно в лесной полосе России уже в XIV в. Навоз в качестве удобрения стал применяться несколько позднее, чем новая система земледелия, но именно их сочетание позволило освоить худшие земли [117, с. 50].

Но наряду с определенным прогрессом в земледелии подсека на Севере оказалась необыкновенно живучей. С пожогом связан значительный пласт

² Такой способ помола зерна в северных деревнях существовал до недавнего времени.

лексики: *aho* (поле, поросшее травой, длительное время необрабатывающееся, или луговина, возникшая на месте пожоги); *halme* (растительность, а также полезная культура на месте пожоги); *huhta*, *huuhta*, *huhti*, *huuha* (пожога среди обычно густого хвойного леса); *kases* (молодой лиственний лес на месте пожоги); *kaski* (поваленный для последующего сжигания лес); *palo* (пожога, обгоревшая земля); *rukälä*, *rukälikkö*, *ruvälö*, *ruvältö*, *ruhälö*, *ruhällkkö* (деревья с ободранной корой, оставленные на участке для получения сухостоя); *raiskio* (загубленный лес); *rajakko* (пожога на месте дикого лиственного леса); *rasi* (необработанная до конца пожога, простоявшая больше года); *rieska(maa)* (земледельческая пожога, использовавшаяся всего один сезон, пожога под ячмень); *työsiö* (засеянная пожога) [194, с. 72].

Одновременно с пожогой существовали и другие методы возделывания почвы, что привело к возникновению новой лексики: *kutö* (земля, пригодная для возделывания после пожоги, или болото, осущенное с той же целью); *kutönen*, *kytämä* (небольшие пожоги); реже — *savumaa* (выжженная земля); *perkiö*, *perkivö*, *perko*, *perkoinen* (новина, новь обычно где-нибудь на пустыре; на целине — подготовленное новое поле, полезная плодадь или луговина, покос); *raade*, диалектные *raaje*, *raatikko* (обработанная земля, часто — пожога); *rainio*, *raineikko*, *rainikko* (заброшенное скучное поле, участок-пустырь); *raivio*, *raivinki*, *raivoos* (расчищенный под возделывание участок земли); *ruokinto*, *ruokitos*, *ruokotus*, *ruokkoos*, *ruoripitus* (подготовленный к возделыванию участок земли). Для обозначения поля имелось несколько терминов: *pellot* (поля); *kyntö*, *kunnnetys*, *kunnnetös* (вспаханное поле); *kuokos*, *kuokkoos*, *kuokkapelto* (поле, обработанное мотыгой); *ottopelto*, *tekopelto*, *vanhapelto*, *uudispelto*, *uusipelto*, *nuoripelto*, *vuoropelto* (поле, находящееся под севооборотом); *tademaa*, диалектное *taajemaa* (новое удобренное поле, например в лесу); *moisio* (поле среди леса); *soilake* (участок поля, чаще всего близкий к лесу); *koppoli* или *koppuli* (огороженное маленькое поле или полоска под посадку овощей); *tiero* (небольшое поле); *heittopelto*, *heittilö* (заброшенное поле) [194, с. 72—74].

Плодородие земли характеризовалось терминами типа *hyvämäki* (хорошая гора); *hyväsuo* (осущенное болото, низкое место); *hyvätoivopelto* (хорошее поле); *leipäkorp*, *-aho* (поле в лесу с хлебными злаками); *leipäsuuo* (поле, полученное в результате осушения). В то же время отмечен ряд слов, обозначающих неплодородный участок: *halla-aho*, *hallarinne*, *nälkäkorp* (голодный, скучный район лесов); *nälkäniemi* (мыс с неплодородной землей); *nälkäpelto*, *nälkäpellomaa*, *nälkäsuo*, *ruutosmäki* (неплодородное поле); *raukkapelto* (крайне скучное поле); *kurjaraaukakorp* (чрезвычайно скучная полоска земли где-нибудь среди лесной чащи); *sogieraikko* (абсолютно неплодородная почва) [194, с. 75—76].

Обрабатываемые участки нередко находились вдали от постоянного местожительства. Истощенная поблизости земля не давала урожая, поэтому приходилось отнимать у леса новые площади. Быт человека на новых угодьях освещался такими лексическими формами: *kuomin(a)aho*, *kuominamäk* (место, где строилась легкая постройка или рига для просеивания, очистки и обмолота зерна); некоторые *liesi* (очаг, печь); *arinakorp*

(место, где жили пожогщики); eväskorp, murkinasija-aho (место в лесу, где ели). Кроме того, В. Ниссиля приводит топонимы, обозначающие общинное и индивидуальное владение землей, возделываемые культуры — овес, рожь, пшеницу, горох — и такие, с которыми население познакомилось в более позднее время.

Картографирование земледельческих топонимов показало (рис. 34), что, хотя они встречаются в Северо-Западном Приладожье и в приграничных областях повсеместно, концентрация их отнюдь не равномерна. Наиболее часто они фиксируются в районах повышенной плотности населения — на Карельском перешейке (Йоханнес, Антреа, Ряйсяля, Яаски), реже — на северном побережье Ладожского озера. Единичные топонимы обнаружены в восточной части Финляндии.

Тем не менее при всех благоприятных обстоятельствах своего выращенного хлеба не хватало, особенно при стихийных бедствиях и недороде. Летописные известия на протяжении XII—XV вв. довольно часто сообщают о неурожайных годах, и, хотя корела не всегда упоминалась, надо думать, что она часто испытывала нужду в хлебе. «В лето 6930» (1422/23 г.), когда «на всю Русскую землю бысть гладъ велиъ по 3 годы» [88, с. 38], вместе с новгородцами, чудью, водью, тверичами, москвичами двинулась и корела к Пскову, где еще сохранялись хлебные запасы прошлых лет. Через 2 года летописец запишет: «И моръ бысть в Корельской землѣ» [77, с. 414]. Хлеб приходилось закупать на стороне, например в Северной Эстонии, или через посредников-готландцев. Известно распоряжение папы от 1229 г., запрещавшее готландцам продавать коней, суда и продовольствие язычникам с берегов Финского залива, т. е. кореле и ижоре [72, с. 135—136].

Пашенное земледелие неразрывно связано с животноводством, роль которого особенно значительна на Севере Восточной Европы, где климатические и почвенные условия затрудняли выращивание хлеба. О развитом, но, по всей вероятности, малопродуктивном животноводстве говорит большое количество обнаруженных при раскопках костей лошадей, коров, овец и свиней.³ На скудных почвах Севера высокие урожаи без удобрения невозможны, но его получение связано со стойловым содержанием скота. Вместе с тем вопрос о появлении животноводческих построек остается спорным.

Финляндский этнограф А. Вилкуна, используя археологические и лингвистические данные, предположил, что уже в XI—XII вв. на Северо-Западе Руси и в Финляндии скот содержался в стойлах [цит. по: 72, с. 124]. Между тем в древнем Новгороде, несмотря на обилие навоза на усадьбах, специальных построек для скота найдено очень мало. Это привело исследователей к убеждению, что вместо них использовались легкие навесы, которые в почве не сохранились [30, с. 80—82]. В Северо-Западном Приладожье постройки для скота называются лишь в писцовых книгах XVI в. Однако трудно предположить, чтобы в суровых северных климатических условиях обходились без хлевов. Доказательства стойлового содержания

³ На городище Паасо подавляющее большинство определенных костей — коровьи (см. Прил., с. 209).

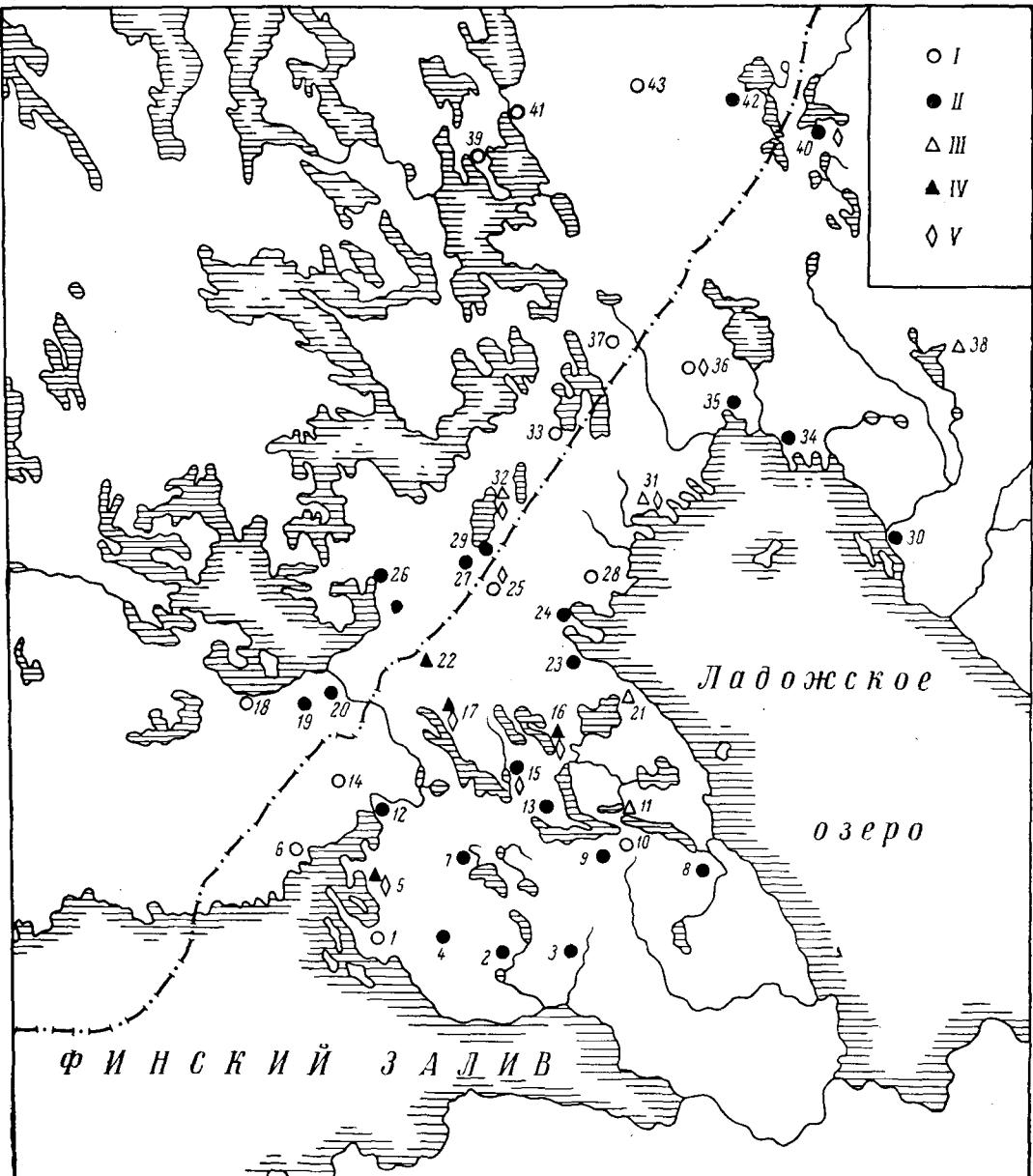

Рис. 34. Ареал финско-карельских земледельческих топонимов в Северо-Западном Приладожье и в сопредельных районах Финляндии (по В. Ниссиля).

I — единичные топонимы; II — 2—3; III — 4—5; IV — 9—21; V — топонимы, обозначающие неплодородную землю. 1 — Койвисто; 2 — Усикиркю; 3 — Кивеннаца; 4 — Куолемяярви; 5 — Йоханнес; 6 — Сийкиярви; 7 — Муола; 8 — Метенширтти; 9 — Рауту; 10 — Сари; 11 — Саккола; 12 — Выборг; 13 — Вуоксела; 14 — Вахвиала; 15 — Вуоксэнранта; 16 — Рийсяля; 17 — Антреа; 18 — Лаппесэнранта; 19 — Лумяки; 20 — Нуийяма; 21 — Кянисалам; 22 — Яаски; 23 — Хийтола; 24 — Куркийоки; 25 — Кирну; 26 — Руоколахти; 27 — Раутяярви; 28 — Лумивара; 29 — Симтеле; 30 — Салми; 31 — Яаккима; 32 — Париккала; 33 — Укуниэми; 34 — Импилахти; 35 — Сортавала; 36 — Рускеала; 37 — Тохмаярви; 38 — Суоярви; 39 — Липери; 40 — Корписелья; 41 — Йоэнсу; 42 — Иломантси; 43 — Эно.

скота в эту пору содержатся в письменных источниках. Есть они и в северных древнерусских поселениях и городах: Старой Ладоге, Белоозере [20, с. 116] и т. д. При раскопках Корельского городка в проходах между жилыми сооружениями были обнаружены скопления навоза, что свидетельствует, по мнению А. Н. Кирпичникова, о расположении хлевов или навесов для скота рядом с жильем [38, с. 60]. Об этом же говорят и находки косогорбуш (9 экз.) [53, табл. 6, 18; 11, 7; 19, 2; 21, 10]: трех — в Тверске и Паасо (в последнем обломок косы переделан в инструмент для протяжки проволоки), остальных — в женских и мужских захоронениях, где они поменялись в ногах умерших или в изголовье за пределами могилы.

Коса-горбуша — рубящий тип орудия труда — имела небольшой длины косовище, так как ее скашивали траву слева направо и справа налево. Исследуя типы кос с этнографической точки зрения, К. Вилкуна установил, что традиционное разделение западных и восточных территорий по принципу использования восточного типа косы — коса-горбуша — и западного — викате — сохранялось в начале ХХ в. Тип викате распространился в Юго-Западной, Южной и Восточной Финляндии, на северо-западных берегах Ладожского озера. Коса-горбуша — в Восточной Европе и Сибири, а также на северном побережье Ладожского озера и в приграничье Финляндии с Карелией (восточная область Саво) [231, S. 695, Abb. 3].

Безусловно, картина начала ХХ в. не идентична таковой XII—XIV вв. — ареал косы-горбушки охватывал и северо-западные берега Ладожского озера, и лишь в результате позднесредневековых русско-шведских событий границы его изменились. В Карелии косы-горбушки бытовали до сравнительно недавнего времени, поскольку они как нельзя лучше подходили для кошения лесных трав.

Для заготовки сена были необходимы, кроме того, грабли, вилы, известные по материалам Старой Ладоги и Новгорода [60, с. 91]. Отсутствие их на древнекарельских памятниках объясняется, видимо, нестойкостью материала, из которого они сделаны. На корм скоту шла солома злаковых растений. Ее использовали при совершении погребальных обрядов, о чем свидетельствуют неоднократные находки в могилах.

При пашне скота в лесных условиях применялись металлические ботала (два из погребений и одно с городища Паасо) [53, табл. 12, 8].⁴

Кроме крупного рогатого скота разводили овец и свиней. В Старой Ладоге, по подсчетам зоологов, больше всего выращивали свиней, 25% от общего числа найденных костных остатков приходилось на крупный рогатый скот, 5% — на лошадей [80, с. 44—45]. Однако проценты, характерные для города, не отражают реального соотношения видов домашних животных в сельской местности. Свиней выкармливали преимущественно в городах, а овец — в деревнях, где имелись для этого соответствующие условия. Согласно писцовым книгам, овцеводство было развито значительно сильнее, чем свиноводство на всем европейском Севере. Даже в Заонежских погостах XVI в., где овцеводство не получило большого распространения, продукты свиноводства вообще не упоминаются [117,

⁴ Ботала близко аналогичным новгородским изделиям XIV в. [41, рис. 63].

с. 71]. По наблюдениям этнографов, карелы (кроме олонецких) в XIX—начале XX в: не употребляли свинину в пищу, а если и выращивали свиней, то для получения щетины. Действительно, одна кисточка из свиной щетины обнаружена в захоронении Карельского перешейка [53, табл. 16, 8]. Более важное место занимали продукты овцеводства в виде пищи и материала (шерсть) для домотканой одежды.

Использование коней в качестве тягловой силы и в войске предусматривало развитое коневодство. Из Северо-Западного Приладожья, в частности, «кобылицкой корилой», так она названа в летописи под 6846 (1338/39) г., лошади экспортировались за границу, прежде всего в Любек и Данциг. О постоянном экспорте лошадей свидетельствует указ короля Магнуса в 1347 г., в котором он разрешает жителям Выборга вывозить лошадей (жеребцов) не моложе 8 лет [230, с. 30—39]. К. Вилкуна, рассматривая вопрос о кобылицкой кореле, происхождение названия ставит в прямую зависимость от занятия населения разведением и продажей коней. Он полагает, что в доисторическое время и в раннем средневековье на Карельском перешейке, в бассейне р. Вуоксы, бродили полудикие стада лошадей финско-восточнокарельской маленькой местной породы, относящейся к первоначальной североевропейской расе с широким лбом и коротким зевом, которая происходит от дикой лошади — тарпана. Согласно Вилкуне, древние карелы при необходимости приручали вьючных и верховых лошадей. Приученные лошади пользовались спросом у тех, кто не имел таких естественных стад, т. е., по мнению Вилкуны, у жителей определенных районов Финляндии (кроме Саво). Для них-то Северо-Западное Приладожье по сравнению с другими территориями и являлось районом кобылицкой корелы [230, с. 30—39].

Значение новгородской Карелии в экспорте лошадей особенно возросло после 1229 г., когда папа Григорий IX запретил готским странам доставлять язычникам-финнам оружие и лошадей. Конский волос шел, вероятно, на изготовление рыболовных и охотничьих снастей и т. д. У древних карел для прикрепления бронзовых спиралек к одежде использовалась конская нить.

О заготовке сена и пастбищном хозяйстве говорят лексические формы, в состав которых входили следующие слова: *heinä* (сено), *piitty* (покос), *purmī* (трава). Процесс превращения травы в сено также нашел отражение в топонимических наименованиях.

Широко представлены в топонимии названия домашних животных: *hepo* (лошадка, разг.); *hevonen* (лошадь); *härkä* (бык); *kili* (козочка); *koni* (плохонькая лошадка); *lammas* (овца); *lampo* (овечка, разг.); *lehmä* (корова); *malli*, *mallikka* (бычок); *oinas*, *pässi* (баран); *ogi* (жеребец); *pottsi* (поросянок); *pukki* (козел); *ruuna* (мерин); *sarvikas* (рогатые корова или баран); *sika* (свинья); *tamma* (кобыла); *varsa* (жеребенок); *vasikka*, *vaska* (теленок); *vuohi* (коза); *vuopala* (ягненок) — и отдельные группы слов, различающие породы коров по цвету, времени отела и т. д. Многочисленны такие названия, как *kasi* или *kissa* (кошка) и *koira* (собака).

Богатый топонимический пласт связан с ограждением пастбищ, переворкой скота на пастбища водным путем, летним скотоводческим хозяйством (временные жилища, бани, загоны, хлева и т. д.) [194, с. 76—80].

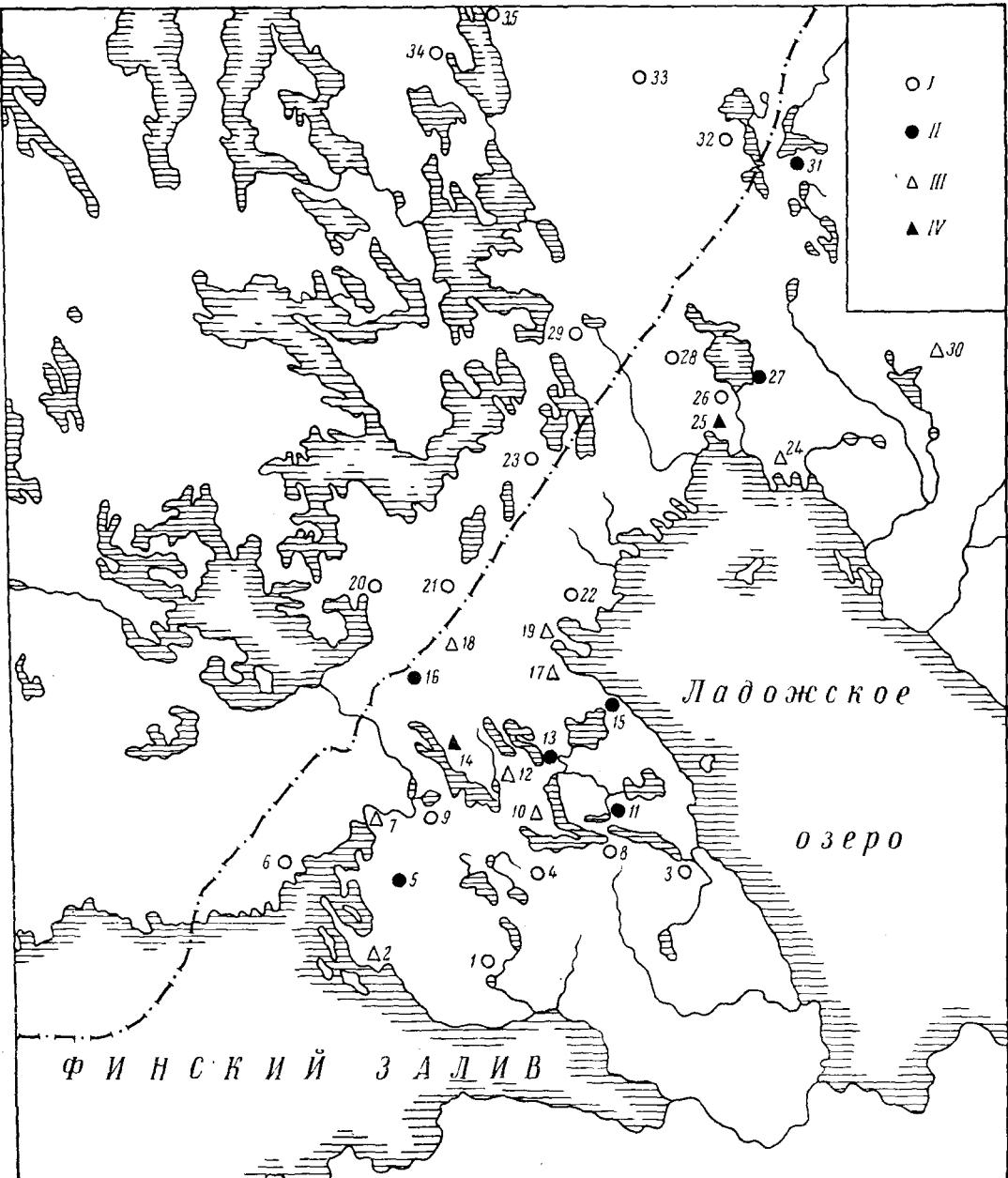

Рис. 35. Ареал финско-карельских топонимов, связанных с занятием населения скотоводством (по В. Ниссиля).

I — единичные топонимы; II — 2—3; III — 4—6; IV — 6—13. 1 — Усникиркко; 2 — Йоханнес; 3 — Метсиярти; 4 — Валкеаярви; 5 — Нуряя; 6 — Сяккиярви; 7 — Выборг; 8 — Рауту; 9 — Хейнъйоки; 10 — Вуокселя; 11 — Саккola; 12 — Вуоксенранта; 13 — Рийясля; 14 — Антреа; 15 — Кякисалми; 16 — Яаски; 17 — Хийтола; 18 — Кирю; 19 — Куркйоки; 20 — Руоколахти; 21 — Раутярви; 22 — Луми-вара; 23 — Укуннами; 24 — Импилахти; 25 — Сортавала; 26 — Харду; 27 — Суйстамо; 28 — Рускеала; 29 — Китэ; 30 — Суоярви; 31 — Корпесельки; 32 — Иломантси; 33 — Эно; 34 — Юукка; 35 — Нурмес.

Наиболее интенсивное скотоводство, судя по зафиксированным топонимам, характерно для населения Карельского перешейка (Йоханнес, Вуоксела, Кирву, Хийтола, особенно Антреа) и северных берегов Ладожского озера (Сортавала, Импилахти, Суоярви). Одиночные топонимы присущи приграничным с Карелией районам (рис. 35).

Не потеряли своего значения присваивающие виды хозяйства — охота и рыболовство. Охотились на медведя, северного оленя, куницу, лисицу, белку, бобра, тюленя, птицу, причем, видимо, с собакой — кости ее найдены во многих захоронениях и на городище Паасо. Для охоты предназначалась серия железных наконечников стрел и, возможно, костяные. Шкурками пушных зверей погашались феодальные повинности. В грамоте № 403, датирующейся XIV в., содержится смешанный карельско-русский текст из 13 слов (из них семь карельских), являющийся записью повинностей или долгов в «коробьях» (ржи?), белках и «белах» (деньги), которые надлежит получить у населения [4, с. 103—104; 79, с. 25]. Запись о мехах белой росомахи, куницы, белки сделана в грамоте № 2 XIV в. [7, с. 21—25].

О развитой охоте свидетельствуют часто встречающиеся топонимы, обозначающие диких, промысловых животных: *ahma* (росомаха); *hirvas* (дикий и одомашненный олень); *hirvi*, *tarvas* (лось); *hukka*, *susi* (волк); *hylje*, *hylki*, *nogrpa* (тюлень); *ilves*, *kissa* (рысь); *jänis* (заяц); *karhu*, *kontio* (медведь); *kettu* (лисица); *majava* (бобр); *tuukrä*, *tuugrä* (крот); *mäkrä*, *mäugrä*, *sika*, *metsäsika* (барсук); *päätä* (куница); *ogava* (белка); *otso*, *ohto* (косолапый, толптыгин); *petra*, *reunga* (северный олень); *saarva*, *saukko* (выдра); *tuhkuri*, *vesikko* (норка) [194, с. 64—65].

Топонимы, обозначающие участки обитания животных, иногда имеют нарицательный смысл: *kiima* (течка); *laulu* (птичье пение); *leikki*, *peli* (игра); *soidin*, *soitume* (токование); *kolo* (дульло); *komero* (клетушка); *luola* (нора); *pesä* (гнездо).

Термины, связанные с охотничим промыслом, включают названия мест, способов и принадлежностей охоты, а также мест хранения добычи: *hangas*, *hanpä* (загон для отлова лосей и оленей); *hauta*, *hirsi* (верхнее бревно в волчьем капкане); *keihäs* (жердь в таком же применении); *kokko* (конусовидная, сделанная из прутьев корзина, клетка для отлова тетеревов); *kyttäkokko* (конусовидный шалашик, укрытие, откуда охотник подстерегает тетеревов); *kuva*, *kuvatus*, *lava* (место, с которого поражали, например, медведя); *lukku* (выдолбленное внутри бревна гнездо для водоплавающих птиц, в частности место откладывания яиц гоголя); *loukku*, *pulvana* (вид тетерева); *pyssy*, *ruudys*, *pöntö* (место откладывания яиц); *rihmasraitti* (охотничья тропа); *rita* (четырехгранный тетеревиная ловушка, которая срабатывает путем резкого опускания верхней крышки); *takka* (ловушка, в которой основную роль играет или гибкое растущее дерево, или вбитая в землю такая же гибкая палка, шест либо разветвленное дерево, между стволами которого укрепляется петля; попавшее в нее животное задерживается вверх и в таком положении остается до прихода охотника); *uutep*, *uutti* (место откладывания яиц водоплавающей птицы); *vekara* (механизм типа самострела); *vihi* (небольшой загон из прутьев); *virka* (ловушка).

Места сохранения охотничьей добычи обозначены нарицательными име-

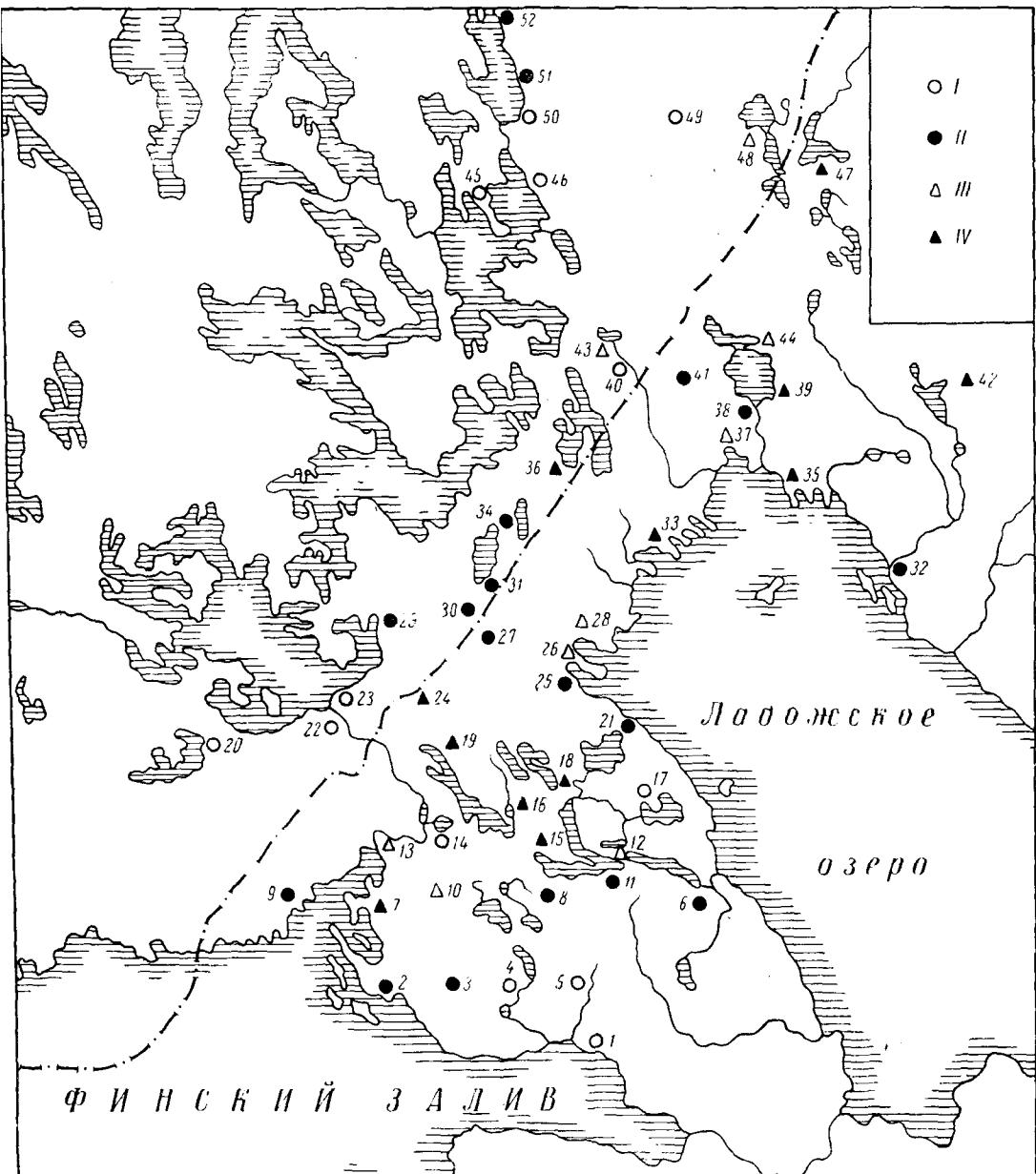

Рис. 36. Ареал финско-карельских топонимов, связанных с охотничьим промыслом (по В. Ниссиля).

I — единичные топонимы; II — 2—3; III — 4—5; IV — 6—24. 1 — Каннелъярви; 2 — Койвисто; 3 — Куолемаярви; 4 — Усикирко; 5 — Кивеннаапа; 6 — Метсиярти; 7 — Йоханиес; 8 — Валкеаярви; 9 — Сяккиярви; 10 — Нуряя; 11 — Рауту; 12 — Сянкола; 13 — Выборг; 14 — Хейнъярви; 15 — Вуокселя; 16 — Вуоксепранта; 17 — Пюхяярви; 18 — Рийсяля; 19 — Антреа; 20 — Леми; 21 — Кянисалми; 22 — Нуяма; 23 — Йоутсено; 24 — Яаски; 25 — Хийтола; 26 — Куркийони; 27 — Кирву; 28 — Лумивара; 29 — Руоколахти; 30 — Раутъярви; 31 — Симпеле; 32 — Салми; 33 — Яакима; 34 — Париккала; 35 — Импилахти; 36 — Укуниэмп; 37 — Сортавала; 38 — Харлу; 39 — Суйстамо; 40 — Тохманярви; 41 — Рускеала; 42 — Суоярви; 43 — Китт; 44 — Соанлахти; 45 — Липери; 46 — Кийхтолосвара; 47 — Корписелька; 48 — Иломантси; 49 — Эно; 50 — Контиолахти; 51 — Пиалисъярви; 52 — Нурмес.

пами: *liha*, *lihapatsas*, *patsas*, *saiho* (построенная на поверхности земли загородка или врытая в землю четырехгранная емкость, в которой хранится добытая дичь или рыба) [194, с. 65—67].

Охотники располагали обширными угодьями, не в пример земледельцам, у которых пашни составляли незначительную часть площади. Охотничья терминология распространялась по всей территории расселения древне-карельских племен, но особенно густо сосредоточилась в районах Суоярви (12 топонимов), Йоханнес (14), Корписелькя (10), Вуокселя (8), Райсяля (11), Вуоксранта (14), Яаски (12), Антреа (24 топонима) и т. д. (рис. 36).

О рыболовстве известно по находкам рыболовных инструментов — острог, гарпунов, глиняных и каменных грузил для сетей и удочек, крючков, берестяных поплавков [53, табл. 6, 7, 15; 7, 24; 11, 11, 13, 14], — а также рыбных костей. Каменные гальки (их только в Тверске около 30 штук) заворачивались в бересту и использовались в качестве грузил. Картину развитого рыболовства раскрывает обнаруженная в Новгороде берестяная грамота № 249: «Микулин человек Стеньна. . . Коневых Водах у Жабия Носа уби. . . нас. . . вуева сына и Кавкагалу. А узяли товара на 10 рублей. Киреев сыно ино взе лопин. Лоне у Гювиева сына у того же Жабея Носа приехавше Севилакшане 8 человек взяле товара на 5 рублей и лотку. На тых же Коневых Водах у Мундуя у Вармина сына взяле 10 ленном рыбы» [6, с. 73—76].

Обильный материал для характеристики рыбного богатства на территории летописной корелы, орудий ловли и промысла содержит топонимический пласт, собранный в Восточной Финляндии и Северо-Западном Приладожье В. Ниссиля. В финско-карельской топонимии встречаются такие названия рыб: *ahven*, *haili*, *harjus*, *harri*, *hauki*, *kiiski*, *kuha*, *kuore*, *kurvi*, *lahna*, *lohenikko*, *lohi*, *muje*, *nieriä* (*inen*), *norssi* или *norsi*, *rautu*, *ruutana* или *ruutu*, *rääpys*, *salakka*, *siika*, *sorva*, *särki*, *säyne*, *säynäs* или *säynävää*, *toutain*.

Разнообразна связанная с рыболовством терминология: *kala*, *kalaton*, *pahakala*, *kalava* (богатое рыбой место); *hotti* (малек); *kisuri* (сущик — мелкая рыба, которую сушили в печи); *maima*, *maiva* (маленькая рыба); *totkut* (рыбьи потроха) [194, с. 62—64]. Также многочисленна лексика, обозначающая рыбный промысел: *араја* (место, где вытягивают из воды невод); *hauta* (углубление в прибрежном грунте, возникшее вследствие вытаскивания невода); *lapatos* (процесс вытаскивания невода или сетки); *lasku* (опускание невода, сетки); *löytö* (найденная тоня); *pisto* (запруда); *saatin* (место, куда втаскивается невод с добывшим уловом); *tarvontainen* (место, где колотят по воде, сгоняя рыбу в бредень) [194, с. 67—71].

Финско-карельские топонимы, связанные с названием рыб и рыболовством, зафиксированы в Северо-Западном Приладожье и в приграничных районах Финляндии, но наибольшая их концентрация приходится на Карельский перешеек (Йоханнес, Антреа, бассейн р. Вуоксы), северный берег Ладожского озера (Куркийоки, Яаккима) и отдельные северные районы (Китэ, Корписелькя; рис. 37).

Комплексность хозяйства древних карел можно проследить по топонимическим пластам, характеризующим различные отрасли хозяйства. Населению, обитавшему в Антреа, Йоханнес, Яаски, Райсяля, в равной

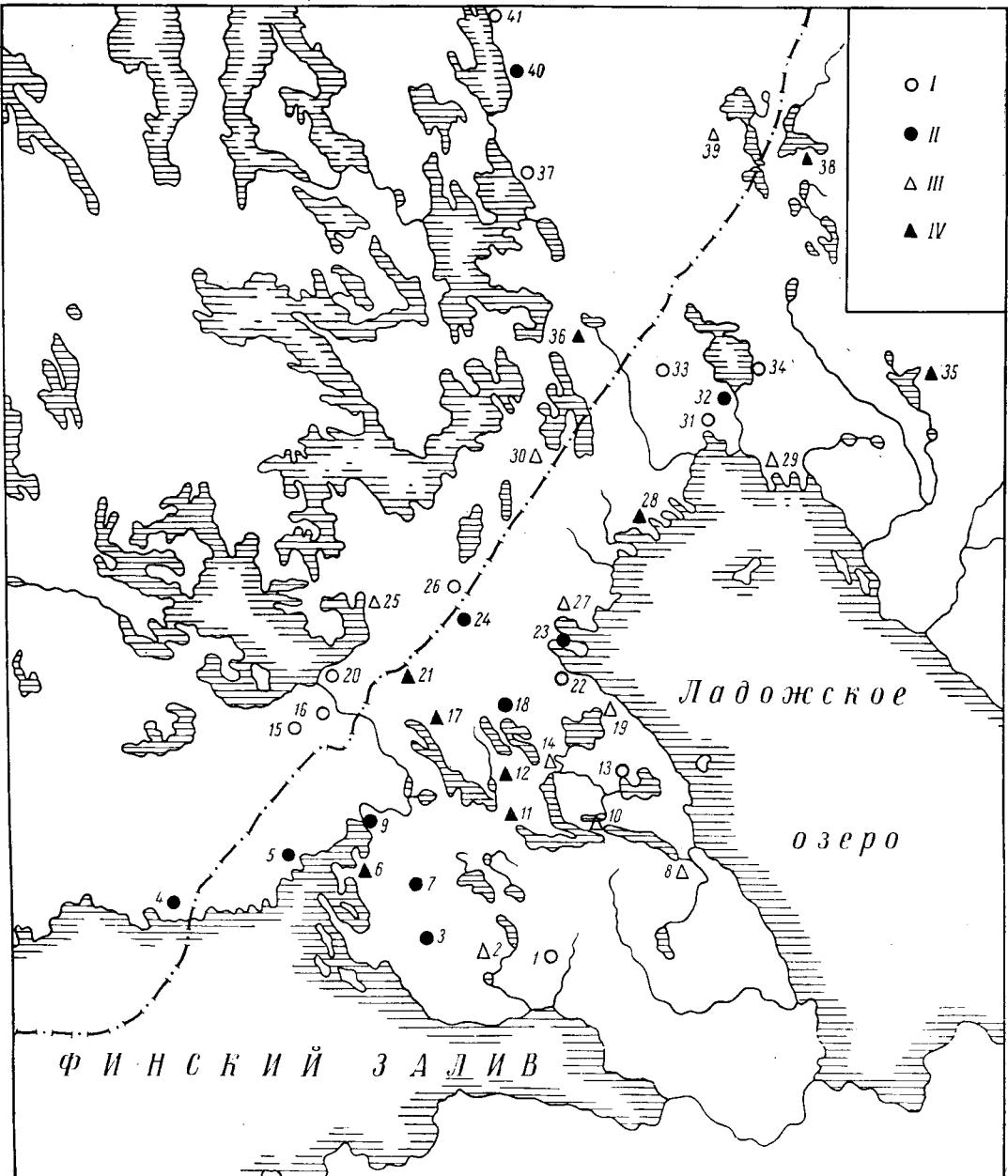

Рис. 37. Ареал финско-карельских топонимов о рыболовстве (по В. Ниссиля).

I — единичные топонимы; II — 2—3; III — 4—5; IV — 6—22. 1 — Кивенапа; 2 — Усикиркко; 3 — Куолемаарви; 4 — Виролахти; 5 — Сянкиярви; 6 — Иоханнес; 7 — Нууряля; 8 — Метсиярти; 9 — Выборг; 10 — Саккола; 11 — Вуокселя; 12 — Вуоксентранта; 13 — Пюхя-ярви; 14 — Рийсяля; 15 — Лумики; 16 — Нуийма; 17 — Антреа; 18 — Каукола; 19 — Кяисалми; 20 — Йоутсено; 21 — Яаски; 22 — Хийтола; 23 — Куркийоки; 24 — Кирву; 25 — Руоколахти; 26 — Раутъярви; 27 — Лумивара; 28 — Яаккима; 29 — Импилахти; 30 — Укунинеми; 31 — Сортавала; 32 — Харлу; 33 — Рускеала; 34 — Суйстамо; 35 — Суоярви; 36 — Кита; 37 — Кийхтельюсвара; 38 — Корписелькя; 39 — Иломантси; 40 — Иизалисъярви; 41 — Нурмес.

степени были свойственны земледелие, скотоводство, охота, рыболовство. Для других областей на первое место выдвигалась определенная отрасль хозяйства: скотоводство — в районе г. Сортавала; рыболовство и охота — Вуоксела, Вуоксэнранта, Корписелькя, Суоярви, Яаккима; охота и земледелие — Ряйсяля; рыболовство — Китэ. Охота практиковалась преимущественно в Суйстамо, Импилахти, Укуниэми. Для жителей Яаски, если судить по топонимическим данным, на первом месте стояли рыболовство, охота и земледелие.

Немаловажные доходы давало бортничество. После пушнины воск был важнейшим экспортным товаром Руси. Недаром в договорной грамоте (1342 г.) Новгорода с Ригой, Готским берегом и немецкими городами упоминается о карельском воске [23, с. 74].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КОРЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ И НОВГОРОД

Формирование и развитие племени и народности корела проходило под непосредственным влиянием Новгорода в сложной общеполитической ситуации, ускорившей в какой-то степени процесс консолидации разрозненных древнекарельских групп. Уже в XII в. корела активно вмешивается в международные события.

Скандинавские хроники рассказывают о двух походах корелы. В 1178 г. отдельные отряды ее проникли к еми, захватили шведского епископа Родульфа (Рудольфа), увезли к себе и умертвили.¹ Очевидно, скучное сообщение имело в виду не только сам факт захвата епископа. Активизация шведов на границах Новгородского государства, их стремление к захвату приладожских земель под прикрытием католицизма вызывали ответную реакцию в виде очередных походов. В 1187 г. корела² (при возможном участии новгородцев) опустошила берега оз. Мелар и сожгла Сигтуну — древний, некогда цветущий торговый город (на месте совр. Стокгольма). Как полагают исследователи, торговый оборот древних карел в значительной степени страдал от конкуренции сигтуунцев, что явилось одной из причин похода 1187 г.³ Не менее удачное, оттого что помогали им новгородцы, вторжение в землю еми было осуществлено в 1191 г.

Такие, казалось бы, кратковременные набеги на самом деле имели глубокие, порожденные борьбой Новгородского государства со Швецией, политические причины, и яркое тому свидетельство поход 1198 г. на шведскую колонию Або. Предполагается, что в нем приняли участие и древние

¹ Мнения финляндских историков об участниках похода разделились: одни полагают, следуя сообщениям хроники, что поход был совершен куронами; другие — курессарцами, жителями о-ва Эзель. И. П. Шаскольский последовательно отстаивает свою точку зрения, согласно которой поход 1178 г. совершил корелой [122, с. 70—71].

² Участие корелы в этом походе было обосновано еще в начале XIX в. [63]. В современной научной литературе высказываются предположения, что Сигтуунский поход осуществлен совместными усилиями эстов, корелы и курор (иногда добавляются еще и ингры). Однако эти предположения подверглись развернутой критике [122, с. 94—95].

³ Проф. Х. Киркинен считает высказанное мнение не совсем доказанным, но не называет другой достаточно веской причины Сигтуунского похода [161, с. 68—70]. И. П. Шаскольский предлагает рассматривать поход как одно из мероприятий в целенаправленной борьбе Новгородского государства со Швецией [122, с. 101].

карелы, ибо такого рода мероприятия, совершаемые Новгородом, не обходились без них. Удар был нанесен настолько решительный, что шведская колония не могла ликвидировать последствия в течение 20 лет. Походом 1198 г. заканчивается первый период борьбы Новгородского государства со Швецией, чтобы вновь возобновиться через два десятилетия.⁴

Летописные рассказы XII—XIV вв. пестрят известиями о столкновении корелы со своими врагами («емь», «свей», «немцы»). Это и сражение с приплывшей в Ладожское озеро емью в 6836 (1228) г., в разгроме которой приняли участие помимо новгородцев и ладожан корела и ижора, и поход князя Александра на Копорье в 6749 (1241/42) г., откуда были выбиты «немцы»,⁵ и битва за Псков в 6761 (1253/54) г. В XIII в. к врагам жителей Новгородских земель присоединяются рыцари прибалтийских орденов. Но в походах 6770 (1262) и 6776 (1268) гг. они были разгромлены.

После некоторого перерыва шведы активизировали свою деятельность, предприняв один за другим два похода: 6791 и 6792 (1283 и 1284) гг. И хотя новгородцы в 6800 (1292) г. совершили удачный набег на емь и отразили ответный, заслуга в чем принадлежала и ижоре, и кореле, шведам все же удалось завершить свою деятельность строительством в Корельской земле крепости (1293 г.). Цели и задачи шведов ясны — распространить, как писал К. Маркс, «шведское владычество и христианскую заразу на соседний *народ, карелов*; для закрепления этого основан тогда Выборг».⁶

Древнейшая шведская рифмованная хроника Эрика, рассказывая о последнем событии, называет его чрезвычайно благородным вкладом в установлении мира на Карельском перешейке и не скучится на похвалы в адрес христиан-шведов. «Пошли они (т. е. шведы. — *E. P.*) в языческую землю и положили конец злу и великой беде: язычники слишком близко подходили к ним. Это было там главным их делом; и построили они крепость в том краю, где кончается христианская земля и начинается земля языческая. Теперь там добрый мир, больше тишины и покоя и больше людей, верующих в бога. . . У русских стало, таким образом, меньше подвластной им земли» [96, с. 112]. Уже в ближайшую зиму новгородцы попытались разрушить крепость, но у Новгорода, втянутого в межкняжескую расприю, провоцируемую монголо-татарами, не было ни сил, ни согласованности в действиях. Шведы стремились взять под контроль и весь водный путь в Ладожское озеро, укрепив в 1295 г. в устье р. Вуоксы крепость Корелу, затем захваченную и уничтоженную новгородцами. Несмотря на неумеренно хвастливый тон хроники Эрика, она вынуждена была признать

⁴ Подводя итоги первому периоду борьбы Новгородского государства со Швецией, И. П. Шаскольский заключает, что при значительных военных успехах Новгороду не удалось выполнить главной задачи — вытеснить шведов из Юго-Западной Финляндии, что имело в дальнейшем серьезные последствия [122, с. 118].

⁵ Нет сомнений, что русские летописи в силу тех или иных причин не всегда подчеркивали участие корелы в военных акциях Новгорода. Так, например, С. С. Гадзяцкий и Х. Киркинен убеждены, что древние карелы сражались в рядах новгородцев в легендарной битве на Неве (в 1240 г.), поскольку от ее результатов зависело их существование. Равным образом не упомянуто в русских летописях участие корелы в походе на емь в 1256 г. (сведения о нем сохранились в булле 1257 г.) [161, с. 83; 122, с. 217—222].

⁶ Архив Маркса и Энгельса, т. V, с. 338.

поражение: «Все христиане (т. е. шведы) погибли там ради господа и святой веры. После того островом там владели русские и сильно укрепили его, и посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане не приближались к этому месту» [96, с. 112].

Сооружение Выборга позволило шведам создать базу для дальнейшего нападения на земли корелы, и они не замедлили этим воспользоваться — было подчинено 14 общин (из них четыре в Ижорской земле), в 6808 (1300/01) г. в устье р. Охты построена Ландскrona (правда, вскоре уничтоженная совместными усилиями новгородцев и корелы). В качестве ответных мероприятий Новгород не только укрепляет «в лето 6818» (1310/11 г.) Корелу, но строит выше по течению реки Тиверский городок.

Порубежное жительство корелы, территории которой входила в Новгородское государство, определяло не только ее внешнюю политику. Активная роль древних карел и во внешнеполитических, и во внутренних делах Новгорода становится понятной, если учесть, что некоторые из них, как известно из документов, занимали высокие должности в Новгородском государстве. Обычно упоминаются два влиятельных лица: воевода Валит Корелянин (1337 г.) и новгородский боярин Иван Федорович Валит [86, с. 132—138].⁷ Возможно, представителей древнекарельской феодализирующейся знати в составе новгородской аристократии было больше, но их православные имена, не отличающиеся от древнерусских, трудно выделить в письменных источниках.

Новгород сыграл прогрессивную роль в социально-экономическом развитии Северо-Западного Приладожья. Вхождение в состав Новгородского государства, его экономическое и культурное влияние способствовали развитию прогрессивных и рентабельных форм экономики. Создавались возможности для выделения отдельных семей, владеющих землей, и для индивидуального хозяйственного производства. Объединение таких семей не на кровнородственной, а на экономической основе составляло соседскую, или территориальную, общину. В глухих древнекарельских районах этот процесс осуществлялся в замедленном темпе; в наиболее развитых, где имелись необходимые предпосылки, возникало имущественное неравенство, которое вело к социальному расслоению.

Экономический подъем Корельской земли, внешнеполитические события способствовали этнической консолидации разрозненных племенных групп корелы. По всей вероятности, уже в XII—XIV вв. на первоначальной племенной территории, в Северо-Западном Приладожье, корела выступает как народность, выработавшая специфические формы материально-духовных ценностей. Народность корела сформировалась на основе мест-

⁷ В. Н. Бернадский пишет: «Известный боярин XIV в. Иван Федорович, тысяцкий 1350 г. (?), позднее посадник (?), участник войны с Магнусом и похода в Финляндию, строитель крепостей в Яме и Порхове, вышел из карельской знати». На основе со-поставления Новгородской I летописи и Новгородской IV Бернадский делает вывод, что Иван Федорович — Иван Валит [10, с. 156—158]. Однако его посадничество сомнительно. Во второй половине XIV в. в Новгороде жил Иван Федорович Смятака, который получил посадничество в 1354 г. и оставался на этом посту предположительно до 1371 г. Второй Иван Федорович — сын посадника Федора Тимофеевича — был избран в 1416 г. [128, с. 380]. Ни один из названных посадников не соответствует Ивану Федоровичу Валиту.

ных традиций в атмосфере новгородского влияния, политических, экономических и духовных контактов. Для древнекарельского общества того времени характерно сочетание патриархального быта и развивающихся феодальных отношений.

Видимо, в XII—XV вв. у населения начинают возникать товарно-денежные отношения, в первую очередь в железоделательном ремесле, которое еще в первой половине XIII в. встало на путь мелкотоварного производства. На внешний рынок корелой поставлялись меха, воск, лошади, что в немалой степени способствовало развитию феодальных отношений и изменению социальной структуры самого земледельческого населения, среди которого наряду с относительно свободными общинниками появлялись различные категории лиц, зависимых от феодалов.

С введением новгородского административного управления формирование частного землевладения и более развитых феодальных отношений шло ускоренными темпами в сравнении с предшествующим периодом. Из текста Ореховецкого договора известно, что новгородцы и после 1323 г. сохранили право на долевое владение земельными и промысловыми угодьями на отошедших к Швеции участках Корельской земли. О существовании крупного землевладения в конце XIII в. сообщают договорные грамоты Новгорода с великим князем Михаилом Ярославичем. Новгородцы, удаляя Бориса Константиновича из Корельской земли, обещали вернуть деньги за купленные им села [17, с. 70]. Видимо, собственниками земли становятся и представители древнекарельской феодализирующейся знати (один из пунктов договора запрещал шведам и выборянам покупать земли и воды у новгородской корелы: «А земле и воды у новгородской корелы не купити свеям и выборяном») [29, с. 4]. Таким феодалом мог быть, например, воевода Валит Корелянин из городка Корела.

На территории корелы крупное феодальное землевладение широкого распространения не получило. Основная часть земель находилась в руках мелких собственников — своеzemцев. В большинстве случаев в их владении была одна волостка — не более пяти обжей — или доля в ней, обрабатываемая собственными силами. Но владения Григория Рокульского в Саккульском и Городенском погостах насчитывали свыше 50 обжей земли, и он без эксплуатации крестьян не мог вести свое хозяйство [80, с. 63].

К концу новгородского периода в Корельском уезде из 2806.5 обжей земли светским лицам принадлежало 27.7%, на долю церковно-монастырского землевладения приходилось 19.2%, архиепископу новгородскому достались огромные владения — 53.1%.

Земли «наместничих из старины» крестьян не попали в частную собственность феодалов. По переписи конца 1470-х—начала 1490-х гг. («старое письмо»), наместничих крестьяне владели 1380 обжами [1, с. 186—187, 224]. Доход с земель шел наместнику — князю, получавшему Корельскую землю в кормление. На протяжении XIV—XV вв. Новгород вознаграждал находившихся у него на службе князей, отдавая в кормление эту территорию, руководствуясь задачами организации обороны на северо-западных рубежах государства.

Доходы феодалов от землевладения складывались из двух статей: пашни и в основном (поскольку запашка была невелика) феодальной ренты,

оброка, выплачиваемого деньгами или натурой. Натуральная рента включала продукты сельского хозяйства и промыслов. По желанию феодала оброк мог состоять из денег и натуры, а к концу XV в. преобладала денежная рента. Существовали и другие виды поборов: «постояние», «на приезд», «поклон», «дар» и т. д. [17, с. 152—153]. В XIV—XV вв. феодальные отношения господствовали не только в экономически более развитом Западном Приладожье, но и в Северной Карелии, куда корела проникла довольно давно.

В немалой степени социально-экономическому развитию и социальной дифференциации способствовали разносторонние культурно-экономические контакты, которые на протяжении длительного периода изменялись и по форме, и по содержанию, но всегда играли существенную роль в жизни населения. Издревле корелой был проложен путь в Финляндию, к Ботническому заливу и в Северную Лапландию, где торговцы покупали драгоценные меха, расплачиваясь серебром и бронзой. Свидетелями таких операций являются древнекарельские веци, осевшие в местах жертвоприношений в Лапландии [213, bild. 1]. В последних — Унна Сайва и Гротрек — найдены подражания «Ярославлю сребру», большого веса с ушками для подвешивания (три целых экземпляра и один фрагмент). Происхождение их пока с достаточной полнотой не выяснено, но предположение об изготовлении в землях Новгорода, Приладожье или Карелии допустимо [87, с. 149].

Для характеристики северной торговли важное значение имеет несколько более поздний документ. В 1556 г. состоялась беседа Симо (Simo Tuomaanpoika) и Яакко (Jaakko Teit) с неким Ноусиа (Nousia Venäläinen), который обрисовал путь из Ладоги (Кексгольма) по материку к северным районам Ботнического залива (Оулу). О том, что в XV—XVI вв. этот путь широко использовался русскими и карелами и в торговых, и в военных целях, известно. Однако уверенность, с какой Ноусиа говорил о данном пути как о хорошо знакомом и много раз используемом, позволяет предположить, что дорога на Оулу проложена не современниками Ноусиа, а его предшественниками, но, возможно, и памного раньше [187, с. 2].⁸ Действительно, вблизи торговой трассы (этот путь в Соткамо разделялся на два рукава: один шел на Оулу, другой — в Кусамо и дальше [220, с. 179]) встречены отдельные веци VII—XVI вв., известны клады серебряных вещей и монет XI—XII вв. Состав вещей позволил предположить, что они принадлежали купцам, связанным торговыми делами с Приладожьем и Новгородом [141, с. 32].

Саамские, карельские предания и эпос содержат сведения о продвижении корелы на север, северо-запад, по-видимому, еще в эпоху перво-бытнообщинного строя. Борьба за пушнину отразилась в саге об Эгиле, повествующей о совместном выступлении западных финнов и норвежцев против вторгшихся на их территорию древних карел. Поначалу на север прокладывали путь вооруженные дружины, набеги которых носили откровенно грабительский характер. С развитием производительных сил и

⁸ Е. Луккаринен называет рассказчика карелом, поскольку именем Ноусиа русского назвать не могли.

феодальных отношений, усилением феодальной эксплуатации расселяются земледельцы, охотники, рыболовы, мирно уживавшиеся с саамами на огромных, слабо заселенных территориях. Земли между Белым морем и Ладожским озером, как известно из купчих грамот первой половины XV в., находились во владении пяти «родов корельских детей», которые продавали участки не только друг другу, но и новгородским светским и духовным феодалам [80, с. 60—62].

Тем не менее редкие столкновения саамов и корелы при сборе дани, отразившиеся в фольклоре, не были определяющими в их отношениях, их объединяли торговые контакты, а также родственные связи. Вариант приладожско-карельской руны, рассказывающей о пребывании Лемминкяйнена в северорусском городе Коле, исаамская эпическая песня «Пяйвепарнэ» («Парень из Пяйвэлы») позволяют говорить о существовании саамско-карельских брачных связей в период проникновения выходцев с Карельского перешейка на Кольский полуостров, в результате непосредственного совместного проживания и в конечном итоге — об участии саамов в образовании карельской народности [26, с. 216—217].⁹

О продвижении корелы на запад сохранилось немало сведений, и археологические материалы подтверждают присутствие ее на территории еми. С X в., а особенно в XIII в., часть населения перемещается на восток, юго-восток — в районы, заселенные весью. Согласно сведениям Д. В. Бубриха, в 1251 г. отдельные группы корелы проживали на берегах Кубенского озера [13, с. 37]. Расселение на север, северо-запад соответствовало принципам новгородской политики. Расширение сферы деятельности новгородцев зафиксировано в тех районах, куда устремлялось древнекарельское население. В 6550 (1042/43) г. князь Владимир Ярославич осуществил поход на емь и обложил ее данью. Первой половиной XI в. датируются сведения о проникновении новгородцев на берега Белого моря, а в XIII в. Кольский полуостров официально считался новгородской территорией [114, с. 23—25].

Наряду с поселениями «корельских детей» появляются новгородские владения в Финмаркене. Договор 1326 г. разделил новгородские и шведские земли, ограничив продвижение в последние новгородцев, но обе стороны сохраняли за собой право на сбор дани с саамов. Один из пунктов договора обязывал новгородцев возвратить захваченные у норвежцев территории.

Участие корелы в торговле с западными странами рассматривается в рамках внешнеэкономических и политических связей Новгорода. Находясь между западным миром, с одной стороны, и славянским — с другой, на важнейших торговых магистралях, корела активно участвовала в международных торговых операциях, влияя на внутреннюю и внешнюю политику Новгорода. Роль новгородской Карелии в торговле была существенной в силу ее географического положения. Из Невы в Балтийское море маршрут торговых судов проходил вдоль южного берега Финского залива до Таллинской бухты, затем на север до финляндского берега

⁹ Саамско-карельские связи раскрываются при анализе лингвистических материалов [46, с. 101—111].

у мыса Порккала-Удд, вдоль юго-западного побережья Финляндии, минуя Аландские острова, через Балтийское море к шведскому берегу. В дальнейшем, когда Швеция и Дания потеряли гегемонию в торговле с Новгородом, на первое место выдвинулись немецкие города, что вызвало изменение маршрута, за исключением отрезка Нева—Таллин [119, с. 153, 159]. Параллельно ему существовал путь по суше.

В договорных грамотах Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами (1262—1263 гг.), а также городов Балтийского моря и Новгорода (1269 г.) рассматривались вопросы торговли, мира и суда. В них оговаривалось особое положение территории корелы в международной торговле, снималась с новгородцев ответственность за сохранность немецких и готландских купцов при их продвижении по Корельской земле: «Оже кто гостить в Корелу, или немцы или гтяне, а что ся учинить, а то Новгороду тяжя не надобе» [23, с. 57, 59]. Урегулированию торговых отношений уделено особое внимание в Ореховецком мирном договоре 1323 г.

Высокоразвитые внешнеэкономические связи, прямое или опосредованное участие корелы в торгово-культурных контактах с Западом свидетельствованы вещами западноевропейского происхождения в материальной культуре Карельского перешейка, предметами, характерными как для Финляндии, так и для Севера европейской части СССР вообще.

У населения Северо-Западного Приладожья появились вещи, изготовленные в Новгороде и землях, прилегающих к нему. Некоторые типы украшений, глиняная посуда, вооружение, меднолитейное и железоделательное ремесла в целом фиксируют прочные связи со славянским миром. Даже растительный орнамент, столь характерный для украшений населения Карельского перешейка, ставший его этническим критерием, по-видимому, возник в Новгороде на базе сплава различных художественных стилей. Не исключено, что какая-то часть ювелирных изделий изготавлялась в Новгороде по заказу корелы. Последняя в свою очередь поставляла в Новгород продукты сельского хозяйства, железоделательного производства, пушину, являвшуюся ходовым товаром на всех рынках. Без сомнения, в начале II тыс. связи корелы с древнерусскими городами были значительнее западноевропейских.

Характер взаимоотношений Новгорода и подвластной ему территории корелы довольно часто обсуждался в финляндской литературе. При этом вспоминался договор 1268—1269 гг., заключенный между городами Балтийского моря и Новгородом, в котором последний оговаривал, что не несет ответственности за сохранность западных судов в восточной части Финского залива, а также немцев и готландцев во время их поездок по новгородской Карелии с торговыми целями. На данном основании некоторые финляндские историки делали вывод о полной самостоятельности корелы. По мнению советских исследователей, этот договор лишь свидетельствует о некоторой свободе корелы в торговых делах в рамках зависимости от Новгорода [16, с. 100—148; 118, с. 3—23; 120, с. 117—136; 122, с. 29—30].¹⁰

¹⁰ Этой точки зрения придерживается финляндский историк Х. Киркинен (доклад прочитан на советско-финляндском симпозиуме в Москве в январе 1974 г.) [178].

Выявленный по письменным источникам многогранный характер отношений подчиненного Новгородом древнекарельского населения с самим Новгородом, взаимоотношений плательщика дани и союзника с господином и защитником, прекрасно подтверждается и конкретизируется новгородскими берестяными грамотами. Дела корелы в Новгороде велись в усадьбе на углу древних улиц Великой и Кузьмодемьянской, вокруг которой собрано шесть «карельских» грамот (седьмая обнаружена вне раскопа, восьмая еще в древности потеряна) [130, гл. IV, VI], рассказывающих о событиях на далеких границах Новгородской земли в середине XIII и на рубеже XIV—XV вв. В грамоте № 278 (вторая половина XIV в.) перечисляются даннические повинности: «У Икагала у Кривца 3 кунице. У Иголай дове и в Лайдиколе полорубля и 2 кунице. У Леинуя в Лайдиколе 6 бело. У Филипа у деяка 30 бело. У Захарии и в Калинице полосорока и 5 и 5 бело. У Сидуя у Авиницы 4 куницы. У Миките Истовной у Еванова 6 куницы. У Муномела в Куроле у Игалина брата полорубля и 2 кунице. У Лег. . .» [6, с. 104]. Вероятно, налоги или дань наряду с деньгами погашались доброкачественными тканями, как явствует из берестяной грамоты № 130, перечисляющей недоимки в локтях ткани, числящиеся за Вигарем, Валитом и Мелитом [5, с. 66—67].

Однако отношения между Корельской землей и Новгородом были далеко не идеальными. Упомянутый поход Ярослава — не единичный факт. Надо отметить, что в этот период в Новгороде антикняжеская борьба боярства выражается в стремлении лишить князя власти над новгородским войском и инициативы в военных делах. Поход Ярослава на Псков в 6774 (1266/67) г. не состоялся из-за новгородцев, отказавшихся участвовать в княжеском мероприятии. В 6776 (1267) г. вместо похода на Литву новгородцы настояли на походе на прибалтийских немцев, закончившемся Раковорской битвой [128, с. 154, 157]. Сюда же надо причислить и несостоявшийся поход Ярослава на корелу. Изгнанный в результате антикняжеской борьбы Ярослав обращается за помощью к татарам. Их вмешательства удалось избежать, но, как повествует первая новгородская летопись, в 6778 (1270/71) г. против Ярослава поднялась «вся власть новгородская»: псковичи, ладожане, корела, ижора, водь.

Зимой 6786 (1277/78) г. Дмитрий Александрович, которому поначалу пришлось приложить немало усилий для укрепления собственного положения в Новгороде, пошел с войском в Корельскую землю и «казни корѣлу, и взя землю их на щить» [77, с. 323]. Называется несколько причин карательной экспедиции 1278 г. По мере того как корельская племенная знать формировалась в класс феодалов, ей требовалась большая, чем гарантировал Новгород, самостоятельность и в сборе дани, и в торговых делах, и во взаимоотношениях с западными соседями [18, с. 99—100; 232, с. 25; 120, с. 117—136; 161, с. 88—90]. Следует учесть, что в шведских нападениях на корелу был значительный перерыв, достаточный для того, чтобы в их отношениях на первое место выдвинулись мирные дела, например торговые, что способствовало сближению определенной части шведского и древнекарельского населения. Кроме того, корела в самом Новгороде, видимо, приняла участие в антикняжеской борьбе в рядах противников Дмитрия, результатом чего и явилось ее усмирение [178].

Военный поход повлек за собой и некоторые административные меры. Племенная территория корелы — объединение 10 погостов — стала называться Корельской землей, центром которой в начале XIV в. становится городок Корела [17, с. 79]. Управление осуществлялось русской администрацией (возможно, при некотором участии корелы). Во главе Корельской земли ставили служилого князя — первым таким князем был Борис Константинович из тверской княжеской семьи — и воеводу. Борис оказался недальновидным политиком и правителем, в результате часть корелы восстала и приняла сторону шведов. В 6822 (1314/15) г. корелы «переветники» (изменники) впустили в Корелу шведов, но новгородцы с наместником Федором наказали врагов и перешедшую на их сторону корелу. Усилившийся гнет, дележ новгородской Карелии по Ореховецкому договору вызывали протесты крестьян и в 6845 (1337/38) г. Восстание в Кексгольме — не случайное явление. Ему предшествовали крестьянские движения в Финляндии, что способствовало, как признают некоторые финляндские историки, ускорению мирных переговоров в 1323 г. [26, с. 259].

Первая половина XIV в. заполнена изпурительными походами со стороны Швеции и Новгорода. Та и другая стороны пытались удержать захваченные территории строительством новых крепостей, разрушением неприятельских укрепленных пунктов. В 6819 (1311) г., по сведениям летописи, новгородцы совершают внезапный опустошительный набег в Хяме, в 6821 (1313) г. шведы оказываются под Ладогой и сжигают город. В 6825 (1317) г. шведы вновь появляются в Ладожском озере, а новгородцы в 6826 (1318) г. — в Финляндии. Под 6830 (1322/23) г. летопись осветила два события: Юрий Данилович осаждает Выборг, а шведы — Корелу. Обе стороны заметных результатов не достигли.

В 6831 (1323) г. на Ореховом острове при выходе из Ладожского озера в Неву Новгород строит крепость Орешек, и в ней 12 августа того же года подводится итог ожесточенной, разрушительной, многолетней шведско-русской борьбы за корельские территории: «Се яз князь великии Юрги с посадником Алфоромеем и с тясяцким Аврамом с всем Новым городом доканчали есм с братом своим с князем свейским с Манушем Ориковицем... мир вечный и хрест целовали» [29, с. 3].

Новая (и первая известная нам) официальная граница между шведскими и новгородскими владениями начиналась от устья р. Сестры, проходила через 14 пунктов и заканчивалась у «Каяно моря». Если начало и конец «межи» достаточно ясны и определены, то некоторые участки пограничного рубежа (к примеру, «мохъ, середе мха гора») невозможно настичь на современную карту. И все же основное направление границы в настоящее время выявлено: устье р. Сестры — восточный рубеж привыборгских погостов корелы — Сяркилахти (район оз. Сайма) — р. Суоннейоки — район оз. Пюхя-ярви — Ботнический залив (южнее устья р. Пюхяйоки) [162, с. 16—26].

За Швецией оставались Выборг, построенный на Корельской земле, и, как специально оговаривалось в документе, три погоста: Яскис, Эврепя и Саволакс. Любопытно, что в договоре речь идет о водах, землях и ловищах «наших погостов новгородских» на отошедшей к шведам территории, на которые Новгород сохранял свои права.

В переговорах в крепости на Ореховом острове участвовали голландские купцы, заинтересованность которых в торговле с новгородскими землями явилась одной из причин возникновения соответствующей части мирного договора. ТERRITORIALНЫЕ споры Швеции и Руси нанесли серьезный ущерб международной торговле. Западные купцы не мыслили торговых операций без участия Новгорода, вот почему в договоре появляются слова: «Гости гостити без пакости из всеи немецкою земле — из Любка, из Готского берега и Свейской земле по Неве в Новгород горою и водою, а свеям всем из Выбора города гости не переймати, тако же и нашему гостю чист путь за море» [29, с. 3]. Для уравновешивания военного потенциала Швеция и Новгород отказались от строительства крепостей, обязались возвращать беглых должников, поручителей и холопов. Шведам и жителям Выборга запрещалось покупать земли у новгородской короли. Обе договаривающиеся стороны гарантировали решение возникающих конфликтов мирным путем.

Подписание мирного договора можно считать положительным явлением: оговорена граница, открылись торговые магистрали, прекратились изнуряющие государство и население набеги и разбои, насильтвенная смерть и разрушения. Отрицательные последствия договора заключались в том, что граница разделила королеву — единое этническое образование со своим языком, духовной и материальной культурой. Государственная граница отторгла западную королеву, попавшую под власть католицизма, шведских государственных порядков и законов, от восточной, новгородской. Различно сложились их исторические судьбы.

Основная часть королевы, населявшая Северо-Западное Приладожье, осталась под властью Новгорода, тесно связанная с ним экономическими, политическими и культурными интересами. Королевы, оказавшиеся на шведской стороне, вместе с емью образовала восточную группу финского населения (саволаксы), которая приняла участие в формировании финской народности. Из захваченных шведами древнекарельских погостей возник Выборгский замковый лен (губерния).

Первые 3 года после заключения мира можно считать спокойными. В 1326 г. Магнус — король Швеции и Норвегии — подписал с Новгородом соглашение относительно северного рубежа норвежско-новгородских территорий. Если граница нарушалась одной из сторон, земли возвращались владеющему ими государству. И Норвегия, и Новгород сохраняли за собой право сбора дани у саамов. Договором предусматривалось установление мирных торговых связей между обоями государствами [121, с. 63—71].

Вскоре в Новгород вновь стали поступать сигналы о неблагополучном положении на русско-шведской границе. Несоблюдение принятых условий, ущерб, причиняемый друг другу, возобновление военных действий привели к новым мирным переговорам. Зимой 1338/39 г. обе стороны ратифицировали все пункты договора 1323 г. и дополнительно взяли на себя взаимные обязательства: наказывать и даже вешать убегающих за рубеж карел. Отголоски этих событий зафиксированы в грамоте № 286, датирующейся первой половиной или серединой XIV в. [6, с. 112—113].

В конце XIV в. на Карельском перешейке вновь сложилось тревожное

положение. В грамотах, посланных королем в Новгород, содержатся сплошные обиды, жалобы, перечень убытков: «Веют челом корила погоская Кюлолаская и Кюриеская Господину Новугороду. Приобижен есмь с нимецкой половине. Оцтина наша и дидена. . . а нас у Вымолчов, господда, имали крецете я. . . мопь. Върьжи пограбиле, а сами есмь. . . ина. . . алуй 10, а у. . . ». Видимо, этому документу отводилась значительная роль, поскольку в нем есть слова «господину Новугороду», придававшие грамоте, по мнению специалистов, силу государственного документа [6, с. 72].

Новгородцы защитили корелу. Под предводительством князя Константина Белозерского отряд выступил в поход, о чём стало известно из летописного рассказа, помещенного под 6904 (1396/97) г.: «Прииеди нѣмци в Корѣльскую землю и повоеваша 2 погоста — Кюреескыи и Кюлоласкыи — и церковь сожгоша; и князь Костянтинъ с корѣло гнася по них, и языкъ изима и присла в Новъгород» [77, с. 387]. Вместе с тем угроза шведского завоевания по-прежнему оставалась реальной.

Таким образом, новгородский период (начало XII—конец XV в.) характеризуется значительными изменениями в жизни корелы. Окончательно разрушен первобытнообщинный строй, и на его смену пришел феодальный, что способствовало быстрому развитию хозяйства края. Но при всех взаимовлияниях и культурных контактах древние карелы сохранили этническое лицо, переработав чуждые элементы, согласно своим эстетическим представлениям. Самобытные черты их четко вырисовываются на фоне других, пришедших извне приобретений и заимствований.

Расселившись на большом пространстве за пределы племенной территории, народность корела вступала в контакты с соседями и в результате сложных многоэтапных процессов превращалась в обширную этническую общность. Намечается сближение разнородных этнических компонентов, из которых впоследствии сложилась современная карельская народность [13, с. 45].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрная история Северо-Запада России (вторая половина XV—начало XVI в.). Л., 1971.
2. Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
3. Аристо П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
4. Аричховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.
5. Аричховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958.
6. Аричховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.
7. Аричховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.
8. Баранцев А. П. К вопросу о происхождении южно-карельских диалектов. — В кн.: Происхождение Карелии. Йоэнсуу, 1976.
9. Баранцева Т. Б., Черных Е. И. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры. — СА, 1968, № 2.
10. Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
11. Бобрицкий А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
12. Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. — МАР, 1895, т. 18.
13. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
14. Бубрих Д. В. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы». — ТЮНС, 1950.
15. Бубрих Д. В. Русское государство и сформирование карельского на-
рода. — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971, вып. 5.
16. Гадзяцкий С. С. Водская и Ижорская земли Новгородского государства. — Ист. зап., 1940, № 6.
17. Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941.
18. Гиппинг А. И. Нева и Ненецианц. СПб., 1909, ч. 1.
19. Голубева Л. А. Назначение железных игл с кольцами. — СА, 1971, № 4.
20. Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973.
21. Голубева Л. А. Игольники восточноевропейского Севера X—XIV вв. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
22. Голубева Л. А., Варенов А. Б. Польские коньки-амулеты Древней Руси. — СА, 1978, № 2.
23. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
24. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975.
25. Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976.
26. Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л., 1957, т. 1.
27. Егоров В. Русская летопись о карелах. — В кн.: Карелия. Ежегодник КГМ за 1928 г. Петрозаводск, 1930.
28. Жербин А. С., Шаскольский И. П. Советская наука о происхождении карел. — В кн.: Происхождение Карелии. Йоэнсуу, 1976.
29. Записки Академии наук. СПб., 1877, т. 31, прил. 3.
30. Засурцев П. И. Жилища древнего Новгорода. — МИА, 1963, № 123.
31. Кайянойя П. Сравнительный анализ результатов антропологического типа финнов (суоми). — В кн.: Этногенез

- финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974.
32. *Карпелан К.* Финские саамы в железном веке. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979.
33. *Карху Э. Г.* От рун к роману. Петрозаводск, 1978.
34. *Кашин В. П.* Крестьянская железоделательная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500—1505 гг. — ПИДО, 1934, № 4.
35. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2. — САИ, 1966, вып. Е1-36.
36. *Кирпичников А. Н.* Исследования древней Корелы и Ладожской крепости. — АО 1972 г.
37. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси. Л., 1976.
38. *Кирпичников А. Н.* Историко-археологические исследования древней Корелы. («Корельский город» XIV в.). — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979.
39. *Кирпичников А. Н., Петренко В. П.* Тверской городок. (К вопросу изучения древности Русской Карелии). — КСИА, 1974, № 139.
40. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. — МИА, 1953, № 32.
41. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65.
42. *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода. — МИА, 1963, № 117.
43. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
44. *Коновалов А. А.* Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода. Автореф. канд. дис. М., 1974.
45. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954.
46. *Корхонен М.* Карело-саамские связи в свете лингвистических данных. — В кн.: Происхождение Карелии. Йоэнсу, 1976.
47. *Косменко М. Г.* Двуслойное поселение в устье р. Суны. — В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978.
48. *Кочкуркина С. И.* Связь Юго-Восточного Приладожья в X—XI вв. — Сканд. сб., Таллин, 1970, т. 15.
49. *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.
50. *Кочкуркина С. И.* Рец. на кн.: Голу-
бева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. — СА, 1975, № 2.
51. *Кочкуркина С. И.* Памятники типа линнавуори в Карелии. — Сканд. сб., Таллин, 1975, т. 20.
52. *Кочкуркина С. И.* Территория летописной корелы в XII—XIV вв. (по археологическим данным). — В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978.
53. *Кочкуркина С. И.* Археологические памятники корелы (V—XV вв.). Л., 1981.
54. *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации паконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы). — СА, 1978, № 4.
55. *Кустин А. Э.* Каменный могильник в Рандвере на острове Сарема (репозоме). — МКА, 1962, т. 2.
56. *Куусинен О. В.* Калевала — эпос карельского народа. — ТЮНС, 1950.
57. *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М., 1969.
58. *Лаанест А.* Ижорские диалекты. Таллин, 1966.
59. *Лаанест А.* Прибалтийско-финские языки. — В кн.: Основы финно-угорского языкоznания (прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки). М., 1975.
60. *Левашева В. П.* Сельское хозяйство. — ТГИМ, 1956, вып. 32.
61. *Левашева В. П.* Браслеты. — ТГИМ, 1967, вып. 43.
62. *Левинсон-Нечаева М. Н.* Ткачество. — ТГИМ, 1959, вып. 33.
63. *Лерберг А. Х.* Исследования, служащие к объяснению истории древней России. («О жилищах емии»). СПб., 1849.
64. *Лескинен Х.* Карелы и Саво с точки зрения исследователя языка. — В кн.: Происхождение Карелии. Йоэнсу, 1976.
65. *Макарова Л. Н.* К истории аффрикат в русском языке. — Вопр. языкоznания, 1973, № 1.
66. *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — ТГИМ, 1967, вып. 43.
67. *Мальм В. А.* Шиферные пряслица и их использование. — ТГИМ, 1971.
68. *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65.
69. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв. — САИ, 1966, вып. Е1-36.

70. *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья. — АСГЭ, 1980, вып. 21.
71. *Миролюбов М. А.* Орудия вторичной обработки почвы и урожая из Старой Ладоги. — АСГЭ, 1976, вып. 17.
72. *Моора Х. А., Лиги Х. М.* К вопросу о генезисе феодальных отношений у народов Прибалтики. — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.
73. *Музуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.
74. *Недошицина Н. Г.* Перстни. — ТГИМ, 1967, вып. 43.
75. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М., 1968.
76. *Никольская Р. Ф.* Баня в быту карельского и финского крестьянства. — В кн.: VIII Всесоюз. конф. по изуч. ист., экон., яз. и лит. Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Петрозаводск, 1979, ч. 1.
77. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
78. Отчет Археологической комиссии за 1904 г. СПб., 1907.
79. Основы финно-угорского языкоznания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
80. Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957, т. 1.
81. *Панкрущев Г. А.* Происхождение карел по археологическим данным. — В кн.: Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.
82. Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятны 7008 г. — ВМОИДР, 1852, кн. 12.
83. *Пименов В. В.* К вопросу о карельско-вепсских культурных связях. — СЭ, 1960, № 5.
84. *Пименов В. В.* Вепсы. М.; Л., 1965.
85. *Пименов В. В.* К вопросу этнокультурных связей вепсов и карел. — В кн.: Происхождение Карелии. Иоэнсуу, 1976.
86. *Попов А. И.* Из топонимики Карелии. — В кн.: Природные ресурсы, история и культура КФССР. Петрозаводск, 1949, вып. 1.
87. *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968.
88. Псковские летописи. М., 1955, вып. 2.
89. *Раедоникас В. И.* Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии. — В кн.: Карелия. Ежегодник КГМ за 1928 г. Петрозаводск, 1930.
90. *Раедоникас В. И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и в Юго-Восточном Приладожье. — ИГАИМК, 1934, № 94.
91. *Раедоникас В. И.* Археологические памятники западной части КФССР. — КСИИМК, 1940, вып. 7.
92. *Расиньш А. П.* Культурные и сорные растения на материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР. — В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959.
93. *Розенфельдт Р. Л.* Янтарь на Руси (X—XIII вв.). — В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978.
94. *Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья. — Вопр. ист., 1974, № 1.
95. *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978.
96. *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978.
97. *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров. — МИА, 1963, № 117.
98. *Рябинин Е. А.* Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли. — КСИА, 1974, вып. 139.
99. *Рябинин Е. А.* Древности води и пожары в Ленинградской области (историография вопроса). — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977.
100. *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М., 1971.
101. *Савельева Э. А.* Лузская пермца. Сыктывкар, 1972.
102. *Савельева Э. А.* Вадъягский могильник. — В кн.: Матер. по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1973, вып. 4.
103. *Сакс А. И.* Разведочные работы Приозерского отряда. — АО 1979 г.
104. *Седов В. В.* Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа. — В кн.: Acta Baltiko-Slavica, 1967, т. 5.
105. *Седов В. В.* Исследование в Иzborske. — АО 1974 г.
106. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — МИА, 1959, № 65.

107. Селиранд Ю. Я. Грунтовый могильник в Каберла (13—17 вв.) (резюме). — МКА, 1962, т. 2.
108. Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55.
109. Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода. — КСИА, 1976, № 146.
110. Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, т. 20.
111. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.; Л., 1965.
112. Труммал В. К. К исследованию эстонско-скандинавских отношений (по материалам саремаских древностей X—XI вв.). — В кн.: VIII Всесоюз. конф. по изуч. ист., экон., яз. и лит. Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Петрозаводск, 1979, ч. 1.
113. Тыниссон Э. Ливские курганные могильники в Кримулде (резюме). — Изв. АН ЭССР. Сер. обществ. наук, 1966, т. 15, № 1.
114. Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972.
115. Хомутова Л. С. Кузнецкая техника на земле древней веси (по материалам поселения у деревни Городище). — СА, 1982, № 4.
116. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55.
117. Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977.
118. Шаскольский И. П. Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. — Изв. Кар. фил. АН СССР, Петрозаводск, 1951, № 2.
119. Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. — Геогр. сб., М.; Л., 1954, т. 3.
120. Шаскольский И. П. Политические отношения Новгорода и карел в 12—14 вв. — Новг. ист. сб., Новгород, 1961, вып. 10.
121. Шаскольский И. П. Русско-норвежский договор 1326 г. — Сканд. сб., Таллин, 1970, т. 15.
122. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на побережье Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.
123. Шаскольский И. П. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен Юго-Восточной Прибалтики в свете данных современной науки. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979.
124. Шмидхельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.—V в. н. э.). Таллин, 1955.
125. Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига, 1961.
126. Шноре Э. Д. Каменный могильник в Лаздыне. — In: *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallinn, 1970.
127. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
128. Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.
129. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1.
130. Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1975.
131. Ailio J. Karjalaiset soikeat kupurasoljet. — SMYA, 1922, n. 32, o. 3.
132. Andren A., Nilsson T. Lås och nyskilar. — *Archaeologica Lundeusia*, Malmö, 1976, n. 7.
133. Anthoni E. Egils sagas berättelse om Torolf Kveldulfssons färder över fjällen. — *Historisk Tidskrift för Finland*, 1948, n. 33.
134. Antoniewicz W. Ein Medaillon mit der Darstellung der betenden Mutter Gottes (Maria Orans) aus Kekomäki in Karelien. — In: *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallinn, 1970.
135. Appelgren Hj. Muinaisjäännöksiä ja tarinoita Kemin kihlakunnan itäisissä osissa. — SMYA, 1882, n. 5.
136. Appelgren Hj. De runda djurspänna in Finland. — FM, 1897, n. 4.
137. Appelgren Hj. Die vielreihigen silbernen Gliederketten in finnländischen Funden. — SMYA, 1905, n. 23.
138. Appelgren-Kivalo Hj. Romansk ornamentik. — SM, 1910, n. 17.
139. Aspelin J. R. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1879—1884, vol. 4, 5.
140. Bauer N. Nachträge zu den russischen Funden abendländischen Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts. — ZfN, 1929, Bd. 39.
141. Björkman T. Kuusamon Lämsän hopea-aarre. — SM, 1957, n. 64.
142. Christiansson H. Sten-brons-järn övre Norrland. Kronologiska nivåer

- bolysta av nya fynd i Skellefte-Byske älvdalar.—SMYA, 1973, n. 75.
143. Cleve N. Skelettgravfälten på Kjuloholm i Kjulo. — SMYA, 1978, n. 44, o. 2.
144. Deemant K. Das Steingräberfeld von Proosa bei Tallinn. — Изв. АН ЭССР. Сеп. обществ. наук, 1975, т. 24, № 1.
145. Europaeus A. Muinaistutkimuksen tehtäviä Karjalassa. — Kalevalaseuran Vuosikirja, Porvoo; Helsinki, 1923, n. 3.
146. Eruvamaa J. Käkisalmen ja Hiitolan sormusten figuurit. — SM, 1972, n. 79.
147. Finskt Museum. Helsingfors, 1901.
148. Fornvänner. Stockholm, 1916.
149. Hackman A. Die ältere Eisenzeit in Finnland. Helsingfors, 1905.
150. Hackman A. Trouvailles de l'âge du fer. — In: Atlas de Finlande 1940. Helsingfors, 1941.
151. Hackman A. Das Brandgräberfeld von Pukkila in Isokyrö. — SMYA, 1938, n. 41.
152. Hackman A., Heikel A. O. Vorgeschichtliche Altertümer aus Finnland. Photographische Tafeln aus dem historischen Museum des Staates in Helsingfors. Helsingfors, 1900.
153. Heikel A. O. Tuukkalan löytö. — SMYA, 1889, n. 10.
154. Hällström O. Lisiä suomalaisten soikeiden kupurasolkien syntyhistoriaan. — SM, 1948, n. 54.
155. Hirvilahti A.-L. Ett bysantinskt korsmycke från Haimionmäki i Lundo. — FM, 1971, n. 77.
156. Hirvilahti A.-L. Raison Ihalan «vaskivaipat». — SMYA, 1973, n. 75.
157. Jelisejv J. Itämerensuomalaisia kielemnistomerkejä. — Virittäjä, Helsinki, 1966, n. 3.
158. Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga. Riga, 1896.
159. Kaukonen T.-I. Om brickväningens traditioner i Finland och ett par brickband från korstågstiden. — FM, 1968, n. 75.
160. Keskitalo O. Suontaka-svärdet. — FM, 1969, n. 76.
161. Kirkkinen H. Karjala idän kulttuuri-piirissä. Bysantin ja Venäjän yhteysistä keskiajan Karjalaan. Helsinki, 1963.
162. Kirkkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. Helsinki, 1970.
163. Kivikoski E. Likarmade spännet från vikingatiden. — FM, 1938, n. 45.
164. Kivikoski E. Svenskar i österled under 500-talet. — FM, 1939, n. 46.
165. Kivikoski E. Lisiä Karjalan ristiretkikauden ajanmääräykseen. — Kälevalaseuran Vuosikirja, Porvoo; Helsinki, 1942, n. 22.
166. Kivikoski E. Zur Herkunft der Karelier und ihrer Kultur. — AA, 1944, vol. 15, fasc. 1—2.
167. Kivikoski E. Suomen rautakauden kuvasto. Porvoo; Helsinki, 1947, n. 1.
168. Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Porvoo; Helsinki, 1951, Bd 2.
169. Kivikoski E. Hästskoformige spännet i Finlands vikingatid. — FM, 1951, n. 58.
170. Kivikoski E. Vikingatid och korstågstid. — In: Forntid och fornfynd. Helsingfors, 1952.
171. Kivikoski E. Suomen esihistoria. — In: Suomen historia. Porvoo; Helsinki, 1961, n. 1.
172. Kivikoski E. Akantusornamentik an frühgeschichtlichen Funden Westfinnlands. — В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий. Таллин, 1966.
173. Kivikoski E. Zu den ästförmigen Anhängern der jüngsten Eisenzeit. — In: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970.
174. Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973.
175. Knorr H. Westslawische Gürtelhaken und Ketteneschlissgarnituren. — In: Offa. Neumünster, 1970.
176. Koskimies M. Ylöjärven Mikkolan akantuskoristeiden miekka. — SMYA, 1973, n. 75.
177. Kuujo E. Käkisalmen historia. Lahli, 1958.
178. Kuujo E., Kirkkinen H. Baltiassa ja Suomessa asuneiden heimojen osallistuminen Itämeren alueen kysymysten ratkaisuun 1100 ja 1200 luvulla. — Historiallinen arkisto, 1975, n. 69.
179. Lehtosalo P.-L. Rapukoristosten solkien ajoituksesta. — SM, 1966, n. 73.
180. Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistarin hopeasolki. — SMYA, 1973, n. 75.
181. Lehtosalo-Hilander P.-L. Punahame-simihuntu-monien mahdollisuksien muinaispuvut. — Vakkanen, Vammala, 1973, n. 2.
182. Lehtosalo-Hilander P.-L. Muinaispukujemme korut. — Kotiseutu, 1979, n. 5.
183. Lehtosalo-Hilander P.-L. Common characteristic features of dress-ex-

- pressions of kinship or cultural contacts. — In: *Fenno-ugri et slavi* 1978. Helsinki, 1980.
184. *Leppäaho J.* Räisälän Hovinsaaren Tontinmäen paja, sen langanveto-välineet ja langanvedosta (vanutuksesta) yleensäkin. — SM, 1949, n. 56.
185. *Leppäaho J.* Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. — SMYA, 1964, n. 61.
186. *Löugas V.* Über die Typologie und Chronologie der ältesten Hirtenstabnadeln des Osthaltikums. — SM, 1971, n. 78.
187. *Lukkarinen J.* Eräs muinainen kultukie Laatokan ja Oulunsuun väillä. — SM, 1917, n. 24.
188. *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. — ÖES Toim, 1938, Bd 29, T. 2.
189. *Mugurēvičs Ē.* Olinkalna un Lokesnes pilsnovadi 3.—15. gs. arheologiskie pieminekli. Riga, 1977.
190. *Naumen F. K.* Metallkundliche Untersuchungen an drei wikingzeitlichen Zieheisen aus Haithabu. — In: Berichte über die Aufgrabungen in Haithabu. Untersuchungen zur Technologie des Eisens. Neumüster, 1971, Bd 5.
191. *Nerman B.* Die Verhindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929.
192. *Nerman B.* Die Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm, 1935.
193. *Nissilä V.* Vuoksen paikannimistö. — Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, Helsinki, 1939, n. 214, o. 1.
194. *Nissilä V.* Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
195. *Nordman C. A.* Anglo-Saxon Coins found in Finland. Helsingfors, 1921.
196. *Nordman C. A.* Karelska järnåldersstudier. — SMYA, 1924, n. 34, o. 3.
197. *Nordman C. A.* Guldarmbandet från Metsäpirtti. — SMYA, 1934, n. 40.
198. *Nordman C. A.* Schatzfunde und Handelsverbindungen in Finnlands Wikingerzeit. — AA, 1942, vol. 13.
199. *Nordman C. A.* Gotländisch oder deutsche in Silberkruzifix von Halikko im eigentlichen Finnland. — AA, 1944, vol. 15.
200. *Nordman C. A.* Smycke fyndet från Sipilänmäki i Sakkola. — SMYA, 1945, n. 45.
201. *Pälsi S.* Puvustoaineeksi Maskun Humikkalan kalmistosta. — SM, 1928, n. 35.
202. *Pälsi S.* Om gravar med obrända lik. — FM, 1938, n. 45.
203. *Petersen J.* De norske vikingesverd. Kristiania, 1919.
204. *Saar E.* Tuletegemine tuleraua, tulikivi ja süütisega. — Etnograafiamuseumi aastaraamat, Tartu, 1975, n. 28.
205. *Salmo H.* Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland. — SMYA, 1938, n. 42, o. 1.
206. *Salmo H.* Deutsche Münzen in vorgeschichtlichen Funden Finnländs. — SMYA, 1948, n. 47.
207. *Salmo H.* Finnische Hufeisenfibeln. — SMYA, 1956, n. 56.
208. *Salo U.* Die Frührömische Zeit in Finnland. — SMYA, 1968, n. 67.
209. *Sarvas P.* Ristiretkiajan ajoituskysymyksiä. — SM, 1971, n. 78.
210. *Sarvas P.* Kuvasormusryhmä 1500-luvun lopulta. — SM, 1973, n. 80.
211. *Schwindt T.* Tietoja Karjalan rautakaudesta. — SMYA, 1893, n. 13.
212. *Selirand J.* Eestlaste matmiskomed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11—13 sajand.). Tallinn, 1974.
213. *Serning I.* Lapska offerplatsfynd från järnåldern och medeltid i de svenska Lappmarkerna. — Acta Lapponica, Uppsala, 1956, n. 11.
214. *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Fundbeschreibung und Tafeln. Lund, 1947, Bd 2.
215. *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1958, Bd 1.
216. *Stenberger M.* Das Gräberfeld bei Ihre im Kirchspiel Hellvi auf Gotland. — AA, 1962, vol. 32.
217. *Strandberg R.* Les broches d'argent caréliennes en forme de fer à cheval et leurs ornements. — ESA, 1938, n. 12.
218. *Tallgren A. M.* Muutamia uusia muinais löytöjä ja kaivauksia. — SM, 1918, n. 25.
219. *Tallgren A. M.* Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du Nord. — ESA, 1928, n. 3.
220. *Tallgren A. M.* Suomen Karjalan rautakaudesta. — In: Karjalan Kirja. 2. painos. Porvoo; Helsinki, 1932.
221. *Tallgren A. M.* The Prehistoria of Ingria. — ESA, 1938, n. 12.

222. *Tomanterä E.* The disc-pommeled swords from Kekomäki in Käukola. — In: *Fенно-угри и славяне* 1978. Helsinki, 1980.
223. *Tönnisson E.* Eesti aardeleiud 9—13 sajand. — MKA, 1962, t. 2.
224. *Tönnisson E.* Kumna hõbeaare. — In: *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallinn, 1970.
225. *Tönnisson E.* Das jungesenzzeitliche Gräberfeld Tammiku in Ostestland. — SMYA, 1973, n. 75.
226. *Tönnisson E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur. Tallinn, 1974.
227. *Vahter T.* Fronssikierukkakoristelun tekniilisistä menetelmistä. — SM, 1928, n. 35.
228. *Valonen N.* Suomen itäraja perinnerajana. — *Kalevalaseuran Vuosikirja*, Porvoo; Helsinki, 1974, n. 54.
229. *Vilkuna K.* Zur Geschichte der finnischen Sicheln. — SMYA, 1934, n. 40.
230. *Vilkuna K.* Zur Geschichte des finnischen Pferdes. — *Studia Fennica*, Helsinki, 1967, n. 43.
231. *Vilkuna K.* Die Heumahd mit der Hausense. — In: *Festschrift Matthias Zender. Studien zur Volkskultur, Sprache und Landesgeschichte*. Bonn, 1972.
232. *Voionmaa V.* Suomen karjalaisen heimon historia. Helsingissä, 1915.
233. *Wasmer R.* Die kufischen Münzen des Fundes von Luurila, Kirchspiel Hattula. — SMYA, 1927, n. 36, o. 3.
234. *Westerholm M.* Esihistoriallinen kalmisto Sairilan seudulla Mikkeliin pitäjässä. — SM, 1930, n. 36.
235. *Ylönen A.* Jääskens kihlakunnan historia. Forssa, 1957, n. 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВМОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских. М.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М., Л.
КГМ — Карельский государственный музей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М., Л.
СЭ — Советская этнография. М.
ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
ТЮНС — Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию «Калевалы». Петрозаводск.
AA — Acta Archaeologica. København.
FM — Finskt Museum. Helsingfors.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
MKA — Muistised kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik. Tallinn.
ÖES Toim. — Opetatud Eesti Seltsi Toimetused. Tartu.
SM — Suomen Museo. Helsinki.
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.
ZfN — Zeitschrift für Numismatik. Berlin.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. Н. Мамонтова, С. И. Кочкуркина

О ТОПОНИМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РАЙОНОВ

Известно, что топонимические данные как языковые свидетели далекого прошлого могут оказаться хорошим подспорьем при решении вопросов, связанных с историей заселения того или иного региона, при выяснении путей передвижения отдельных племен и народностей.

Планомерное и систематическое исследование карельской топонимии у нас в стране по существу только началось, несмотря на некоторые отдельные публикации, в которых в той или иной связи привлекаются географические названия Карелии, в том числе и карельского происхождения, поэтому приходится опираться главным образом на исследования финляндских ученых.

Следует отметить, что в Финляндии существуют давние традиции сбора и систематизации топонимии не только своей территории, но и смежных с ней областей, где проживает родственное в языковом отношении население (карелы, вепсы,ижора, водь и т. д.). Карельская топонимия уже давно является объектом рассмотрения учеными Финляндии, и в первую очередь В. Ниссиля. Еще в 1931—1935 гг. он подверг обследованию северную часть Карельского перешейка — колыбель летописной корелы — районы Метсиярви, Саккола, Вуоксела, Вуоксенранта и Антреа. В 1936—1938 гг. Ниссиля фиксировал названия вокруг населенных пунктов Валкеаярви, Муола, Яуряяля, Яаски, Руоколахти и т. д. На основе богатого, собранного в полевых условиях и извлеченного из письменных источников (исторических документов, писцовых книг, карт и т. д.) материала им был написан обширный труд по топонимии долины р. Вуоксы [193].

Работа по интенсивному сбору названий в Северо-Западном Приладожье, включая районы Сортавала, Суйстамо, Рускеала, Яакима, Хийтола, Куркийоки, Харлу, Суоярви, Салми и т. д., в Финляндии продолжалась и в последующие годы. Наряду с этим финляндскими учеными опубликован ряд исследований, в которых в той или иной мере рассматривалась карельская топонимия. Все это нашло отражение в обобщающем

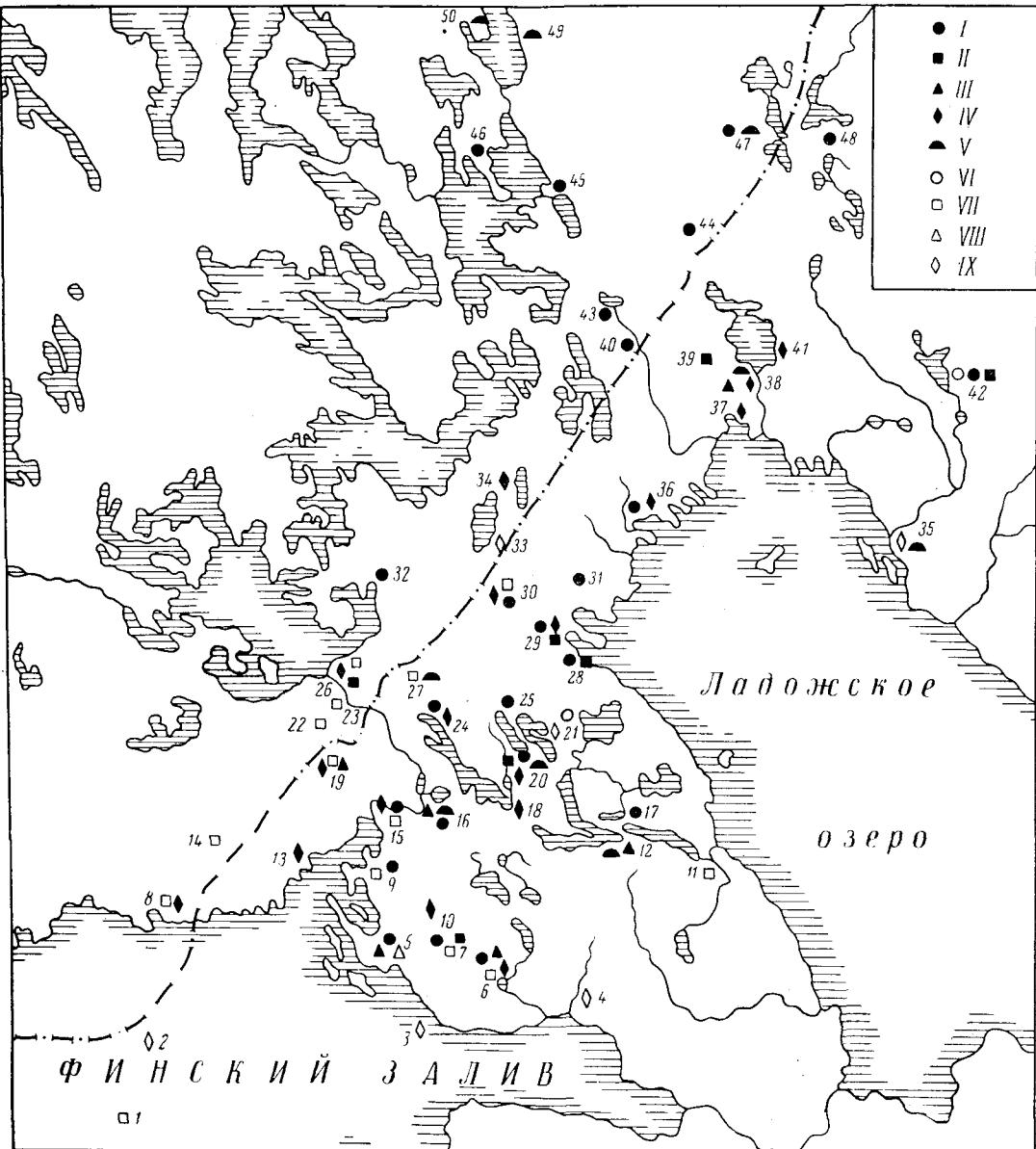
труде В. Ниссиля [194], написанном на основе коллекции карельских топонимов (325 000 единиц), хранящихся в Топонимическом архиве Финляндии (*Suomen nimiarkeisto*). Помимо отмеченных уже территорий рассматривалась также Восточная Финляндия (Йоэнсу, Иломантси и т. д.). Однако в силу ряда объективных причин не все части этого региона одинаково хорошо обследованы [194, с. 9–25], но в целом его можно отнести к территориям с достаточной степенью топонимической изученности.¹

В указанных работах В. Ниссиля основное внимание уделяется лингвистическому анализу топонимов, их структуре и семантике. Что касается стратиграфии, то прямых свидетельств возраста топонимов почти нет, существуют на этот счет лишь косвенные данные. Так, например, далеко не всегда имеются сведения о том, когда было впервые упомянуто то или иное название в исторических документах. Однако известно, что христианские личные имена начали распространяться на Карельском перешейке уже в XII в., в то время как римско-католические — несколько позже. О возрасте топонимов могут поведать определенным образом и апеллятивные заимствования. И все-таки сейчас еще трудно делать окончательные выводы относительно времени возникновения тех или иных названий мест, поскольку еще недостаточно изучены все типы прибалтийско-финских топонимов [193, с. 41–42].

Тем не менее В. Ниссиля выделяет несколько пластов. Основной фон топонимии интересующего нас региона составляют финско-карельские названия мест (*suomalais-karjalaiset nimet*). Представлены также саамские и славянские (*lappalaiset nimet* и *slaavilaiset nimet*). Помимо них автором выделены в особые группы римско-католические, скандинавские и нижненемецкие (*roomalaiskatoliset nimet*, *skandinaaviset nimet*, *alasaksalaiset nimet*). Следует заметить, что многие из называемых автором финско-карельских наименований топографические: в них содержатся апеллятивы, обозначающие местность (сушу и водную систему), характеризующие расположение объектов в пространстве, их размер, цвет, почвы, форму и прочие особенности, а также животный и растительный мир края. Финско-карельские топонимы имеют в своем составе следующие апеллятивы: из области охоты, рыболовства, земледелия и прочих занятий жителей; называющие здания, сооружения, пути и способы передвижения; характеризующие особенности жизни и быта населения, его представления о мире и веровании. Большую группу финско-карельских названий составляют отантропонимы, образованные от личных имен (прозвищ, фамилий) прибалтийско-финского происхождения или заимствованных, но переработанных местными жителями по нормам своего языка. Они охватывают все Северо-Западное Приладожье и смежные районы и укладываются в основном в границы территории летописной корелы, выявленные на археологическом материале (см. рисунок).

Что касается римско-католических, скандинавских и нижненемецких имен, то они представлены в названиях отдельных домов, поселений и их

¹ В Топонимическом архиве Финляндии хранится карта, на которой показана степень изученности территории Финляндии и сопредельных с ней областей. Северная часть Карельского перешейка, за исключением некоторых районов северного побережья Финского залива, исследована достаточно полно.

Ареал этнонимов «лаппи», «карьяла», «саво», «хяме», «вепся», «чудь», «виру», «эстя», «инкери» (по В. Ниссиля).

I — лаппи; II — карьяла (единичные); III — саво (то же); IV — хяме (1—2); V — вепся; VI — чудь (единичные); VII — виру; VIII — эстя (единичные); IX — инкери (то же). 1 — Тютиарси; 2 — Лавансари; 3 — Сейскари; 4 — Каннелярви; 5 — Койвисто; 6 — Усикирко; 7 — Кулемяярви; 8 — Виролахти; 9 — Йоханнес; 10 — Йуряя; 11 — Метспирти; 12 — Рауту; 13 — Сяккиярви; 14 — Мизхикяля; 15 — Выборг; 16 — Хейльйоки; 17 — Саккола; 18 — Вуоксала; 19 — Вахвиала; 20 — Вуоксранта; 21 — Райсия; 22 — Лумяки; 23 — Нууяма; 24 — Антреа; 25 — Каукола; 26 — Йоутсено; 27 — Яаски; 28 — Хийтола; 29 — Куркийоки; 30 — Кирву; 31 — Лумивара; 32 — Руоколахти; 33 — Симпеле; 34 — Парииккала; 35 — Салми; 36 — Яаккима; 37 — Сортавала; 38 — Харлу; 39 — Рускеала; 40 — Тохамяяри; 41 — Суйстамо; 42 — Суоярви; 43 — Кито; 44 — Пяльяярви; 45 — Пюхяселья; 46 — Липери; 47 — Иломантси; 48 — Корписелья; 49 — Пизлисъярви; 50 — Юукка.

частей, ряда небольших географических объектов, владельцами которых были поименованные люди, и по этой причине не могут считаться первичными.

Топонимы саамского происхождения представляют несомненный интерес для исследователей. Они довольно древние и характеризуют главным образом топографические особенности, флору и фауну. Например, саамскими являются названия мест, в составе которых фигурируют следующие апеллятивы: *epo* (большая река, течение, поток; струя; главный фарватер; мать-река; широкий и глубокий рукав реки, самое глубокое место в течении); *hirvas* (самец-лось, самец-олень); *ii* (ночь, которая, возможно, связана с ночной рыбалкой); *jaurgi*, *jaurgi* (озеро); *jäkälä*, *jänkä* (болото, не очень топкое, поросшее чахлой сосной); *kouta* (широкий, обширный; средний, центральный); *kuoksa* (головалый детеныш бобра); *kuotko*, *kuotku(t)* (болотистая ложбинка; низкое место между двумя озерами; узкая полоска песка, покрытого вереском, или соснового бора; перешеек, узкий в своем основании мыс, наволок); *kuukas*, *kukas* (длинный); *kuukso*, *kuuksa* (сойка); *kätkä* (росомаха или камень); *lieksa* (болото, болотистая почва); *lisma* (и, грязь, слякоть); *lusma* (место, откуда река вытекает из озера); *niva* (маленький порог, стремнина); *noska* (долина, ложбина, лощина); *nuuksu* (лебедь); *nälmä* (устье реки); *oulu* (половодье, наводнение); *siekso* (птица скопа); *sonka* (угол, тайник или лосось, семга); *toras* (поперек, через); *tsolma* (пролив); *vaara* (гора); *vuokko* (удочка); *vuotso* (болото, на котором один за другим следуют озерки).

Однако саамские топонимы, разбросанные на всей рассматриваемой территории, не образуют «пучков», что вполне согласуется с историческими реалиями.

Довольно значительный пласт составляют топонимы славянского происхождения — в основном названия мест, образованные от заимствованной из русского языка лексики: апеллятивов и собственных имен (христианских личных имен). Эти заимствования являются разновременными и по-разному распространенными. Очень старых заимствований среди них сравнительно немного, они зафиксированы во всех близкородственных языках. К древнейшим славянским заимствованиям, представленным в топонимии Северо-Западного Приладожья, по мнению В. Ниссиля, относятся *lotja* (лодья), *tajakka* (маяк), *gaja* (край), *risti* (крест), *sirppi* (серп), *veräjä* (дверь) и т. д. Более поздние заимствования шире бытуют в вепсском, карельском (олонецкие говоры) языках, ингерманландских и восточных говорах финского языка. На схематичной карте (с. 8) нами помечены не все топонимы славянского происхождения, а только те названия мест, которые образованы от заимствованных из русского языка апеллятивов. Таким образом, отантропонимы во внимание не принимаются, равно как и наименования мест, содержащие в основе апеллятивы, обозначающие лиц, поскольку они могут быть фамилиями или прозвищами людей.

При картографировании учитывались прежде всего апеллятивы, отражающие природные особенности местности, растительный и животный мир: *korkka* (горка); *lomtpka* (ломка, каменная ломка); *luosa*, *luoso*, *lyösä*, *lyösö* (лужа); *rauna*, *raunpi*, *raunpi* (багно); *pukro*, *pukru* (бугор, бугра); *veretti*, мн. ч. *veretit* (веретье, вереть); *polentka* (поле); *poljana* (поляна); *pesku*, *peska* (песок); *guba* (губа, залив); *rosleva* (разлив); *rutsa*

(ручей, ручья); *relkka* (стрелка); *potokka* (поток); *rogu*, *porkku* (бор, борок); *liipua*, *liipuva* (липа); *tuprova* (дубрава); *konovitsa* (конь); *kunnij* (куница); *pelka* (белка); *popru* (бобр); *volka*, *volkka* (волк); *karussi* (карась), и т. д.

Заемствованы апеллятивы, обозначающие местоположение объектов: *konitsa* (конец,) *pervoi* (первый), *virhovan* (верховые). То же относится к ряду апеллятивов, которые характеризуют здания, сооружения, постройки, другие объекты и предметы хозяйственного назначения: *vortsu*, *dvorttsu* (дворец); *tatsa*, *datsa* (дача); *huittor*, *huittor* (хутор); *sintsi* (сенцы, сени); *ambari*, *ampaari* (амбар); *kuomina* (гумно); *läävä* (хлев); *povarni* (поварня); *sarain*, *sarrai*, *saraja* (сарай); *puusti* (пустошь); *mellitsa*, *mellitsä*, *mellihta*, *mellihtä* (мельница); *lotina*, *blotina* (плотина); *kirpitsa* (кирпич); *ropotti* (работа); *savot* (завод); *ru(u)tnikka* (рудник); *tökötti* (деготь); *pila* (пила); *poini* (бойня); *obodu*, *opotta*, *opota* (обод); *tapuna* (табун); *tessettiina* (десятина); *otsina* (отчина); *noventka* (новина); *polja* (поле); *sastava* (застава); *saatu* (сад); *polossut* (полоса), и т. д.

С определенными местами и средствами передвижения связаны такие заимствования: *jaama*, *juama* (ям, тракт); *dorga*, *doroga* (дорога); *gorra*, *droppa* (тропа); *kaavani*, *kaavana* (гавань); *ristana*, *ristani* (пристань); *parkka* (барка); *pantan* (понтон); *hotu* (ход); *kalitta* (калитка, дверь), и др.

В топонимии представлены апеллятивы, обозначающие места поселений: *pogosta* (погост), *lopotti* (слобода), *korotiisa* (городище), *possada* (посад), *rintka* (рынок).

При учете славянских топонимов нами не брались во внимание заимствования, которые связаны с деятельностью православной церкви: *pamasteri* (монастырь); *sässönpä*, *sässyvä* (часовня); *skiitat* (скит); *kelja* (келья), — а также апеллятивы, служившие названиями лиц: *vunukka* (внук); *täätä* (дядя); *musikka* (мужик); *koroli*, *karali* (король). Очень большую группу составляют топонимы, образованные от заимствованных христианских личных имен (греко-русско-карельских), однако для нас они менее интересны по сравнению с так называемыми топографическими названиями мест.

Как и следовало ожидать, вывод о тесной связи славянского и древне-карельского населения, вытекающий из анализа археологических, исторических и этнографических источников, полностью подтвердился топонимическими названиями. Славянское влияние охватило все сферы хозяйственной и культурной деятельности древних карел, особенно тех, которые обитали в центральной части Карельского перешейка. Далее к северу от северо-западных берегов Ладожского озера славянские топонимы на общем финско-карельском топонимическом фоне представляют отдельные явления.

Особенно интересны названия мест, образованные от этнонимов. Они, как правило, возникают в пограничной полосе, где проживают совместно представители различных племен и народностей. Так, в Северо-Западном Приладожье выделяются топонимы, в основе которых лежат этнические названия: *vepsä* (вепсы); *kargala* (корела),² *lappi* (лопь, саамы); *tšuud*,

² Наличие этнонима «*kargala*» на древнекарельской этнической территории — явление удивительное. Он мог возникнуть в том случае, если карелы проживали среди

tsuhna (чудь, чухна); häme (емъ, хяме); savo (саво); inkeri (ижора); viro, eesti (эстонцы).³

О пестроте населения на Карельском перешейке (это в свое время способствовало формированию различных точек зрения на этническую принадлежность археологических памятников Карельского перешейка и на происхождение древнекарельской общности) можно судить и по сведениям, почерпнутым из земельной книги Яаски (1543 г.), в которой упоминаются фамилии, связанные с именем племени, народа или местности: Яаскеляйнен, Хямяляйнен, Карьялайнен, Кюмляйнен, Лапветеляйнен, Лашпалайнен, Саволайнен, Суомалайнен, Вепсяляйнен, Виронен, Виролайнен [193, с. 384].

Краткая характеристика топонимической ситуации Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов показала, какие громадные возможности для освещения этнической истории и хозяйственной деятельности населения таит в себе топонимический материал. Использование топонимии в качестве полноценного, научно препарированного источника — задача будущих исследований.

Э. С. Васильева

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДНЫХ СПЛАВОВ С ГОРОДИЩ ТИВЕРСК И ПААСО

Спектральному анализу было подвергнуто 55 изделий (33 с городища Паасо, 22 — из Тверска; см. таблицу). Для анализа отбирался материал плохой сохранности с целью выяснения возможности и целесообразности проведения качественного анализа при исследовании ювелирных изделий.

Кусочки металла, разные по величине (некоторые с окалиной), подверглись анализу без предварительной подготовки. Образец помещался в угольный стержень диаметром 4 мм, глубиной 3 мм. Верхний электрод — угольный стержень, заточенный на конус. Содержание Pb, Sb, Sn, Zn, As определено полуколичественно. При таком методе наличие систематической ошибки, обусловленной различием эталонных образцов и исследуемых сплавов, не исключено.

Условия анализа: спектрограф ИСП-28, генератор ПС-39, трехлинзовая система освещения, дуговой режим. Сила тока 4 А, выдержка 5—10 с (обыскривание 10 с), пл. 20 ед., тип II, проявление 4 мин, угли С³, проявитель стандартный. Оценка содержаний примесей велась визуально.

Для анализа исследовались линии (длина волны линии дана в Å): As — 2349.84, 2381.18; Pb — 2833.06, 2663.16, 2393.7; Sn — 2839.9, 2421.69,

иноэтнического окружения, которое и назвало их соответствующим этническим именем. Так, например, в районе Кулемаярви карелы оказались в соседстве с лаппами и виру, в Вуоксэнранта — с лапши, вепся, хяме и т. д.

³ Правда, есть опасение, что в основе таких названий могут быть фамилии или прозвища людей более позднего образования.

Образец	Осн. Cu	As	Pb	Sn	Zn	Au	Ag	Bi	Co	Ni	Cd	Группа сплавов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Т и в е р с к												
Сpirаль	+	2	2	3	3	—	+	+	?	+	—	II
»	+	1	2	3	—	—	+	+	?	+	—	IV
Игла фибулы	+	2	1	1	—	—	+	+	?	+	—	V
»	+	1	1	1	1	+	+	+	+	+	—	IV—V
Заклепка	+	2	2	1	?	+	+	+	—	+	—	V
»	+	1	1	2	3	—	+	+	—	+	—	V
Оковка	+	1	2	3	4	1	+	+	—	+	—	II
Ременная пряжка	+	2	1	4	1	—	+	+	—	+	—	IV
Перстень	+	2	2	3	4	—	+	+	+	+	—	II
Копоушка	+	1	2	3	4	—	+	+	—	+	—	II
»	+	2	2	2	4	—	+	+	—	+	—	II
Звено цепи	+	2	2	3	1	—	+	+	—	+	—	IV
Дужка	+	2	2	3	4	—	+	+	—	+	—	II
Колоколообразная подвеска	+	2	3	2	4	—	+	+	+	+	—	II
Браслет	+	1	1	1	4	—	+	—	?	+	—	I
»	+	2	2	2	4	—	+	+	—	+	—	II
»	+	1	4	2	4	—	—	—	—	?	—	I-II
Пластина	+	1	1	2	1	—	+	+	—	—	—	IV
»	+	1	1	2	—	—	+	+	—	—	—	V
Дрот	+	1	2	3	1	—	+	+	+	+	—	IV
Неопределенное изделие	+	2	2	4	2	—	+	+	—	+	—	IV
Серебряный прут	Ag+Cu	1	2	3	3	—	Osn.	—	—	—	—	VI
П а с о												
Браслет	+	1	2	3	4	?	+	+	—	+	—	II
»	+	1	3	1	4	—	+	+	—	+	—	I
»	+	1	4	2	4	—	+	+	—	+	—	II
Застежка	+	1	2	3	4	—	+	+	—	+	—	II
Равноплечная фибула	+	2	4	2	4	—	—	—	—	+	—	II
Фибула со спиральными завитками	+	2	2	2	2	—	+	+	—	+	—	V
Сpirалька	+	2	2	4	—	?	+	+	—	+	—	IV
»	+	2	2	3	2	—	+	+	—	+	—	IV
Фибула типа F	+	1	2	3	—	?	+	+	—	+	—	IV
Пластина	+	1	2	2	—	—	+	+	—	+	—	IV—V
»	+	2	2	2	—	—	+	+	—	+	—	IV—V
»	+	2	2	3	—	—	+	+	—	+	—	IV
»	+	1	2	—	2	4	—	—	—	+	—	I
»	+	2	3	—	2	4	—	—	—	+	—	II
Накладка	+	1	1	1	1	—	+	+	—	+	—	V
»	+	2	2	4	1	—	+	+	—	+	—	IV
»	+	2	2	3	1	—	+	+	—	+	—	IV
Фрагмент неопределенного изделия	+	1	1	1	—	—	+	+	—	?	—	V
Обломки изделий	+	2	2	1	—	?	?	—	—	+	—	V
Игла фибулы типа Н	Fe	?	1	?	?	—	—	—	—	?	—	—
Ножны	+	2	2	3	4	—	—	—	—	+	—	II
Дрот	+	1	3	—	4	—	—	—	—	—	—	I
Стержень	+	2	2	2	4	—	+	+	—	+	—	II
Шпилька из орнаментированной рукоятки ножа	+	2	1	1	—	—	+	+	—	+	—	V

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Лировидная пряжка	+	1	1	4	1	—	+	—	—	—	—	IV
Дужка от сосуда	+	2	1	?	—	—	+	—	—	—	—	V
Кольцо от подвески	+	2	2	3	1	—	+	—	—	—	—	IV
Оковка	+	2	2	1	—	+	+	—	—	—	—	V
Металлический лом	+	2	1	2	1	+	+	—	—	—	—	V
Неопределенное изделие	+	2	3	2	4	—	+	—	—	—	—	II
Ушко подвески	+	2	2	2	4	—	+	—	—	—	—	I-II
Круглая подвеска	+	1	2	—	4	+	+	—	—	—	—	I
Орнаментированная пластинчатая подвеска	+	2	2	3	4	—	+	—	—	—	—	II

П р и м е ч а н и е. В графах 3—6 арабскими цифрами обозначено процентное содержание металла (1 — 0,01—0,1%; 2 — 0,1—1%; 3 — около или несколько больше 1%; 4 — значительно больше 1%); в графе 13 классификация медных сплавов дана по Т. Б. Барцевой и Е. Н. Черных [9]: сплав I — томпак, полуторпак, латунь (Zn больше 1%, Sn меньше 0,3%); сплав II — многокомпонентный (Cu+Zn+Sn+(Pb); Zn больше 1%, Sn больше 0,3%, Zn больше Sn); сплав IV — оловяннистые бронзы (Sn больше 0,3%), Zn меньше 1%, Sn больше Zn); сплав V — «чистая» Cu (содержание каждой примеси менее 1%, Sn менее 0,3%); сплав VI — биллоновый (Ag+Cu).

2850.61; Zn — 3345.02, 3345.57, 3018.35; Au — 2675.95, 2427.95; Ag — 3280.68, 3382.89; Bi — 3067.71, 2897.9; Co — 3453.505; Ni — 3414.765, 3050.8 и др.; Cd — 3261.057; Sb — 2598.06, 2383.63.

Zn определен в трех образцах методом атомной абсорбции: № 1 — 3,20%, № 4 — 0,026%, № 6 — примерно 20%.

Несмотря на то что классификация медных сплавов дана на основе полукачественного анализа, удалось выявить металлургическую неоднородность исследованных образцов (к сожалению, не определено количественное содержание Sn, что в какой-то степени уменьшает точность анализа). Примеси Sn, Zn, Pb можно считать искусственными добавками, так же как и элементы, встречающиеся в меньшем количестве, — As, Sb, Ag, Bi, наличие которых в изделиях, возможно, объясняется попаданием в сплав со сложным приплавом. Следует отметить, что все сплавы содержат Pb, т. е. для изготовления предметов, подвергшихся анализу, употреблялся тройной сплав.

Использование определенных групп сплавов при получении цветного металла, характерное для изделий с обоих городищ, соответствует сплавам новгородского ювелирного ремесла. Так, по мнению А. А. Коновалова, в X—XI вв. большинство новгородских изделий делалось из сплавов меди с цинком (I—II группы сплавов, по Т. Б. Барцевой и Е. Н. Черныху). В XIII—XIV вв. растет доля изделий из «чистой» меди, свинцово-оловянной и оловянной бронзы [44] (IV—V группы сплавов, по Барцевой и Черныху). Этот вывод справедлив и для вещей с древнекарельских городищ: достоверно ранние вещи (равноплечная фибула, части литых браслетов) сделаны из сплавов I—II группы, поздние (спиральки, фибулы типов F и H, шпильки из орнаментированной рукояти ножа, кольцо от подвески, оковки) — из сплавов IV—V групп.

Интересны результаты полуколичественного спектрального анализа копоушек. Типологически они относятся к XII—XIV вв., но сделаны из медных сплавов I—II групп, датирующихся X—XI вв. Однако, согласно А. А. Коновалову, такие сплавы использовались и в XII в. [44], что, на наш взгляд, не противоречит традиционным археологическим датировкам. Во всяком случае до получения точных количественных данных по серии образцов вопрос о датировке этого типа ювелирных изделий не может быть окончательно решен.

Результаты проведенного нами спектрального анализа, несмотря на их приближенность, позволяют говорить о перспективности такого рода исследований, освещаящих новые, ранее неизвестные стороны ювелирного производства древних карел.

Л. С. Хомутова

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК ТИВЕРСКА И ПААСО ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В данной статье излагаются результаты металлографического анализа большой серии кузнечных изделий из раскопок памятников летоисчислений корелы — Тиверска и Паасо, — исследованных С. И. Кочкуркиной [53]. Проведен он в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР.

На основании комплексного изучения (макро- и микроскопическое исследование проб, взятых с рабочей части изделия, выяснение технологических схем и конструктивных приемов изготовления предметов, измерение микротвердости структурных составляющих и фотографирование наиболее интересных и характерных структур) дана объективная характеристика техники и технологии кузнечного производства у древних карел.

Публикуемый материал рассматривается по памятникам. Внутри памятника результаты исследования излагаются по категориям.¹

ТИВЕРСК

В коллекции представлены орудия труда, ремесленный инструментарий, оружие, домашняя утварь. Наиболее многочисленная группа находок — ножи — универсальный инструмент, использующийся во всех сферах производства и в быту.

Для выяснения технологических схем, применяемых при изготовлении ножей, микроскопическому исследованию было подвергнуто 20 орудий. Большинство ножей по виду и размерам идентично древнерусским: прямая

¹ Результаты анализов конкретных изделий приводятся, согласно порядковому номеру в регистрационной книге, хранятся в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР.

спинка клинка отделена от черешка уступами, расположеными симметрично друг к другу. Переход от спинки к черешку может быть как плавным, так и резким (рис. 1, 3, 4; 2, 1, 5). У двух ножей очерченные уступы асимметричны (рис. 1, 1; 2, 6). Единичный экземпляр представляет тип, у которого прямая спинка переходит непосредственно в черешок (рис. 2, 7). Ножи еще одного типа характеризуются рельефно очерченным клинком с прямой толстой спинкой, слегка приспущенной на конце (рис. 2, 2, 3). Рассмотренные типы ножей бытовали на территории Древней Руси еще в эпоху раннего средневековья и имеют свою историю развития [70, с. 68–74].

В результате микроскопического исследования установлено шесть схем изготовления клинков ножей. Целиком из стали с разным содержанием и распределением углерода сделано пять ножей (25%); среди них два, с хорошо сохранившимися лезвиями, откованы из малоуглеродистой стали, содержащей 0.1–0.4% углерода (рис. 3, 1755, 1764), а три (рис. 3, 1752, 1765, 1770) — из нескольких полос стали. На всех орудиях наблюдается типичная для закаленной стали структура мартенсита — крупноигольчатая, твердостью 275–295 кг/мм². Такая невысокая твердость мартенсита говорит о том, что на изготовление ножей пошли стальные заготовки с небольшим количеством углерода, а крупноигольчатость свидетельствует о высоком нагреве изделий перед закалкой — примерно до 1000 °C.

Следующая технологическая схема вварного стального лезвия в железную основу клинка представлена на 5 экз. (25%). Ножи этой технологической группы отличаются стабильностью типа: длина клинка 8 см, ширина 1.5 см, длина черешка 4.5–5 см (рис. 3, 1756, 1759, 1760, 1762, 1768). На вварные полосы пошла сталь с разным содержанием углерода: от малоуглеродистой, скорее всего сырцовой, до высокоуглеродистой, специально цементированной. Сварочные швы четкие, тонкие, чистые. Термическая обработка зафиксирована на двух образцах (рис. 3, 1759, 1762).

Технология трехслойного пакета обнаружена на 4 экз. (20%). Как известно, классическая схема трехслойной технологии представляет собой сочетание тонкой стальной полосы, проходящей в середине многослойного клинка с выходом на лезвие, и наваренных по бокам от нее полос железа. Наблюдаемое на всех четырех исследованных ножах бессистемное расположение железных и стальной полос позволяет рассматривать применение в данном случае «псевдопакета» (рис. 3, 1051, 1761, 1766, 1767). Так, на образце 1051 вместо железной полосы используется высокоуглеродистая, на образце 1761 ближе к спинке находилась наиболее углеродистая часть, а на острие — железо, высокоуглеродистая стальная полоса образца 1766 оказалась приварена на месте железной, а у образца 1767 три полосы были стальными. Все ножи находились в закаленном состоянии. Качество же ковки и сварки невысокое: металл сильно загрязнен шлаковыми включениями, сварочные швы расплывчатые, четкость границ между структурными составляющими отсутствует.

Технология торцовой наварки стального лезвия прослежена на 3 экз. (15%). Ножи этой группы отличаются более широким лезвием, чем пре-

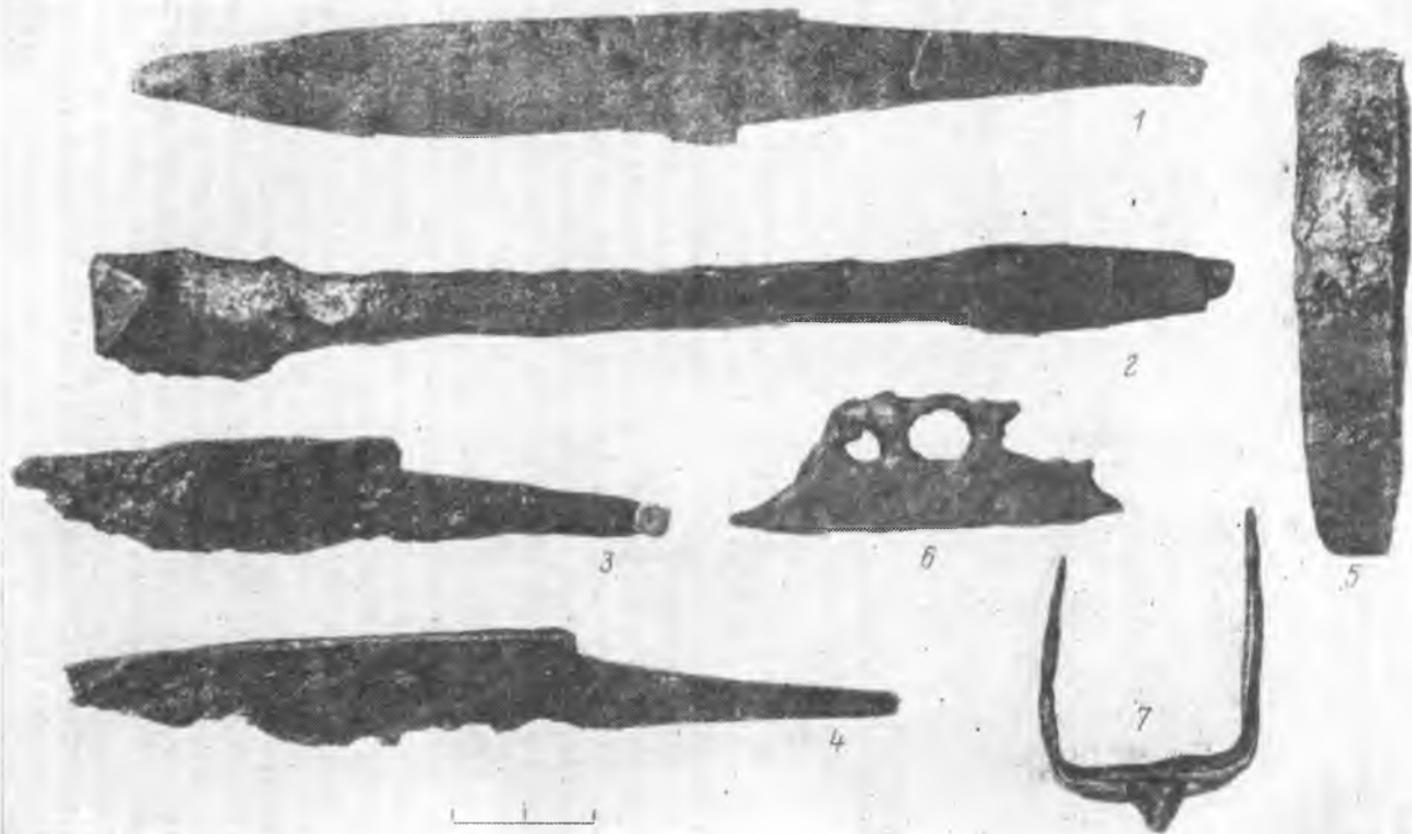

Рис. 1. Тиверск. Кузнецкие изделия, подвергшиеся металлографическому исследованию (1—7).

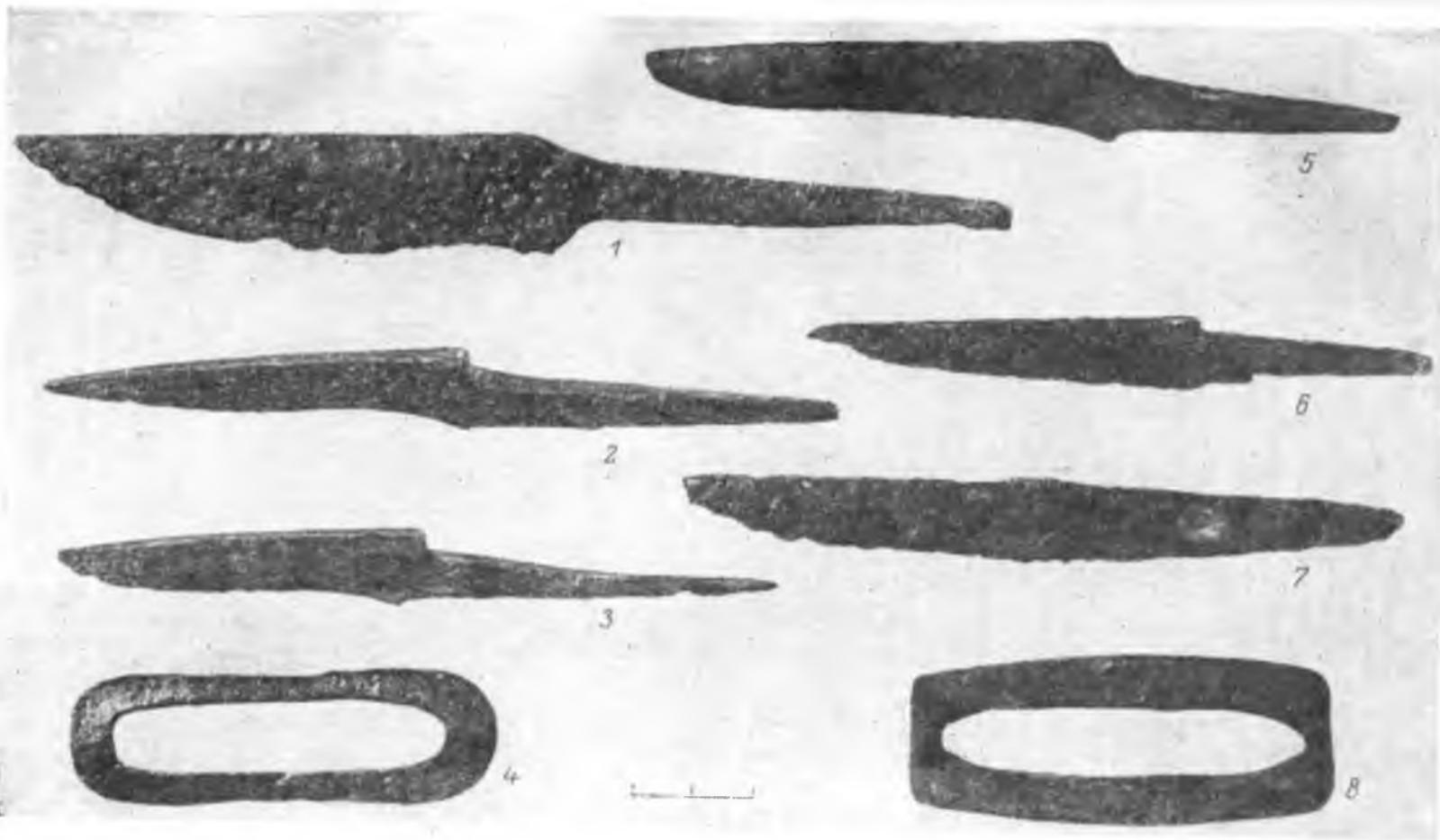

Рис. 2. Тиверск. Ножи и кресала (1—8).

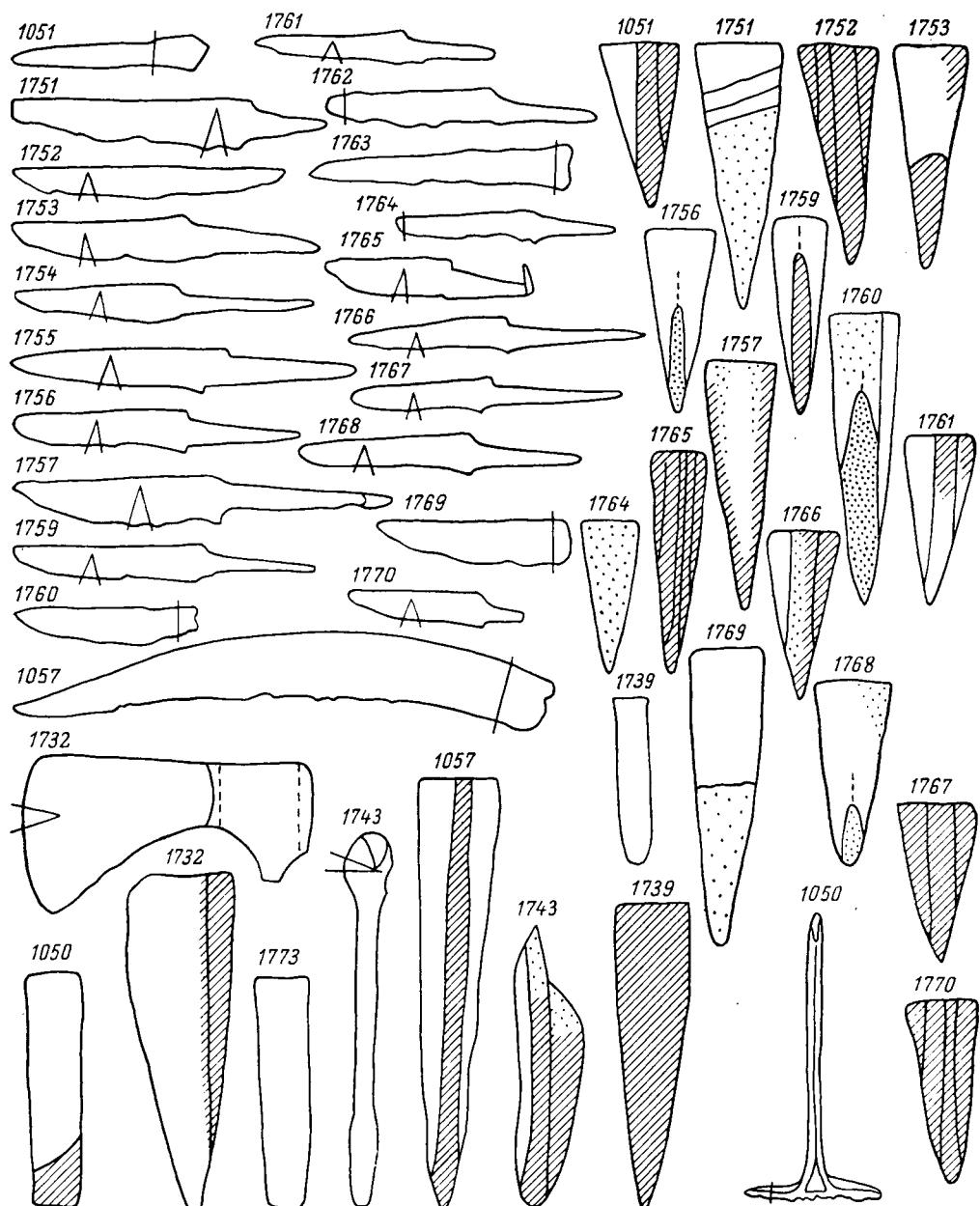

Рис. 3. Тиверск. Технологические схемы предметов.

1 — железо; 2 — сталь; 3 — термическая обработка; 4 — цветной металл.

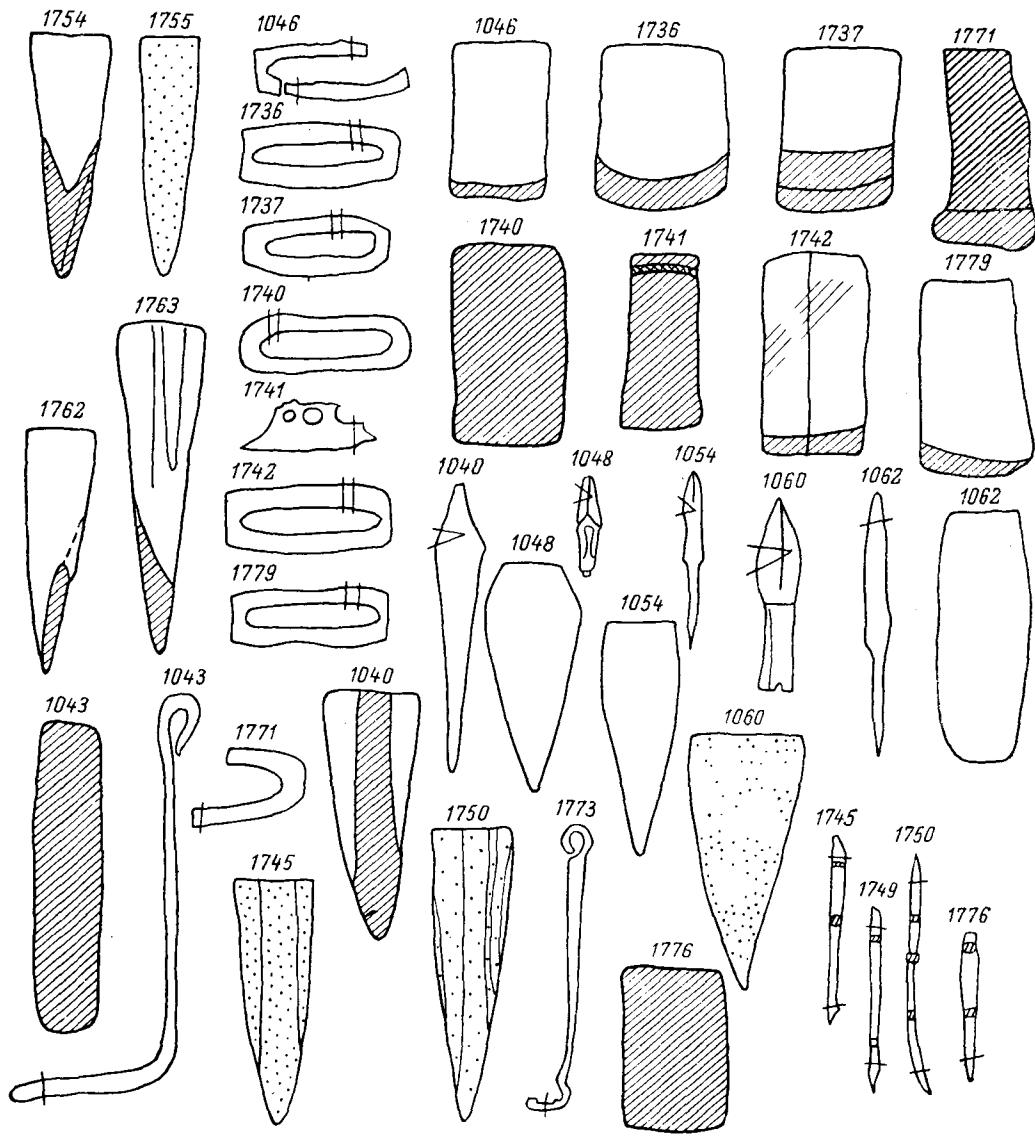

Рис. 3 (продолжение).

дыущие. Термически обработанным оказался 1 экз. (рис. 3, 1753). Ввиду того что содержание углерода в двух других ножах не превышало 0.2%, мы не знаем, подвергались ли они закалке. Как известно, сталь, содержащая до 0.4% углерода, термическую обработку не воспринимает (рис. 3, 1751, 1769).

Технология косой наварки встречена на 2 экз. (10%). Причем на образце 1754 (рис. 3) обнаружено применение двух технологических схем: вначале на железную основу была V-образно наварена стальная полоса, судя по твердости мартенсита (383 кг/мм²), из среднеуглеродистой стали, затем к ней приварили узкую стальную пластину из высокоуглеродистой стали. Твердость после закалки 464 кг/мм².

Один нож демонстрирует технологию поверхностной цементации изделия (5%) с последующей закалкой в холодной воде (рис. 3, 1757). Микротвердость закаленного слоя 514 кг/мм². Следует отметить, что по виду этот нож сильно отличается от остальных исследованных образцов: он крупнее, длина лезвия 9 см, ширина 2 см, черешок заканчивается петлей для крепления (рис. 2, 1).

Таким образом, технологические схемы изготовления ножей полностью соответствуют общерусским IX—XIV вв. Отметим лишь несколько, как нам кажется, специфических черт, характерных для исследованных орудий. Во-первых, отсутствует технология цельножелезного клинка, которая довольно часто встречается на разных памятниках Древней Руси [40, с. 104]. Во-вторых, технология трехслойного пакета проявляется только в виде «псевдопакета». Это наблюдение позволяет сделать вывод, что ножи, изготовленные в такой схеме, несомненно были продукцией местных кузнецов, которые подражали образцам, распространенным на Руси в IX—XI вв.

Из сельскохозяйственных орудий исследовался серп (рис. 3, 1057). Его технологическая схема — трехслойный пакет. Стальная полоса характеризуется неравномерным содержанием и распределением углерода. Сварка проведена некачественно, сварочные швы широкие, местами расплошившиеся, забитые шлаковыми включениями. Металл плохо прокован, содержание шлака повышенное. После отковки орудие закаливали. Микротвердость 295—383 кг/мм².

К числу орудий труда относится скребница. В результате микроскопического исследования установлена наварка стального лезвия на железную основу с последующей закалкой в холодной воде. Микротвердость 514 кг/мм² (рис. 3, 1050).

Более обширно представлены орудия для обработки дерева: сверло, стамеска, ложкарь, топор. Сверло отковано в схеме трехслойного пакета, но работа по его изготовлению выполнена неквалифицированно: сварочный шов грубый, забитый стекловидной массой шлака, в одном месте разошелся. Структура феррито-перлитная, т. е. характерная для незакаленной стали. Содержание углерода в стали 0.5—0.6% (рис. 3, 1745). Качество ковки и сварки другого инструмента — ложкаря (рис. 1, 2) — высокое: металл чистый, хорошо освобожденный от шлака, сварочные швы тонкие, чистые, но нет четкости в расположении стальной и железных полос (рис. 3, 1743), что напоминает технику исполнения ножей. После окончания ковки ложкарь был закален, его микротвердость 464—572 кг/мм².

Рис. 4. Тиверск. Топор (1732).

Рис. 5. Тиверск. Топор (сварочный шов).

Стамеска изготовлена из высокоуглеродистой стали, закалена и отпущена, чтобы уменьшить хрупкость инструмента, полученную при закалке.

Несколько подробнее остановимся на технике и технологии изготовления топора. При визуальном осмотре тела топора обнаружен сварочный шов, проходящий от обуха вдоль лезвия (рис. 4). Второй сварочный шов находился в месте образования проушины. Сварка проведена внахлест с целью образования обуха, который был сделан путем петлевого загиба раскованной заготовки. Сварочный шов довольно грубый, хорошо виден невооруженным глазом (рис. 5). Указанный прием изготовления обуха и проушины отмечен на топорах из Новгорода, Приладожья, Владимирских и Гнездовских курганов [40, с. 104].

Как показало микроскопическое исследование, при формовке топора использовали две железные заготовки — полосы разной величины: меньшая пошла на изготовление половины лезвия; один конец второй полосы сварили с первой и сделали лезвие, а другой конец согнули в виде петли, образовав обух и проушину, и приварили к лезвию. Таким образом, микро-

скопическое и визуальное наблюдения над конструкцией топора совпали (рис. 3, 1732). Анализ технологии изготовления его рабочей части показал, что лезвие подверглось операции поверхностной цементации с последующей закалкой в холодной воде. Микротвердость 514 кг/мм².

Из кузнечно-слесарного инструментария, обнаруженного на городище, исследованию подверглись зубило (рис. 1, 5) и бородок. Взять пробу у зубила не удалось из-за высокой твердости металла. Подполированной одной из сторон обнаружена структура заэвтектоидной стали с последующей закалкой. Из высокоуглеродистой стали откован бородок — инструмент для пробивания отверстий в нагретом металле (рис. 3, 1776). Микротвердость 420 кг/мм².

Целиком из железа без каких-либо операций по улучшению рабочего качества откованы шилья (рис. 3, 1749, 1750).

Технология изготовления многочисленного бытового инвентаря рассматривалась на примере кресал и ключей.

Исследовано восемь кресал. Одно из них имело фигурную рукоять (рис. 1, 6), все остальные кресала овальные (рис. 2, 4, 8). Вариации в размерах незначительны — от 6.5 до 7.5 см. На шести кресалах выявлена схема наварки стальной полосы на ударное ребро, изготовленное из железа (рис. 3). Сварка во всех случаях проведена качественно, сварочные швы тонкие, четкие. На наварные полосы использована высокоуглеродистая сталь. Микротвердость 572—724 кг/мм². Из хорошо цементированной стальной заготовки сделано овальное кресало (рис. 3, 1740). Кресало с фигурной рукоятью также было отковано из стали, но невысокого качества. В данном случае интересна конструкция инструмента, поэтому остановимся на ней более подробно. Визуальный осмотр не объяснил, как изготавливали рукоять: была ли она откована из монолитного куска вместе с рабочим ребром, а затем на ней пробиты отверстия, или их пробили отдельно из листового железа и приварили к стальной полосе. В результате структурного изучения установлено, что колечки железные и скреплялись между собой при помощи кузнечной сварки. Соединение же колечек с рабочим ребром кресала происходило путем ввода между ними другого металла (припоя) и последующего нагрева свариваемых деталей в кузнечном горне вместе с припоеем. Сварочные швы четкие, плотные. Все кресала подвергались закалке в резкой закалочной среде.

Технология изготовления двух ключей, имеющих коленчатое устройство, с головкой, внутри которой есть фигурные прорези, наимпростейшая — они сделаны целиком из кричного железа (рис. 3, 1773). Ключ-отмычка изготовлен из высокоуглеродистой стали с последующей закалкой на мартенсит (рис. 3, 1043).

Рассмотренные нами наконечники стрел (4 экз.) не дали сложных и интересных схем, за исключением одного, сделанного в схеме трехслойного пакета (рис. 3, 1040). Остальные три наконечника откованы из железа. Самострельный болт — из неравномерно науглероженной стали с содержанием углерода 0.1—0.8% (рис. 3, 1048, 1054, 1060, 1062).

Многочисленные предметы, не требующие специальной обработки, — заклепки, светцы, болты, гвозди, удила, кольца, цепи, ручки ведер — были изготовлены целиком из железа.

Итак, результаты микроскопического исследования показали, что производство разнообразного кузнецкого инвентаря в Тиверске сводилось к семи схемам: изготовление цельностального изделия; торцовая наварка стального лезвия в железную основу клинка; трехслойная пакетная сварка; вварка стального лезвия в железную основу клинка; косая наварка стального лезвия в железную основу; поверхностная цементация готового изделия; изготовление цельножелезного предмета.

Следует отметить, что доминируют изделия, имеющие стальные лезвия. Практически можно считать, что для всех изделий, требующих острых и твердых лезвий или поверхностей, материалом служила сталь. Все прочие изделия изготавливались из железа.

ПААСО

Переходим к рассмотрению технологических приемов изготовления каждой категории находок из Паасо.

Наиболее представительны в исследованной коллекции — ножи. Их форма и размеры соответствуют восточноевропейским ножам II и IV групп (рис. 6, 1, 4–6) [70, с. 69–73].

У 23 исследованных ножей выявлены четыре структурные схемы. Самую многочисленную группу (12 экз.) составляют ножи, откованные в схеме трехслойного пакета (52.1%). Как правило, сварка проведена качественно, при правильном температурном режиме и с использованием флюсов, о чем свидетельствуют тонкие и чистые сварочные швы. В подавляющем большинстве это технология классического трехслойного пакета (рис. 7, 1828, 1835, 1836, 1838, 1842, 1844, 1845, 1847, 1866, 1876). Однако есть ножи, откованные в схеме трехслойного пакета, но с перепутанными полосами: стальная наварена сбоку, где должна быть железная, а на месте стальной расположена железная (рис. 7, 1841, 1848). Термическая обработка сохранилась у 10 экз. Структуру закаленной стали составляют мелкоигольчатый мартенсит и мартенсит с трооститом, свидетельствующие о применении мягкой закалочной среды. Микротвердость 420 кг/мм².

Довольно представительная группа — ножи, выполненные в технологии вварки стального лезвия в железную основу клинка (35%). Кузнецам не всегда удавалось провести сварку хорошо: попадаются широкие сварочные швы, местами загрязненные шлаковыми включениями. Термическая обработка обнаружена у пяти образцов. Структура закаленной стали — мартенсит с четкими иглами. Микротвердость 574 кг/мм².

Технология косой боковой наварки стального лезвия на железную основу отмечена дважды (8.6%). Оба ножа закалены на мартенсит (рис. 7, 1833, 1840).

Для 1 экз. характерна технология торцовой наварки стального лезвия на железную основу с последующей теплообработкой в мягкой закалочной среде (4.3%; рис. 7, 1830).

Таким образом, технологические приемы изготовления клинков ножей из Паасо базируются на сочетании железной основы и стального лезвия (100%). У примерно 80% орудий лезвия термообработанные, выдержанные

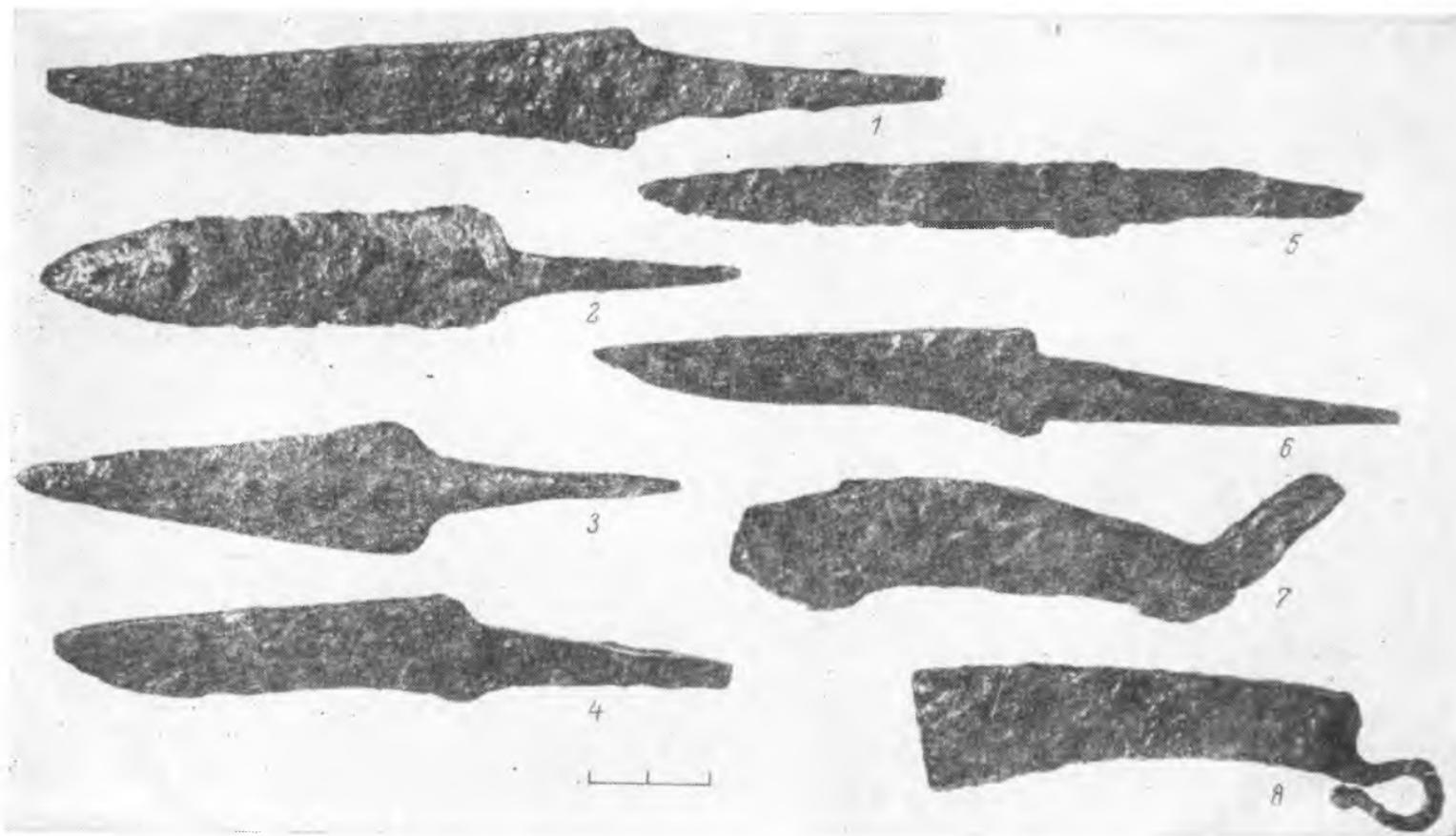

Рис. 6. Паасо. Кузнецкие изделия, подвергшиеся металлографическому исследованию (1—8).

в резкой или мягкой закалочной среде. В итоге получались изделия, обладающие твердой рабочей частью и мягкой, вязкой основой.

Сельскохозяйственные орудия в анализируемой коллекции представлены косой и серпом (рис. 6, 7). Исследование полного поперечного сечения лезвия косы выявило технологию вварки высокоглеродистой стальной полосы в железную основу (рис. 7, 1851). Структура феррито-перлитная, характерная для незакаленной стали, с содержанием углерода 0.6—0.8%. Микротвердость 206—295 кг/мм². Вварка проведена умело, сварочные швы четкие и чистые. При изготовлении лезвия серпа был применен технологический прием боковой наварки тонкой стальной полосы на железную основу (рис. 7, 1872). Использовалась сталь малоуглеродистая, содержащая 0.1—0.3% углерода. Металл сильно загрязнен шлаковыми включениями. Микротвердость железа 170 кг/мм², стали — 206 кг/мм².

Деревообделочный инструментарий в коллекции — топоры, долото и тесло.

Из трех изученных топоров два целых (рис. 8, 1, 4), от третьего сохранилось только лезвие (рис. 7, 1870). Один (рис. 8, 1) принадлежит, видимо, к наиболее массовому типу — плотничным топорам. Второй — легкий и изящный, небольшого размера (рис. 8, 4), инкрустирован на лицевых и боковых плоскостях цветным металлом, по две полосочки на каждой грани. На лезвии пробито круглое отверстие, по-видимому, для ношения на ремешке, с помощью которого топор привязывался к поясу. Данный образец следует отнести к числу боевых.

Результаты металлографического исследования показали, что по технике изготовления проушины части путем петлеобразного сгибания одного конца подготовленной полосы-заготовки с последующей кузнечной сваркой места соприкосновения его с полосой плотничий топор из Паасо аналогичен таковому из Тверска. Иная техника была применена при изготовлении проушины боевого топора: предварительно сделав полосу-заготовку, кузнец разрубил один конец ее, разогнул в виде двух рогов и затем сварил. Сварочный шов хорошо виден визуально в середине верхней части обуха.

И хотя техника изготовления топоров различна, при работе над лезвием был использован один и тот же технологический прием — вварка стального лезвия в железное тело топора (рис. 7, 1808, 1871). После окончания ковки лезвия закалили в мягкой среде. Структура — мартенсит с трооститом. Микротвердость 383—464 кг/мм². Такой вид термообработки наилучшим образом отвечает техническим условиям этого орудия.

Микроскопическое исследование полного продольного сечения лезвия обломанного топора показало применение V-образной наварки стальной полосы на железную основу с последующей резкой закалкой в холодной воде. Структура закаленной стали — мелкоигольчатый мартенсит. Микротвердость 824 кг/мм². Мартенсит с такой высокой твердостью обладает значительной хрупкостью, что абсолютно недопустимо для инструментов, подвергающихся ударной нагрузке. Видимо, хрупкость мартенсита послужила причиной поломки топора.

Для грубого выдалбливания в дереве разнообразных выемок применялись тесла. Исследованное тесло прекрасно сохранилось. Его длина 140 мм,

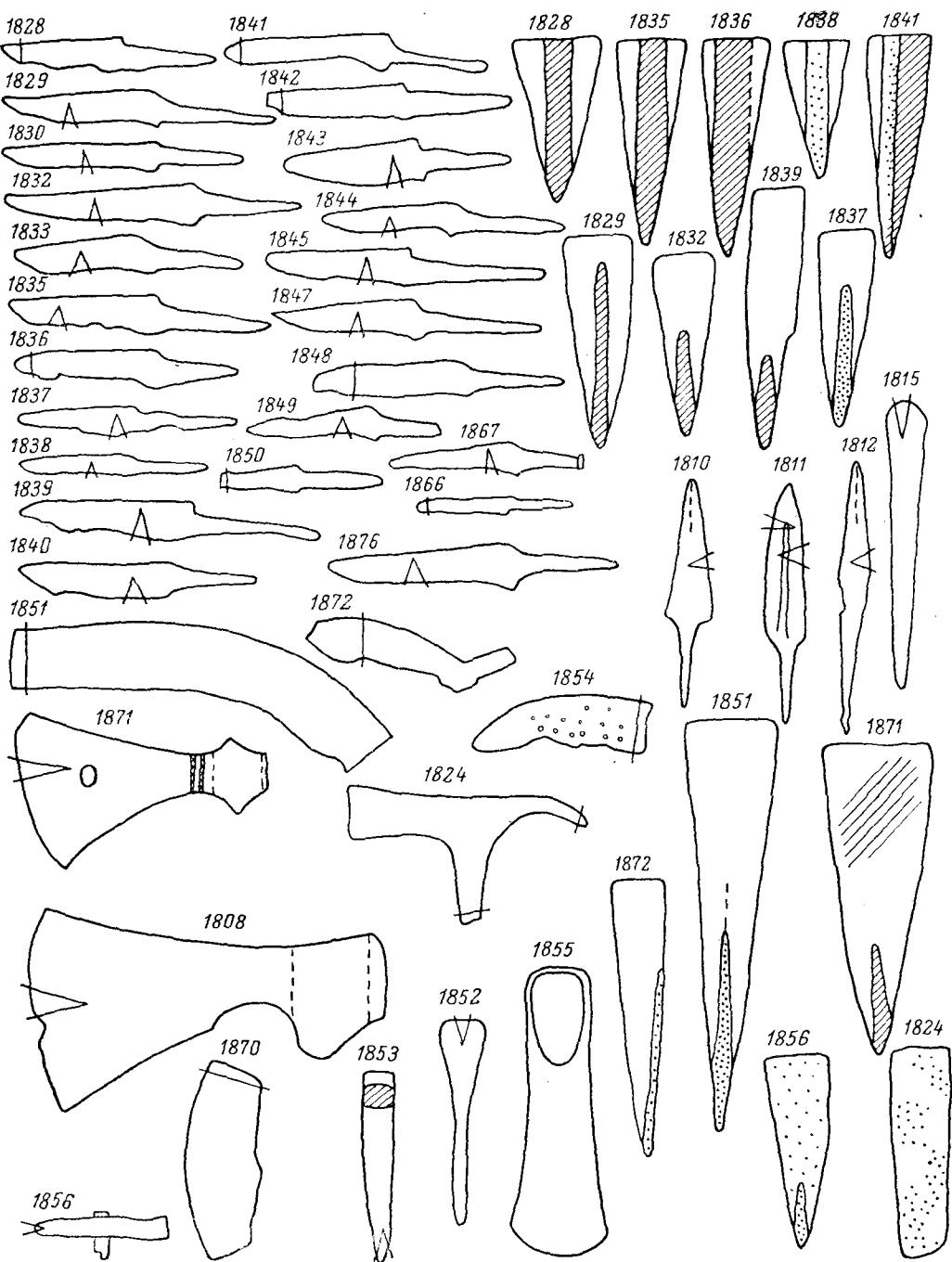
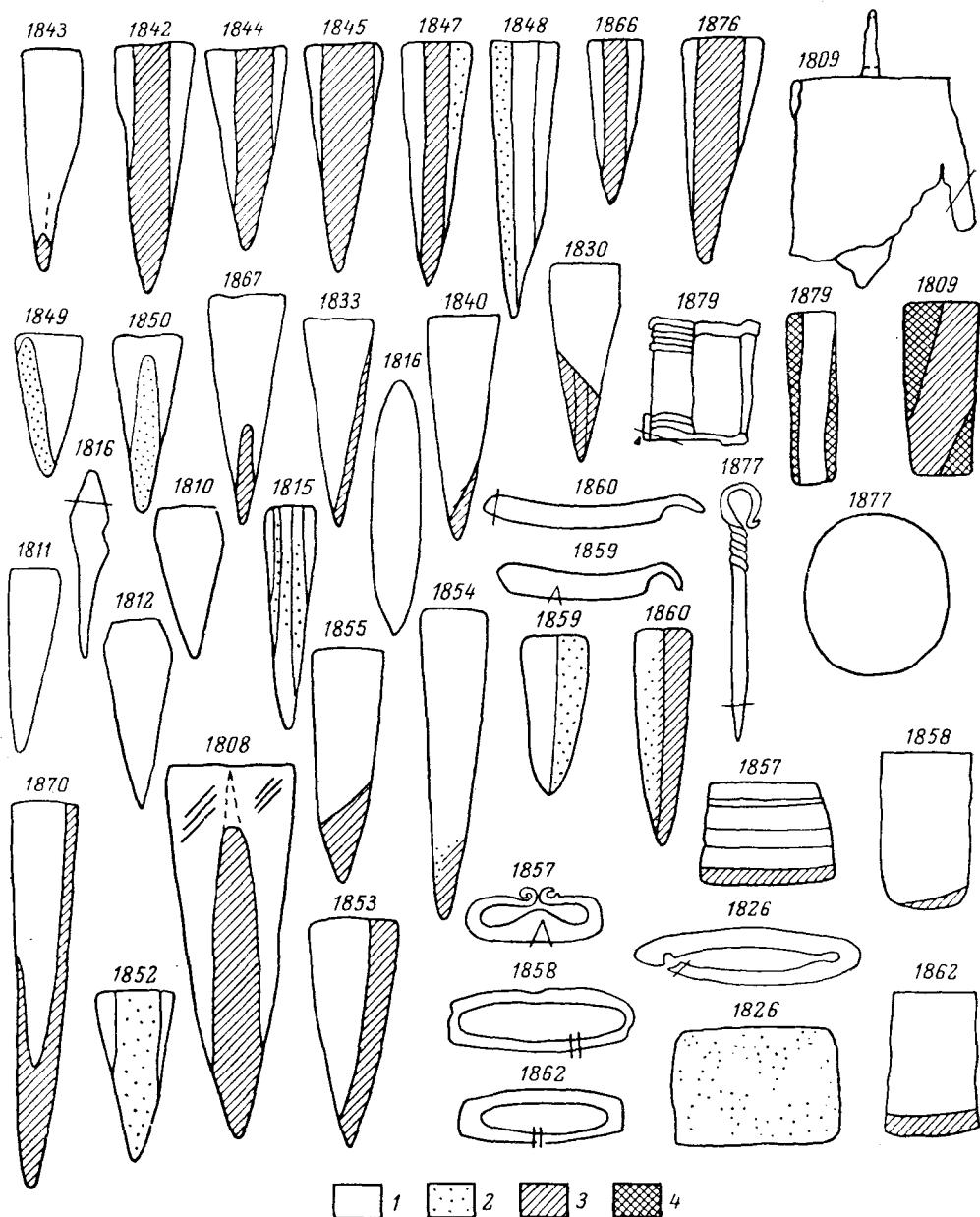

Рис. 7. Паасо. Технологические схемы предметов.

1 — железо; 2 — сталь; 3 — термическая обработка; 4 — цветной металл.

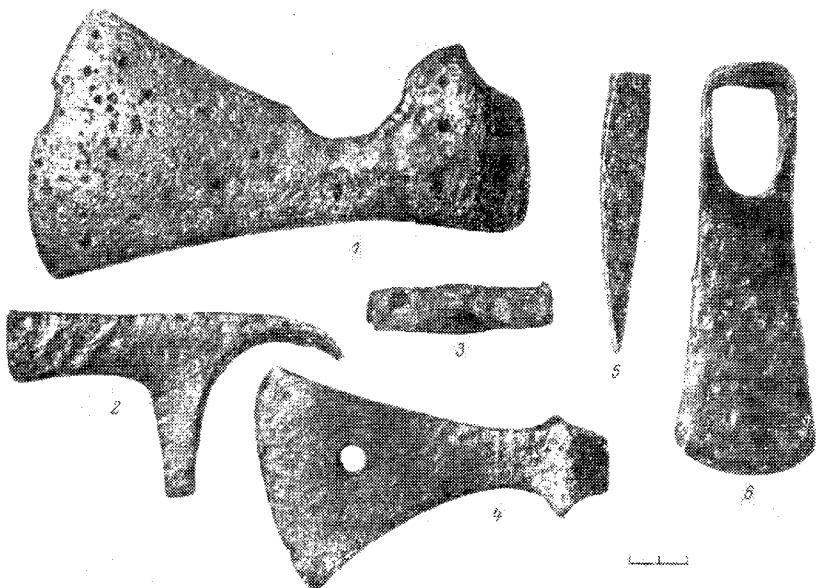

Рис. 8. Паасо. Кузнецкие изделия (1—6).

ширина 50 мм. На лезвии хорошо заметна наварная пластина (рис. 8, 6). Взять выпил с продольного сечения лезвия, необходимый для исследования под микроскопом, не удалось из-за высокой твердости металла. Подшлифовка боковых граний орудия выявила схему наварки стального лезвия. Грубый, широкий сварочный шов имеет вид стекловидной массы. Структура наварной части — мелкоигольчатый мартенсит. Сложной оказалась и техника формовки обушенной части. Внимательный осмотр обуха с целью обнаружения сварочного шва при его изготовлении не дал положительных результатов. Видимо, проушина была пробита специальным пробойником в предварительно нагретой заготовке корпуса тесла.

Микроскопически исследованное долото принадлежит к числу простых; его конструкция — целый металлический четырехугольный стержень с лезвием на одном конце и обухом — на другом (рис. 8, 5). Как показали данные анализа, перед нами опять соединение двух металлов: железа и стали. На железную основу — стержень долота — наваривалось стальное лезвие. Последней операцией была закалка в холодной воде. Сварочный шов чистый, четкий (рис. 7, 1853).

Для забивания гвоздей и работы с долотом применялся молоток. Исследованы два молотка: гвоздодер (рис. 8, 2) и небольшой молоточек, который мог быть использован как в кузнечных, так и в ювелирных работах (рис. 8, 3). Тело молотка-гвоздодера на одном конце оканчивается бойком, на другом — раздвоенными губами. Исследованием обнаружена струк-

тура железа, хорошо освобожденная от неметаллических включений (рис. 7, 1824). Аналитическое изучение молоточка выявило технологию сварки стальной полосы в такую же основу. Структура феррито-перлитная, с равномерным содержанием и распределением углерода — 0.6—0.8% (рис. 7, 1856). Микротвердость 236 кг/мм².

О развитии косторезного дела на городище свидетельствует находка резца. При исследовании рабочей части инструмента обнаружена технология трехслойного пакета (рис. 7, 1852). Содержание углерода в стальной полосе небольшое — от 0.1 до 0.4%. Не отличаются высоким качеством сварочные швы; один из них тонкий, вытянутый.

Среди железных инструментов и орудий труда имеется волочило, указывающее на производство на месте проволоки (рис. 9, 3). Процесс волочения заключался в том, что предварительно прокованный в тонкие, длинные бруски металл проталкивался через глазки волочильной доски: сначала через крупные, а затем через более мелкие [97, с. 209]. На найденном волочиле пробито 14 отверстий, диаметры которых колеблются от 1 до 2.5 мм.

Обычно волочила представляют собой четырехугольный стержень с пробитыми в нем отверстиями разных размеров и форм [190, S. 84—99; 43, рис. 66, 3]. Наше волочило имеет клинообразное сечение и по виду напоминает скорее всего обломок серпа либо косы. Его форма не знает пока аналогий в материалах других памятников как Восточной, так и Западной Европы.

При микроскопическом исследовании полного поперечного сечения выяснилось, что волочило отковано из железной заготовки с последующей сквозной цементацией заостренной части. В заключение ковочных работ была применена термическая обработка — закалка в холодной воде. Микротвердость железа 206 кг/мм², мартенсита — 514—824 кг/мм². О том, что волочила подвергались термообработке, свидетельствуют металлографические данные из Хайтхабу (Haithabu), где 2 экз. из трех оказались закаленными на мартенсит [190, S. 86—95].

Пять рассмотренных наконечников стрел не дали каких-либо интересных технологических схем. У всех обнаружена структура кричного железа (рис. 7, 1810—1812, 1815, 1816). Металл плохо освобожден от шлаков. Микротвердость 151—181 кг/мм².

Из бытовых предметов микроскопическому исследованию подвергались две бритвы, четыре кресала (рис. 9, 1, 2, 4), замок и ботало (рис. 10).

Технология изготовления бритв оказалась однотипной. Они откованы из двух полос, железной и стальной, с выходом на лезвие стали (рис. 7, 1859, 1860). При кузничной сварке бритвы 1860 мастера постигла неудача: сварочный шов, не прочно соединив поверхности, разошелся. В дальнейшем металл расслоился по сварочному шву. Видимо, причина неудачи — перегрев заготовок перед сваркой, о чем свидетельствует структура видманштетта. Закалке бритва не подвергалась, но другая сохранила закалку на мартенсит.

Обязательной принадлежностью любого древнерусского поселения являются кресала. Четыре изученных образца типологически различны.

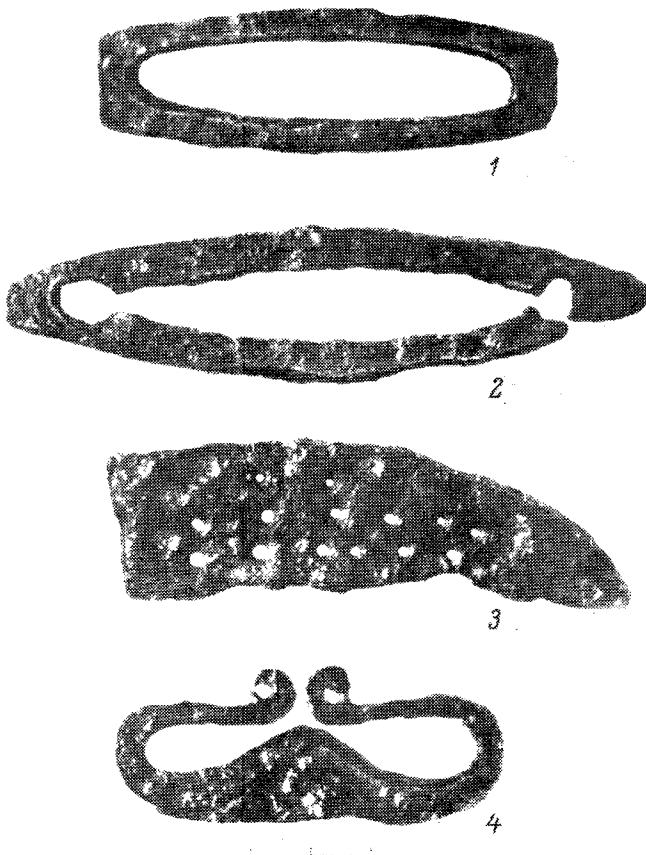

Рис. 9. Наасо. Кресала и волочило (1—4).

Одно кресало, калачевидное с язычком (рис. 9, 4), принадлежит к типу, бытовавшему на Руси в X—XI вв., а с середины XII в. вышедшему из употребления [41, с. 101]. Исследование показало, что оно отковано в типичной древнерусской схеме — путем наварки стальной полосы на ударное ребро с последующей закалкой в холодной воде. Основа кресала — тонкие сварные полосы (рис. 7, 1857). Микротвердость 295—464 кг/мм². Такое колебание твердости может свидетельствовать о неравномерной науглероженности стальной заготовки. Для более точного определения необходимо произвести отжиг образца.

В последующее время на Руси распространяются овальные кресала. Их исследовано 3 экз. Одно, с заостренными боками и внутренним фигурным вырезом, относится к XII в. [41, с. 100] (рис. 9, 2). Кресало отковано из неравномерно науглероженной стали без признаков термообработки

(рис. 7, 1826). Технология изготовления двух других овальных кресал, бытовавших с XIII по XVI в. [41, с. 101], однотипна — наварка высокоуглеродистой стальной полосы на железную основу (рис. 7, 1858, 1862). В заключение ковки стального лезвия была произведена резкая закалка, увеличившая твердость стали до 1100 кг/мм².

Микроскопическое исследование корпуса цилиндрического замка показало, что он изготовлен из тонкого листового железа, отдельные детали которого были соединены между собой с помощью горновой пайки. Кроме того, наружная поверхность замка была покрыта слоем меди. И пайка, и обмездение — наиболее сложные приемы техники изготовления замков [40, с. 162].

Стальная основа с двусторонним медным покрытием прослежена также на ботале (рис. 7, 1809; 10). Сталь закалена на мартенсит.

Анализ остальных бытовых вещей (спицы от ручных прялок, ледоходные шипы, светцы, кольца от ручек дверей, дужка от висячего замка) показал, что они изготовлены из железа.

Итак, в результате микроскопического исследования разнообразного кузнецкого инвентаря из Паасо установлено восемь технологических схем: сварка трехслойным пакетом с выходом стальной пластины на рабочую часть; вварка стального лезвия в железную основу клинка; торцовая наварка стального лезвия на железную основу клинка; изготовление цельно-железного предмета; косая наварка стального лезвия; сварная технология из двух полос — железной и стальной — с выходом стальной полосы на лезвие; изготовление цельностального изделия; цементация рабочего остряя готового изделия.

Таким образом, аналитическое изучение 22 видов изделий из черного металла (93 экз.), найденных при раскопках Тиверска и Паасо, позволило определить поделочный материал и раскрыть комплекс технологических приемов и операций, применявшимися древнекарельскими кузнецами (табл. 1).

Результаты микроскопического анализа показывают, что основной технологией при изготовлении орудий труда и инструментов явилось соединение в изделии путем сварки твердого стального лезвия с мягкой железной основой (табл. 2).

При изготовлении большинства изделий применялась сварка, причем наиболее старая в древнерусском ремесле — сварка из трех полос [40, с. 184]. Технология трехслойного пакета была основной в древнейших

Рис. 10. Паасо. Ботало.

Таблица 1

Объект исследования	Материал рабочей части		Всего	Объект исследования	Материал рабочей части		Всего
	сталь	железо			сталь	железо	
	1	2	3	4	1	2	3
Орудия труда							
Нож	43 (31)	—	43 (31)	Ложкарь	1 (1)	—	1 (1)
Серп	2 (1)	—	2 (1)	Шило	—	2	2
Коса	1	—	1	Молоток	1	1	2
Топор	4 (4)	—	4 (4)	Бородок	1 (1)	—	1 (1)
Скребница	1 (1)	—	1 (1)	Резец по кости	1	—	1
Волочило	1 (1)	—	1 (1)				
Оружие							
Инструменты							
Зубило	1 (1)	—	1 (1)	Наконечник стрелы	2 (1)	8	10 (1)
Долото	1 (1)	—	1 (1)				
Сверло	1	—	1	Домашняя утварь			
Тесло	1 (1)	—	1 (1)	Замок	—	1	1
Стамеска	1 (1)	—	1 (1)	Ботало	1 (1)	—	1 (1)
				Ключ	1 (1)	2	3 (1)
				Кресало	12 (11)	—	12 (11)
				Бритва	2 (1)	—	2 (1)

Примечание. В скобках — количество термообработанных изделий.

слоях (горизонт Е₃) Старой Ладоги, в Гнездове² и доминировала (80%) на поселении веси у д. Городище Белозерского края [115]. Только по схеме трех- и пятислойного пакета изготавливали ножи новгородские кузнецы в X и XI вв. [41, с. 50]. В нашей коллекции технология трехслойной сварки является самой распространенной (27%).

По новгородской хронологии, в начале XII в. технология многослойной сварки исчезает, а стальная полоса, конструктивно расположенная так же, как и в прежней технологической схеме, вваривается лишь в нижнюю часть клинка. Но во второй половине XII в. от нее отказываются. Подобная технология занимает в нашей коллекции второе место по степени применения, и доля изделий, изготовленных по этой схеме, составляет 22% от общего числа стальных предметов.

Основной в последующие века в древнерусском ремесле стала технология наварки на железный клинок стального лезвия. Однако если в XII и начале XIII в. стальная полоса занимала примерно половину площади клинка, то позднее она наваривалась лишь узкой косой полосой на самое острье лезвия, что значительно укорачивало срок службы орудия. Технология торцовой наварки стального лезвия оказалась довольно распространенной.

² Неопубликованные материалы, хранящиеся в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР.

Таблица 2

Памятник	Технология стального лезвия								Изделия		Всего
	Трехслойный пакет	Вварка	Торцовавая наварка	Косая наварка	Цельностальная	Цементация	Сварка из двух полос	Термическая обработка	из стали	из железа	
Тверск Паасо	8 (21) 13 (32.5)	5 (13) 12 (30)	10 (26) 7 (17.5)	2 (5) 3 (7.5)	12 (30) 2 (5)	2 (5) 1 (2.5)	— 2 (5)	30 (77) 29 (73)	39 (100) 40 (100)	7 7	46 47
Итого . .	21 (27)	17 (22)	17 (22)	5 (6)	14 (17)	3 (4)	2 (2)	59 (75)	79 (100)	14	93

П р и м е ч а н и е. В скобках — проценты.

страненной (22 %), в то время как косая наварка представлена единичными экземплярами (6 %).

Технология изготовления цельностального изделия в древнерусском ремесле находилась на втором месте [40, с. 184]. Однако такая технология в ремесле древних карел не была ведущей (17 %). Особенно это относится к Паасо, где цельностальных изделий очень немного — 5 %.

Последние два места занимают технология цементации (4 %) и сварная из двух полос: железной и стальной — с выходом стали на лезвие (2 %).

Как видно из табл. 2, одни и те же технологические приемы используются и в Тверске, и в Паасо, различие наблюдается лишь в процентном соотношении между применяемыми схемами. И все же складывается впечатление, что тверские кузнецы по отношению к ремесленникам из Паасо были менее квалифицированными. Это проявилось в неправильном применении ими сложной пакетной технологии (изготовление «псевдопакета»), ошибочном подборе материала, некачественной кузнецкой сварке, использовании большого количества цельностальных изделий.

Сварочная техника древнекарельских мастеров достигала высокого уровня — сварочные швы подавляющего большинства изделий имеют чистое и тонкое строение без шлаковых включений.

Показателем степени развитости кузнецкого дела служит применение такой важной операции, как термическая обработка. Результаты микроскопического исследования позволяют говорить о широком освоении термообработки (около 75 %). Структура большинства термически обработанных изделий свидетельствует о том, что тепловая обработка происходила при допустимых нормами температурах (750—800 °C). Одно из доказательств этого — мелкоигольчатая структура мартенсита. Лишь в некоторых случаях можно говорить о температуре выше нормы.

При изготовлении изделий из черного металла древнекарельские мастера широко применяли разнообразные ковочные работы: вытяжку, рубку, обрезку, пробивку отверстий, изгиб, скручивание. Все перечисленные операции могли происходить только с металлом, находящимся в пластическом (горячем) состоянии.

Знали мастера и такой сложный технологический прием, как паяние, который необходим при изготовлении ряда изделий, и в первую очередь замков. При паянии между частями вводится более легкоплавкий металл, проникающий при нагревании в соприкасающиеся детали и приводящий к прочному соединению. Различаются два вида припоев: мягкие, плавящиеся при температуре ниже 300 °С, и твердые — с высокой температурой плавления — выше 700 °С.

К сожалению, пока нельзя сказать, какую группу припоев применяли местные кузнецы (пробы находятся на определении), однако, как показывают исследования структур паяных швов на новгородских кузнечных и ювелирных изделиях, чаще всего они использовали твердый припой на медной основе [40, с. 181].

Владели кузнецы и технологией обмезднения железа и стали, прослеженной на замке и ботале. Технология обмезднения железных изделий близка к технике паяния и основана на тех же принципах [97, с. 264]. Тонкие сварочные швы свидетельствуют о профессионализме древнекарельских кузнецов в горновой пайке и обмезднении.

Сравнение достижений кузнецов Корельской земли в железообрабатывающем ремесле с опубликованными данными о производстве в других древнерусских поселках обнаруживает высокий уровень технических знаний местных ремесленников. В своей практике они применяли следующие технологические приемы: горячую ковку, кузнечную сварку, термическую обработку, горновую пайку, обмезднение, художественную кузнечную ковку, инкрустацию. Наиболее распространение получили технологические схемы, датируемые, по новгородской хронологии, X—XII вв. Именно в этот период изделия характеризуются высоким мастерством исполнения кузнечных работ. По опыту и мастерству, объему технических знаний, набору технологических приемов и операций древнекарельских кузнецов в этот период можно поставить лишь в один ряд с ремесленниками крупнейших древнерусских центров — Старой Ладоги, Новгорода, Гнездова. Это дает нам право говорить о тесных контактах корелы с Северо-Западной Русью.

Н. К. В е р е щ а г и н

ВИДОВОЙ СОСТАВ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА С ГОРОДИЩ ТИВЕРСК И ПААСО

Остеологический материал в виде пережженных костей, добытый при раскопках городищ Тиверск и Паасо, представлен неравномерно: 61 фрагмент из первого и 1604 — из второго. Весь материал характеризуется плохой сохранностью. Так, например, из сожженных костей Паасо определен лишь 121 фрагмент: костей коровы — 90 фрагментов, овцы или козы — 7, птиц (точнее не определимы) — 7, бобра — 6, свиньи — 4, собаки — 3 фрагмента. Одним обломком представлены кости лисицы, ягненка, куницы и окуня. Породы домашних животных отличаются ярко выраженной низкорослостью. Кусочки небольших пережженных костей относятся преимущественно к мелким копытным животным.

Из немногочисленного остеологического материала Тиверского городища определены три обломка, принадлежавших черепу коровы.

ПЕРЕЧЕНЬ НАЗВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛЬСКОГО
ПЕРЕШЕЙКА ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX в.,
НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ПОДВЕРГНУТЫХ ТОПОНИМИЧЕСКОМУ
ОБСЛЕДОВАНИЮ, И ИХ СОВРЕМЕННЫЕ НАЗВАНИЯ

Антраа	— Каменногорск	Куолемаярви	— Рябово
Валкеаярви	— Мичуринское	Кюуреля	— Красносельское
Вахвиала	— на западном берегу Выборгского залива, в районе ж.-д. ст. Лу- жайка	Кякисалми	— Приозерск
Вехмас	— Кривко	Лавансари	— о-в Мошный
Виролайнен	— Ольховка	Ламмасмяки	— Студеное
Вуоксала	— Новая Деревня	Лаиниалахти	— Ольховка
Вуоксэнранта	— Озерское	Лейникюля	— Сосново
Вякеля	— в районе Мельникова	Леппясемяки	— Ольховка
Ивасканияки	— Школьное	Ляенмяки	— см. Коукунниэми
Йоханнес	— Советский	Метсяярти	— Запорожское
Карисалми	— Гвардейское	Мохла	— в районе Стрельцова
Каукола	— Севастьяново	Муола	— Стрельцово
Кекомяки	— Бегуново	Мякря	— Раадолье
Келья	— Пруды	Наскалинмяки	— Ольховка
Кивенинапа	— Первомайское	Нойсниэми	— Мыс
Кивиниэми	— Лосево	Няпинлахти	— Синево
Кивипелто	— по дороге Мельнико- во—Приозерск, между населенными пунктами Школьное—Щебнево— Выборное	Паккола	— Мананниково
Кийвери	— в районе Лесогорского	Патья	— Ольховка
Киймаярви	— Молодежное	Плюхя-ярви	— Отрадное
Кийсанлахти	— Дорожное	Райю	— Удальцово
Кирву	— Свободное	Раммасари	— в районе Мельникова
Коверила	— Бегуново	Рауту	— Сосново
Койвисто	— Приморск	Рийска	— Боровинка
Копсала	— Березово	Ристсепяля	— Житково
Корпилахти	— Лазурное	Рокосина	— Невское
Коукунниэми	— в углу между оз. Су- ходольским и р. Бур- ной (населенный пункт отсутствует)	Рэтка	— в районе Мельникова
Кулхамяки	— Бегуново	Ряйсяля	— Мельниково
		Саккола	— Новинка, Громово
		Салитсанранта	— Солнечное
		Сари	— в районе Соснова
		Сейскари	— о-в Сескар
		Сицилянмяки	— Горки
		Суванто	— оз. Суходольское
		Суотниэми	— Яркое
		Сурсари	— о-в Гогланд

Сяккиярви	— Кондратьево	Уосуккала	— Мостовое
Сяппяйс	— Яровое	Усикиркко	— Поляны—Победа
Сяркисало	— в районе Щебпево— Выборное	Хапакюля	— Сосново
Терийоки	— Зеленогорск	Хеййтьюки	— Вещево
Тимоскала	— Горы	Хенонимяки	— в районе Ольховки
Тиури	— Васильево	Ховинсари	— Герой на п-ове Боль- шом
Тиуримяки	— поселение отсутствует	Хумалапелто	— Дорожное
Тонтиимяки	— Герой на п-ове Больш- шом	Хютинлахти	— Коверино
Тютярсари	— о-ва Большой и Ма- лый Тютерс	Эссири	— около Выборга
Улякуса	— Климово	Яаски	— Лесогорский
Учнункоски	— Горы	Яуряяя	— Лейпяясуо

ФИНСКО-РУССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Aaltoviivakoriste	украшение волнистой линией	Haitta	ограничитель на копье
Aarre	клад	Haka	шип
Aarrelöytö	кладоискательство	Halkaisija	диаметр, поперечник
Agraffi	аграф	Hamara	обух
Ahjo	горн	Hamarakirves	обушиной топор
Ahrain	острога	Hame	юбка
Ajanjakso	эпоха	Hammas	зуб
Akanthus	акант (орнамент)	Hanhilevy	подвеска в виде водоплавающей птицы
Alasin	наковальня	Hanko	вили
Altapuhellin	поддувало	Hannunvaakuna	орнамент в виде квадрата с петлями на концах
Amfora	амфора	Hansanvati	гавзейская чаша
Ango	анго (тип наконечника)	Hartsi	смолка, серка, канюль
Arkku	гроб	Hauta	могила, яма
Ase	оружие	Hautakalusto	погребальный инвентарь
Astia	посуда	Hautaröykkö	намогильная груда камней
Astian reunapala	венчик сосуда	Hautaus	захоронение
Asuinpaikka	стоянка, поселение каменного века	Heittokeihäs	дротик
Asunto	жилище	Hela	оковка, бляшка, на-кладка из металла
Auranterä	лемех, сошник	Helistin	шумящая подвеска
Avaimenmuotoinen riipus	подвеска в виде ключа	Helma	подол
Avain	ключ	Helmi	бусина
Brakteaatti	брактеат	Hevosenkengänmuotoinen	подковообразный
Brokadi	брокат	Hevosenkenkä	подкова
Bysanttilainen	византийский	Hihna	ремень, повод
Damaskkeerata	дамаскировать	Hihnanjakaja	разделитель ремня
Damaskkeeraus	дамаскирование	Hiekka	песок крупнозернистый (фракции от 2 до 0.2 мм)
Denaari	денарий	Hieta	супесь (песок мелкозернистый, фракции от 0.2 до 0.02 мм)
Emalji	эмаль	Hiesu	суглинок (песок пылевидный, фракции менее 0.02 мм)
Enkolpion	энколпсон	Hiili	уголь
Eläin	животное, зверь	Hiilikoukku	кочерга
Eläinornamentti	звериный орнамент	Hiottu	шлифованный
Esiliina	передник	Hirsu	бревно
Esine	предмет, вещь		
Esineistö	инвентарь археологический		
Etelä	юг		
Eteläkaakko	юго-юго-восток		
Etelälounas	юго-юго-запад		
Hahlo	соединительное звено цепи		

Hirsikehikkö	— могильный сруб	Kauha	— ковш
Hopea	— серебро	Kaula	— шея
Humus	— гумус	Kaulanauha	— шейная лента
Huntu	— накидка, покрывало	Kaularengas	— гривна
Huotra	— ножны	Kaulus	— ворот
Härkäuhrihauta	— захоронение быка, приносимого в жертву	Kehä	— обрамление
Hääränsilmämäornamentti	— орнамент «бычий глаз»	Kehäsolki	— кольцевидная застежка, фибула
Irtolöytö	— случайная находка	Keihäs	— копье
Iskos	— отщеп, осколок	Kenkä	— башмак
Itä	— восток	Kenkäin	— концевая оковка
Itäkaakko	— восток—юго-восток	Keramiikka	— керамика
Itäkoillinen	— восток—северо-восток	Keritsimet	— ножницы для стрижки овец
Jalka	— нога	Ketju	— цепь
Jalkajousi	— арбалет	Ketjunkantaja	— цепедержатель
Jalkarievut	— онучи	Ketjunliite	— костилик
Jalkineet	— обувь	Kieruke	— спиралька
Jalusta	— фундамент, основание	Kiila	— клин
Jauhinkivi	— жернов	Kilotin	— лощило
Jousi	— лук	Kilpi	— щит
Juomapikari	— кубок для питья	Kilvenkupura	— умбон
Juomasarvi	— рог для питья	Kinnas	— рукавица
Kaakko	— юго-восток	Kirves	— топор
Kaareva	— дугообразный	Kirvesmuotoinen	— топоровидная подвеска
Kaari	— дуга	Kiuas	— очаг
Kaarisolki	— дугообразная фибула	Kives	— грузило
Kaavin	— скребок	Kiveys	— каменный настил
Kahdesta, kolmesta jne. kierretty kaularengas	— крученая гривна (из двух, трех и т. д. проволочек)	Kivilatomus	— каменная кладка
Kahva	— рукоять	Kiviröykkilö	— каменная куча
Kaiverrus	— гравировка	Koillinen	— северо-восток
Kala	— рыба	Kolmiokulmainen	— треугольный
Kalanluut, kalantuodot	— кости рыб	Kolmioneula	— трехгранный булавка, игла
Kalanmuotoinen	— рыбовидный	Koriste	— украшение
Kallio	— скала	Korunappi	— пуговица с украшением
Kallo	— череп, темя	Korvakauha, korvalusukka	— копоушка
Kalmisto	— могильник	Korvakeputki	— проушина, ушко
Kampa	— гребень	Koukku	— Ф-образная пронизка
Kampakeramiikka	— гребенчатая керамика	Kovasin	— крюк
Kangas	— ткань	Koveli	— брусков, оселок
Kansi	— крышка	Kovera	— ложкарь
Kanta	— основание, головка	Koverankupura	— вогнутый
Kantasormus	— перстень со щитком	Krapusolki	— фибула с орнаментом в виде краба
Karneoli	— сердолик	Kristalli	— хрусталь
Kaskiviljelys	— подсечное земледелие	Kukkaro	— кошелек
Kasvillisornamentti	— растительный орнамент	Kulkunen, kulkushely	— бубенчик
Katkelma	— обрывок, фрагмент	Kulkasriipus	— шумящая подвеска в виде бубенчика
Kattila	— котел	Kumpuhauta	— курган
		Kulta	— золото
		Kultasisusteinohenki	— бусина с золотой прокладкой
		Kulttuurikertos	— культурный слой

Kuokka	— мотыга	Meltorauta	— кричное железо
Kuolaimet	— удила	Meripihka	— янтарь
Kuona	— шлак	Messinki	— латунь (в некоторых случаях — медь)
Kupari, vaski	— медь	Miekanterä	— клинок
Kupurasolki	— выпуклая фибула	Miekka	— меч
Kurpposet	— поршни (обувь)	Moreenpi	— морена
Kylkiluu	— ребро	Mosaiikki	— мозаика
Kyynärluu	— локтевой сустав	Muinaisjäännös	— археологический памятник
Kyynärpää	— локоть	Multa	— растительный слой почвы
Kädensiä	— рукоять	Muurilaasti	— глиняная обмазка
Kätköpaikka	— тайник	Nahka	— кожа
Käärmesolki	— змеевидная фибула	Nappi	— пуговица
Köyppös-solki	— фибула с орнаментом в виде вьющегося растения	Naskali	— шило
Laasti	— строительный раствор	Nauha	— лента
Langanvetopihdit	— клещи для протяжки проволоки	Nauhanpunosai-heimen orn.	— орнамент «плетенка»
Langanvetorauta	— волочило	Naula	— гвоздь
Lanka	— проволока, нить	Naulankanta	— спялка гвоздя
Lantioluut	— кости таза	Neula	— игла, булавка
Lapaluu	— лопатка	Neulakotelo, neu-laputki	— игольник
Lasi	— стекло	Neulankanta	— головка, щиток фибулы, иглы, булавки
Lasimassa	— стекломасса	Niello	— художественная обработка металла (серебра)
Lauta	— доска	Niellokoristus	— чернение серебра
Lenkki	— петелька, ушко, кольечко	Niini	— лыко
Levy	— пластина	Niitti	— заклепка
Liesi	— очаг	Nikama	— позвонок
Liljasolki	— фибула с изображением лилии	Nivel	— сустав
Linna	— крепость	Noki	— сажа, копоть
Linnamäki-Lin-nauvori	— крепость на возвышенности, на горе	Nuija	— дубина
Linnunmuotoinen ornamenti	— орнамент с изображением птицы	Nuijapäinen	— булавовидный
Lipokas	— кожаная обувь с подвязками	Nuolenkärki	— наконечник стрелы
Loimilanka	— основа при тканье	Nuoli	— стрела
Lonkka, reisiluu	— бедро	Nuppi	— головка, навершие
Lounas	— юго-запад	Ohimoluu	— височная кость
Lukko	— замок	Ohimorengas	— височное кольцо
Luode	— северо-запад	Olkahame	— длинная юбка типа хурстут
Luu	— кость	Olkaluu	— плечевой сустав
Luuranko	— костяк, скелет	Olkasolki	— равноплечная фибула
Lyyijyhieta	— подзол	Olkki	— солома
Lyyranmuotoinen	— лировидный	Ongenkoukku	— рыболовный крючок
Länsi	— запад	Onsikirves, varsi-putkellinen kirves	— втульчатый топор
Länsilounas	— запад—юго-запад	Ornamentti	— орнамент
Länsiluode	— запад—северо-запад	Osmonsolmu	— кольцевидный орнамент из пересекающихся линий на плоской поверхности
Löytö	— находка	Otsaluu	— лобная кость
Maanviljelys	— земледелие	Otsanauha	— налобная повязка
Maatunut	— истлевший		
Malmi	— руда		
Massiivinen	— массивный		
Meanderi	— меандр		
Medaljonki	— медальон		

Paalu	— свая	Purasinmuotoinen	— долотовидный
Paasiarkku	— дольмен	Putkellinen	— втульчатый
Paimensauvaneula	— булавка с головкой в виде пастушеского посоха	Putkikirves	— топор-кельт
Paistinvarras	— вертел	Puukko	— нож (финский)
Paita	— рубаха	Röyträ	— круглый
Paja	— кузница	Ryöreähela	— бляшка круглой формы
Pakanuuden aika	— языческий период	Pää	— голова, головка (чего-то)
Pakottaminen	— чеканка	Raha	— деньга
Palanut(luu)	— кальцинированная кость	Ranne	— запястье
Palje	— меха (кузнецкие)	Ranneluut	— кистевой (пястный) сустав
Palkeentorvi	— сопло кузнецкого горна	Rannerengas	— браслет
Palmetti	— орнамент «альметта»	Rapusolki	— фибула с изображением рака
Palttina	— полотно	Rasia	— коробочка
Panssariketju	— кольчужная цепь	Ratassołki	— колесовидная фибула
Parittainen	— парный	Raunio	— развалины
Pata	— котел	Rauta	— железо
Paula	— шнур, бечевка	Rautakausi	— эпоха железа
Paulakengät	— поршни с обрамами	Rautasulattamo	— железоплавильня
Pedonbammarsiippukset	— подвески в виде кликов хищника	Reiällinen orn.	— прорезной, ажурный орнамент
Pellava	— лен	Rengas	— кольцо
Pellavaharja	— чесало для льна	Rengasmiekka	— меч, у которого на-вершие имеет кольцо
Pellavakangas	— льняная ткань	Rengaspäinen	— кольцевидная го-ловка
Pihdit	— клемши	Reuna	— край чего-нибудь
Pii	— кремень	Reunahela	— оковка по краю из-делия
Pinsetti	— пинцет	Reunapala-reuna-	— фрагмент венчика со-суда
Pistekoristus	— точечный орнамент	Riehtilä	— сковорода
Pistekolmioleima	— штамп «точка в тре-угольнике», или орнамент «волчий зуб»	Riimukirjoitus	— руническая надпись
Pohjeluu	— малая берцовая кость	Riipus	— подвеска
Pohjoinen	— север, северный	Rikki	— сера
Pohjoiskoilainen	— север—северо-восток	Rinta	— грудь
Pohjoisluode	— север—северо-запад	Rintasolki	— фибула, брошь
Polttohauta	— место трупосожже-ния	Ripsu	— бахрома
Polttokalmisto, polttokentäkal-misto	— могильник с трупосожжением	Ristiluu	— крестец
Polvikasviivainen	— зигзагообразный орнамент	Ristiretkikausi	— эпоха крестовых по-ходов
Orn.		Ruokamulta	— перегной
Ponsi	— навершие рукояти меча	Ruoskanvarsi	— кнутовище
Pronssi	— бронза	Ruukku	— горшок глиняный
Pronssihome	— патина	Ruumis	— тело, труп
Pronssikausi	— эпоха бронзы	Ruumishauta	— трупоположение
Puku	— костюм, наряд, одежда	Ruutukuvioinen	— решетчатый орна-мент
Punamulta	— охристый слой	Räpäläriipus	— подвеска «утиные лапки»
Punnus	— гиря	Röykkö	— груда, куча камней
Puolikuunaiheinen orn.	— орнамент в виде по-лумесеца	Sakset	— ножницы
Puras	— пешня, долото	Salvos	— сруб
		Sanka	— дужка котла
		Satulapäinen	— седловидный

Satulapäärengas	— кольцо с седловидными концами	Tukirauta	— вток
Savenvalaja	— гончар	Tuluskivi	— огниво
Savi	— глина	Tuluskukkaro	— кошелек для огнива, трута
Saviastian kap-pale	— фрагмент керамики	Tuluspia	— кремневое огниво
Seinä	— стена	Tulusrauta	— кресало
Seinusta	— простенок	Tuohi	— береста
Selkäranko	— позвоночник	Tuppi	— ножны
Sinettisormus	— перстень с печаткой	Turve	— торф
Sirppi	— серп	Tuura	— пешня
Skramasaksi	— скрамасакс	Työkalusto	— рабочий инвентарь
Soikea	— овальный	Tähtikuvio	— орнамент «звездочка»
Soikiomuotoinen	— эллипсоидный	Uhrianti	— жертвоприношение
Solisluu	— ключица	Uhrikivi	— жертвенный камень
Solki	— фибула, брошь, застежка	Uhrilehto	— жертвенная роща
Solkineula	— игла фибулы, пряжки, застежки	Uhrilähde	— жертвенный колодец
Sormus	— перстень	Upokas	— титель
Spiraalimuotoinen	— спиралевидный	Upotuskoristelu	— инкрустация
Spiraalisolki	— фибула со спиральным орнаментом	Ura	— след на чем-то
Spiraalisormus	— спиральный перстень	Uurnahautaus	— захоронение в урне
Suomalmi	— болотная руда	Uurre	— бороздка, прорезь, канавка
Suppilo	— воронка	Uurreveitsi	— нож для прорезания
Suppilopäänen	— воронковидная головка	Vaaka	— весы
Suuhela	— оковка устья ножен	Vaha	— воск
Sydämmuotoinen	— сердцевидный	Vaippa	— плащ
Sykerö	— сюкерё (головная заколка)	Valinkauha	— лягушка
Säilä	— клинок	Valinmuotti	— форма для литья
Särmikäs	— граненый, ребристый	Valjakset	— конская упряжь
Särmä	— грань	Valli	— вал
Sääriluu	— большая берцовая кость	Valmispurppuinen	— маковидная головка
Tahko	— точило	Varsi	— черенок, рукоять
Takomalanka	— дрот	Varvasluut	— суставы пальцев ноги
Takominen	— ковка	Vasara	— молоток
Taltta	— долото	Vasarakirves	— топор с выделенным обухом
Tappara	— боевой топор, бердыш	Vati	— таз (посуда)
Tappikirves, var-sireläinen kirves	— проушной топор	Veitsi	— нож
Tasakupera	— равновыпуклая	Veneenmuotoinen	— ладьевидный
Tasavartinen	— равноплечная фибула	Vesuri	— косарь, резак
solki		Viikate	— коса (инструмент)
Tekstiilikerami-ikka	— текстильная керамика	Viikinkiaika	— эпоха викингов
Terä	— острие	Villa	— шерсть
Tikari	— кинжал	Villavaatteet	— шерстяная одежда
Tina	— олово	Vuolin	— скобель
Torin vasarat	— подвеска «молотки Тора»	Vuorikristalli	— горный хрусталь
Tuhka	— зола	Vuosisata	— век, столетие
		Vyö	— пояс
		Vyösolki	— пряжка пояса
		Väkä	— зазубрина, шип, бордка на гарпуне
		Väkäkeihäs	— гарпун
		Väkäsellinen ruoto	— черепшок с зазубринами
		Värttiinä	— веретено
		Värttinäluu	— лучевой сустав
		Värttinäpöyrä	— пряслище

ОГЛАВЛЕНИЕ

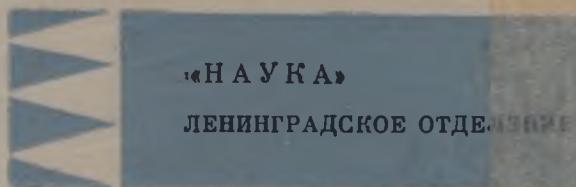
Введение	3
О происхождении племени корела	5
Племенная общность корела в I—начале II тыс.	14
Народность корела в XII—XV вв.	37
Поселения, клады, «жертвенные камни» (37). — Могильники и их датировка (41). — Одежда (53). — Корельские древности в округе Микельских озер (57).	
Хозяйство корелы XII—XV вв.	76
Железообрабатывающее ремесло (76). — Ювелирное ремесло и предметы украшения (80). — Обработка дерева, камня и кости (125). — Гончарное ремесло (126). — Ткачество (132).	
Оружие и снаряжение воина	136
Сельское хозяйство и промыслы	147
Заключение. Корельская земля и Новгород	161
Литература	172
Список сокращений	179

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. Н. Мамонтова, С. И. Кочкурина. О топонимии Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов	180
Э. С. Васильева. Характеристика медных сплавов с городищ Тверск и Паасо	185
Л. С. Хомутова. Технологическая характеристика кузнецких изделий из раскопок Тверска и Паасо по результатам металлографического анализа . . .	188
Н. К. Верещагин. Видовой состав остеологического материала с городищ Тверск и Паасо	208
Перечень названий археологических памятников Карельского перешейка по исследованиям конца XIX—начала XX в., населенных пунктов, подвергнутых топонимическому обследованию, и их современные названия	209
Финско-русский археологический словарь	211

Того же лета (6792) воевода нѣмечской Трунда с нѣмци в лоивах и въ шнеках внидоша Невою в Ладское озеро ратью, хотяще на корѣлѣ дань взяти; новгородци же с посадникомъ Свѣнномъ и с ладожаны и ъхавше, сташа на усть Невы, и дождавше избиша их.

Новгородская первая летопись старинная и младшего изводов, с. 325, 1284 г.